СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР (конец XIII-XVI в.)

САМАРА 2012

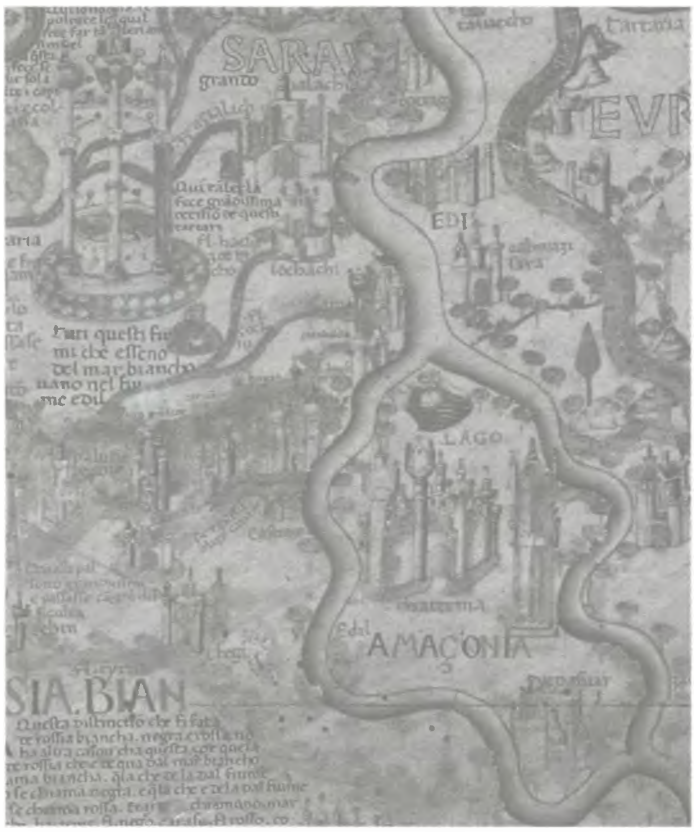
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

(КОНЕЦ XIII-XVI В.)

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОФОРТ
САМАРА 2012

УДК 902(47)(082)
ББК 63.4 (2) я 43
С78

Издание подготовлено в соответствии с Планом мероприятий по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары на 2011 - 2012 годы (Постановление Правительства Самарской области № 194 от 26.05.2011 г.).

Редакционная коллегия:
А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков (отв. редактор)

Рецензенты:
д.и.н., профессор ПГСГА *А.А. Выборнов*,
к.и.н., с.н.с. ПФ ИРИ РАН *М.А.Турецкий*

С78 **«Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.)»** : Материалы научно-практической конференции / [Ред. кол.: А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков (отв. редактор)]. – Самара : ООО «Офорт», 2012. – 172 с. : ил.
ISBN 978-5-473-00859-3

Сборник статей «Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.)» содержит материалы научно-практической конференции, проходившей в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина 23-25 ноября 2012 г. В конференции приняли участие представители научных учреждений, вузов, музеев Москвы, Казани, Самары, Саратова, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы.

В публикуемых статьях вводятся в научный оборот новые источники и архивные материалы по археологии и истории Поволжья и Европейской России.

Сборник предназначен для специалистов - историков, археологов, музейных работников, а также для учителей школ, краеведов и всех, интересующихся историей и культурой родного края.

УДК 902(47)(082)
ББК 63.4 (2) я 43

ISBN 978-5-473-00859-3

© ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 2012
© Оформление. ООО «Офорт», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жителей и гостей любого города, любого региона всегда интересует вопрос о том, когда возник тот или иной населенный пункт. Для такого крупного города как Самара этот вопрос также ставился неоднократно. Четко постарался ответить на него еще известный общественный деятель, Самарский городской голова П.В. Алабин, по инициативе которого в 1886 г. широко отмечался 300-летний юбилей города Самары. Однако уже в конце XIX в. стали известны картографические материалы XIV-XV вв., на которых был указан населенный пункт с названием «Самар», определить связь которого с современным городом ученым не удавалось.

В 1970-е гг. заинтересовался этой темой куйбышевский краевед Е.Ф. Гурьянов, серию публикаций которого увенчала книга «Древние вехи Самары» (Куйбышев, 1979. 2-е изд. - 1986 г.), в которой излагалась авторская версия предыстории Самары.

В середине 2000-х гг. по инициативе депутата Самарской Городской (в настоящее время - Губернской) Думы М.Н. Матвеева вновь был поднят вопрос о дате основания города Самары, и в 2006 г. распоряжением Губернатора Самарской области К.А. Титова была создана рабочая группа по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары. В рабочую группу вошли представители Администрации и законодательных органов города и области, историки и археологи, представители общественности.

В 2011-2012 гг. постановлением Правительства Самарской области была принята и реализована программа научных исследований – «План мероприятий по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары на 2011-2012 годы». В рамках этой программы учеными Москвы, Казани, Самары были изучены исторические источники в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саратова, Оренбурга и др. городов, проведены археологические исследования на территории городского округа Самара.

С результатами изысканий, проводившихся при непосредственной поддержке Министерства культуры Самарской области, научная общественность и жители Самарской области смогли познакомиться на археологической выставке «Самарские древности (новые исследования на территории города Самары)» в СОИКМ им. П.В. Алабина и на научно-практической конференции «Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.)», проходившей в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В.Алабина 21-23 ноября 2012 г.

В конференции приняли участие специалисты в области археологии и истории средневековья из научных центров Москвы, Казани, Самары, Саратова, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы.

Изданная по результатам работы конференции книга подводит некоторые итоги исследованиям последних лет, проводившихся на территории Поволжья и европейской части России. Отдельным блоком представлены статьи, подготовленные для проводившегося в рамках конференции научно-практического семинара, посвященного проблемам изучения материальной культуры русского средневекового населения.

Часть предназначенных для публикации по итогам конференции материалов авторами исследований к моменту завершения работы над сборником уже была напечатана или передана для публикации в других изданиях (Дубман Э.Л. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII в. Очерки истории. Самара, 2012; Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские города в XIII – XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №3 (49). С. 69-85; Его же. «Samar», Самара и поволжские города в XIII – XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №4 (50). С. 28-46; Васильева И.Н. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII - XIV веков Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 9. В печати).

Доклады остальных участников конференции, предоставленные для сборника, публикуются в авторской редакции с необходимой технической правкой.

Ю.А. Дудинцева

ОБ ИТОГАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДАТЫ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА САМАРЫ В 2011-2012 гг.

С 2006 года в Самарской области ведется работа по изучению материалов и определению даты основания города Самары. В образованную Распоряжением Губернатора Самарской области рабочую группу вошел руководитель Управления государственной архивной службы Самарской области.

На Управление была возложена задача – провести работу по установлению местонахождения средневековых картографических источников, содержащих топоним «Samar», и приобретению их качественных копий.

Получению картографических источников предшествовала длительная переписка с Федеральным архивным агентством. В ходе переписки было уточнено местонахождение таких источников, как карта (портолан) братьев Франческо и Доменико Пицигани (1367 г.), карта венецианского космографа Фра-Мауро (1459 г.), карта монаха бенедиктинца Андреаса Вальспергера (1448 г.), на которых имеются обозначения топонима «Samar».

Так, в 2008 году при поддержке Федерального архивного агентства из Библиотеки Палатина г. Пармы (Италия) безвозмездно была получена сертифицированная копия карты (портолана) братьев Пицигани.

В 2011 году также при содействии Федерального архивного агентства получена факсимильная копия карты Андреаса Вальспергера. Этот документ был передан в дар Министерству культуры Российской Федерации Ватиканской Апостольской библиотекой. Копия карты поступила в Россию через Посольство в Ватикане.

В настоящее время копии этих документов находятся на хранении в Центральном государственном архиве Самарской области.

С целью выявления документальных источников, свидетельствующих о существовании поселения Самар в XIV в., управлением был сделан запрос в Российский государственный архив древних актов. К сожалению, запрашиваемых сведений в фондах РГАДА не было обнаружено. Тем не менее, управлению были предоставлены копии документов, имеющие большое значение в изучении истории города Самары, а именно: цифровые копии документов о строительстве крепости Самара в 1586 году («О дипломатических сношениях России с ногайскими татарами»); материалы по переписи населения города 1646 г. («Поместный приказ»); цифровые копии карт Г. Меркатора «Россия с сопредельными странами» (1569 год), на которой обозначена река Самара без населенного пункта и Хесселя Герритса (1614 год) с указанием города Самары. Данные документы в электронном виде (на диске) и на бумажной основе были переданы в Министерство культуры Самарской области.

Наряду с этим, Управлением также были направлены запросы в государственные архивы Республики Татарстан, Астраханской и Оренбургской областей, Республики Узбекистан о предоставлении сведений о существовании поселения Самар в XIV веке. В настоящее время нами были получены ответы об отсутствии сведений по запрашиваемой теме.

В соответствии с Планом мероприятий по изучению исторических материалов и уточнению даты основания города Самары на 2011-2012 гг. Управлением государственной архивной службы в рамках выделенных финансовых средств было заключено три договора на проведение научно-исследовательских работ по изучению рукописных и картографических источников до второй половины XVI века, содержащих упоминание о поселении Samar:

- договор с Институтом истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан;
- договор с руководителем Центра истории Древней Руси Института российской истории РАН, доктором исторических наук В.А. Кучкиным (г.Москва);
- договор со старшим научным сотрудником отдела картографии Государственного Исторического музея, кандидатом исторических наук И.К. Фоменко (г.Москва).

Был организован выезд специалиста государственного архива в г. Казань в Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ и Национальный архив Республики Татарстан для согласования проведения исследовательской работы по рукописным и картографическим источникам XIV-XV вв., а также выявления таких источников в Национальном архиве Республики Татарстан.

Состоялись переговоры с руководством Института по обозначенной проблеме. В переговорах принимали участие директор Института истории им. Ш. Марджани Р.С.Хакимов, зав.Национальным центром археологических исследований Института А.Г. Ситдиков, зав. отделом средневековой истории Института И.К. Загидуллин, которые высказали предположение, что Самара как населенный пункт вполне может иметь золотоордынское происхождение и почти однозначно тюркское наименование. Одновременно ученые высказали следующее: наиболее перспективным в исследовательской работе является проведение археологических раскопок, проведение международной конференции с участием итальянских ученых, изучение картографических и рукописных источников.

По результатам научно-исследовательской работы, проведенной в рамках названных договоров, исполнителями представлены отчеты в форме аналитических обзоров исследованных рукописных и картографических источников XIV-XVI вв.

В отчете Института истории им. Ш.Марджани АН Республики Татарстан представлен анализ исторических источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан, Национальной библиотеке Республики Татарстан, Научной библиотеке Казанского (Приволжского) Федерального универси-

тета им.Лобачевского, Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. В данных источниках сведения о поселении Самар не содержатся.

В заключение своего исследования авторы высказывают мнение о том, что упоминание поселения Самара на берегу Волги в трех средневековых картографических источниках (карта Пицигани 1367 г., Каталонский атлас 1375 г., карта Фра-Мауро 1459 г.) свидетельствует о его существовании в качестве одного из звеньев Великого Волжского пути золотоордынского времени. Однако вопрос локализации данного населенного пункта требует дополнительного комплексного исследования, в том числе с учетом археологических изысканий.

В аналитическом обзоре, представленном научным сотрудником отдела картографии Государственного Исторического музея И.К. Фоменко, высказана мысль о существовании поселения Samar в более ранний период. Анализируя картографические документы XIII-XV веков, автор утверждает, что поселение Самар существовало уже с 802/803 гг. Эта гипотеза требует тщательного изучения с привлечением широкого круга источников и серьезных археологических исследований.

В отчете д.и.н. Владимира Андреевича Кучкина проанализирован целый ряд рукописных и картографических источников по истории возникновения золотоордынских городов Поволжья. Автор подчеркивает, что по данным исторических исследований на протяжении всей золотоордынской эпохи на левом и правом берегах Волги насчитывалось более трех десятков городов (городищ) и поселений, среди которых поселение Самар не значилось.

В.А. Кучкин ставит под сомнение правильность территориальной принадлежности некоторых географических обозначений карты Франциско и Доменико Пиццигани (1367 г.). По его мнению, топоним «Samar» должен быть отнесен не к поселению, а к реке. Такое заключение, подчеркивает автор, основывается на том, что название поселения, написанное черными чернилами, помещено на карте слева от собственно значка и читается как «Iamay.ran», причем буквы между вторым и третьим «а» сильно стерлись и почти не видны, но при увеличении ясно видна буква «n».

В заключении автор исследования делает вывод, что поселение «Iamay.ran», стоявшее, согласно карте 1367 г., на берегу Волги, а не на берегу р. Самары, не может быть признáно предшественником основанной русскими Самары. Указанное поселение имеет иную историческую судьбу, чем русская крепость на волжском притоке.

Исходя из выводов, сделанных в представленных учеными отчетах, на сегодняшний день мы не имеем однозначного ответа о том, соответствует ли топоним «Samar», обозначенный на ряде средневековых карт, нынешнему названию нашего города, его географическому месту расположения. Единственное, в чем солидарны авторы отчетов, это в том, что необходимо рассматривать данную проблему в совокупности с результатами археологических исследований. В связи с этим возлагаем особую надежду на результаты археологических исследований, которые были проведены на территории города Самары.

Тем не менее, полагаем, что выявленные документальные источники имеют большое значение в изучении истории Поволжья и помогут в дальнейшей работе по определению даты основания города.

М.Н. Матвеев

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДАТЫ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА САМАРЫ

О том, что Самара как населенный пункт в месте впадения Самары в Волгу упоминается на средневековых итальянских картах братьев Пицигани (1367 год) и Фра-Мауро (1459) задолго до даты основания здесь одноименной крепости (1586), специалистам было известно и до революции (П.В. Алабин) и в советские годы (Е.Ф. Гурьянов). Но этой темой никто всерьез не занимался, и что это было за «протопоселение», какова была его этническая принадлежность, история, досуществовало ли оно до засекинских времен или нет - не выяснял.

В 2005 году на торжественном заседании Самарской городской думы, посвященном 15-летию возвращения Самаре ее исторического имени, я сделал коллегам небольшой доклад из серии «в мире интересного», в котором в формате исторического анекдота рассказал о древних картах (и даже показал их копии), обозначил культурно-историческую проблему возраста Самары, а также предложил отмечать день города в сентябре, а не в мае, как тогда отмечалось, обосновав это с исторических позиций, прежде всего с учетом решения дореволюционной Самарской городской думы о праздновании 300-летия Самары (28 августа/11 сентября) и даты принятия Куйбышевским горсоветом решения о возвращении исторического имени городу (13 сентября). Обсуждение темы дня города шло своим путем и, как известно, в 2012 году городская дума Самары действительно перенесла день города с мая на сентябрь, не прошло и семи лет. А вот тема так называемого «650-летия Самары», то есть возраста Самары, получила другое продолжение.

Мой доклад на заседании Самарской городской думы вызвал живой интерес присутствующих и вскоре его в виде статьи под названием «Куда делись два века истории города?» напечатали «Самарские известия». Статью прочел тогдашний губернатор Самарской области Константин Титов, который опытным чутьем администратора сразу ухватил из нее (как в свое время Алабин с 300-летием Самары) тему возможного круглого юбилея и вытекающие из него информационные и финансовые выгоды (благо, пример «удревления» возраста Казани до 1000 лет был тогда у всех на слуху). И в 2006 году губернатор распорядился создать рабочую группу по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары, включив в нее меня, представителей администрации города, научной общественности и Правительства области. Но так как К.А.Титов, как можно было понять по первому заседанию рабочей группы, хотел привязать юбилей даже не к первому упоминанию о Самаре в письменном источнике - карте 1367 года Франческо и Доминико Пиццигани, а к полулегендарному пророчеству святителя Алексия 1357 года, (чтобы отметить 650-летие уже в 2007 году), естественно, возникли научные препятствия, т.к. это было уж слишком зыбко для серьезного разговора об «удревлении». Да и тогдашний мэр Самары Георгий Лиманский, настроившийся с помпой отметить в период своей избирательной кампании 2006 года 420-летие города, не хотел отдавать нужный ему информационный повод. Работа затихла.

Осенью 2007 года, после назначения губернатором В.В. Артякова, я рассказал ему об этой теме. Губернатора тема заинтересовала, и, несмотря на дальнюю (и отсюда, возможно, не с его персоной связанную) перспективу даты юбилея в 2017 году, он распорядился возобновить работу комиссии. На этом этапе состав рабочей группы изменился и в него по моему предложению были включены д.и.н., специалист по позднесредневековой истории Поволжья, профессор СамГУ Э.Л. Дубман и археолог, к.и.н., ученый секретарь СОИКМ им. П.В. Алабина Д.А. Сташенков. Это качественно улучшило состав группы, т.к. до этого в ней фактически превалировали чиновники и не было ни одного специалиста по тому периоду, который необходимо было изучать.

Скажу сразу, что когда я говорил о том, что в 2017 году Самара может отметить свой 650-летний юбилей, я, разумеется, имел в виду дату первого упоминания населенного пункта под этим названием. Чтобы говорить о преемственности Самары времен Пицигани и Самары времен Засекина, нужно было найти недостающее звено, фактически доказать, что Засекин основывал крепость не на пустом месте, а это, с учетом многих факторов, было очень маловероятно. Однако проблема изучения истории населенного пункта «Самар», пусть даже не имеющего преемственности с крепостью Самара, кроме названия, все равно существует. Где остатки этого, видимо, достаточно крупного, раз он попал на итальянские карты, населенного пункта? Кто там жил? По какой причине прекратил существование? Понятно, что можно логически рассуждать о неком политически булгарско-золотоордынском городе со скорее всего полиэтническим населением, домысливать его разрушение после битвы Тимура и Тохтамыша (1391) и последовавшего опустошения края или даже раньше, в период т.н. «Великой замятни» в Орде, но без раскопанного памятника это всё будет иметь статус гипотезы. Поэтому основной задачей, которую лично я как историк перед собой ставил, используя свои политические и властные полномочия депутата, элементарно сформировать государственный заказ на проведение соответствующих исторических и археологических исследований. Даже если итогом их станет отсутствие оснований добавить к возрасту Самары два-три века.

Не хочу бросать камень в адрес предшествующих поколений самарских историков и археологов, но отмечу факт того, что проблемой «дозасекинской Самары» никто серьезно не занимался и ссылки на публикации краеведа Е.Ф. Гурьянова и строчки в книге П.В. Алабина этого не отменяют. Факт остается фактом, что ни предыдущие, в том числе советские, поколения руководителей города не формировали государственный запрос на эти исследования, ни поколения историков

и археологов не формулировали для себя и руководства научного запроса, ни общество в лице жителей города. Прозвучавшие на конференции рассказы уважаемой мной И.Н. Васильевой, к которой я сам ходил в университетский археологический кружок, о том как они студентами с Е.Ф. Гурьяновым искали в Гранном старую Самару и ее не нашли, картины не меняют. По разным причинам, в том числе связанным с режимностью объектов, в самом городе археологи копали мало, зато бороздили в Средневолжской археологической экспедиции бескрайние волжские просторы от Казани до Волгограда. Мне не известен ни один самарский «Шлиман» ни до, ни после Гурьянова, кто бы этим занимался и пробивал финансирование подобных исследований. Мы даже раскопок крепости Засекина не имеем, что уж после этого кидать камни в нашу рабочую группу: а где вы раньше были? Что ж сами этот вопрос не подняли?

Мне как ученому, сфера научных интересов которого лежит в XIX-XX веке, в земстве, разумеется не пришло бы в голову делать выводы за специалистов. Моя задача была поднять тему, сформировать на нее государственный и общественный (в т.ч. журналистский) заказ, собрать специалистов и найти финансирование. Направлений работы я видел два: археологические раскопки и изыскания в отечественных и зарубежных архивах – в фондах, связанных с теми же картографами, торговыми делами и так далее. К сожалению, деятельность рабочей группы не носила систематического характера - за семь лет формального существования она провела не более пяти-шести заседаний. Статус группы постоянно менялся: сначала её возглавлял вице-губернатор (С.А. Сычев), затем министр культуры (О.В. Рыбакова), затем опять вице-губернатор А.И. Бендусов. Сейчас у группы нет руководителя, т.к. Алексей Иванович перешел на работу в федеральные структуры. Отмечу, что именно при А.И. Бендусове прошла половина заседаний группы и впервые из бюджета были выделены средства на исследования, около 3 млн. рублей, из которых 1 млн. руб. – на археологические раскопки, с результатами которых мы ознакомились, да, собственно и на эту конференцию и сборник тоже.

Несколько слов скажу о направлении, которое на мой взгляд, мы проработали очень слабо - это западноевропейские архивы и картография. Отправной точкой были, как уже говорилось, две средневековые карты: портолан (карта водных путей) Пицигани (1367 г.) и карта итальянского монаха Фра-Мауро (1459 г.). Очевидной была бы задача поработать с фондами этих картографов, но этого сделано не было, ограничились получением официальных копий этих карт. Затем прошло сообщение о покупке на аукционе в Лондоне карты Московии 1525 года, где якобы тоже указан населенный пункт, именуемый Самар, правда, в верховьях Волги.

После появления третьей карты у меня возникла рабочая гипотеза, что это не предел: ведь специально этим вопросом никто никогда не занимался, а карт существуют тысячи. Поэтому в декабре 2008 года я предпринял дополнительные поиски, насколько это было возможно сделать, не выезжая из Самары. После информации руководителя Государственной архивной службы Самарской области В.А. Белорусцева, прозвучавшей на ноябрьском заседании рабочей группы 2008 года о нахождении нового документа - карты Московии 1525 года с также упомянутым в ней поселением «Самар», я задался вопросом: а так ли тщательно прежние поколения историков исследовали этот вопрос, и нет ли помимо карт Пицигани и Фра Мауро других?

В результате мной было просмотрено порядка 250 средневековых карт, изображения которых опубликованы в открытых источниках по картографии, включая исторические монографии, различные атласы и российские и европейские картографические сайты в Интернет. Хронологический период был взят с X века (с карты мира Аль-Истахри 977 года) и по собственно 1586 год, год строительства крепости (карта мира Янсона Вагхенаера 1586 года, атлас Абрахама Ортелия 1589 и 1590 года, и др. (на которых, кстати, как и на более поздних европейских картах, Самара отсутствует. После строительства крепости «Самара» впервые она появляется на европейских картах лишь лет через сто, что, как вы понимаете, не доказывает обратного, что ее не было). Из просмотренных 260 карт на 68 имеется регион Средней Волги. На 24 из них в интересующем нас регионе имеются различные надписи, в отдельных случаях неразличимые из-за плохой копии карты и уменьшения ее размера при публикации иллюстраций и атласов. Таким образом, необходимо было исследование оригиналов, либо более качественных изображений.

Большая часть карт – итальянские, что неудивительно, т.к. в этот период итальянцы проявляли наибольшую торговую активность. После того как Колумбом в 1492 году была открыта Америка, количество, качество и подробность средневековых карт начинают резко возрастать. В начале XVI века я бы отметил еще ряд карт, на иллюстрациях которых имеются плохо просматриваемые названия населенных пунктов в районе Средней Волги - это карты Хуана де ля Коса 1500 года, Джованни Контарини 1506 г., Вальдземюллера 1507 г., Кортериала 1511 года, Корнелиуса Аурелиуса 1514 г., Себастьяна Кабота 1544 г., Михаэля Трамезиуса 1544 г., Диеппе 1546 года и Паоло Форлани 1560 и 1565 годов.

Две карты привлекли у меня наибольшее внимание. Это планисфера монаха-бенедиктинца Андреаса Вальспергера (Вальшпергера) 1448 г. и карта мира известного фламандского средневекового географа Герарда Меркатора 1569 года, интерес которого к России в значительной степени был связан с поиском северного морского пути в Китай, которым наиболее активно занимались англичане. На карте Меркатора в устье впадения Самары в Волгу просматривалось нечто вроде кружочка, которым картограф отмечал населенные пункты, но без названия. (Впоследствии, при получении более четкой копии карты, это предположение не подтвердилось). А вот на карте Вальспергера однозначно отмечен населенный пункт с корнем Samar, а именно Samarchat, что можно перевести как крепость Самар, если верно то, что «chat» - это крепость на тосканском диалекте.

Несмотря на то, что карта Вальспергера содержит множество географических ошибок и неточностей, отражающих тогдашний уровень знаний, на ней все же достаточно узнаваемо переданы Черное и Каспийское моря, что позволяет сориентироваться и по местора-

сположению Поволжья по крупной реке, впадающей в Каспийское море. На этой реке в качестве одного из немногих (четырех) населенных пунктов крупной точкой и отмечен населенный пункт «Samarchat». По мнению к.и.н. И.В.Волкова, критически оценивающего средневековые карты как источники из-за их большой неточности, озвученному на нашей конференции, это Самарканд. Который почему-то оказался на севере от Каспийского моря, причем на крупной впадающей в это море реке. Не буду спорить, потому что карта Вальспергера принципиально нам ничего не дает, т.к. по времени практически совпадает с картой Фра-Мауро, а корень «самар» в топонимике при желании можно отыскать по всей планете. Отмечу только, что заявленный И.В. Волковым аргумент – большая неточность карт, при которой Китай граничит с Европой, работает и против его версии также.

На карте мира 1448 г. монаха-бенедиктинца Андреаса Вальспергера мы наблюдаем смешение реалистичных основ с древними традициями. В соответствии с ними все монстры преимущественно располагались на Севере, где по Священному Писанию, был конец обитаемого Мира и начало мира Тьмы. В понимании западного человека север (северо-восток), регион с могучими холодными ветрами, «Аквилон», традиционно предназначался для Руси. Собственно рисунки монстров на карте Вальспергера и находятся в той части, которую при отсутствии ошибки картографа следует признать севером от Черного и Каспийского моря, недалеко от надписи «Самарчат». Здесь, на краю известного западному человеку мира, близ Северного и Тартарского морей, обитали отделенные Александром Великим от цивилизованного мира народы Гог и Магог, жаждущие вырваться из заточения и погубить человечество. (Об апокалиптических сюжетах старинных карт см. работу Эндрю Гоу (Andrew Gow, 1998) «Gog and Magog on mappaemundi and early printed world maps: Orientalizing ethnography in the apocalyptic tradition»). На планисфере Андреаса Вальспергера 1448 г. на землях невдалеке от Самарчата мы читаем следующее определение: «... ubi magnus chan moratur, Andropofagi manducant carnes hominum; Gog et magog terra russorum indeorum conclusorum inter montes caspios», т.е. «... где Великий Хан живет, людоеды едят человеческую плоть; Гога и Магога, земли красных евреев, заключенные в прикаспийских горах». Не исключено, что в такой фантасмагорической форме отражались сведения о Хазарском каганате.

Добавлю, что планисфера Андреаса Вальспергера (1448 г.). хранится в Ватиканской библиотеке (MANO Tab LVI), и в начале 2009 года благодаря содействию д.и.н. С.В. Занина нам удалось сначала получить из Италии по личным каналам хорошую цифровую копию карты, а затем – при посредничестве Государственной архивной службы – и ее официальную копию. Никаких исследований в зарубежных архивах не велось, поэтому тема новых источников не закрыта. Очевидно, что здесь еще есть ресурс, но необходимо привлекать иностранных специалистов по средневековью, возможно не только западноевропейских, но и арабских. Однако расчитывать на то, что письменные источники вдруг неожиданно сообщат нам точные сведения о Самаре XIV-XV веков или ранее, было бы слишком наивным. Поэтому основная надежда на наших археологов, без удачи которых мы вряд ли сумеем что-либо выяснить об этом загадочном поселении. Фактически же борьба идет за несколько строчек в энциклопедии в статье о Самаре. Они могут быть, допустим, таким: *«Первое упоминание о населенном пункте под названием «Самар» в месте впадения реки Самары в Волгу относится к 1367 году, он отмечен на портолане (карте водных путей) итальянских картографов Пицигани. В 1448 году «Самарчат» также повторен на карте германского монаха-бенедиктинца Андреаса Вальспергера, а в 1459 году «Самар» нанесен на карту итальянского картографа Фра-Мауро. Следы древнего города до настоящего времени не найдены, не исключено, что в результате смены русла Волги оно оказалось на дне реки. По мнению историков, древнее поселение Самар могло быть разрушено в ходе битвы Тимура и Тохтамыша, происходившей в 1391 г. в непосредственной близости у места впадения р.Кондурчи в р.Сок (30 км от современной Самары). Новая история Самары началась в 1586 году с момента строительства здесь по указу царя Федора Иоанновича князем Григорием Засекиным русской крепости с тем же названием «Самара».*

И.К. Фоменко

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ «САМАРЫ» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

Разматывая хронологический свиток, мы отправляемся вверх по течению реки времен, в многовековое плавание, которое продлится не менее 700 лет, делая остановки у очередного картографического или письменного источника, который поможет нам добраться как можно дальше/глубже в историческое прошлое. Отправной точкой будет 1586 г. – год официального основания крепости Самара при государе Федоре Иоанновиче.

Сразу оговорюсь, что наиболее знаковым картам в истории мировой картографии, которые еще в древности поражали своих современников, естественно, будет уделяться больше внимания.

Итак, Ad fontes!

1586 г.

Основание крепости (Самарский городок) в «Самарском урочище» произошло по указу царя Федора Иоанновича и осуществлялось под руководством воеводы князя Григория Осиповича Засекина и стрелецких голов – «товарища» (заместителя воеводы) Елчанинова и Стрешнева. Цель – защита судоходства на Средней Волге в регионе, примыкавшем к крепости, а также охрана государственных рубежей от набегов со стороны степи.

До возведения русской крепости в устье реки Самары московское правительство провело переговоры с ногайским мурзой. Чтобы не смущать ногайского правителя, власти мотивировали строительство исключительно целями защиты самих ногайцев «отъ воровъ отъ казаковъ».

В царском «наказе» от 20 сентября 1586 г., данном послу к ногайским мурзам Ивану Страхову, читаем: *«А будет Кучюм Мирза или иной которой Мирза учнутъ его спрашивати: для чево Государь на Самаре... город поставил? Им говорити: на Самаре Государь велел город поставити для их ногайских мирз для береженья, что они ко Государю пишут на волжских казаков на воров, что их улусы завсе громят, а те воры казаки на Волге и – Государевых торговых людей громят и грабят и побивают»*[2].

В 1586 г. Самара уже существовала, о чем свидетельствует «Пискарёвский летописец». «Лета 7094 (1586 г. по Александрийскому летоисчислению – *И.Ф.*) положил опалу царь и великий князь Федор Иоанович на князя Андрея Иоановича (л. 588) Шуйского да на Петра Головина казначея: поделом ли, или нет, то бог весть. И князя Андрея сослал в **Самару**, и тамо скончался нужно»[3]

1566 г. Каспар Вопеллий

Каспар Вопеллиус (Вопеллий) (1511-1561 гг.)[4] – мастер-картограф из Кёльна, наряду с традиционными обозначениями областей России использовал на своей карте Европы 1566 г.[5] новейшие данные с очень редких и информативных табул первой половины XVI века: Олауса Магнуса, Антония Вида (на русских источниках), Себастьяна Мюнстера, а также поместил материалы из Геродота, Страбона, Птолемея и пр. античных географов древности. Таким образом, получилась картина Европы, состоящая из смеси античности со знаниями о Земле на середину XVI столетия.

Итак, о Самаре. На карте 1566 г. Каспара Вопеллия за «Ра, рекой Волгой, или Эдель» на землях «Ногайской орды» изображен уже частично руинированный замок «Sama(r) Castrum» («**Крепость Самар**»)[6]. Изображая миниатюру с руинами Самары, автор-составитель карты, несомненно, хотел подчеркнуть древность и запустение данного города. А за рекой на карте уже раскинулась совершенно иная страна – «Земля Амазония».

1562 г. Энтони (Антоний) Дженкинсон

«Samar fl.» («**Река Самар**») имеется на карте 1562 г. Энтони Дженкинсона, именуемой «Описание России, Московии и Тартарии. Автор Антоний Дженкинсон Английский, издана в Лондоне в год 1562. Посвящена карта его сиятельству Генриху Сиднею, Президенту Валлийскому. С Привилегией»[7].

Антоний Дженкинсон (умер в 1610/1611 г.) был выдающимся дипломатом и купцом, являлся родоначальником лордов Ливерпуль. Дженкинсон представлял английскую корону при Иване Грозном (именно через Дженкинсона осуществлялась переписка между царем Иваном IV и королевой Елизаветой I); также Дженкинсон представлял Английскую Московскую Компанию, основанную в 1555 г. в Лондоне, руководство которой было поручено возглавить мореплавателю Джону Кэботу. Эта компания обладала монопольным правом на торговлю в Московском государстве.

1558 г. Энтони Дженкинсон

Выдержка из путевых записок Энтони Дженкинсона «Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании» может служить дополнением к карте, о которой речь шла выше.

«16 июня мы прошли мимо нескольких рыбачьих хижин, называемых Petowse, в 20 лигах[8] от устья Камы. Здесь происходит большой лов осетров. Так, продолжая путь далее, мы прошли 22-го мимо другой большой реки – **Самары**, которая вытекает из вышеуказанной (Пермской) страны, течет через ногайскую землю и впадает в Волгу»[9].

1459 г. Фра Мауро

Во многом благодаря сведениям венецианского путешественника и купца Марко Поло появились такие шедевры картографического искусства, как Каталанский атлас мира 1375 г. личного «мастера карт мира и компасов» короля Арагона Петера III Абрахама Креска и круглая Карта мира 1459 г. Фра Мауро (ум. 1460 г.),

---

Сокращенный вариант статьи под названием «Откуда есть пошла Самара...» опубликован И.К. Фоменко в журнале «Родина» № 12 за 2012 г.

монаха ордена Камальдулов монастыря св. Михаила, что на острове Мурано близ Венеции. Упомянутые карты мира, дошедшие до наших дней, по широте географического кругозора и реальных представлений о Земле не имеют себе равных, и для эпигонов они служили важнейшим руководством по составлению географических карт Азии.

Круглая карта мира 1459 г., составленная Фра Мауро по неизвестным нам источникам (несомненно, использовались материалы Птолемея, сведения восточных купцов, русские источники и записки европейских путешественников), что повышает ее и без того высокую значимость, совместно с известным картографом Андреа Бьянко[10] – это веха в истории картографии.

Теме источников, которые послужили составлению этой замечательной космографии, Фра Мауро посвятил объяснение, помещенное в том месте, где традиционно авторитетные географы проводили границу Европы и Азии – в излучине Танаиса. Итак, сразу под грифом «Тартария» на карте автор сообщает: «Труд сей был изготовлен для Сереииссимы (средневековый эпитет Венеции – *И. Ф.*) и не так совершенен, как хотелось бы. Ибо невозможно без Высшего Промысла человеческому разуму создать космографию или же изображение ойкумены…

Я не следовал Птолемею как относительно мер долготы и широты, а также и по структуре… Относительно себя самого я дам ответ, что я стремился в своей работе по землеописанию подкреплять опытом, тратя на это много лет и общаясь с людьми, которые заслуживают доверия, побывавшими в тех странах и видевших все своими собственными глазами, что я здесь и демонстрирую.

По вопросу разделения земель, т. е. Африки от Азии и Азии от Европы, то приходится признать, что космографы и историографы различны во мнениях… Коротко скажу об их суждениях… а истину предлагаю искать ученым. Одни следуют античным авторам – оратору Мессале, который занимался историографией наследников Августа; Помпонию Меле, который следовал авторитетам, считавшим, что Азия от Африки отделена Нилом, а Танаис отделял Европу от Азии. Другие ссылались на Птолемея, утверждавшего, что Аравийские горы, начинающиеся от Нубии и протянувшиеся по Абиссинии и далее, за меридиональную Эфиопию, являются границей Африки. Наши современники-ученые полагают, что деление Африки горной цепью и рекою Нил неверно, ибо это наносит ущерб Африке, а границу следует проводить между Азией и Африкой по Чермному морю (Красному морю – *И. Ф.*) или Арабскому заливу. Они же, современные (moderni) ученые считают, что река Эдил, которая впадает в Каспийское море, и которая течет гораздо прямее, чем Танаис на Север, гораздо лучше подходит для разделения Европы и Азии. Последнее сие утверждение является правильным и разумным… а я напоминаю зрителю, что правильнее следовать авторитету, который является наиболее достоверным.

Что касается количества земель в мире, то нет однозначного мнения между космографами на сей счет, а я в свою очередь, воздержусь тут от своего мнения. Но я во всех регионах даже самых мало мальских ставил литеру «Р» (знак какой-либо провинции) для удобства в обозначении различных земель и народов их населяющих…

Если же кто не найдет здесь названия каких-либо провинций, которые есть у Птолемея (у него их 94), то я на это скажу, что я это не мог все поместить на карту. Ни использовать его наименования, ибо названия эти на это время изменились…

Что касается вопроса по поводу окружности земного круга, то существуют различные мнения и утверждения, которые не подкреплены опытным знанием... и в таком случае я уповаю на Премудрость Господа и меру Промысла Его, ибо только Он Один и знает все в точности».

Упомянем здесь также еще тот факт, что по случаю окончания работы над этой уникальной космографией Венецианская республика постановила отчеканить медаль в честь Фра Мауро с надписью «Cosmographus incomparabilis» («Несравненный Космограф»)[11].

Как и ее предшественница – работа Абрахама Креска 1375 г. – Mappa Mundi 1459 г. являлась королевским заказом[12], в данном случае она изготавливалась по инициативе португальского монарха Аффонсу V (португальский король предоставил сенату Сереииссимы (Венеции) сведения о португальских открытиях у берегов Африки, а также информацию о внутренних районах Западной Африки). Ее роднит с атласом 1375 г. общий принцип изготовления – контаминация портолана и карты мира.

В карте мира 1459 г. нашли отражение новые сведения об обитаемом мире, что дало возможность воплотить в ней подкорректированные взгляды Птолемея. К примеру, очень правильно показан Индийский океан, именуемый на этой карте «Индийским морем».

Достаточно беглого взгляда на легенды в Китае и Восточной Азии или на подписи к городам, чтобы убедиться, что создатели этой замечательной карты плодотворно использовали информацию из «Книги о разнообразии мира» Марко Поло.

Надо отметить, что до появления этого шедевра средневековой картографии на европейских картах мы не видим дорог. У Фра Мауро дороги проложены, и соединяют регионы и города России, что является еще одним аргументом в пользу того, что он черпал сведения о Московии у путешественников, там побывавших.

Информаторами, вероятно, были русские, возможно, «гости–сурожане», купцы, торговавшие в итальянских факториях Северного Причерноморья. Русские гости вели торговлю в XIV-XV вв. из Сурожа (итальянская Сугдея – *И. Ф.*) и Таны с Москвой, а в поисках высоко ценимых на Западе и Востоке ловчих птиц добирались и до Печоры. Торговые пути по Дону и рекам региона близ Москвы, а также комплекс северных рек (Сухона, Двина, Вычегда, Юг) лучше всего представлены среди пяти других регионов с названием «Россия»[13].

Границами различных земель и народов у Фра Мауро служат своеобразные «лесополосы», про которые автор говорит: «Обратите внимание, что по всей карте имеются зеленые значки и изображены группы деревьев, цель их – обозначать границы различных провинций».

Русские земли разделены на пять регионов: южная и юго-западная Россия – «Россия Росса» (Красная); северные и северо-западные земли – «Россия», «Россия Сарматия или Россия в Европе»; восточная – «Россия

Бьянка (Белая) Сарматия или Россия в Азии»; центральная и северо-восточная Русь – «Россия Негра (Черная Россия)»[14] Сам составитель карты – Фра Мауро в легенде, помещенной под титулом «Россия Белая» (ROSSIA BIANCHA), дает следующий комментарий по поводу цветовых определений различных Россий: «Данное разделение (страны) на россию белую, черную и красную не имеют другого объяснения как того, что эти части россии именуются следующим образом. Россия белая получила свое название от (близлежащего) белого моря, другая же часть – Россия черная называется так от черной реки, а Россия красная именуется так по названию красной реки. Татары же называют белое море «актениз», черную реку «карасу», а реку красную именуют «козусу»».

Пространная легенда, помещенная в регионе Россия Негра, правее названия «Европа», указывает на то, что именно эта область является ядром русских земель: «Эта огромнейшая область, именуемая Россией или Сарматией, имеющая границу на востоке по Белому морю, на западе граничит с Немецким морем, на юге простирается до города Сарая и Кумании, а на севере до области Пермия. По ней протекают реки, отличающиеся огромной величиной, крупнейшая из которых Эдиль, которая по своей величине не уступает Нилу. Также в этой земле есть величайшие болота, на которых люди не в состоянии находиться вследствии болезненного там климата».

Западнее области Тангут расположено Белое море (а можно, озеро Байкал – И. Ф.), близ которого присутствует комментарий: «Это море тартары именуют "Актенис", что означает "Белое море", зимой оно все покрывается льдом». На западном берегу сибирского Белого моря присутствует легенда, в которой говорится, что здесь проходит восточная граница России: «Здесь берет свое начало Великая Россия и простирается она до Скандинавии».

Если забежать на 100 лет вперед, граница «Московского княжества» на «генеральной» карте Азии 1567 г. Абрахама Ортелия окажется проведенной уже по «Kitaia lacus» (Китайскому озеру), из которого берет истоки река Обь. О порубежном значении этого озера читатель мог узнать из помещенной близ миниатюры озера легенды. «Вот озеро, которое разделяет Империю Великого Хама, или Тартаров от Московского Княжества, или царства России».

Уже в середине XV столетия в землеописаниях, касающихся территории России, существовало понятие «Великая Россия», включающее Западную Сибирь, не иначе, как с подачи русских информаторов, которые задолго до походов Ермака на «Сибирского салтана» (хана Кучума) считали эту территорию потенциально своей.

На знаменитой венецианской космографии 1459 г. появляется этноним «Тартария» в названии регионов, где раньше картографы изображали области Аланию и Куманию (южнорусские степи), в междуречье Днепра, Дона и Волги. О Кумании легенда в северном Причерноморье повествует: «Заметьте себе, что Кумания была когда-то очень значительным регионом, и ее границы широко простирались, но ныне Кумания пришла в запустение и обитателей ее земли никто не берет в расчет; многие из народа Кумании пребывают ныне в Венгрии».

Страна амазонок расположена на огромном острове, омываемом водами Эдиля, и находится примерно там, где в настоящее время в Волгу впадает Свияга.

Миниатюра первой столицы Золотой Орды города Сарай на карте Фра Мауро 1459 г. значительно уступает обнесенному мощной крепостной стеной Сараю, которому художник Андреа Бьянко не зря дал на карте определение – «Грандо».

Близ Saray Grando присутствует миниатюра роскошной усыпальницы с сопроводительным «текстом-эпитафией», который восходит к событиям 1395 года, к походу Тимура: «Тартарская Гробница: в которой находится 18 погребений, сделанных по воле Тамерлана, который учинил здесь им (тартарам) величайший разгром. И распорядился похоронить он тут только самых знатных, и этот погребальный мавзолей подобен тому, что изображено (на карте)».

Речь идет о погребальном комплексе, в котором были захоронены «знатные татары» из армии Тохтамыша, потерпевшей поражение от Тамерлана в битве при Кондурче. По всей видимости, Тамерлан по достоинству оценил воинскую доблесть противника, если повелел соорудить роскошную усыпальницу (судя по миниатюре на карте), в противном случае кости золотоордынских нобилей стали бы добычей степных зверей и птиц.

Ценность карты 1459 г. Фра Мауро заключается еще и в том, что на ней помещены сразу две столицы государства Золотая Орда на левом берегу Эдиля: «Сарай» на левом берегу реки «Кара Сарай», при впадении ее в Эдиль, которая соответствует первой столице – Сараю, основанному Бату, и «Сарай Грандо» – вторая столица (Сарай ал-Джедид). Вдобавок на карте присутствует третий Сарай – Сарай калмуков, который расположен на правобережье Эдиля, южнее области Амазония.

Сарай калмуков («calmuzi sara»), отмеченный миниатюрой города, находится напротив укрепленного замка, расположенного на левом берегу Эдиля (Волги), который именуется «**Samar**». Самар(а), окруженный высокими крепостными башнями с зубцами, между которыми находятся проездные ворота, расположен на месте впадения реки «fl(umen) coche su» («голубой реки») в Волгу. Название свидетельствует о том, что воды реки Самары в эпоху Средневековья отличались чистотой и прозрачностью.

По этой замечательной карте мира, основанной на лучших графических и письменных источниках, имевшихся в распоряжении ее создателей, можно сразу расставить акценты по поводу неправомерного отождествления Самары и Самарканда в зарубежной историографии на протяжении длительного времени (мы коснёмся этой проблемы и ниже, когда речь пойдёт о более ранних картах мира. Для этого приведём легенды, помещенные близ города Самарканда.

«Самаркандское Царство.

Это Царство Самаркандское находилось под властью Тамерлана…

Этот прославленный город (Самарканд) с истинным благородством был украшен прекраснейшими постройками, среди которых особенно выделялся свой величиной и мощью замок. Правитель же этого государства был исключительно из того рода, из которого происходил сам Тамерлан».

Данная карта мира представляет как минимум terminus post quem – 1405 год.

1448 г. Андреас Валшпергер

На карте-планисфере[15] бенедиктинского монаха из монастыря св. Петра в Зальцбурге Андреаса Валшпергера 1448 г. (родился около 1415 г.) на большой реке в Восточной Европе присутствует топоним «**Samarchar**»[16] Эта карта мира была изготовлена в Констанце[17] О русских землях можно прочитать следующее: «Gog et Magog terra russorum iudeorum inter montes caspios» – «Земля русских (и) иудеев (хазар?) – Гог и Магог, (находящаяся) в каспийских горах»!

На карте Андреаса Валшпергера присутствуют два Каспия!? Одно, западное Каспийское море, озаглавленное «Персидское, или Гирканско-Бакинское море», напоминает по своей форме треугольник. На востоке же, за горами раскинулось уже «Малое Каспийское море», на берегах которого обитают народы Гог и Магог.

На планисфере Валшпергера мы встречаем одно из ранних названий, связанных с именем «тартары». Государство «Тартарская империя» находится выше «Команского царства», что в северном Причерноморье, в среднем Подонье. На правом берегу Дона (у брата Андрея наблюдается некая путаница с реками) расположен город, а рядом текст: «Сарай – столица тартар, где живет император».

В Среднем Поволжье в земле Кумания на левом берегу Волги – огромная миниатюра города, обнесенного высокой крепостной стеной, рядом находится комментарий: «Это город (Сарай) джедит татарского Батайа, где великий хан и помер». Надо заметить, что имя хана Золотой Орды, упомянутое на карте 1448 г., встретилось мне на средневековых картах единственный раз.

1367. Франческо и Доменико Пицигани

Известный портолан-карта мира венецианцев Франческо и Доменико Пицигани 1367 г., на котором изображены несколько десятков золотоордынских городов, многие из которых уже не существовали на момент изготовления табулы[18], был изготовлен в стиле Каталанской картографической школы[19]

Приведу небольшой комментарий относительно авторства карты. На портолане 1367 г. и в навигационном атласе 1373 г. Франческо Пицигано, расцвет профессиональной деятельности которого приходится на 1367-1373 годы[20], исследователи обнаружили признаки работы нескольких человек, к примеру, в художественном оформлении, хотя карта подписана одним именем[21] Авторская легенда на планисфере 1367 г. свидетельствует о том, что карта была изготовлена совместно братьями-венецианцами Франческо и Доменико Пицигани[22], несмотря на то, что подпись имеется одна[23]

На карте братьев Пицигани – Доменико и Франческо – 367 г. особое внимание уделено улусу Джучи[24], о городах которого, судя по топонимической нагрузке, были неплохо информированы ее авторы.

Русские земли обозначены следующим образом: русский север – «Roxia» (Россия), южнорусские земли – «Comania» (Кумания), над всеми городами реют татарские флаги с красной тамгой, а над Москвой водружен стяг с черной.

Золотая Орда на этой карте представлена чрезвычайно подробно. Здесь, несомненно, помимо сведений итальянских купцов, нашли применение все достижения и знания каталанской картографической школы, данные русских информаторов и пр[25]. На карте нанесены названия около 40 золотоордынских городов, подавляющее количество которых расположено по берегам Волги.

Всего по берегам Эдиля показано 17 золотоордынских городов, не считая Костромы. На карте изображена вся территория Золотой Орды, включая Хорезм, Урал и Сибирь. Южнее «Себура», о котором в легенде говорится, что он подобен «мраморному городу» («civites qued marmoreal») (возможно, Тюмень), по левому берегу Эдиля (вниз по течению) расположены города – «Сакетим», «Кар», «Паскерти», «Кормануко» (возможно, булгарский Кременчук), «Боргар», «Караболам», «**Самар**». После Самарской излучины следуют города «Лохаки» (Укек) на правом берегу и «Ялаки» (на левом берегу); «Тарага» (правый берег); на левом берегу – «Танице», «Кабако», «Кабанко»; «Тортанллы» и «Мондасси» (правый берег); напротив г. Мондасси расположен «Сарай» (столица Золотой Орды); «Котоба» (в эстуарии Эдиля).

У многих городов на этой уникальной карте имеются определения, где арабизмы (к вопросу об источниках карты) переплетены с латынью и венецианским диалектом XIV века. К примеру, города, находящиеся чуть севернее Самары (определения городов вынесены на правобережье Волги), именуются: «Боргар – крепость, расположенная в устье (реки)» («borgar lo casar de boca»); «Караболам – крепость, где производится сбор («casar de sancoga»)», возможно, податей.

Итак, Самара: «Samar la mayran casar de ambyss» **Самар(а) – это крепость, которая опоясана со всех сторон водой**»! И в дополнении к легенде, относящейся к «касру» (от араб. «замок») Самара художники окантовали миниатюру города реками. Ниже мы ещё будем говорить о «Самаре-острове» и, в связи с этим, о её размерах.

Город «Вичина» на рассматриваемой табуле является крайним западным пунктом Золотой Орды. В легенде на карте Пицигани читаем: «В городе Сарай находится император Узбек; его империя очень огромна, она простирается от провинции Болгария, от города Вичина до города Органджи (Ургенч – *И. Ф.*) на Востоке»[26].

Как уже упоминалось, данная карта является одной из наиболее подробных по владениям государства Золотая Орда (нанесено приблизительно сорок городов, многие из которых не поддаются локализации). Один из участков южной границы владений Золотой Орды обозначает, к примеру, флаг с татарской тамгой в восточной части Меотиды на навигационной карте 1421 г. Географ Абу-л-Фида пишет о южных границах Золотой Орды в Причерноморье: «Следуя вдоль восточного берега, прибываешь к проливу, который ведет в море Азак. На восточном берегу пролива находится город Тамань, который является пограничным пунктом страны Берке. Настоящий владетель страны зовется – "Узбек", который часто посылает своих послов в Египет»[27]

На карте 1367 г. братьев Пицигани имеется также информация о границах между Золотой Ордой и персидскими ильханами в районе Дербента. Близ внушительной миниатюры крепости Дербент, увенчанной флагом со стилизованной тамгой, имеется краткая

легенда: «Вот град Дербент, который является пограничной охраняемой крепостью (хана) Узбека». Южнее Дербента тоже расположена крепость, немного меньше в размерах и без донжона; рядом текст: «Крепость Кайоб являтся пограничным пунктом Бумсы». Ильхан Бумса, Хулагуид Абу-Саид, правил Персией с 1316 по 1335 гг.

На графическом поле карты 1367 г. изображено всего лишь одно дерево. Данный пример относится скорее к различным «mirabilia» (чудесам) на просторах средневековой графики. На этой карте, где показана практически вся известная на тот момент ойкумена, у истоков реки Самары, впадающей в Волгу, художник поместил изображение единственного дерева. Из нижней его части струится на восток ручей. Близ «чудодерева» комментарий: «Вот дерево, из которого проистекает вода». Источник этой легенды мы находим в отчёте Ибн-Фадлана, который в составе посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908-932 гг.) посетил Волжскую Булгарию в мае 922 г. Как эта информация попала на Запад из арабско-персидского мира? Можно предположить – или через Византию, или через Сицилию, во время правления императора Фридриха II Гогенштауфена (1194-1250).

Итак, цитата из Ибн-Фадлана: «Я видел у них дерево, не знаю что это такое, чрезвычайно высокое; его ствол лишен листьев, а вершины его как вершины пальмы, и у него ваи[28]. И он (Ибн-Фадлан) сказал: однако они (ваи) соединяются, проходя к известному для них (жителей) месту его ствола. Они же (жители) пробуравливают его и ставят под ним сосуд, в который течет из этого отверстия жидкость более приятная, чем мед. Если человек много выпьет ее, то она его опьянит, как опьяняет вино, и более того»[29] Возможно, речь идёт о дереве Betula alba (pendula) – берёзе и берёзовом (забродившем) соке.

Источники карты:

- Из графических, несомненно, использовалась табула Анджелино де Далорто (Дульсерт) 1339 г. и неизвестные нам работы мастеров Каталанской картографической школы. Особенно совпадает на двух картах гидрографическая нагрузка (русла рек, береговая линия).

Нарратив, топонимическая нагрузка, материалы, предоставленные картографам, возможно, вышли из крупных монастырей Италии, книг из библиотеки Штауфенов (Палермо), а информация на карте во многом относится ко второй половине XIII столетия.

Следует также отметить один существенный момент – графическая ситуация на западноевропейской карте в отношении регионов Восточной Европы, отставая от реальной политической, социально-экономической и пр. ситуации, имеет, как правило, хронологическую вилку в 30–50 лет[30]. Это можно проследить, к примеру, по количеству золотоордынских Сараев на карте Пицигани 1367 г. (основа которой восходит частично к работе Анджелино де Далорто 1339 г.), на Каталанском Атласе 1375 г. Абрахама Креска и Карте Мира Фра Мауро 1459 г. Так, на картах 1367 и 1375 гг. показан только один Сарай: это отражение политической ситуации, которая сложилась до 1330-х годов. На карте Фра Мауро присутствует два Сарая – отражена ситуация до 1391 г., после разгрома, учиненного Тимуром существовал только один Сарай. Здесь отставание графического источника от политических реалий составляет около 60 лет[31].

Таким образом, верхняя грань топонимической нагрузки (города и поселения), помещенной на реке Итиль, соответствует первой трети XIV в., а нижняя теряется в X столетии.

Если говорить об археологических свидетельствах времён Золотой Орды, то в районе Самары находится два городища, которые имеют отношение к этой эпохе: одно в 20 км ниже населенного пункта Сенгилей; другое напротив Самары близ деревни Переволоки. Еще в XIX веке в районе городищ наблюдались видимые над землей руины кирпичных и каменных построек, встречались серебряные и медные монеты, но планомерные археологические исследования там не проводились[32].

Конец XIII в. Херефордская карта мира Ричарда Хальдингамского и Лаффордского

На знаменитой Херефордской карте мира (1285 – 1290 гг.), созданной в Англии Ричардом Хальдингамским и Лаффордским (карта подписная), за пределами земного круга помещены четыре стороны света и 12 основных ветров тералогического вида, а также напоминание грешному зрителю о бренности земного бытия – большими буквами по периметру карты слово «M O R S». Карта ориентирована на восток и содержит около 1100 легенд; размер табулы, сходной по своему виду с ковчегом: 1650 x 1350 мм[33].

Под сценой Вознесения, в океане на круглом острове изображен Земной Рай, отделенный мощной крепостной стеной от грешного мира людей. С правой стороны от Рая присутствует сцена искушения Змеем Евы у подножия «arbor balsam; arbor sicca», древа, из побегов которого был сделан Крест Животворящий. Вверху представлена сцена Страшного Суда.

Переходим к интересующей нас топонимике.

На Западе от мыса «Борей» на северо-востоке Азии близ миниатюры пеликана, который кормит своими внутренностями птенцов, присутствует легенда: «Ab hinc usque ad Meotides Palludes generaliter Sithia dicitur.

Hic post nives longa deserta...

Fluvius Boreus.

Samarcan civitas».

Перевод: «Говорят, что от этих мест до самых Меотидских Болот всё считается Скифией. Здесь после снегов (простираются) обширные пустыни... Река Борей. **Город Самаркан**».

Дабы развеять сомнения, о каком городе идёт речь – не о среднеазиатском ли Самарканде Согдийском, приведем легенду с той же Херефордской карты, расположенную совершенно в другом месте, на большом удалении от интересующей нас Самархи.

«Caspia civitas. Hircani hic habitant. **Panda oppidum Sogdianorum**. Sogdiani et Dache gentes. Ostia Oxi fluminis» – «Город Каспия. Здесь обитает народ Гирканов. **Панда – это город Согдийцев**. Народы Согдийцы и Дахи. (Здесь) устье реки Окс».

Пандой со времен античных историков, в частности Гая Юлия Солина[34] и Плиния Старшего – основных авторитетов Средневековья в области географических представлений, именовался именно Самарканд. Например, в «Естественной истории» Гая Плиния Секунда Старшего читаем: «За бактрами проживает народ согдианов, а у них города суть следующие: Панда и

Александрия, которая была основана Александром Великим на крайних пределах их земли...»[35]

В западноевропейской книжной и картографической традиции, на которую опирается всё наше исследование, до создания труда Марко Поло (1298 г.) город Самарканд под именем «Самарканд»[36] был практически неизвестен. Учёные латинского Запада знали этот город на реке Окс под названием «Панда (Паранда) Согдианская», а также как «Мараканда»[37] (со времён походов Александра Македонского и Птолемея). Даже в эпоху позднего Средневековья данная традиция сохранялась. К примеру, на средневековой реконструкции итальянского издания «Географии»[38] Клавдия Птолемея эпохи чинквиченто говорится: «В земле Бактрии главные города следующие: Карта, Дзариспа, Бактра и Мараканда». Для Мараканды на карте Птолемея указаны следующие координаты: «Часов – 14. Минут – 50. Часов – 3. Минут – почти 30».

Верчельская карта мира. Около 1270 г.

Т.н. «Верчеллльская карта» карта мира, изготовленная около 1270 г. (третья четверть XIII века[39]; хранится в Vercelli, Archivio Capitolare), происходит из аббатства св. Андрея в Верчелли. Надо отметить, что данное аббатство было известно в XIII веке как центр изготовления и распространения больших карт мира. Карта, о которой идёт речь, ориентирована на Восток (размер 840 х 720 мм); на ней, несмотря на большие утраты, сохраняется свыше 500 географических названий и множество миниатюр.

В шестом сегменте карты в интересующем нас регионе присутствует следующая легенда: «Gens ista Arimaspi vero [...] cum griponibus ...» («Этот народ Аримаспы... с грифонами»). На севере близ легенды имеется обозначение города с подписью «**Sarmaca (Sarmata)**» – здесь очевидна инверсия литер. Рядом с названием города приводится его характеристика. «Hec civitas... maior est quam... centum miliaria h[abe]ns in circuitu... moratur in ser in ea ser in ea medi... chri[sti] anor[um]»: «Этот город... настолько велик, что имеет в своей окружности более чем сто миль..., в нём живут также и христиане». Не будем забывать, что рассматриваемый нами регион входил в Хазарский каганат, о котором пойдёт речь ниже.

О христианизации правящей верхушки Хазарского каганата в VIII в. свидетельствуют археологические изыскания в районе «страны» Беленджер на Кавказе. Позднее под натиском арабских войск хазары будут двигаться на север, произойдёт массовое оседание на землю, в результате чего сложится т.н. «салтово-маяцкая» культура, которая в настоящее время покоится на дне Сулакской ГЭС. Заметим, что таких «мини-Атлантид» на месте хазарских городских центров в эпоху победившего социализма образовалось на территории СССР предостаточно. Погребальный комплекс вокруг Чир-Юрта принадлежит трем этническим группам, которые населяли город: аланы (катакомбные захоронения), болгары (ямные погребения), хазары (подкурганные катакомбы). На курганном участке кладбища, где покоились хазары, учёными были обнаружены две небольшие церкви VIII в.[40], что является ярким свидетельством христианизации правящей верхушки каганата до её иудаизации на рубеже VIII–IX веков.

За последние 20 лет на Средней Волге в степных долинах Самарской Луки было исследовано несколько могильников с подкурганными погребениями рубежа VII–VIII вв., которые схожи с курганными погребениями Нижней Волги и Дона. К примеру, в одном богатом погребении были обнаружены накладки от лука «хазарского типа»[41].

Присутствие хазар отмечено и гораздо севернее Самарской Луки. В могильнике у с. Шиловка (примерно 100 км севернее по течению Волги) в богатом погребении, помимо золотого византийского солида VII в., также находились костяные пластины со сценами охоты, изображения воинов на крепостной стене и пр. Специалисты считают, что рисунки на костяных пластинах близки изображениям на серебряных блюдах, которые были изготовлены в одной из хазарских ювелирных мастерских[42].

Псалтырная карта середины 1260-х гг.

На псалтырной карте, изготовленной, вероятно, в Вестминстерском аббатстве, во второй половине XIII в. (после 1262 – до середины 1260-х гг.) содержится около 145 географических названий. Над картой – земной сферой возвышается поясное изображение Иисуса Христа в окружении ангелов, кадящих Ему фимиам. В левой руке Спаситель держит глобус, подобный модели средневековой карты Т – О типа (Т-образный крест вписан в круг)[43], миниатюра помещена в восточной части карты.

Слева от миниатюры Рая в верхней части карты присутствует интересующая нас легенда – «**Сама(ра)**», а рядом (северо-восточнее) находится «город Иазарон» («c(ivitas) Iazaron») – искаженное «Хазарский город».

1254 г., октябрь. Гильом де Рубрук

Можно допустить, что косвенная информация о городе Самара содержится в сочинении-отчёте францисканского монаха, фламандца Гильома де Рубрука, который отправился по поручению французского короля Людовика IX Святого ко двору великого хана Мункэ в Каракорум; это знаменитое путешествие имело место в 1253-1255 гг.

«Затем я пустился в путь к Сараю ровно за две недели до праздника Всех Святых (16 октября 1254 г. – *И.Ф.*), направляясь прямо на Юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки [Нила] у Дамиетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени **Сумкеркент**, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем аланы и сарацины»[44].

Как не вспомнить легенду на карте Пицигани 1367 г., относящуюся к Самаре?

О походах монгольской армии во времена великого хана Угедея (правил в 1227-1241 гг.) в земли хазар на Волге повествует армянский источник конца XIII века. Митрополит Сюнийский Стефан Орбелиани, выдержку из сочинения которого мы приводим ниже, имел много родственников, занимавших высокое положение в ханских войсках, часто посещал Орду и обладал покровительством ильханов Аргуна и Газана. «Они (монголы – *И.Ф.*) разделились на три армии:

чевая направилась на северо-восток в страну хазаров, суваров, русских, черкесов, булгар и забрала земли до пределов Алеманов и Унгаров, т.е. Франков. Во главе этой армии стоял Бату-хан»[45]

О силе традиции в европейской картографии свидетельствует карта Европы Герарда Меркатора 1554 г., где в районе Самарской луки присутствует остров, который имеет рядом подпись «Zizara Insula» – искаженное «Хазарский Остров»[46]. На нем, по всей видимости, и располагалась Самара, его окружность в «100 миль» будет сравниваться на исследуемых нами картах с периметром городской черты.

Топоним «Город Суммеркент» означает по-тюркски «город Суммер», сиречь «Самара-городок», возможно, после упадка прежней прото-Самары из-за ряда причин, которых мы не будем касаться (это задача археологов), был перенесен ниже по течению, сохранив свое прежнее название. История полна подобными примерами. Взять бы хотя бы «русские Помпеи» – Старую Рязань на Спасской луке Оки, и перенос города с прежним названием на новое место, и сравнить историю Самары эпохи Хазарского каганата, расположенную на Самарской луке. Таким образом, год 1254 г. можно с большой долей вероятности считать *terminus ante quem* некогда существовавшей «Старой Самары» эпохи Хазарского каганата на Самарской луке.

Эбсторфская карта мира середины XIII в.

«Эбсторфская карта» (середина XIII в., размер – 3580 х 3560 мм) получила своё название от монастыря бенедиктинок близ города Люнебург в Нижней Саксонии, где она была изготовлена и где её обнаружили около 1830 г.[47] В 1943 г. она погибла во время налёта союзнической авиации на Ганновер, где на тот момент хранилась. Две копии, снятые с карты в конце XIX в., – все, чем мы располагаем.

Как и любая другая средневековая монастырская карта, она представляла собой эсхатологическую модель мира, своего рода икону, на вневременном поле которой демонстрировалось начало и конец мира. Земля представлена в виде тела Христова; на востоке, по сторонам головы Христа расположены буквы «Альфа» («A») и «Омега» («W») с комментарием из Апокалипсиса «Аз есмь Первый и Последний» (Апокалипсис: 1 17). Центр средневековой карты предназначался для Иерусалима. В середине Эбсторфской карты помещен священный город, сцена Анастасиса и сопроводительная легенда: «Иерусалим – священнейшая столица Иудеи… Этот наиславнейший город есть глава всему миру, ибо в Иерусалиме свершилось спасение рода человеческого – смертию и воскресением Господа, по словам Псалмопевца: “Царь мой от Века” В великом же сем граде находится Гроб Господень, куда стремится в своем благочестии весь мир».

Иисус Христос – представляет собой макрокосм и одновременно микрокосм. Концентрация внимания картографа на Христе в классическом средневековье, видим, достигает своего апогея: мир представлен в виде тела самого Христа на этой знаменитой карте. Наверху карты изображен лик Христа, по сторонам карты – руки Спасителя, в сопровождении цитат из Псалма 117. 16: «Десница Господа творит силу; Землю рукою объемлет»; внизу карты у ног Христа присутствует фраза: «До конца тверд пребываю; в милости все образую».

На Эбсторфской карте мира, где Ойкумена и тело Христово составляют одно целое – глава на Востоке, руки в молитвенном жесте повернуты ладонями к зрителю – на Севере и Юге, ноги Христа на Западе. На полях карты о Рае земном читаем: «Рай находится на самом крайнем востоке. Есть в Раю древо познания добра и зла. А древо сие видимо и телесно и подобно любому другому дереву»[48].

На графических полях Эбсторфской карты насчитывается около 1600 картографических легенд, сотни миниатюр, до своей гибели она считалась самой большой средневековой картой в мире.

Итак, обратимся к легендам на карте.

К северу от Кавказа – слева от фигур «массагетов», вооруженных короткими ножами, расчленяющих и употребляющих в пищу старца, и справа от «аримаспа», ведущего бой с грифоном – присутствует значительная миниатюра города, опоясанного крепостной стеной, с башнями, из-за которой виднеется дворец правителя в окружении построек меньшего размера. Изображение города сопровождает следующая легенда: «**Samarcha** civitas est Gazare id est Scitie regionis maior Babylone habens in gyro C milia que a rege pagano et christiano mixtim colitur».

Перевод: «**Самарха** – это город, который расположен в Хазарии, области находящейся в Скифии; город этот по своим размерам превосходит Вавилон, ибо имеет в своей окружности 100 миль; находится же он под совместным управлением (двух) царей: один из них является язычником, а другой – христианин» (sic)!

Итак, настаёт момент истины – вопрос о датировке легенды с упоминанием Самары, отражающей религиозную и политическую ситуацию, напрямую связанную с первым периодом иудаизации[49] правящей верхушки Хазарского каганата, который имеет приблизительно следующие хронологические рамки – с 802/803 и до 869/870 гг.

Таким образом, город Самара существовал уже в **802/803** г.!

В данном случае важнейшим источником является сочинение арабского историка, литератора и географа Абӯ-л-Хасан ʿАли ибн ал-ʿАлӣ ал-Мас'ӯдӣ (ум. 956 г.). «Жители столицы – мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода. Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида (аббасидский халиф Хӑрун ар-Рашӣд правил в 786-809 – *И.Ф.*). Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т.е. 332 год Хиджры (943-944 г. – *И.Ф.*), и носящий имя Роман (Роман I Лакапин правил в 920-944 гг. – *И.Ф.*) обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их […] и большое число евреев бежало из Рума (Византии – *И.Ф.*) в страну хазар»[50].

Повествование ал-Масуди о принятии иудаизма в Хазарии в эпоху правления Хӑруна ар-Рашӣда опиралась на еще более раннее сочинение, ныне утраченное. Существуют два фрагмента, которые основываются на недошедшем до нас протографе. Они инкорпорированы в сочинение арабского космографа Шамс ад-дӣна Мухаммеда ибн абӯ Тӑлиба ад-Димашкӣ (1256-1327 гг.). Там говорится, что во времена Хӑруна ар-Рашӣда

император ромеев (по всей видимости, это был Никифор I[51] (правил в 802-811 гг., с 803 г. совместно с сыном Ставракием) изгнал иудеев из Византии. Они двинулись в Хазарию, «где нашли умных и благочестивых людей, объявили им свою веру, а те признали ее наиболее правильной, присоединились к ней, оставаясь (в этой вере) некоторое время. Затем воевало с ними войско из Хорасана, захватило города их, страну их, они (хазары) стали (их) подданными. Рассказывает Ибн ал-Асир (арабский историк (1160-1234 гг.) – *И.Ф.*) также, что они приняли ислам в 254 (г. по Хиджре, т. е. в 868 г. – *И.Ф.*); он указывает, что причиной принятия ими ислама послужило военное нападение тюрок. Вот они (хазары) попросили помощи от людей Хорезма, а те ответили: «Вы – неверные, примите ислам, и мы поможем вам». Те приняли ислам, за исключением царя их, и помогли им хорезмийцы, и отступили от них тюрки. После этого принял ислам и царь их»[52].

Проиллюстрируем ситуацию на карте сведениями из сочинения «Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах…» арабского географа начала X в. Абӯ ʻАлӣ Ахмед ибн ʻОмар, Ибн Русте (Ибн Даста), в хронологическом отношении более поздними, чем легенда на карте – когда верхушка Хазарского государства уже приняла иудаизм, т.е. ориентировочно с 802/803 и до 869/870 гг.[53]

«Царь у них прозывается Иша (Бек – *И.Ф.*); верховный же государь у них – Хозар-Хакан. Но этот последний только по имени государь, действительная же власть принадлежит Иша, так как он относительно дел управления и распоряжения войсками, занимает положение такого рода, что не даёт отчёта ни кому, кто бы стоял выше его.

Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша, так военачальники и вельможи, которые состоят при нём; прочие же Хозары исповедуют религию, сходную с религиею Турок»[54]

В «Записке» Ахмеда Ибн-Фадлана также приводится описание хазарского двора. Отметим, что во время своего длительного путешествия Ибн-Фадлан переправлялся через множество рек (двигался он на север по левобережью Волги), в частности и через реку «**Самур**», которая по названию, топографии и маршруту следования посольства, вполне соответствует реке Самаре[55]

«Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют «большой хакан», а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой его стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшыгыр. Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху»[56].

Источник демонстрирует уникальную политическую ситуацию в Хазарском государстве – двоевластие кагана и бека.

Судя по легенде на карте, Самарха имеет огромные размеры, она больше чем Вавилон. Несомненно, размеры города сильно преувеличены, это распространённый приём при описании каким-либо правителем размеров своих владений.

В нашем распоряжении находится т.н. «Хазарская переписка», которая имела место между 954 и 962 гг., когда письмами обменивались иудей Хасдай ибн Шафрут, «глава (ученого) собрания» (главный министр Кордовского халифата) и царь хазар Иосиф «сын Аарона, царь Тогармский». Хазарский царь и кордовский чиновник успели-таки обменяться письмами, а историческая наука обогатилась знаниями о Хазарском царстве, ибо надвигался катастрофический 965 год в лице Святослава Игоревича, после сокрушительных походов которого против «неразумных хазар» ни о какой переписке уже не могло быть и речи.

Приведем ответное «страноведческое» письмо царя Иосифа кордовскому чиновнику Хасдаю, где говорится о стране Хазарии и, в частности, о трёх городах каганата, расположенных на Волге (к сожалению, царь Иосиф не назвал их). «Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль… Знай, что я живу у этой реки, с помощью Всемогущего, и на ней находятся три города. В одном (из них) живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов[57] в длину (и ширину), описывает окружность, расположен в форме круга. Во втором городе живут иудеи, христиане и исмальтяне и, помимо этих (людей), рабы из всяких народов. Он средней величины, имеет длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я (сам), мои князья, рабы и служители, и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река. Это мое пребывание во дни зимы»[58].

Если диаметр среднего города, который имеет «длину и ширину 8 на 8 фарсахов» помножить на число π (3,1416) и перевести в римские мили ($25{,}12 \times 4 \approx 100$)[59], получится размер сопоставимый с размером Самархи-Самары, о которой говорится в легенде на Эбсторфской карте.

Следует остановиться на звуке «х» в топониме «Самарха». Это, несомненно, наследие хазарско-арабской традиции, попавшее на графические поля западноевропейских табул. Картографы обозначали названия топонимов в основном со слуха. А звук «х» был очень распространён в хазарском языке. К примеру, в слове «хакан», а не в славяно-греческом произношении «каган», или в названии хазарского города на Таманском полуострове «Таматархи» («Тамархи»), пока он не стал ромейской – византийской Матрахой/Матрегой (Μάτραса)[60] или русской Тмутараканью.

Причем, продвигаясь к зрелому Средневековью, мы заметим, что звук «х» в написании редуцируется. Примером тому может служить топоним «Самар» на карте, изготовленной в 1367 г. братьями Пицигани.

Погрузимся еще дальше вглубь веков в поисках протографа уже Эбсторсфской табулы, хотя такой судьбоносной легенды близ Самары, которая дала нам ключ для датировки города на Самарской Луке, мы больше не встретим.

Сен-Викторская карта (копия) XII века из Мюнхена

Мюнхенский список «Этимологий» Исидора Севильского[59] XII в., родиной которого является Северная Франция, содержит карту мира эбсторфско-херефордского блока Т-О типа, которая находится в главе 14.2 «О земном круге». Исследователь средневековой картографии Готье-Дальше полагает, что данная карта может считаться редуцированной копией Сен-Викторской карты, которая не дошла до наших дней[62].

Самара среди прочих городов Скифии, обозначенных как «**c(ivitas) Sarmathana**», находится за Кавказскими горами на северо-востоке (левый верхний угол карты). Близ легенды **«Сарматана»** присутствует миниатюра города, окруженного стенами и башнями и расположенного на берегу сине-зелёной реки, несущей свои воды в сторону Кавказского хребта.

«Книга извлечений» Ришара Сен-Викторского 1153-1162 гг.

Civitas **Самара** отмечен в средневековой энциклопедии Ришара Сен-Викторского, одного из представителей Сен-Викторской школы богословия XII столетия, именуемой «Книгой извлечений», где присутствуют также и дополнения из «Этимологий» Исидора Севильского. Энциклопедия датируется 1153-1162 гг. При описании Скифии приводится перечень городов: «Hortogoria», «**Samarcam**», «Aritpi», «Alexandria», «Scitopolis», «vicus Saphiri» (Ортогория, Самарка, Аритпи, Александрия, Скифополь, Поселение Сафир»)[63]

«Хроника» Гуго Сен-Викторского (1130/1131–(1135 г.)).

В свою очередь, «Книга извлечений» Ришара Сен-Викторского восходит к «Chronicon» 1130/1131–(1135) г. одного из основателей данной теологической школы – Гуго Сен-Викторского[64]. «Хроника» представляет собой своего рода трактат по истории и географии и называется «Описание карты мира». В «Хронике» имеется достаточно сжатый перечень гидрографических и хорографических объектов, а также наиболее значимых городов и поселений, известных на момент создания этого сочинения. Существует предположение, что прототипом географического раздела данного труда мог быть графический источник.

В тексте, вышедшем из-под пера Гуго Сен-Викторского, в еще более лапидарной форме, чем в уже упомянутой «Книге извлечений» Ришара Сен-Викторского, даётся перечень топонимов Скифии: «Ortogorra», «**Samarchan**», «Attipi», «Alexandria», «Scitopolis», «vicus Saphiri» (Ортогорра, Самарха, Аттипи, Александрия, Поселение Сафир)[65].

Следует заметить, что в западноевропейских источниках информация о Средней Азии до третьей четверти XII века вообще отсутствует. Сведения о Средней и Центральной Азии появляются в Европе в связи с фигурой пресвитера Иоанна и его «письмом», которое датируется около 1165 (до 1177) г.[66]. Кстати, в «Описании карты мира» среди среднеазиатских городов не забыт и Самарканд, но, как ему и положено на это время, он именуется «Паранда»[67].

Итак, «Хроника» с топонимом **«Самарха»** являет собой протограф Эбсторфской карты мира, как в орфографическом, так и в «топонимическом наборе»[68], а Скифия, как свидетельствует легенда на Эбсторфской карте, «простирается от самого крайнего востока до Океана, а на Юге до Кавказских гор»[69]

Информация о Хазарии в эпоху раннего средневековья поступала в Западную Европу, в основном, через Византию. Стоит вспомнить, что представитель Исаврийской династии, византийский император Константин V был женат на хазарской принцессе Чичак (с тюркского «Цветок»), которая после принятия православия стала именоваться Ириной. Сын Константина V и Чичак – Ирины будущий император Лев IV (правил в 750-780 гг.) в связи с этим ромейско-хазарским альянсом получил прозвище «Хазар» («Хазарин»), с которым и вошёл в мировую историю. Можно упомянуть также и важную миссию просветителя славян св. Константина (Кирилла) Философа, прибывшего к хазарскому двору в 860 г. для обращения кагана в православие. Константин вступил в диспут с представителями ислама и иудаизма. Как повествует его житие, Константин победил в богословском споре своих соперников, но из-за коварных происков раввина каган, который уже был в лоне иудаизма, православие не принял.

Упомянем и представителя латинян IX в. Христиана Друтмара, который за знание многочисленных языков был прозван «грамматиком». Бенедиктинский монах в Корбее, а затем в аббатстве в Стабло, Друтмар написал «Толкование на евангелия св. Матфея». В этом сочинении содержится известие об обращении хазар в иудейство после принятия христианства болгарами (около 864 г.). «Существует народ под небом там, где не найти ни одного христианина, зовущийся Гог и Магог, и народ этот гунны; одно его племя, под именем газары (хазары – *И.Ф.*), обрезано и исповедует во всей полноте иудаизм»[70]. Кстати, в «Описании карты мира» Гуго Сен-Викторского в разделе, где говорится о Европейской Скифии, тоже упоминается этноним «Gazari» («Хазары»)[71].

Таким образом, топоним «Самарха» (Самара) присутствует в западноевропейской картографической традиции. Если учитывать разрыв между фиксацией того или иного положения вещей и нанесением информации на карту, а этот процесс занимает в среднем 30–50 лет, то можно говорить о конце XI в. А если предположить, что «Хроника» Гуго Сен-Викторского имела в своей основе еще и графический протограф[72], то мы приблизимся к середине XI столетия, когда Хазария еще существовала[73], и информация об этом уникальном государстве продолжала поступать в Европу.

Заключение.

На Эбсторфской карте мира и на Верчельской табуле, а также на их протографах первой половины XII в., которые до нас не дошли, содержится информация как минимум первой половины IX в., которая относится к истории Хазарии до первого периода иудаизации правящей верхушки в 802/803 г.

Как от потухшего светила, свет от исчезнувшего Хазарского государства «отразился» через средневековые карты мира и дошел до наших дней. На Эбсторфской карте мира приводится информация о двоевластии в Хазарии – «совместном управление двух царей», кагана и бека. Один считался номинальным верховным правителем, второй обладал реальной властью. Один был христианином, а другой – язычником. Такая религиозно-политическая ситуация сохранялась до принятия хазарскими «царями» иудаизма, в соответствии с реформами бека Обадия (799-809 гг.), когда и была принята иудейская религия (802/803), а затем до 869/870 года, когда хазары обратились в ислам под нажимом Хорезма из-за угрозы нашествия тюрок. Надо сказать, что Обадия был тем хазарским беком, который стал первым истинным царём, при нем роль кагана была сведена до положения сакрального правителя. Именно Обадия сделал иудаизм государственной религией в Хазарском каганате, что подтверждается косвенным образом арабскими источниками[74].

Хронологический итог датировки Самары таков – **Самара уже существовала в 802/803 г. и таким образом может считаться одним из древнейших городов на территории России!** Маловероятно, что будут найдены дополнительные средневековые письменные свидетельства о Самаре-Самархе эпохи Хазарского каганата. В подтверждение выводов, сделанных в результате данного исследования, можно уповать лишь на археологию, в том числе и подводную.

P.S. Почему все центры «неразумных хазар» покрыла рукотворная или нерукотворная вода: Саркел, Итиль, Семендер, Беленджер, а может быть и часть Самара. Хазарский каганат бросил все «концы в воду» как в прямом, так и в переносном смысле. Величайшие гидрографы всех времен и народов – большевики соперничали с природой, с трансгрессией Каспия, соревновались, кто больше утопит городов, сел, памятников истории и культуры, плодородных земель и пр. и пр. Но, несмотря ни на что, средневековые картографы успели поместить на свои карты Самару. И жителям этого города предстоит осмыслить его почтеннейший возраст и подумать о невиданном юбилее в новейшей истории России. Более того, на древнейших картах мира Самара находится не где-нибудь, а под правой десницей Спасителя, в пределах досягаемости Земного Рая!

Примечания:

*[1]**Исследование осуществлено при поддержке Главного Архивного Управления при Правительстве Самарской Области.***

Цит. по: Алабин П.В. Исторический очерк Самары // Трёхвековая годовщина города Самары. Часть 1. Самара, 1887. С. 215.

[3] Пискарёвский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195.

[4] Каспар Вопеллий родился в городе Медебахе в Вестфалии и всю свою жизнь проработал учителем в Кёльне. Его карта Европы 1555 г. не сохранилась до наших дней, но последующая редакция (1566 г.) дает представление о прототипе.

Michow H. Weitere Beiträge zur älteren Kartographie Russlands // Acta Cartographica. V. XI. Amsterdam, 1971. P. 355-356.

[6] См. Bagrov L. History of Cartography. Ontario, 1975. V. I. P. 109.

[7] Исследуемая карта происходит из испанского издания атласа Абрахама Ортелия «Theatrum Orbis Terrarum». Антверпен, 1588-1612. ГИМ, ГО-5926.

[8] Лига (league) – морская миля, равная примерно 4 километрам.

[9] Антоний Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560 гг. (репринт: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.) // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 205.

[10] См. факсимильную копию карты 1459 г. Андреа Бьянко в кн. Материалы для историко-географического атласа России. Издание археографической комиссии. СПб., 1871; Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII, esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana // Monumenta cartografica Vaticana. T. 1. Città del Vaticano. 1944; Ronciére De La, C. La decouverte de l'Afrique au Moyen age. Cartographes et explorateurs. Le Caire. 1925. T. 1-2. Pl. 36; Leporace Tullia Gasparrini. Il Mappamondo di Fra Mauro. Venezia, 1954.

[11] Древние карты России. СПб., 1892. С. 1.

[12] Оригинал не дошел до наших дней, но сохранилась авторская копия 1459 г., изготовленная для венецианской Синьории.

[13] Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV– начала XVI века. М., 1974. С. 18.

[14] Академик О.Н. Трубачев утверждает, что разные «цветовые» оттенки Руси возникли из системы географической ориентации. Большинство ученых-географов, по мнению исследователя В.В. Иванова, в настоящее время склоняются к тому, что в Центральную и Восточную Европу характерная для азиатских культурных традиций цветовая символика проникла под влиянием двинувшихся в Европу кочевых народов Евразии в эпоху Великого переселения народов, которые, возможно, заимствовали членения сторон света по цветам. К примеру, у китайцев стороны цвета суть следующие: черный цвет (хэй) – северу; красный (ху) – югу; белый (бай) – западу; зеленый и лазурный (люй) – востоку. У тюрок: черный цвет (кара) – северу; белый (ак) – югу, востоку, западу; голубой и зеленый (кок/ гёк) востоку, а желтый (сары) – западу. См. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древних славян: Лингвистические исследования. М., 1991; Мурзаев Э.М. Слово на карте. Топонимика и география. М., 2001. С. 142; Иванов В. В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии исследования // Балто-славяне. М., 1980. С. 164.

[15] См. иллюстрацию № 3 в кн. Licini P. La Moscovia rappresentata: L' imagine «capovolta» della Russia nella cartografia rinoscimentale Europea. Milano, 1988.

[16] Kretschmer K. Eine neue mittelalterliche Weltkarte der vatikanischen Bibliothek // Acta Cartographica. V. 6. Amst., 1969. P. 251; Planisfera Andreas Walsperger. Constantia. 1448 // Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската Апостолическа Библиотека и секретния Архив на Ватикана (IX-XVII век). София, 1978. Подготов. А. Джурова, Б. Димитров. Таб. LVI. Biblioteca Vaticana. Pal. Lat. 1362 b.

Карта хранится в Ватиканской Библиотеке; MS Pal. Lat. 1326 b. N. F. 1448.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.

[18] Димитров Б. България в средневековата морска картография XIV-XVII вв. София. 1984. Навигационная карта 1367 г. хранится в Парме (сигнатура: BR ms. Parm.1612).

[20] Tooley R. V. Tooley's dictionary of mapmakers. Herfordshire, 1979. P. 509.

[21] См. Димитров Б. България...; Campbell T. Portolan charts from the late XIII to 1500 // History cartography. V. 1 Chicago, 1987. P. 429.

[22] P Zurla считает, что братья Пицигани больше были иллюминаторами, чем картографами. См. Zurla P Sulle antiche mappae idrogeografiche lavorate in Venezia. Venezia, 1818. P. 21-30.

[23] Подлинник этой карты первоначально принадлежал Джироламо Дзанотти и был подарен им П. Пачауди, бывшему библиотекарю герцога Пармского. Эта карта до середины XIX в. находилась в библиотеке Великой Герцогини Пармской Марии Луизы. По ее распоряжению с портолана 1367 г. было сделано два списка – один попал в Вену, другой к канцлеру России графу Николаю Петровичу Румянцеву. См. Аделунг Ф. О древних иностранных картах России до 1700 г. // ЖМНП. СПб., 1840. С. 9-13.

[24] См. Димитров Б. България...

В течение XV-XVI вв. европейские картографы локализовали татарские «орды» в сердце Золотой Орды – на Волге. К примеру, на анонимной итальянской планисфере 1447 г. присутствует изображение Танаиса и Волги. Сарматия Прима – это правобережье, а Сарматия Секунда – левобережье Волги. На миниатюре имеется изображение двух быков, везущих на телеге передвижной город, которому картограф придал черты готической архитектуры. Быков подгоняет «тартарин», облаченный в европейское платье по моде середины XV столетия, воин вооружен копьем (аллюзия на передвижение скифов и татар), а рядом лапидарный комментарий к изображаемой сцене – «орда».

См. Brătianu G. I. Recherches sur Vicina et Cetateă Alba. Bucarest. 1935; Брун Ф. К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского Университета. Одесса. 1873. Т. 9. С. 4-17 и т. д.

Abulféda. Géographie. Paris. 1848. T. 2. P. 33, 40.

Длинные, гибкие листья как у пальмы.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии А. П. Ковалевского. М-Л. 1939. С. 72.

См. Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII-XVII в. Издание второе. М. 2011.

[31] Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М. 1994. С. 41-42.

Полное собрание ученых путешествий по России. СПб. 1824. Т. 5. С. 104; Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царст в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I археологического съезда. М., 1871. Т. 2. С. 556.

Harvey P. D. A. Mappa Mundi. The Hereford World Map. Toronto. 1999; Westrem S. D. The Hereford Map: A Transcription and Translation of the Legends with Commentary. Turnhout: Brepols. 2001. § 42-49; Crone G. R. The World Map by Richard of Haldingham in Hereford Cathedral, ca. A. D. 1285. London, 1954; MCVA. Mappemondes A. D. 1200 – 1500: Catalogue préparé par la Comission des Cartes Anciennes de l'Union Géographique Internationale. Ed. Marsel Destombes. Amsterdam, 1964 (Monumementa cartographica vetustioris aevi. T. 1: Imago mundi. Suppl. 4).

[34] C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium. Rec. Th. Mommsen. Berolini. 1895. 49. 3.

[35] Pliny. Natural History. Ed. H. Rackham. London; Cambridge (Mass.). 1942. V. 2; 1956. Vol. 3. 6. 49; см. Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997; Пьянков И.В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972.

[36] Поло Марко. Книга Марко Поло. Пер. И.П. Минаева // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. Гл. LII (С. 224, 225), CXCVIII (С. 356). У Марко Поло Самарканд именуется «Сармакан» и «Санмаркан».

[37] См. Руф Квинт Курций. История Александра Македонского. Перевод Д.А. Дрбоглава, А.Ч. Козаржевского. М., 1993. VII. 6. 10. 24; VIII. 1. 7. 19; 2. 13.

[38] Рушелли Джироламо. Джордано Зилетти. Азия. Седьмая Античная карта Азии. Венеция. 1574. ГИМ, ГО-6134; Фоменко И. К. Скифия – Тартария – Московия – Россия – взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008. С. 52-54.

[39] Capello Carlo F. Il mappamondo medioevale di Vercelli (1191-1218?). Torino, 1796; Brincken Anna-Dorothee von. Monumental Legends on Medieval Manuscript Maps: Notes on Designed Capital Letters on Maps of Large Size // Imago mundi. 1990. Vol. 42. P. 9-25; Kamal Youssouf. Monumenta cartographica Africae et Aegypti. Cairo, 1926-1951. T. 1-5. F. 997. (пагинация сквозная). Л.С. Чекин небезосновательно датирует карту правлением французского короля Филиппа III (1270-1285 гг.). Это единственный французский король с именем Филипп, который побывал в Африке. А на исследуемой нами карте на горе Атлас на западе Африки помещена птица, похожая на страуса с подковой в клюве (в средние века считалось, что страусы поедали железо). Этого страуса оседлал «король Франции Филипп». Палеографические и иконографические детали также свидетельствуют в пользу того, что данная табула была изготовлена в третьей четверти XIII в. См. Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII -XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 132-133.

[40] Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 28.

[41] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим, 2000 (5760). С. 201-202.

[42] Плетнева С. А. Очерки... С. 202-203; Коников Б.А. Раннесредневековый ковш из лесного Прииртышья // Известия Сибирского Отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. 1. Новосибирск, 1989. С. 50-51; Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. М., 1976. С. 167-170.

[43] Карта из псалтыри (на первой странице) начало 1260-х годов из Британской Библиотеки (Лондон). Диаметр – 31,5 дюймов. Сигнатура: L. Bl. Add. 28681. f. 9. См. Harvey P. D. A. Op. cit. P. 29; Miller K. Mappae Mundi: Die altesten Weltkarten. Stuttgart. 1895-1898.

H 4. S. 26; Morgan N.J. Early Gothic Manuscripts, 1250-1285. London, 1988. P. 82-85.

[44] Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны. Пер. А. И. Малеина (репринт 1911 г.) // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. Вступительная статья, комментарии М. Б. Горнунга. М., 1997. С. 180.

[45] История монголов по армянским источникам. Перевод и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I. С. 32.

[46] Bagrov L. History of Cartography. Ontario, 1975. V. I. P 93.

[47] Miller K. Mappae Mundi: Die altesten Weltkarten. Stuttgart. 1895-1898. heft 1-6; heft 5. Die Ebstorfkarte. 1896; Средневековье в его памятниках. Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913. В конце книги, в Приложении помещена хорошая иллюстрация Эбсторфской карты; Ein Weltbild vor Columbus: Die Ebstorfer Weltkarte. Interdisziplinäres Colloquium 1988. Hrsg. Hartmut Kugler, Eckhard Michael. Weinheim. 1991.

[48] Средневековье в его памятниках... Приложение.

[49] Второй период иудаизации Хазарии, информация о котором восходит в основном к арабским источникам, приходится на вторую четверть X в., когда из Византии в Хазарию вследствие религиозных гонений при императоре Романе I Лакапине направилось множество иудеев.

[50] Цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 193.

[51] До этого правила императрица Ирина, а с 803 г. по 811 г. – Никифор I, который правил вместе с сыном Ставракием, которого сделал своим соправителем.

[52] Цит. по: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Вып. 1. Горган и Поволжье в IX-X вв. М., 1962. С. 152-153.

[53] Как известно из источников, в основном арабских, в хазарских городах бок о бок существовали христианские, мусульманские, еврейские и языческие общины, которые строили себе церкви, мечети с медресе, синагоги. Язычники же поклонялись деревьям в священных рощах за городской чертой.

[54] Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869. С. 16-17.

[55] «Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом через реку Азхан, потом через Баджа, потом через Самур, потом через реку Кабал, потом через реку Сух (Сок), потом через реку Канджалу, и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд». См. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии А.П. Ковалевского. М. – Л., 1939. С. 66.

[56] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу... С. 84-85.

[57] 1 фарсах (парса) = 4 римским милям; 1 mille passuum (римская миля) = 1598 м.

[58] Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л. 1932. С. 83-85.

[59] Вычисления произвел Л. С. Чекин. См. Чекин Л.С. Самарха, город Хазарии // Хазары. Khazars. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим-Москва, 2005. С. 360.

[60] Бибиков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. I. М., 2004. С. 596.

[61] Хранится в München, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 10058, f. 154 v.

[62] Gautier Dalché P. La Descriptio mappe mundi de Hugues de Saint-Victor. Paris, 1988. P. 81-85, 193-195.

[63] Chatillon J. Richard de Saint-Victor: Liber excerptionum. Paris, 1958. P. 127.

[64] Gautier Dalché P. La Descriptio mappe mundi...

[65] Baron R. Hugues de Saint-Victor lexicographe. Trios texts inédits // Cultura neolatina. 1956. T. 16. P. 144.

[66] См. например, Oppert G. Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Ein Beitrag zur Voelker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalters. 2. Ausg. Berlin, 1870.

[67] Gautier Dalché P. La Descriptio mappe mundi... P. 144, 169.

[68] Чекин Л. С. Самарха... С. 350.

[69] См. Miller K. Mappae Mundi...

[70] См. Christianus Druthmarus Corbeiensis Monachus. Expositio in Matthaeum Evangelistam // Patrologia cursus completes. Series Latina: in 221 t. ed. J.P. Migne. Lutetia Parisiorum: Excudebat J.H. Migne. 1844-1846. T. 106. Col. 1261 – 1504.

[71] Gautier Dalché P. La Descriptio mappe mundi... P. 154.

[72] Brincken A.-D. Von. Mappa mundi und Chronographia: Studien zur «Imago mundi» des abendländischen Mittelalters // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Bd. 24. S. 145-146.

[73] О том, что государство Хазария существовало и во второй половине XI столетия, свидетельствует борьба за Тмутараканские земли. В 1079 г. хазары пленили князя Олега Святославича Тмутараканского и отправили его в Византию. Только в 1083 г. Олег Святославич возвратился в Тамарху и жестоко расправился с хазарами.

[74] Артамонов М. И. История хазар. Издание второе. СПб., 2002. С. 288.

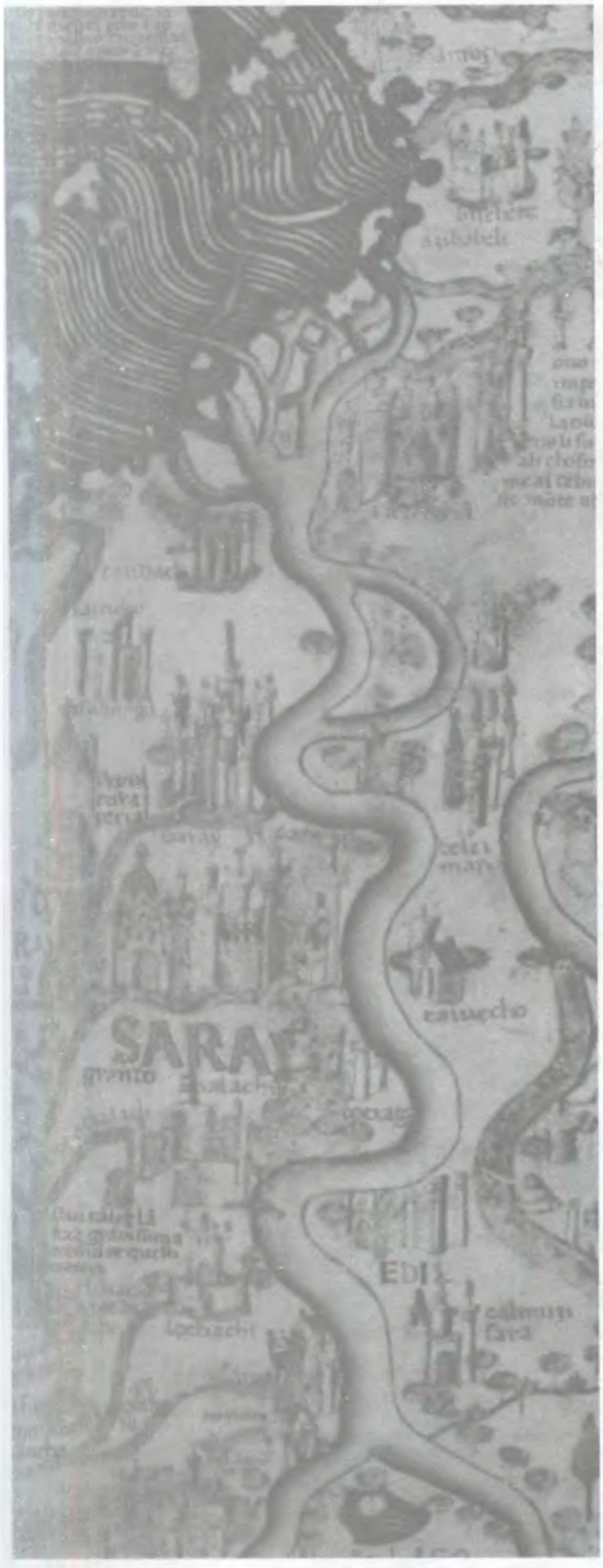


Рис. 1. Фрагмент карты Фра Мауро. 1459 г.

Рис. 2. Фрагмент карты Пицигани. 1367 г.

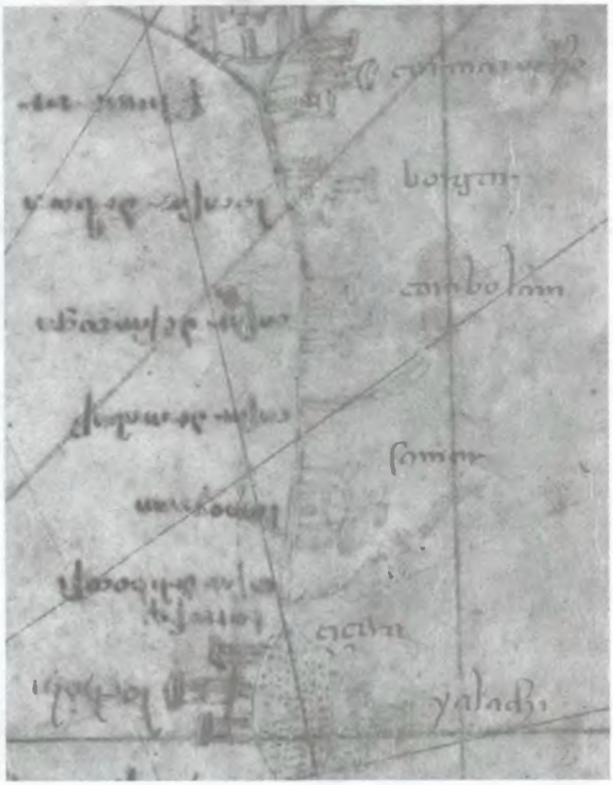


Рис. 2а. Фрагмент карты Пицигани. 1367 г.

Рис. 3. Херефордская карта

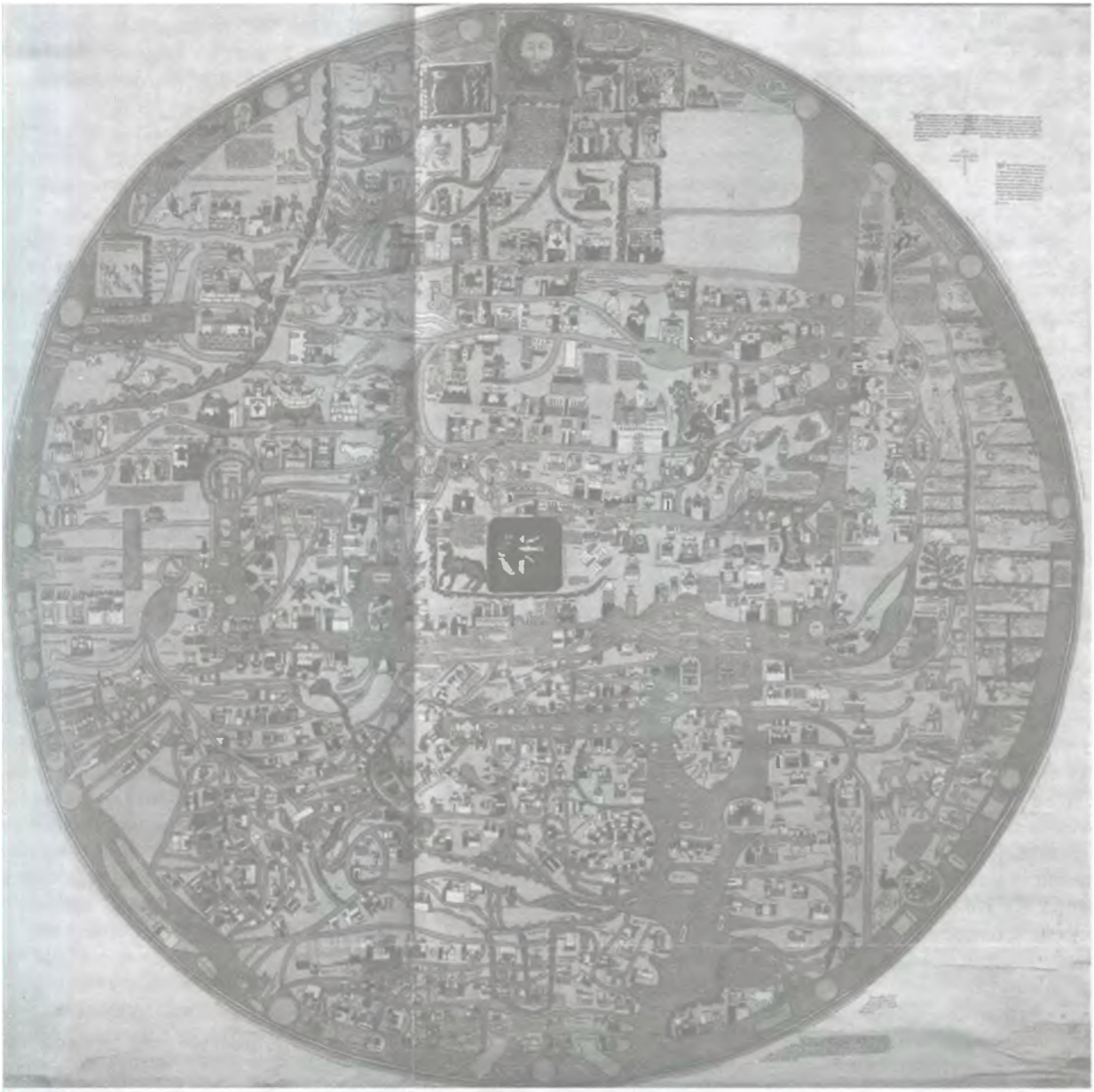


Рис. 4. Эбсторфская карта мира.

Рис. 5. Эбсторфская карта мира. Фрагмент карты с обозначением Самары.

И.В. Волков

ПОВОЛЖЬЕ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ
(в связи с попыткой пересмотра даты основания Самары)

Античные карты, известные нам как приложение к «Географии» Клавдия Птолемея, в Европе были забыты и не использовались широко вплоть до развитого средневековья. Повторное знакомство с ними состоялось в связи с падением Византии, обусловившим поток беженцев с Востока. Они-то и привезли с собой рукописи, содержащие карты. На них было правдоподобное изображение бассейнов Черного и Азовского морей, заметно менее достоверное – для Каспия и Волги.

Европейская «церковная» картография развивалась самостоятельным путем – от простейших схем с разделением Света на части и климатические зоны. Со временем эти схемы, которые в современном понимании трудно даже называть картами, усложнялись. На самых подробных из сохранившихся церковных карт – сотни названий, но они все-таки не превосходят уровня приблизительных схем. Они являются не столько источником по исторической географии, сколько источником по истории географических представлений европейцев.

Нельзя сказать, что в них совершенно нет следов античной картографии, но и о прямой преемственности тоже говорить нельзя. Связь выражается в эпизодическом использовании «языка карт» античности. Например, изображение истока реки у горной цепи устойчивого вида (из примыкающих друг к другу отдельных треугольных гор), населенных пунктов в виде построек с односкатными и двускатными крышами и проемами ворот. Это встречается, например, на чертеже римских гарнизонов Египта, на римской дорожной схеме (Багров, 2004. Табл. XII, XIII) и на многих средневековых картах мира (включая и карту Фра Мауро). Возможно, к античности восходит изображение истоков рек в виде кружка, из которого исходит волнистая полоса русла, как на «карте Иеронима», восходящей к IV-V вв. н.э., но известной по копии XII в. (Harvey, 1991. P.72-73, fig.56), что на церковных картах стало нормой.

Но и эти фрагментарные признаки не являются безусловными свидетельствами связи традиций картографирования. Единичные античные крупномасштабные произведения известны преимущественно в средневековых копиях и, следовательно, могли быть «переведены» на более понятный средневековый «язык карт».

В целом же средневековые «церковные» карты – это всего лишь схемы с привычным для каждой группы набором названий: они не имеют тех узнаваемых очертаний морей, которые видны на античных «птолемеевских» произведениях. Названия на них заимствованы из разновременных и разнородных источников. Искажения и несоответствия здесь связаны не только с невозможностью графически изобразить мир по словесному описанию и ошибками при копировании, но и с неправильным пониманием самой словесной информации. Постоянны сложности самого прочтения легенд, а иногда и перевода, поскольку не всегда понятно, какую именно словесную информацию отображал на изображении монах-картограф.

Например, в систематичном и последовательном справочнике Л.С.Чекина по ранней церковной картографии дается чтение и перевод одной из легенд на Верчелльской карте (предположительно, второй половины XIII в.) в следующем виде:

«На южном побережье Каспия, по обоим берегам стекающей с горы у Каспийских ворот реки, два города: Colentia. || Carres. || К нему относится легенда ниже: In ista civitate potacus (potatus C) fuit crassus a Parthis auro cocto (copto C) quando dixerunt: aurum sitis et aurum bibe... []

Колентия. Карры. В этом городе было густое питье, которое делали парфяне из плавленого золота, говоря: жаждешь золота, золото и пей» (Чекин, 1999. С.134, 136). Увы, мифическое «густое питье, которое делали парфяне из плавленого золота» родилось уже в сознании историка нашего времени, а текст средневекового картографа весьма достоверно передает исторические сведения о битве при Каррах (9 мая 53 г. до н. э.) и ее последствиях: «В этом городе был напоен Красс (Марк Лициний К., консул 70 г. до н.э. – И.В.) парфянами расплавленным золотом, когда говорили: «Жаждешь золота – так золото пей» (речь идет об отрубленной голове Красса). Л.С.Чекин просто воспринял собственное имя Красс как нарицательное, что повлекло за собой серию погрешностей. Для нас же здесь важно отметить то, что лежащий в развалинах городок Карры (современный г. Харан в Турции) был удостоен нанесения на карту мира благодаря прежней античной истории с дидактическими сюжетами (идентичность его с библейским Харраном картограф не отметил).

Но обратимся к Самаре. На античных картах ее нет, хотя Азовское море и Дон изображены узнаваемо, а далее на восток Каспий и Волга изображены неправильно, но все же реальнее, чем на церковных картах мира.

На круглых картах мира изображения Поволжья вообще нет, их и не следовало бы рассматривать в статье на заявленную тему, если бы не новейшие «открытия». Отдаленное подобие названия Самары появляется, но довольно поздно, на картах Эбсторфско-Херефордской группы, большая часть которых относится к XIII в. (Чекин, 1999. С.113). Но рассмóтреть явление следует в несколько более широком интервале, поскольку это определяется самим источником: названия копируются, искажаются, связываются с другими созвучными, объединяются, но при этом сохраняются (по крайней мере, иногда) прежние особенности взаиморасположения с другими объектами. Задача существенно облегчается тем, что есть справочник, в котором церковные карты уже рассмотрены (Чекин, 1999).

Забегая вперед, отмечу, что при подборе названий оказывается, что на Херефордской карте XIII в. есть полная аналогия – Самара (Samara), но это не город, а мыс на крайнем востоке-северо-востоке земного круга, на берегу океана (Чекин, 1999. С.153, 156, табл.57).

Связывать его с современной Самарой нет никакого смысла. Интересен он только тем, что мог «притягивать» к себе созвучные названия в процессе монашеского картографирования. Также он являет собой яркий пример того, что даже полное совпадение названий может быть чистой случайностью. Этот мыс, или, вернее, горный выступ, отрог (promunctorium SAMARA) можно расценивать, как самую восточную оконечность «Кавказских» гор, тянущихся через всю Азию. Так что какая-то очень натянутая связь этого названия с Самаркандом (или даже с месопотамской Самаррой, или даже с Басрой), возможна (при определенном насилии над источником), но с городом или рекой Самарой – совершенно исключена. Это явная попытка изобразить отрог Самара, упомянутый в сочинении Павла Орозия «История против язычников» (Орозий, 2004. С.101). Он воспринимался как восточная оконечность Кавказа.

Кавказ

Обращаю внимание на то, что отношение этих гор к Кавказу в современном смысле – также весьма опосредованное. В восприятии средневековых картографов это название было собирательным для всех горных цепей, протянувшихся через Азию в приблизительно широтном направлении: Тавр – Кавказ – Эльбурс – Копетдаг – Гиндукуш – Гималаи (Чекин, 1999. С.197). На крайнем востоке может встречаться еще один Тавр. Для интерпретации изображений на картах Эбсторфско-Херефордской группы «Кавказ» очень важен как ориентир. Но его изображение было основано на существенно трансформированных сведениях.

Исходная информация содержится в «Естественной истории» Плиния Старшего (V, 27, 97-99): «Там тянущиеся с берегов Восточного моря Таврские горы образуют при помощи Хелидонского мыса обширные заливы; сами они огромны и тянутся среди бесчисленных народов. Правым отрогом они простираются от Индийского моря на север, левым на юг и на запад, и они пересекли бы всю Азию, если бы моря не оказали сопротивления этому покорителю земель. Горы делают скачок на север и, повернув, стараются проложить широкий путь, в то время как природа, словно с умыслом, то и дело располагает против них моря, то Финикийское, то Понт, то Каспийское, или Гирканское, и напротив них Меотийское озеро. Стесненные этими преградами, Тавры сделали поворот и вышли все же победителями, извиваясь до родственных им Рипейских горных хребтов. На всем своем протяжении они носят много новых названий: в первой части Имай, затем Эмод, Паропамиз, Цирций, Хамбады, Париадры, Хаотр, Ореги, Ороанды, Нифагы, Тавр и в самой высокой части Кавказ. Там, где они отсылают от себя отроги, то и дело стараясь коснуться морей, их называют Сарпедоном, Корацезием, Крагом и опять Тавром. Там, где они расступаются и делаются доступными для людей, горы сохраняют свое единство, называясь горными проходами: здесь Арменийским, там Каспийским, там Киликийским. И даже изломанные и [illegible]ающие от морей, они носят многие имена то здесь, [illegible] там живущих народов: справа Гирканские, Каспий[illegible] слева Париадрские, Мосхийские, Амазонские, Коракские, Скифские, а все в целом по-гречески Керавнские» (Плиний, 1953. С.258-259; Кавказ, 1990. С.214-215; новый несколько отличный перевод: Подосинов, Скржинская, 2009. С.178-181). Как видим, уже античные авторы воспринимали горы Азии как единый массив, простирающийся до Индийского моря.

У Павла Орозия, основного авторитета в этой области для церковных картографов, информация несколько трансформирована, у него описание «Кавказа» составляет приблизительно половину того, что касается Азии в целом. «13. Азия в центре восточной стороны имеет впадающую в восточный океан реку Ганг, слева мыс Калигардаманы, недалеко от которого на юго-востоке находится остров Тапробана, откуда, как говорят, берет начало Индийский океан; 14. справа, где завершается Кавказ, она имеет мыс Имавской горы – Самару, к северо-востоку от которого находится устье реки Отторогорры, откуда начинается Серский океан. 15. В этих пределах расположена Индия, которая на западе ограничена рекой Инд, принимаемой Красным морем, на севере – горой Кавказ; с других сторон она омывается, как я сказал, восточным и Индийским океанами. 17. От реки Инд, той, что на востоке, до реки Тигр, что на западе, расположены следующие области: Арахосия, Парфия, Ассирия, Персида и Мидия с местностью гористой и неровной. 18. На севере они имеют гору Кавказ, на юге – Красное море и Персидский залив, в центре же – полноводные реки Гидасп и Арбис. В этих областях проживает тридцать два народа... 20. От реки Тигр до Евфрата раскинулась Месопотамия, начинающаяся на севере среди гор Тавра и Кавказа... 25. На краю Сирии находится Каппадокия, которая имеет на востоке Армению, на западе Азию, на северо-востоке Фемискирийские поля и Киммерийское море, на юге гору Тавр, от которой вплоть до Киликийского залива, лежащего против острова Кипр, простираются Киликия и Исаврия... 36. Между колхами, которые находятся выше Киммерийского моря, и албанами, которые пребывают на Каспийском море, возвышается гора Кавказ. Видимо, до крайнего востока беспрерывно тянется один его хребет, хотя имен его множество; 37. и многие готовы верить, что это хребет горы Тавр, поскольку, вероятно, считается, что Пархоатра, гора Армении, расположенная между Тавром и Кавказом, связывает Тавр с Кавказом; 38. однако это не так, их разделяет река Евфрат, которая, изливаясь у подножья горы Пархоатры, устремляясь на юг, оставляет Кавказ слева, а Тавр справа. 39. Так вот, собственно Кавказ между колхами и албанами, где он имеет также Ворота, зовется горой Кавказ; 40. от Каспийских Ворот до Ворот Армянских или до истока реки Тигр, между Арменией и Иберией горы называются Акрокеравниями; 41. от истока Тигра до города Карры между массагетами и парфянами – горой Ариобарзан; 42. от города Карры до крепости Кафиппы между гирканами и бактрийцами – горой Мемармали, там произрастает амом; ближайший отсюда кряж называется Парфау; 43. от крепости Кафиппы до поселения Сафрис между дахами, сакарауками и парфянами – горой Оскобары, там начинается река Ганг и рождается лазер; 44. от истока реки Ганг до истока реки Отторогорры, которая находится к северу, где обитают горцы паропанисады – горой Тавр; 45. от истока Отторогорры до города Отторогорра между гунами, скифами и гандаридами – горой Кавказ. 46. Самый же дальний (хребет, лежащий) между жителями востока и пассиадрами – горой Имав,

там где река Хрисороас и мыс Самара встречаются с океаном. 47. И вот, (на пространстве) от горы Имав, то есть от дальних границ Кавказа и с правой части востока, которую омывает Серский океан, до мыса Борей и реки Борей, далее до Скифского моря, которое лежит с севера, вплоть до моря Каспия, которое лежит с запада, и до протяженного Кавказского хребта, который расположился к югу, живут сорок два народа гирканов и скифов, постоянно скитающиеся ради бесплодного расширения земель. 48. Море Каспий берет начало в северо-восточной части (света) из океана; берега его вблизи океана представляют собой пустынные и невозделанные равнины; далее оно тянется в южном направлении через долгие теснины, пока разлившееся на огромных просторах оно не завершается у подошвы Кавказской горы. 49. Так вот, (на пространстве) от моря Каспия, которое на востоке, книзу от побережья Северного океана до реки Танаис и Меотидского озера, которое лежит к западу, от побережья Киммерийского моря, которое лежит на юго-западе, до края и ворот Кавказа, которые лежат к югу, проживает тридцать четыре народа. 50. Но в целом ближайшую область называют Албанией, а более отдаленную, расположенную вблизи моря и горы Каспия, – Амазонией» (Орозий, 2004. С.93, 99-103). Эта пространная цитата нужна лишь для того, чтобы читатель представлял себе, что именно пытались изобразить церковные картографы на круглых картах мира.

Пространная экспликация о «Кавказе» имеется также на карте мира Фра Мауро 1459 (1460) г. (№1505), где названия хребтов (с искажениями) восходят к сочинению Плиния Старшего:

Tuti hi cosmographi dicono che questo | monte, che ua uerso leuante e trauersa | q(ue)sta asia, i(n) q(ue)la p(ar)te doue l'è più alto è chiq|mato chaucaxo, ouer secondo i sithi chuicasim, | e q(ue)sto p(er) le neue so(n) lì suso. Dicono ancora che'l | ca(m)bia nome i(n) diu(er)se p(ar)te e da li indiani fi dito | iamus, da poi p(ro)faniso, da hi p(ar)thi choatras, | nifates, serapedo(n), corasico, sithico, e da | la p(ar)te dextra caspio ouer hircano, da senestra amaçonico, e cussì | ca(m)bia nome seco(n)do le le(n)gue. (Gasparrini, 1956, XXVI-72-m32; XXVII-86-n1; Falchetta, 2006, №1424).	*Все космографы говорят, что эти горы, что идут в сторону востока и пересекают эту Азию, в той части, где они наиболее высоки, называются Кавказ или, следуя скифам, Квиказим, это из-за снега на нем сверху. Говорят также, что он меняет название в разных частях, и у индийцев называется Иам; и затем искаженно: у парфян – Коатр, Нифат, Серапедон, Коразик, Скифик, а в правой [западной – И.В.] части – Каспийские или Гирканские, а в левой – Амазонские, и так меняет название в зависимости от языков.*

На картах Эбсторфско-Херефордской группы, в которых И.К.Фоменко нашел свидетельства о существовании Самары, «Кавказ» – важнейший ориентир. Он представляет собой сплошную дугу, отделяющую огромный миндалевидный участок суши, упирающуюся концами в океан на крайнем севере и крайнем востоке земного круга. К разным участкам этой дуги моут быть приписаны названия отдельных хребтов (с разной степенью подробности). Основным источником для картографов было приведенное выше описание Кавказа у П. Орозия, где приведены наименования восточных хребтов кроме собственно Кавказа с запада на восток: Акрокеравнии, Ариобарзан, Мемармалы, Партау, Оскобар, Тавр (расположенный далеко на востоке, а не тот, что называется Тавром сейчас) (Чекин, 1999. С.197-198). По названиям этих хребтов можно судить о том, насколько далеко на востоке располагаются окружающие их объекты.

Гог, магог и Железные Ворота

Есть еще одна иллюстрация смешения информации, имеющей отношение к Кавказу – традиционность изображения народов гог и магог. В Библии они упоминаются в связи с концом света в «Откровении» Иоанна Богослова: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их – как песок морской» (Откровение: 29, 7). Увы, для локализации эта информация оснований не дает. Более пространные фразы с упоминанием этих народов запечатлены в книге «Иезекииль», и для этой цели также почти бесполезны. «И было ко мне слово Господне: Сын человеческий! Обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество И скажи: так говорит Господь Бог: вот Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами. Персов, Ефиоплян и Ливийцев с ними, всех со щитами и в шлемах, Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера, со всеми отрядами его, многие народы с тобою. Готовься и сражайся,- ты и все полчища твои, собравшиеся к тебе, – и будь им вождем. После многих дней ты понадобишься; в последние годы ты придешь в землю, избавленную от меча, собранную из многих народов, на горы Израилевы, которые были в постоянном запустении, но теперь жители ее будут возвращены из народов и все они будут жить безопасно. И поднимешься, как буря, пойдешь, как туча, чтобы покрыть землю,– ты и все полчища твои и многие народы с тобою. (Иезекииль: 38, 1-9). И пойдешь с места твоего, от пределов севера, - ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою пред глазами их. Так говорит Господь Бог: не ты ли – тот самый, о котором Я говорил в древние дни через рабов Моих, пророков Израилевых, которые пророчествовали в те времена, что Я приведу тебя на них. И будет в тот день, когда Гог придет на землю Израилеву, говорит Господь Бог, гнев Мой воспылает в ярости Моей. (Иезекииль: 38, 15-18). Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот Я –

на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера и приведу тебя на горы Израилевы. (Иезекииль: 39, 1-2). И пришлю огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно, и узнают, что Я – Господь. (Иезекииль: 39, 6). И будет в тот день: дам Гогу место для могилы в Израиле, долину прохожих на восток от моря, и она будет задерживать прохожих; и похоронят там Гога и все полчище его, и будут называть ее долиною полчища Гогова. (Иезекииль: 39, 11)».

Для церковной картографии этот сюжет стал дежурным: необходимо было показать на круге земном то место, где эти народы находятся. Доступное всем Священное Писание позволяло только сказать, что это один из «четырех углов земли», где-то на севере, рядом есть какие-то острова, войско состоит из «всадников, всех в полном вооружении, ... в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами». Появятся они, когда сатана будет освобожден.

В средневековье была распространена легенда о том, что эти народы заперты в горах Александром Македонским, причем в горах Кавказских. Этой теме посвящены специальные исследования (Anderson, 1932; Van Donzel, Schmidt, 2009; Ср.: Чекин, 2002. С.205-206).

Начало сложения этой легенды можно найти в сочинениях Иосифа Флавия (I в. н.э.). В «Иудейских древностях» (I, 6, 122-123) сделано сопоставление Магога со скифами: «У Ноева сына Иафета было семь детей; они заселили Азию, начиная от гор Тавра и Амана, и распространились в Азии, до реки Танаиса, и в Европе до Гадир... Магог поселил названных по его имени магогов, которых эллины называют скифами» (Кавказ, 1990. С.238). В «Иудейской войне» (II, 7, 4) появляется мысль о воротах Александра: «Мы раньше объяснили, что племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера. В это время [68 г. н.э.], замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну...» (Кавказ, 1990. С.239).

Затем мысль о запертом Каспийскими воротами народе попала в христианскую литературу. Самый ранний пример встречен в «Космографии» Этика Истрийского (III в. н.э.): «Этот народ во времена Антихриста произведет великое разрушение и назовет его богом богов» (Матузова, 1979. С. 207, 221, прим. 3, 4). Позже она отмечена, например, у Амвросия, епископа Медиолана (IV в.): «В то же самое время аланы, племя дикое и долго неизвестное нашим, так как сдерживалось внутри вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами непроходимостью местности внутри страны и запором железной двери, которую воздвиг великий Александр на отвесном хребте горы Тавр, наслыши скифский Танаис и пограничные с ним места Меотидские болота, как бы заключенные в некоей темнице талантом упомянутого государя для того, чтобы обрабатывать свои земли и не тревожить чужих» (Кавказ, 1990. С.387).

В суммированном виде и в связи с конкретными народами, эти утверждения появляются у широко известного христианского автора Св. Евсевия Иеронима (конец IV в.). В «Письме 77» повествуется о нашествии гуннов: «Вот весь восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом» (Кавказ, 1990. С.392). Как видим, автор имел туманное представление о связи новых завоевателей с Кавказом. В «Книге еврейских вопросов на «Бытие» (X, 2) Св. Иероним также обнаруживает очень неопределенные представления о расположении этих народов где-то далеко на севере. «Магог – скифы... Я знаю, что один писатель отнес имена Гог и Магог как в настоящем месте, так и у Иезекииля к истории готов, недавно бушевавших в нашей стране, но верно ли это – доказывается концом самой борьбы. И действительно, все прежние ученые обыкновенно называют готов скорее гетами, чем Гогом и Магогом. Итак, эти семь племен, которые, как я упомянул, происходят от корня Иафетова, живут в северной части света» (Кавказ, 1990. С.394). Примирить эти отрывочные данные с действительностью картографам было сложно.

В результате средневековые христианские авторы связывали с гогом и магогом восточных завоевателей, чьи нашествия напоминали конец Света. Сначала это были аланы, готы, гунны, затем монголы. Рассуждения на эту тему содержатся у многих авторов. Планируемый конец Света проходил, Свет продолжал существовать, идентификация рассыпалась, а суждения и изображения на картах оставались. Перед монахами-картографами стояла сложная и неразрешимая задача – примирить все прежние пророчества, имеющуюся реальность в ее историческом развитии, туманные сведения о далеких землях, где в неведомом антураже, вероятно, и вершились мифы прошлого, переходящие в настоящее и будущее.

Все отягчалось тем обстоятельством, что для «запирания» дьявольских народов требуется «стена» (исходная Библия о ней молчит).

Какие-то сведения доходили о двух стенах – «Железных Воротах» на Кавказе и Великой китайской стене. Поэтому и помещали эти народы или поближе к центру Азии, Каспийскому морю и Кавказским горам; или на крайнем северо-востоке (ВСВ) земного круга, у границ Китая. Во втором случае далеко на восток перемещались и выборочные названия, связанные с Кавказом, например, аланы, Албания, Каспийское море в виде залива океана.

Таким образом, образовавщаяся путаница делает все локализации относительно Кавказа сложными, а ориентироваться следует на те сохранившиеся словесные данные, которые и были источником для церковных картографов. Наиболее надежны конкретные хребты «Кавказа» и реки.

Город САМАРКАН (САРМАТАНА, САМАРКА, САМАРХА)

Интересующий нас топоним на церковных круглых картах мира – это город Самарка, представленный в разной орфографии: Sarmathana, Sarmaca, Samarcan, Samarchan, Samarcha, Samarcam (Чекин, 1999. С.217-

219: Чекин, 2005. С.354, 356). Предпочтительным названием является Самаркан, поскольку именно в такой форме оно использовано и в старейшем, и в позднейшем источниках, относящихся к проблеме. Предложенное Л.С. Чекиным как основное наименование Самарха[1] (Samarcha) фигурирует только на Эбсторфской карте, относящейся, вероятно, к концу XIII в., поэтому. скорее, является исключением. Рассмотрим карты последовательно в приблизительно хронологическом порядке (насколько позволяет имеющаяся датировка источников). Все это карты Эбсторфско-Херефордской группы с особенным изображением «Кавказа» и морских берегов. Наиболее информативные из них относятся к XIII в.

«Копия Сен-Викторской карты»

Так в последнее время называют карту мира, приложенную к мюнхенской рукописи «Этимологий» Исидора Севильского (рис.1-А, 1-Б). Также ее называют «Исидоровской» (Harvey, 1991. P.23), «Орозиевско-Исидоровской» (Woodward, 1987. P.350). Это произведение в последнее время[2] относят к XII в., хотя оснований для датировки не так много (Чекин, 1999, X.4. С.122-123, ил. 38). Основанием для атрибуции послужило близкое (но не полное) соответствие по номенклатуре мюнхенской карты словесному описанию несохранившейся карты мира в «Описании карты мира» Гуго Сен-Викторского, предположительно, относящемся к 1130-м гг. Увы, мог быть использован общий протограф, не относящийся к Сен-Викторскому аббатству в Париже. Сходство названий также не является надежным основанием для датировки.

Поскольку это одно из ранних произведений Эбсторфско-Херефордской группы[3], видно, с чего начиналась традиция, а это исключает связь города с Самарой. Диаметр круга всего около 26 см. На карте изображен город Сарматана (Sarmathana) в следующем окружении. Значительный участок северо-востока суши отделен от остального мира дугой Кавказских хребтов. Северный отрог «Кавказа» упирается в Скифский океан чуть восточнее острова с названиями народов гог и магог. Западнее этого «Кавказа» в Скифский океан впадает р. Аракс (Araxis). Между Араксом и «Кавказом» – аримфеи (Arīphei) и Верхняя Албания (Albania Superior). Восточный отрог «Кавказа» упирается в Серийский океан (Sericus oceanus), то есть в Китайский. Вплотную к этому месту с севера примыкает город Серы (или Серийский, или [народа] серов) (c(ivitas) Sere(s)). Это обычное для церковной картографии явление превращения названия народа (в данном случае – китайцев) в название города. Задумайтесь о том, что то же самое могло произойти и с хорошо знакомым европейцам по письменной традиции народом сарматов.

Город Сарматана здесь расположен в средней части территории, «отгороженной» «Кавказом», между народами гог и магог и Китаем. Ближайшее соседство следующее. Севернее находится Каспийское море (Mare Caspium), на восточном берегу которого, в непосредственной близости от Сарматаны, обозначена Верхняя Гиркания (hircania Sup(er)ior); с востока – деревня Сафрис (vicus Safris) с изображением двух «городков» на безымянной реке, впадающей в океан; с юга – город Кариппы (c(ivitas) Carippi), предположительно, соответствующий Каррам (Харрану) в Верхней Месопотамии или крепости Кафиппы «между гирканами и бактрийцами»[4]. Южнее подписан соответствующий положению хребет «Кавказа» - Оскобары (Oscobares), за которым находится исток Ганга. С запада (!) – город Александрия (c(ivitas) Alexandria).

Хребет Оскобыры приблизительно соответствует современному Гиндукушу, по крайней мере, это индийская часть «Кавказа» (Подосинов, Скржинская, 2011. С.449; Пьянков, 1997, 181-184, 260). Само название появилось по недоразумению, оно произведено Павлом Орозием от наименования города на юге Бактрианы, обозначенного у Птолемея и на Певтингеровой таблице (Пьянков, 1997. С.260).

Город Александрия очень важен. Название Александрия носило несколько городов, основанных или переименованных Александром Македонским. Для изображения более всего подходит Александрия Эсхата (Крайняя), традиционно отождествляемая с современным Худжандом (Ленинабад, Ходжент, 40°17' СШ, 69°37' ВД). У древних авторов Александрия часто упоминается вместе с Самаркандом (Пандой). Особенно показателен фрагмент из хорошо знакомого средневековым географам Плиния Старшего: «По ту сторону [Оха находятся] согдианы, город Панда и в отдаленнейших пределах Александрия, основанная Александром Великим» (Подосинов, Скржинская, 2011. С.194-195; Пьянков, 1982. С.36).

Наибольшее согласие во взаиморасположении будет в том случае, если связывать город Сарматана с Самаркандом (восточнее Александрии – Ходжента). Но возможна и контаминация с племенным названием сарматов, поскольку для церковных карт обычно указание на то, что Сарматия (или Скифия) простирается от океана на востоке до Меотийских болот на западе. Форма «Сармата» также знакома средневековым географам (Матузова, 1979. С.77, 85).

Примечательно, что никаких объектов Восточной Европы, расположенных севернее Черного и Азовского морей, кроме Днепра, Дона и мифических Александровых алтарей, на карте не обозначено. Судите, какова вероятность обозначения на ней Самары. Для Волги здесь в принципе нет места, поскольку Каспийское море соединяется непосредственно с океаном. В любом случае к современной Самаре этот топоним отношения не имеет.

Псалтырная карта первой половины 1260-х гг. (после 1262 г.)

Это одна из двух карт, расположенных на одном листе, приплетенном к «Псалтыри» из Британской библиотеки (создана, вероятно, в Вестминстерском аббатстве). Она относится к Эбсторфско-Херефордской группе, но очень маленькая, диаметр земного круга на ней – чуть меньше 10 см (рис. 2). Заранее можно оценить вероятность попадания на нее Самары. По крайней мере, для всей Руси со множеством городов здесь нашлось только одно слово (Ruscite), да и то – крайне проблемное (Чекин, 1999. С.131, прим.1).

Для представления ситуации в целом сравним это произведение с современностью. Сейчас Самара – миллионный город с развитой промышленностью (даже при всех потерях последнего времени), с хорошей литературной историей. Представьте себе карту

полушария диаметром 10 см. Будет на ней Самара?

«Кавказ» здесь, как обычно для этой группы карт, отделяет дугой часть суши и обоими концами упирается в побережье океана. Это основная дуга для ориентировки по изображению.

И.К.Фоменко посчитал Самарой город Саима (Saima) (Чекин, 1999. С.131), предложив собственное прочтение названия «Сама(ра)». Вероятно, именно эта карта послужила основанием для фразы «на древнейших картах мира Самара находится не где-нибудь, а под правой десницей Спасителя, в пределах досягаемости Земного Рая!» (Фоменко, 2012. С.82).

Искажение источника выражается в том, что одна буква убрана, а две приписаны (рис. 2; 2а). Но важно не это, а окружение символа города с этой надписью. Во-первых, он находится за пределами «сегмента» суши, отделенного «Кавказским» хребтом, то есть расположен даже не в Средней Азии, а значительно юго-восточнее. Две реки, между которыми помещен знак города, впадают в восточный океан. За северной рекой – царство Коро (regio coro), за южной рекой (юго-восточнее, чем Saima) – город Иазарон (c(ivitas) Iazaro(n)). Оба эти объекта не поддаются уверенной идентификации, что очень ярко иллюстрирует степень достоверности источника (искажения настолько велики, что не находится близких аналогий не только в реальности, но и в аналогичных донаучных картах). Скорее всего, Саима, и царство Коро, связаны со страной серов (Китаем), в крайнем случае – с Хорасаном.

С учетом вынесенной выше строки буквы «а» в слове «Saima», название очень близко к Сиаму (Таиланду), но такому сопоставлению противоречит очень позднее появление этого слова в Европе. Но обоснованно доказать ни эту, ни прочие допустимые версии невозможно из-за скудости источника.

Город Иазарон связывали с народом лазов (Lazorum gens), с городом Тазарон-Сагаста (Tazaron Sagasta) (Чекин 1999. С.208). Оригинальное определение предложил И.К. Фоменко: «рядом (северо-восточнее) находится «город Иазарон» («c(ivitas) Iazaron») – искаженное «Хазарский город» (с. 14 в настоящем сборнике). Получается, что «Хазарский город» находится недалеко от берега восточного океана. Сопоставление с похожим названием на сходной карте, предложенное И.С.Чекиным, представляется наиболее вероятным, поскольку на другой стороне того же листа рукописи расположена карта группы Т-О, где подряд читается «В Индии Тазарон Сагаста...» (Чекин, 1999. С.132). Связать его с конкретным городом невозможно, но одно можно сказать, что предложенная И.К.Фоменко версия соответствия города Саима (или Сиама) и Самары (как и Иазарона с «Хазарским городом») – совершенно исключена. По крайней мере, потешная этимология «этруски – это русские» имеет значительно большее право на существование.

Дело в том, что рядом есть один надежно определяемый объект. К западу (!) от города Саима находится верхнее течение реки Ганг (Ganges fl.). Теперь представьте себе ситуацию: на карте не подписано Каспийское море, в принципе нет места для Волги, а где-то восточнее истока Ганга, рядом с городом «в Индии», недалеко от Тихого океана, находится город Саима. И.К.Фоменко утверждает, что это Самара. Насколько вообще можно доверять такому утверждению?

Следовательно, «рай» изображен рядом не с Самарой, а с совершенно другим городом.

Верчелльская карта

К XIII в. (скорее всего, к его второй половине, после 1270-х гг.) относится Варчелльская карта мира (Чекин, 1999, X.10. С.132-136, ил.46, 47). При первой публикации на основе палеографических признаков и стиля ее вообще относили к концу XIII – началу XIV вв. (Brincken, 1990, p.11). Затем, как часто случается, наиболее привлекательным стал одиночный признак – изображение в Африке французского короля Филиппа. В действительности посетил Африку Филипп III (1270-1285). Это и стало решающим. Но были еще Филипп II (1180-1223), Филипп IV (1285-1314). На мой взгляд, одно изображение не является достаточным для датировки, и палеография, при всех ограничениях, дает больше оснований. Общий размер пергамена – 84 х 70-72 см. Плохая сохранность карты и низкое качество репродукций позволяют лишь воспроизвести группу названий[5], где фигурирует интересующий нас город (рис. 3).

«Кавказ» показан здесь традиционно для карт Эбсторфско-Херефордской группы в виде дуги, отделяющей «сегмент» суши на северо-востоке земного круга. Ограниченная им площадь разделена на участки шестью реками, текущими с гор в Северный океан и «Каспийским» морем – заливом океана. Линии рек и «Каспийского» залива практически параллельны, а образованные участки располагаются по оси СВ-ЮЗ. Надписи о Сармаке и Александрии расположены на участке между двумя реками, находящимися к юго-востоку от «Каспийского» моря. Названия рек не читаются, но по аналогии, северо-западная река – Бактр[6].

Надписи восточнее реки: «Этот народ аримаспы с грифонами Сармака. У этого города больше, чем сто миль в окружности в нем живет христиан. В этом городе Александр запер два нечистых племени гог и магог антихристу товарищи в конце света. Горип…» (Gens ista Arimaspi vero [...] cum griponibus (Gens ista cum griponibus || Sarmaca || Hec civitas[?] maior est quam ... centum[?] miliaria h[abe]ns in circuitu ... moratur in ea ser in ea medi... chri[sti]anor[um] (ista quern miliaria. h[abe]ns in moratur in ea sed in medi... chri[sti]anor || In civitate ista inclusit Alexander duas gentes immundas Goz et Magoz antichr[ist]e et ... eos comites in fine mundi || Gorip...g...) (Чекин, 1999, X.10.7. С.134-136, ил.46, 47).

Город Александрия здесь не назван, но упомянут город, где Александр запер два народа – предвестника конца Света. Весь этот участок помещен юго-восточнее Каспийского моря[7], изображенного в виде залива океана, глубоко вдающегося в сушу. Относительно Эбсторфской карты (видимо, незначительно более поздней) это произведение дает только одну дополнительную характеристику города Сармака – рядом Александр запер народы гог и магог. Позитивной информации в этом немного, но это лишнее свидетельство того, что к Самаре предмет никакого отношения не имеет.

Эбсторфская карта

В наиболее полном виде «церковная» информация о Самарке представлена на Эбсторфской карте (рис.4),

самая вероятная дата которой – XIII в., скорее всего, его конец (Чекин, 1999. С.137). Хотя сама карта не сохранилась, ее прорисовка и фотографии дают достаточно объективное представление об источнике (Чекин, 1999, X.11. С.136-152, ил.48-55). Это была самая большая из средневековых карт: 356 х 358 см.

Интересующий нас фрагмент находится близко к восточной окраине земного круга, на восточном берегу реки, стекающей с дуги «Кавказских» гор в северный океан. Изображение «Кавказа» здесь очень близко к «копии Сен-Викторской карты» из рукописи Исидора Севильского, Каспийское море также показано в виде залива океана в западной части «сегмента», отделенного горной цепью.

Отдельный участок, ограниченный «Кавказом» и рекой, дает следующие надписи (Чекин, 1999, X.11.8.1. С.145, 151, ил.53).

На крайнем востоке участка рядом с изображенным на острове людоедом – две надписи: «Antropofagi, homines veloces, habent ennim (enim S) pedes similes equorum, carne et sanguine hominum vivunt» (Здесь антропофаги [людоеды], люди быстрые, потому что у них ноги подобны лошадиным. Питаются они мясом и кровью людей) и «Scithia ab extrema orientis parte usque ad occeanum, deinde a meridie usque ad Caucasi iugum deducta. Cui subiacet Hyrcania ab occasu, habentes pariter gentes XLIIII. Suntque ei flumina magna: Oscorum, Fascidin, Yrarin. Ibique lapides pretiosi inveniuntur et aurum et gemme. Griphorum immanitate oppressi, statura proceri, quadrupedum atque pennatum genus rapidissimumque omnium ferarum fertur esse. In vertice id est in lateribus Yperboreorum moncium nascuntur. Totum namque corpus illorum ymaginem seu formam leonis ostendit. Alis itaque et facie velut aquile. Equis vehementer infesti. Nam homines discerpunt, iuga bourn velut duos hircos unguibus interimentes dividunt» (Скифия простирается от крайнего востока до океана, затем на юге до Кавказского хребта. С запада под ней лежит Гиркания, в которой также 44 народа. Есть в ней и большие реки: Оскор, Фасис и Аракс. Там находят драгоценные камни, и золото, и жемчуг[8]. Но они недоступны из-за большого количества грифов, которые высокого роста, четвероногие и пернатые, считается, что быстрее них зверя нет. Родятся они на полюсе, то есть в стороне Гиперборейских гор. Тело их все по образу или форме, как у льва. А когти и лицо, как у орла. Они враждебно относятся к лошадям. Раздирают на части людей, могут смертоубийственными когтями разделать пару быков или двух козлов) (Чекин, 1999, X.11.7.2. С.145, 150, ил.53).

Южнее пространной надписи изображен сидящий человек, поедаемый зверями, а правее него, у истока реки, текущей в Восточный океан, надпись: «Hic sunt Massate gentes» (Здесь племена массатов) (Чекин, 1999, X.11.7.3. С.145, 150, ил.53).

Западнее, на «пустом» пространстве, расположены две вытянутые надписи: «Inter mare Siticum, quod respicit ad septentrionem, et mare Caspium quod respicit occidentem, et Caucasum montem, totius huius lati fundi spatium Scitarum et Hyrcanorum duodecim incolunt gentes. et generaliter omnes Scithe dicuntur. (Все пространство между Скифским морем на севере, Каспийским морем на западе и горой Кавказом населяют двенадцать народов скифов и гирканов, и все они вместе зовутся общим именем скифов) и «Massagete et Derbees miserrimos putant qui egrotatione moriuntur; parentes amicos, cum ad senectutem venerint, iugulant et devorant» (Массагеты и дербики считают самыми несчастными тех, которые умирают от болезней, и режут и поедают родителей и друзей, когда те состарятся[9]) (Чекин, 1999, X.11.8.1. С.145, 151, ил.53). Под второй надписью у берегу реки изображены два человека, поедающие старика. В целом эта группа надписей иллюстрирует то, что под территорией скифов и массагетов подразумевали все пространство Азии между «Кавказом» и океаном, вплоть до самого востока земного круга.

Севернее, на той же реке, где людоедствуют массагеты, изображены два города с легендами, а еще севернее – изображение аримаспа[10], сражающегося с грифоном, без подписи. Надпись над северным и более крупным городом: «Samarcha civitas est Gazare id est Scitie regionis maior Babylone habens in gyro C milia, quae a rege pagano et christiano mixtim colitur» (Самарха, город в Хазарии, скифской области[11], больше Вавилона, 100 миль в окружности, под совместным управлением двух царей, христианина и язычника) (Чекин, 1999, X.11.8.1. С.145, 151, ил.53). Южный город – Alexandria (Александрия).

Самое главное для локализации городов то, что у ног аримаспа с мечом и щитом подписана река, на которой они стоят: Bactrus fl. (р. Бактр), ориентир очень важный. Здесь явно прослеживается связь с текстом Плиния Старшего, который пишет, что в средней Азии далее находится «основанный Александром город Гераклея, который был разрушен, восстановлен и назван Антиохом Ахаидой, дербики, чьи владения посередине пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакс, сирматы, окситтаги, моки, бвтены, сарапары, и бактры, у которых есть город Зариаст, названный позже по реке Бактром. Этот город занимает земли позади горы Пропанис напротив истоков Инда; границей служит река Ох» (Подосинов, Скржинская, 2011, с.194, 195).

Существенно западнее (ниже) – Каспийское море, на восточном берегу которого, в прямоугольнике из гор и стен – изображение «запертых» гога и магога в виде двух обнаженных людей, поедающих конечности человека, также изображенного здесь с отрубленными руками и ногами и истекающего кровью. Этому соответствует надпись в верхней части прямоугольника: «Здесь Александр запер два мерзких народа гог и магог, кои будут товарищи антихристу. Они питаются человечьим мясом и пьют кровь» (Hic inclusit Alexander duas gentes immundas Gog et Magog, quas comites habebit Antichristus. Hii humanis carnibus vescuntur et sanguinem bibunt) (Чекин, 1999, X.11.2.3. С.141, 148, ил.53).

Таким образом, город Самарка изображен на пространстве Скифии восточнее Каспийского моря, на реке Бактр. Соседний город с юга на той же реке - Александрия. Соседние народы с севера – мифические аримаспы, воюющие с грифонами из-за драгоценностей; с юга – массагеты и дербики.

Кстати, город располагается не «под правой десницей Спасителя – недалеко от пределов Земного Рая» (Фоменко, 2012. С.82), а над десницей (левой она не может быть по определению), рядом не с раем, а с народами гог и магог, товарищами антихриста.

Естественно, что наиболее вероятная идентификация города – Самарканд. Усеченная форма объясняется даже графически. Сочетание букв «an», особенно в

конце слова, часто передается с макроном – «ā». Черта над буквой в каком-либо протографе могла оказаться просто не узнанной. Кстати, первоначально «ā» было сокращением «ante». Тогда «Samarchā» будет соответствовать полному «Samarchante». И тогда двойственности в толковании не будет.

Это сопоставление с Самаркандом является если не общепризнанной, то, по крайней мере, самой распространенной гипотезой. Об этом свидетельствуют окружающие объекты: Александрия (Ходжент), река Бактр (Амударья), расположение к востоку и югу от Каспийского моря (Чекин, 1999. С.217). Что подразумевается под рекой Бактр особых сомнений не вызывает, поскольку для этого на карте есть отдельная легенда: «Страна Бактрия. Получила название от реки Бактр. С одной стороны она оканчивается у реки Инда, с другой – ее ограничивает река Бактр. В ней водятся лучшие и сильнейшие верблюды. С Бактрией граничит Гиркания, названная по Гирканскому лесу, в котором птицы, перья которых сияют ночью. С самого запада к ней примыкает Индия, затем Каппадокия» (Чекин, 1999. С.151). Обратите внимание: с Бактрией граничит Гиркания.

Иное мнение на этот счет высказал Л.С.Чекин. Он посчитал, что «легенда о Самархе (или, по крайней мере, сам топоним) относится к достаточно древнему пласту информации и проникла в картографическую традицию не позднее начала XII в... Идентификация Самархи и Самарканда затруднена и тем, что ее непросто объяснить с точки зрения истории средневековых географических знаний[12]. Сведений о Средней Азии, отличных от античной традиции, до второй половины XII в. в западной литературе не зафиксировано. Самарканд — средневековое название, отличное от античного «Мараканда», проникает в различных формах в западную литературу примерно с 1165 г., в контексте слухов о царстве «священника Иоанна», который якобы собирался на помощь западному христианству в борьбе против ислама» (Чекин, 1999. С.217).

Увы, на ранних картах Эбсторфско-Херефордской группы название имеет форму Sarmatana или Sarmasa, что указывает на контаминацию со сведениями о сарматах, действительно древними. В «Описании карты мира» Гуго Сен-Викторского – та же форма: Sarmathana. В словесных сочинениях Гуго и Ришара Сен-Викторского фигурирует Samarchan (Samarcham). Узнаваемый Самарканд на картах появляется позже, в XIII в., когда новые сведения об азиатских землях перестают быть исключительными.

Установка на то, что первые сведения о Самарканде под средневековым названием появились около 1165 г. основывается на письме легендарного царя-священника, являющемся творением европейца (Чекин, 2005. С.355). Представьте себе, насколько распространенными к тому времени должны были быть устные сведения о епископе Самарканда, чтобы нашелся фальсификатор, решившийся вводить его фигуру в поддельное письмо.

В целом же хронологические неувязки не настолько значительны, чтобы можно было делать жесткие выводы. Состояние источников таково, что точно датировать появление скудных сведений о Средней Азии (в частности – о Самарканде) в пределах XII в. невозможно.

Что же касается данных о «хазарском городе», то они вообще призрачны. Обратите внимание на простую истину. Хазарское государство существовало, когда уже появились первые «церковные» карты мира, а при папе Захарии (741-752 гг.), по образному выражению Л.С.Багрова, начался «золотой век церковной картографии» (Багров, 2004. С.37). Тем не менее, ни буквы об этом государстве и его столице на карты не попало, да и Волга не удостоилась помещения на них. Проходит приблизительно три века после исчезновения Хазарии – и вдруг на избранных круглых картах мира (всего на двух) появляется хазарский город (не Итиль), да еще по размеру больше Вавилона. Это должно настораживать, хотя, конечно же, хочется найти ранние сведения по отечественной истории. Если нельзя, но очень хочется, то можно.

Л.С.Чекин при интерпретации данных пошел по самому напрашивающемуся пути, который, к сожалению, требовал применения двойных стандартов. В результате на одной странице помещаются взаимоисключающие фразы: «Данные о размерах Самархи и о системе правления в городе поддаются интерпретации как при отождествлении Самархи и Самарканда, так и в соответствии с гипотезой о хазарском происхождении легенды». Никаких аргументов в пользу «хазарской» версии не высказано. Чуть ниже: «Эбсторфская, Верчелльская и другие рассмотренные в статье западноевропейские карты мира XII-XIII вв. оказываются в ряду немногочисленных известных источников по хазарской истории» (Чекин, 2005. С.362). От себя замечу, что о «хазарском происхождении легенды» не говорит почти ничто. Название «Газария» (Gazare) на карте определено как «область Скифии», но на практике оно в золотоордынское время могло относиться и ко всей империи татар.

Другой пример. «Форма Херефордской карты (Samarcan), совпадающая с одной из форм имени «Самарканд» в книге Марко Поло, остается единственным таким совпадением и для традиции легенды о Самархе вовсе не характерна» (Чекин, 2005. С.362). Однако в таблице топонимов Л.С.Чекин сам же приводит формы «Samarchan» из «Хроники» (1130-1135) Гуго Сен-Викторского и «Samarcam» из «Книги Извлечений» (1153-1162) Ришара Сен-Викторского (Чекин, 2005. С.354). Но «c» - «ch» и «n» - «m» настолько часто заменяются, особенно в именах собственных, что все это можно считать одним названием. При этом «Самарха, город Хазарии» в западноевропейской литературной традиции вообще отсутствует.

Установку на априорный вывод Л.С.Чекин продемонстрировал уже в начале статьи, где рассматривал историю исследования Эбсторфской карты: «Однако Миллер не попытался объяснить, почему картограф поместил знаменитый среднеазиатский город на территории Хазарского каганата» (Чекин, 2005. С.347). Было бы странно, если бы К.Миллер попытался это сделать, поскольку на Эбсторфской карте, как и на всех остальных, нет Хазарского каганата.

Не оправдано и положение, что пространная характеристика города, присутствующая только на двух поздних произведениях, может быть отнесена к картам, где есть только сам топоним.

Во-первых, сведения о двух царях (христианине и язычнике) Л.С.Чекин счел отражением двоевластия у

хазар (где царя христианина не было). Во-вторых, попытался найти созвучный город Хазарии.

К сожалению, ассоциация с двоевластием кагана и бека – слишком натянутая. В Хазарии оба властителя были иудеями (не вполне язычниками), а христиан среди царей не было. Сосуществование разных конфессий характерно не только для Хазарии, но и для большинства стран Востока. Если же мы посмотрим на первые же фразы описания Самарканда у Марко Поло, то увидим: «Санмаркан – город большой, знатный; живут там христиане и сарацины, подданные племянника великого хана... Нужно знать, что еще не так давно кровный брат великого хана Жагатай обратился в христианство и владел и этою страною, и многими другими. Христиане в Самарканде тому, что царь их стал христианином, очень радовались и выстроили большую церковь во имя Иоанна Крестителя...» (Карпини, 1997, гл. 52. С.224; Поло, 2009. С.121). По смыслу это значительно ближе к тому, что написано на карте. Не берусь утверждать, что картограф был знаком с первыми сведениями о Монгольской империи, доставленными братьями Поло (1269 г.) и тем более с произведением Марко Поло, но даже это не исключено (даты создания двух карт с пространной легендой точно не определяются, но это XIII в., ближе к концу). А главное – информация о городе после монгольского завоевания могла распространяться по множеству каналов. Особенно это касается церковной среды, где быстро передавались новости о «чудесах», а именно такое описал Марко Поло в связи с упомянутой церковью Св. Иоанна.

С 1260-х гг. в церковной среде уже очень широко распространились сведения католических миссионеров, побывавших в Монгольской империи, по крайней мере, Роджер Бэкон уже использовал сочинение Вильгельма Рубрука (Матузова, 1979. С. 207-209, 211, 214-217), причем не только текст, но и свидетельства очевидцев (Матузова, 1979. С. 208). Сведения о правителе Иоанне и его родственниках-ханах вполне могли быть по-своему переосмыслены церковными картографами. В целом, многое из того, что известно из сочинения Марко Поло («горный старец», бумажные деньги в Китае), зафиксировано средневековыми европейцами раньше (Матузова, 1979. С. 135, 218).

Из самой надписи на карте следует, что Газария – это Скифия (Gazare id est Scitie regionis), а Скифия простирается от океана до Меотийских болот. Следовательно, привязка города Самарка по сопровождающему тексту к местности – весьма неопределенная (вплоть до океана), а по изображению реки Бактр – это среднеазиатский город.

О какой же Газарии может идти речь? Вынужден напомнить, что после 1204 г. венецианцы стали фактическими хозяевами Черноморских проливов, их флот господствовал в Черном и Азовском морях. И с этого времени в постоянный обиход вошел топоним Газария, именно в той форме, которая применена на Верчелльской и Эбсторфской картах. В узком смысле так называли Крым, где и помещалась эта надпись на морских картах; в широком (что зафиксировано с несколько более позднего времени) – это вся империя, по крайней мере, Золотая Орда (Скржинская, 1973. С.106, 117-118). Обратите внимание, Джучидское государство в надгробии Якопо Корнаро названо империей Газарией значительно меньше, чем через век после создания Эбсторфской карты, а в литературную традицию, насколько мне известно, такое наименование государства вообще не попало.

Благодаря материалам путешествия Вильгельма Рубрука название Газария стало известным в католическом мире: «тот [выступ в Черном море – *И.В.*], который находится на севере, занят некоей областью, именуемой ныне Латинами Газария; Греками же, живущими в ней по берегу моря, она именуется Кассария, то есть Цезария» (Карпини, 1997. С.88). Даже в Англии благодаря «Великому сочинению» Роджера Бэкона такое наименование Крыма стало общеизвестным: «А с северной стороны он имеет в углу другую крепость, которая называется Солдайя, и она находится в провинции, которая ныне называется Кассария, или Цессария» (Матузова, 1979. С. 211). Судя по контексту, к Крыму же относятся упоминания хазар и в более ранних произведениях. Например, в «Великой хронике» Матвея Парижского они упомянуты между готами и Русией (Матузова, 1979. С.135).

На Эбсторфской карте Газария, безусловно, к Крыму отношения не имеет, положение далеко за Кавказом и Каспийским морем, на реке Бактр исключает это. Но смешение названия именно с топонимом, появившимся в XIII в., а не с государством хазар, исчезнувшим задолго до этого, представляется вполне реальным. Если под Газарией подразумевалась вся империя (не важно, Монгольская или улус Джучи), то противоречий практически нет. Впрочем, не следует переоценивать согласованность в сведениях средневековых монахов.

Попытка Л.С.Чекина подобрать наиболее созвучное с Самаркой название хазарского города вполне понятна. Увы, это почти безнадежно, поскольку число названий хазарских городов, зафиксированных сохранившимися источниками – ограничено, и все они имеют слишком отдаленное сходство с Самаркой (Новосельцев, 1990. С.122-134). Ни Семендер, ни Самкерц (Самкуш) не являются достаточно созвучными, и уж тем более не соответствуют окружающим Самарку объектам. Л.С.Чекин выбрал Семендер, но это такая же схоластика, как и соотнесение с любым из хазарских городов, включая Саркел. Пришлось безосновательно допускать знакомство картографа с еврейскими источниками и то, что характеристику одной части Итиля из письма царя Иосифа картограф использовал с переводом фарсахов в римские мили и высчитал периметр «города» по формуле (нашего времени) длины окружности, исходя из линейных размеров (Чекин, 2005. С.359-360). Таких примеров в средневековой картографии нет.

Совсем странной выглядит попытка И.К.Фоменко связать Самарку с современной Самарой. Представьте себе шансы того факта, что европейскому картографу известен город Самара с периметром в 100 миль (не зафиксированный в это время ни в каких прочих источниках), но не известна Волга, а Каспийское море представляется заливом океана.

Херефордская карта

Херефордская карта конца XIII в. дает немного информации, но она, по крайней мере, исключает связь отдаленно созвучного названия с Поволжьем (рис. 5). Это единственная из больших карт, сохранившаяся хо-

рошо, авторство ее известно, размер – 165 х 135 см. Здесь традиционно «ломаной» дугой «Кавказа» отделена часть суши на северо-востоке.

Интересующий нас топоним находится в самой восточной части «отгороженного» участка. Рядом с мысом Самара находится мифический мыс Борей, образованный от названия северного ветра. Западнее, между рекой Борей (Fluvius Boreus) и безымянным горным хребтом, – три легенды общего характера: «Hic inicium orientis estivi, ubi immensas esse nives Marcianus et Solinus dicunt» (Здесь начало северо-востока, где, по словам Марциана и Солина, глубокие снега); «Solinus dicit: Eones insulas qui inhabitant omnis marinarum avium vivunt» (Солин говорит: обитатели Эонских островов питаются яйцами морских птиц); «Ab hinc usaue ad Meotides Palludes generaliter Sithia dicitur» (Отсюда до Меотийских болот в целом считается Скифия) (Чекин, 1999. С.153, 156).

Под упомянутым безымянным горным хребтом (западнее) – еще две легенды: «Hic post nives longa deserta» (Тут после снегов обширные пустыни[13]) и «Seres primi homines post deserta occurrunt a quibus serica vestimenta mittuntur» (Первые люди после пустынь – серы[14], от них поставляют шелковую одежду) (Чекин, 1999. С.153, 156).

Справа от последней легенды (южнее) – условный знак города, над которым расположена подпись «Samarcan civitas» (Город Самаркан). Обратите внимание знак находится южнее легенды с упоминанием серов (китайцев). Еще правее – пояснительная легенда к расположенному ниже изображению птицы в гнезде: «Pellicanus dicor. Pro pullis scindo michi cor» (Я зовусь пеликан. Для птенцов расклевываю свое собственное сердце) (Чекин, 1999. С.153, 156).

Уже говорилось о горном отроге (мысе) Самара, который, возможно, обусловил расположение Самарканда (Самары, по И.К.Фоменко) существенно дальше на восток, чем на других картах, ближе к Китаю и океану. Поэтому контекст условного знака города с подписью «Samarcan civitas» (город Самаркан) еще меньше соответствует Самаре и Поволжью вообще.

В остальном соседние объекты следующие. Ближайший с запада – исток реки Амударьи (Oxus fluuius), которая течет далее на запад, принимает левый приток – реку Бактр (Bactrus fluuius), а затем поворачивает на север и впадает в Каспийское море, представленное заливом океана. К северо-западу от города Самаркан – надпись «hircani hic | habitant» (Здесь живут гирканы). К северо-северо-западу – река Боэмарон (fluuius Boemaron), впадающая в северный океан с подписью на левом берегу: «urbs Choolissime [q]uam edifieavit Magog filius Iaphet» (город Хоолисма, который построил Магог, сын Иафета). Севернее – экспликация о пустыне, за которой первый – народ серов (китайцев). Восточнее – впадающая в восточный океан река Борей (fluuius Boreus), рядом с которой течет безымянная река, у которой обозначен Нукусафрис (Nucusafris). По мнению Л.С.Чекина, это искаженное название поселка Сафрис (vicus Safris), располагавшегося у истоков Ганга (Чекин, 1999. С.227). Действительно, ближайшая от него подпись за Кавказом, в данном случае, хребтом Оскобар (montes osco) – река Ганг (Ganges fluuius).

Как видим, все окружение города Самаркан более или менее соответствует восточной части Средней Азии, но никак не подходит для Поволжья, для которого на карте в принципе нет места (ни для самой Волги, ни для суши к северу от Каспийского моря). Если в последних исследованиях и высказываются сомнения в том, что это Самарканд, то только потому, что город обозначен слишком далеко на востоке (Westrem, 2001. P.24-25, №43).

Даже мифические аримаспы здесь, в отличие от Эбсторфской карты, помещены значительно ближе к знакомой части мира, западнее Каспийского моря, севернее Каспийских ворот и Черного моря, в окружении савроматов, скифских племен и массагетов, с сопровождающей надписью: «Carimaspi. Cum griphis pro smaragdis dimicant» (Аримаспы. С грифами за изумруды сражаются[15]) (Чекин, 1999. С.154, 156). Это лишний раз свидетельствует о том, что интересующий нас город не связывался даже с удаленной периферией степной зоны.

Попытку связать название Самаркан с Самарой (а не Самаркандом) И.К.Фоменко подтвердил указанием на то, что Самарканд под названием Панда на этой карте уже упомянут (Фоменко, 2012. С.80). Это не вполне убедительно, поскольку удвоение названий в средневековой церковной картографии – явление нормальное, особенно когда речь идет об античных и средневековых пунктах. Например, на Эбсторфской карте произошло удвоение названий Восточной Европы, где есть полуостров «Норвегия» и остров «Скандинавия» (Чекин, 1999. С.137). Там же имеются дублеты Эвксинского Понта и Аракса (Чекин, 1999. С.204, 213). Примеры удвоения объектов будут рассмотрены и ниже. При этом взаиморасположение Самаркана и окружающих объектов приемлемо для Самарканда, но совершенно исключает связь этого города с Самарой. Кстати, отдельный Самарканд под античным названием Панда изображен существенно северо-западнее, чем Samarcan. Посудите, насколько велика вероятность обозначения Самары к юго-востоку от античного Самарканда.

Привлечение к данным о раннем основании Самары сведений Рубрука просто запутывает несведущих в источниках читателей. Да простят меня коллеги за то, что я комментирую эти очевидные факты. Мысль связать город Самарка круглых карт мира и Суммеркент, упомянутый Рубруком в дельте Волги (или Волго-Ахтубинской пойме) высказана Д.Н. Егоровым, а затем поддержана Л.С. Чекиным (Чекин, 1999. С.217). Мысль – неправильная, но все же укладывающаяся в логику историка, связанного исключительно с ограниченным кругом письменных источников: на Нижней Волге была столица Хазарии – Итиль, стало быть, возможны другие хазарские поселения, а на монастырских картах фигурирует «хазарский» город Самарка. Вот вам и Суммеркент. Но отнести все эти сведения к Самаре – верх неосторожности. При всех сложностях интерпретации источника один факт остается бесспорным – Суммеркент находился не выше села Селитренного, а скорее всего – значительно ниже. Следовательно, к современной Самаре он не имеет никакого отношения. Мысль И.К. Фоменко о переносе города с одного места на другое перед монгольским завоеванием, высказанная не очень четко (статья в настоящем сборнике. С.15), просто исключает преемственность поселений. Перенесение города почти на тысячу ки-

лометров вниз по течению, а затем – вверх по течению слишком анекдотично. В данном же случае мы имеем дело просто с созвучием топонимов, более близким, чем все предложенные И.К.Фоменко из области церковной картографии, но все же просто созвучием. Положение Суммеркента не определяется совершенно точно, но достаточно, чтобы сказать, что он не имеет отношения к Самаре.

Читая тексты И.К.Фоменко, я постоянно ощущал что-то знакомое – было явно, что я уже сталкивался с чем-то подобным прежде. В конце чтения я понял, где находится двойник. Это книга Готлиба Теофила Зигфрида Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от основания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (Байер, 1782). В обоих случаях мы имеем дело с конъюнктурными сочинениями, в которых излагаются хрестоматийные факты, не имеющие никакого отношения к рассматриваемым городам, не существовавшим в то время, к которому эти факты относятся. Церковная картография в целом не дает сведений о существовании Самары, как и о Хазарии[16]

Некоторые утверждения И.К.Фоменко вообще вызывают недоумение. Например: «О христианизации правящей верхушки Хазарского каганата в VIII в. свидетельствуют археологические изыскания в районе «страны» Беленджер на Кавказе. Позднее под натиском арабских войск хазары будут двигаться на север, произойдёт массовое оседание на землю, в результате чего сложится т.н. «салтово-маяцкая» культура, которая в настоящее время покоится на дне Сулакской ГЭС. Заметим, что таких «мини-Атлантид» на месте хазарских городских центров в эпоху победившего социализм образовалось на территории СССР предостаточно» (С.14 в настоящем сборнике). Прокомментирую. О «христианизации правящей верхушки» археологические источники достоверной информации не дают – они и о распространении иудаизма почти не дают свидетельств. Вопрос только в том, насколько вольно интерпретируются данные археологии. Утверждение о том, что салтово-маяцкая культура «покоится на дне Сулакской ГЭС» – просто абсурд. Эпонимные памятники (Верхнее Салтово и Маяцкое) находятся в бассейне Дона, в сотнях километров от водохранилища на р. Сулак. Полагаю, что в Самаре есть достаточно историков и археологов, которые знают, что такое салтово-маяцкая культура, и поэтому могут оценить, насколько серьезно можно относится к подобным утверждениям.

Совсем наивны попытки уравнять с действительностью легендарные сведения о городе с окружностью в 100 миль (С.14 в настоящем сборнике). Впрочем, для домонгольского Самарканда они хоть как-то приемлемы. У городища Афрасиаб площадь – более 200 га, а с пригородами значительно больше. Учитывая легкость преувеличения в средневековье, это, по крайней мере, значительно. Но искать реальный город такого размера – это все равно, что искать рай по указаниям средневековых карт.

Городов хазар, известных по письменным источникам, – единицы. Все они находились или в центральной части государства, или на его южных окраинах. При этом в центре Хазарии, например, на Нижнем Дону и Кубани, крупных поселений много. Но удостоились быть отмеченными письменными источниками только Саркел на Дону и Тмутаракань (хазарский Самкерц / Самкуш) на Кубани. (Локализация города Самкерц тоже неоднозначна). Район Самары – далекая северная периферия, находящаяся в определенной зависимости от Хазарии периода расцвета, но не более того. Странно, что более значительные и близкие крупные населенные пункты хазар остались неизвестными европейцам, а «Самара», в районе которой нет поселений хазарского времени, сопоставимых по размерам с городами, оказалась известной и даже изображенной с пространной легендой.

Картография после появления портоланов

К XIV и XV вв. относятся две карты, на которых действительно рядом с изображением Волги есть название Samar, которое достоверно можно относить к городу или к реке. Его положение приблизительно соответствует Самаре. На обоих произведениях изображение Среднего Поволжья восходит к общему источнику. Но, прежде чем рассмотреть конкретные произведения, следует кратко охарактеризовать развитие картографии этого времени в целом.

Новая эпоха в картографии началась в связи с появлением морских карт или портоланов. Технику их создания можно реконструировать только исходя из самих карт. Они представляют собой изображение береговых линий морей, островов, мелей и якорных стоянок в пределах моря, причем весьма точное. Основу карты составляет береговая линия.

Из этого следует, что съемка производилась с борта корабля. Для ее исполнения требовались доступные в то время инструменты. Компас давал направление, простейший лаг – скорость движения, по песочным часам определяли время. Дополнительным подспорьем могли быть тригонометрические измерения: поверхность моря позволяет измерить горизонтальный угол от наблюдателя в море между двумя отдаленными точками на берегу, а зная расстояние до каждой из них, можно определить расстояние между ними.

Источников об использовании лага уже в XIII в. нет, но устройство – предельно простое: дощечка с поплавком и грузом, занимающая в воде вертикальное положение, подвязана в трех точках к длинному шнуру с узелками так, чтобы всегда находиться поперек направления движения корабля. Узелки на шнуре располагались на определенном расстоянии. Выбросив лаг за корму и подавая шнур строго по ходу, можно определить, сколько узелков на шнуре придется отпустить за борт за время просыпания песка на песочных часах. Это позволяет установить скорость судна, а по времени движения несложно определить пройденное расстояние.

В любом случае опытный лоцман даже без использования каких-либо приборов может довольно точно определить скорость судна при каботажном плавании, особенно в штиль при ходе на веслах. Приблизительно так же, как опытный водитель на глаз определяет скорость машины, а опытный пробировщик по цвету пробирной полоски – чистоту благородного металла.

Практически одновременно с морскими картами появляются круглые карты мира, на которых зона «нормального портолана» включена в круглую «церковную» планисферу. Первые датированные такие карты содержатся в атласах Петро Весконте, приплетенных к

трактату Марино Санудо Старшего «Liber Secretorum fidelium Crucis» (Книга тайн верных Креста) (Sanuto, 16[illegible]). Атласы могут содержать до девяти карт, одна из которых – карта мира. На них узнаваемо передается Средиземноморско-Черноморский бассейн, а остальная территория – очень отдаленно, с явными заимствованиями из церковной картографии. Даже зона «нормального портолана» изображена очень грубо, что обусловлено мелкостью масштаба. Показательно, что карты и трактат не связаны между собой ничем кроме территории, во всяком случае, М.Санудо не ссылается на П.Весконте (Ср.: Lock, 2011. P.15), а на карте мира не отражены даже те сведения, которые есть в сопровождающем тексте[17] Круглые карты мира с XIV в., хотя по форме они «церковные», следует рассматривать особо, поскольку здесь использовали данные более поздних съемок и новую словесную информацию.

К морским картам прилагались и словесные портоланы (их называют и лоциями, но от современных справочников этого типа они слишком далеки), где указывались расстояния и направления между пунктами, а также очень краткие характеристики портов, ориентиров, опасных мест, которые невозможно отобразить на карте. Словесных портоланов сохранилось на два порядка меньше, чем морских карт, но один из них, вероятно, даже древнее, чем самая ранняя уцелевшая морская карта. Причина вполне понятна – значительно меньшая практическая значимость, денежная стоимость и привлекательность этих изделий. Поэтому и относились к ним не так бережно, как к картам.

Существует мнение, что морские карты могли возникнуть от словесных портоланов или даже от античных периплов (Подробнее: Campbell, 1987. P.380-384). Оно совершенно неверно, да и не обосновывалось. Все сводилось только к простому изложению сведений периплов. Бессмысленность подобных положений однозначно следует из того, что по имеющимся сведениям словесных портоланов (да и по любым словесным) невозможно создать изображения даже приблизительно той точности, которую мы имеем на морских картах. Особенно показателен в этом смысле самый ранний словесный портолан (Il compasso..., 1947). Расстояния даны неточно, часто округленно, а иногда случаются грубые ошибки в направлениях. В частных случаях ошибки могут составлять, например, 90° (Волков, 1998. С.27-28; Волков, 2005). В общем случае максимальная точность направления – до 1/256 круга (un poco), то есть 1°9'22,5" Обычно же направление округляется до кварты (1/32 круга, то есть 11°15') или до 1/16 круга, то есть 22°30' (Nordenskiöld, 1897, S.53; Il Compasso, 1947. P. cxxviii-cxix, fig. 9, 10, 17), а изгибы маршрута корабля не оговариваются, хотя могут быть значительными.

Только часть погрешностей направления можно объяснить тем, что даются створы выхода из порта, или курс на следующий пункт. Безымянные мысы и заливы, весьма достоверно (во всяком случае, вполне узнаваемо) изображенные на морских картах, в словесных портоланах просто не отражены. Все это однозначно свидетельствует о том, что «периплы» не были основой для создания морских карт. Из словесного портолана нельзя сделать морскую карту, а из морской карты (с минимумом дополнительной информации) можно создать словесный портолан.

Язык карты

Для правильной интерпретации источника необходимо понимать язык карты. Имеется в виду язык не в бытовом смысле этого слова, не венецианское наречие, на котором написаны текстовые экспликации, кстати, со значительными колебаниями в орфографии и способах сокращений. Речь идет о языке карт, который является предметом картографии, если признавать ее самостоятельной наукой (Лютый, 2002. С.8-12). Прежде картография считалась не самостоятельной наукой, а вспомогательной дисциплиной.

Сразу же обращаю внимание на возможные сложности в интерпретации языка карт. А.А. Лютый оговаривал способы представления его «правил», сравнивая их с лингвистическими (Лютый, 2002. С.14-29). С одной стороны, может использоваться «учебник», в котором эти правила прописаны. Наиболее яркий образец этого – экспликация условных обозначений. С другой стороны, сама карта является примером использования языка, своеобразным «упражнением» или примером использования правила, не обязательно зафиксированного письменно. В этом случае «читатель» карты на основе изображения знакомых на практике участков пытается прочесть участки незнакомые. И это вынуждает использовать дедуктивный подход, очень опасный: правила восстанавливаются на основе одного участка и распространяются на все произведение. Карты XIV-XV вв. «учебника» условных обозначений не дают (в редких случаях – отдельные «правила»). Поэтому приходится пользоваться дедуктивным подходом. Но правила не были настолько жесткими, чтобы символы всегда обозначали одно и то же, поэтому значение изображения в каждом случае следует анализировать отдельно.

Составляющая на портоланах основу изображения линия морского побережья образовывалась из дуг и прямых отрезков, нанесенных отдельными штрихами. Просто кривая линия используется реже. Мысы обычно отмечены сливающимися выступами двух дуг или исходящим углом из двух отрезков, соединяющим две соседние дуги. Устья рек обозначались двумя штрихами, отходящими перпендикулярно от береговой линии в месте ее разрыва. Дальнейшее течение вверх в большинстве случаев не показывалось, поскольку его невозможно было отобразить с той же точностью. Мели обозначались красными точками, приблизительно так же, как в наше время обозначают «песок» - символ весьма понятный. На местах стоянок рисовали кресты (возможно, так же обозначали подводные скалы). Острова обычно заливали разными цветами и несколько увеличивали их по размеру. Названия для островов в большинстве случаев пишется за их пределами, «на море». Названия прибрежных пунктов, напротив, пишутся на суше, приблизительно перпендикулярно линии побережья. Искомый пункт находится в месте пересечения надписи и линии побережья: для картографа при написании линия побережья – слева, надпись – справа. В результате, морские карты не имеют верха и низа: ориентировка подписей связана не с расположением листа, а с направлением линии побережья. Если встречаются пространные экспликации или изображения «иконок», то их, казалось бы, можно использовать для ориентировки произведения в целом. Но все просто только в том случае, если надпись или

«иконка» – одна. Если их больше, то они обычно и сориентированы по-разному.

В языке карт активно использовался цвет. Разноцветными были румбовые линии, которые покрывают всю поверхность карты, пересекаясь в расположенных по окружности 16, а затем 32 точках, отмечающих основные направления. Красное море практически всегда залито красным. Надписи на побережье делались в два цвета, причем красным (в отличие от черного) обозначались наиболее важные объекты. Красная надпись не обязательно обозначает порт. Это могла быть река, мыс, город, располагающийся в стороне от моря. Иногда выбор цвета мог быть обусловлен названием. Например, река Миус часто обозначалась красным цветом из-за нарицательного значения (fl. Rosso), хотя не исключен показ важности реки.

Точность изображения на портоланах поддается более конкретному, чем на прежних картах, определению. На них обязательно присутствует масштабная «линейка» – точки, сгруппированные по пять отрезков, а расстояние между соседними точками соответствует 10 милям. Историки картографии выяснили величину этой портолановой мили – около 1230 м (Il Compasso, 1947. P. cxxvii). Поэтому для того, чтобы определить положение пункта в действительности, то есть того поселения, которое соответствует названию, надо совместить портолан с современной картой и провести на ней перпендикулярную берегу полосу шириной около 12,3 км, а затем искать памятник в этой зоне побережья.

Но такая точность достаточна только для морского побережья, и ни в коем случае для территорий, удаленных от него. Но об этом поговорим позже.

Морские карты условно разделяются на два стиля – итальянский и каталонский. Первый считается более ранним, по крайней мере, именно к нему относятся первые сохранившиеся экземпляры. Он как раз и соответствует тому простейшему, уже описанному типу: линия морских берегов с названиями, на которой устья рек показаны разрывами с двумя перпендикулярно отходящими в сторону суши короткими штрихами речных берегов.

Каталонский стиль – это «украшенный» итальянский. Для него характерно изображение волнистых голубых линий на участках моря (исключение, как и в итальянском, составляет Красное море, которое показывали заливкой красным цветом). На суше появляются изображения гор, рек, правителей, караванов. Еще одна особенность – обилие символических изображений городов, группирующихся преимущественно по рекам. Иногда они играют только декоративную роль. Есть отличия и в отображении морского побережья, но они незначительны. Пожалуй, ярким отличием каталонского стиля является особенное отображение Каспийского моря, но это частный случай, связанный не только со стилем.

В XIV в. появляется «смешанный» стиль, для которого характерно частичное использование признаков каталонского. Выделение этого стиля еще более условно. Датировка его появления также затруднительна, не понятно даже, является ли он результатом смешения двух сложившихся, или промежуточным этапом от итальянского к каталонскому. Материала для наблюдений мало, и при этом вполне возможны разные направления развития.

Изображение суши на картах каталонского стиля существенно уступает по точности изображению морской береговой линии. Имелись существенные, общие для обоих стилей, погрешности. Например, там, где есть изображение Балтийского моря, протяженность Европейской суши с севера на юг существенно уменьшена, поскольку это расстояние было невозможно проверить с борта корабля, а измерений широты, видимо, оказалось недостаточно.

Точность размещения пунктов по руслам рек (в отличие от морского побережья) резко падала по мере удаления от моря. Все приемы съемки с борта корабля на реках оказываются неэффективными. Течение мешает использованию лага и определению скорости корабля. Криволинейность движения по меандрам реки предельно затрудняет запись направлений и расстояний. Заметно меньшая дальность видимости затрудняла измерение горизонтальных углов на большом расстоянии.

Реки изображены обычно просто меандрирующей линией в определенном направлении. А для размещения на этих линиях городов могли использовать словесные итинерарии или какие-либо схемы. В процессе использования такой разнородной исходной информации могли возникать погрешности, связанные с несоответствием масштабов.

Этому есть примеры в более поздней картографии. Б.А.Рыбаков отметил компиляцию разномасштабных чертежей в области Нижнего Поволжья в более позднее время, когда уже появились новые карты с градусной сеткой (Рыбаков,1974. С.61-62). Есть и другие примеры для Южной России (Волков, 2006. С.302-305). Сама величина мили у моряков и сухопутных путешественников была разной. Например, Иосафат Барбаро, долго живший в Тане (Азове) считал расстояние от Таны до Паластры (Белосарайской косы) равным 80 милям. Оно вычисляется из того, что расстояние Тана – Бозагаз равно 40 милям, а расстояние Паластра – Бозагаз – 120 милям (Скржинская, 1971. С.141, 144). Зная реальное расстояние между венецианской Таной и Белосарайской косой, можно определить, что миля составляет более 2 км, а вовсе не 1,23 км. Если мы рассмотрим расстояния от устья Дуная до расположенных на нем городов, то тоже получим расстояния, не соответствующие реальности. Особенно показательно искажение расстояний по мере удаления на восток. Ургенч в большинстве случаев (таких карт немного) изображали на расстоянии приблизительно вдвое меньшем от Каспия, чем в реальности.

Волга и Каспийское море

На картах Клавдия Птолемея Каспийское море изображалось в виде овала, вытянутого с запада на восток со слегка волнистой береговой линией. Такой тип изображения в западноевропейской картографии был реанимирован только в XV в. Бассейн Каспийского моря и Волги (если не считать птолемеевских карт) получил новое оригинальное отображение приблизительно в то же время, когда появились первые морские карты.

Изображения Волги и Каспийского моря взаимосвязаны: от того, насколько было освоено и отображено море, зависело то, насколько точно была изображена

Волга, хотя, как уже говорилось, точность изображения реки существенно уступала точности съемки морских берегов. Мало того, по степени освоенности Волга делится на два участка. Нижнее течение от Волго-Донской переволоки (зоны максимального сближения двух рек) до устья была почти обязательной для плавания итальянцев, направляющихся на Каспий. Суда должны были доплывать до этого места вверх по Дону, передвигаться волоком до Волги, а затем спускаться по этому участку в море. Выше этого места Волга была знакома заметно хуже. Поэтому по степени точности карты бассейна в порядке убывания можно разделить на три части: собственно море, участок русла от устья до Переволоки и участок выше Переволоки.

Прежде чем рассматривать разные варианты изображения Волги и пунктов, обозначенных на ней, прокомментирую один из распространенных подходов. Часто историки пытаются декларировать последовательность заимствований от одной карты к другой, исходя лишь из сохранившихся экземпляров. Обычно это просто компилированный «штамп», который без особых усилий позволяет создавать наукообразный текст. В реальности число сохранившихся карт относительно изготовленных настолько невелико, что вероятность использования одной для составления другой ничтожно мала. Сохранились и не те, что были в интенсивном практическом использовании у моряков, и не те, что играли роль «шаблонов» у картографов. Каждый сохранившийся экземпляр – это одна из многих копий образца, возможно, с некоторыми поправками, а образцов было тоже много, и каждый, в свою очередь, может представлять собой результат отдельной компиляции. Поэтому всегда надо помнить, что даже при явном сходстве, скорее всего, или использовался общий прототраф, или заимствование было опосредованным.

Утверждение И.К. Фоменко о том, что Атлас Авраама Креска 1375 г. и карта Фра Мауро «для эпигонов... служили важнейшим руководством по составлению географических карт Азии» (С.9-10 в настоящем сборнике), противоречит данным источников. Первый все время находился в королевских библиотеках, которые картографическими мастерскими не являются, и ни одной его близкой копии не известно (если учитывать индивидуальные особенности атласа, а не признаки каталонского стиля в целом). Мало того, большая часть «сюжетов» на суше из этого атласа известна на более ранних картах, с меньшей областью покрытия. Следовательно, прототип был создан намного ранее 1375 г., а реконструировать его можно только приблизительно, и на основании всех карт каталонского стиля.

Карта Фра Мауро также не была образцом для подражания. Сохранившийся экземпляр создан в мастерской этого автора на о. Мурано и не покидал пределов Венеции, ни одна копия с него не сохранилась. Исчез экземпляр, отправленный в Португалию, еще одна реплика была сделана для Пьетро Медичи, но и она была утрачена через несколько лет. Других копий карты просто нет. Поэтому говорить, что эти два произведения «служили руководством» – не вполне компетентно.

Резонно просто рассматривать традиции изображения Волги в самом общем виде.

Другой ошибочный подход, давно ставший компилятивным штампом, – это определение того, насколько запаздывает информация на картах. Это имело смысл только на заре использования картографических источников и в сравнении с археологическим контекстом для конкретного участка. Общего правила о запаздывании информации на какой-либо срок не существует. В действительности, есть момент съемки (или возникновения словесной информации), а запаздывание – это разница между ним и датой создания карты. Но съемка разных областей проходила в разное время, поэтому и запаздывание на разных участках карты – разное. Названия на Средиземноморском побережье практически не менялись с момента съемки в XIII в., поэтому и о запаздывании говорить нет смысла. Съемка Причерноморья и Приазовья отражает ситуацию 1240-1260-х гг., а на картах оно изображалось почти неизменно вплоть до XVI в., следовательно, «запаздывание» меняется исключительно в связи со временем создания карты. Но и здесь часть населенных пунктов и природные объекты не изменились, следовательно, они не «запаздывают».

В Поволжье в золотоордынское время градостроительство было очень динамичным, и есть несколько вариантов его отображения на картах, картографирование также было не однократным, а поэтапным, причем все время шло смешение данных в компиляциях картографов. Рассмотрим конкретные варианты.

1. На картах мира Петро Весконте, сопровождающих его точные атласы портоланов, море имеет вид приблизительно прямоугольного треугольника с катетами, ориентированными широтно и меридионально, а гипотенузой – по направлению ЗСЗ-ВЮВ. Кроме того, здесь, восточнее первого, есть второе Каспийское море – округлое, окруженное изгибом горной цепи. Невозможно определить – неправильно понятое это Аральское море или результат компиляции, при которой изображение одного водоема в разных формах с разных карт были просто объединены на одном произведении. Волга на этих картах вообще не обозначена. Предельно близкое сходство с планисферами П.Весконте в изображении мира обнаруживается на круглой карте мира, прилагающейся к трактату Фра Паолино «О карте мира» (De Mappa Mundi) в рукописи около 1320 г. (Almagià, 1944. P.3-7, tav. I).

2. Краткий вариант «каталонского» стиля изображения обычно присутствует на круглых картах мира. Обращаю внимание: здесь определение «каталонский» используется только в смысле особенного узнаваемого типа изображения Каспийского моря и Волги. На таких картах Каспий имеет форму «надутого» S-образного пятна», на котором в «овал» вдаются два выступа суши – полуострова Апшерон и Мангышлак. Волга с треугольной дельтой течет почти строго с севера на юг, в верхней части – Т-образно раздваивается, у раздвоения – г. Кострома (Caterma).

На участке южнее располагали Болгар (Borgar), Бельджамен (Belciman) у сближения с Доном (не обязателен), Сарай на левом берегу Волги у вершины дельты. Произведений этого типа с изображением Каспия и Волги немного. Л.С.Багров отметил только 11 экземпляров каталонских карт обоих вариантов подробности для этого участка (Багров, 2005. С.45). Сейчас их известно больше, но это не меняет ситуацию принципиально.

Чего-либо подобного Самаре на таких картах нет. Здесь есть остров Çiçera. Орфография незначи-

тельно варьирует: Çiçera, Zizera, Cicera. Представляя реальную форму Волги с высоты знаний нашего времени, самым подходящим объектом, соответствующим этому острову, придется признать Самарскую луку. Существенно, что остров расположен выше места максимального сближения Дона и Волги, что соответствует именно Самарской луке. Но это не служит гарантией, что обозначен самый крупный соответствующий острову объект, у средневековых картографов могли быть совершенно иные предпочтения, и они могли отметить мелкий, но по каким-то причинам важный остров[18]. Ф.Ф.Чекалин справедливо ометил возможность существования иных островов в этом месте (Чекалин, 1889. С.18, 24, прим.4). В данном случае важно то, что остров Джизера на картах помещен выше сближения Дона и Волги и, следовательно, Волго-Ахтубинской поймы, где много островов. Может ли это быть какой-то иной остров, расположенный между истоком Ахтубы и Самарской лукой? Определенная вероятность существует, поскольку на более подробных картах рядом с ним помещали Укек (locachi), что указывает на район Саратова. Но все же это маловероятно.

Что касается соответствия расстояний: устье – Волгоград – Самарская лука в реальности, и устье – Сближение Дона и Волги – остров Дзидзера на таких картах, то оно находится не в полном согласии. Остров изображали значительно ниже по течению, чем находится Самарская лука. Это несоответствие все же нельзя считать существенным, поскольку сокращение расстояний по рекам – явление обычное.

Связь же названия острова с хазарами, которую заметил И.К.Фоменко (с.15 в настоящем сборнике), практически исключена. Это просто слово «остров», причем интерпретацию дал еще Ф.К.Брун, а затем она стала общепризнанной (Брун, 1873. С.15; Чекалин, 1889. С.18; Егоров, 1985. С.132). Знакомство европейцев с этим словом показывает, например, карта Фра Мауро, где фигурирует пункт «zizire | abumar», что соответствует городу Джизре в иле Мардин в Турции. Русло Тигра окружает город с севера, востока и юга, чем и обусловлено название Джазират (جزيرة), что по арабски значит остров. Полное историческое название города – Джазитрат-ибн-Умар (جزيرة ابن عمر), оно и написано на карте с минимальными искажениями. Это же касается и Самарской луки.

Преимущественно краткий каталонский вариант изображения Волги и Каспия встречается на мелкомасштабных картах мира. Исключение – атлас Авраама Креска 1375 г. По форме он – именно карта мира, «пошинкованная» на отдельные листы. О том, что это круглая карта мира, свидетельствует круглая граница с морем в северо-восточной части, а на остальных участках граница суши и окружающего океана просто не покрыта листами. С круглых карт мира здесь заимствованы и некоторые сюжеты, например, народы Гог и Магог, три волхва и путеводная звезда.

Исключительность состоит в том, что атлас 1375 г. более крупномасштабный, чем «книжные» карты мира, такой же, как и «нормальный портолан». Поэтому в Средиземноморско-Причерноморском бассейне он не уступает морским картам по подробности. Здесь было достаточно места, чтобы поместить больше названий на Волге, но тем не менее, линия русла – пустынна (за исключением русла Камы, что характерно и для других карт каталонского стиля). Это веский аргумент в пользу того, что краткий каталонский вариант ее изображения – более ранний, чем пространный, а не наоборот. (Умозрительно можно было бы предположить, что краткий – это приспособление пространного к мелкомасштабной круглой карте мира, умещающейся на страницу или разворот книги или атласа).

Как ни странно, самый ранний по дате рукописи экземпляр такого изображения приложен опять же к трактату Марино Санудо Старшего 1320 г., и мог бы быть приписан Петро Весконте (Nordenskiöld, 1897. P.57, fig.20; Багров, 1912. С.21-23; Mappemondes, 1964, 54.10, pl. R). Здесь очень маленькое пятно Каспийского моря изображено, как на каталонских картах, но Волга в верхней части не раздваивается, а упирается в горную цепь[19] Л.С. Багров считал это признаком более поздней даты (Багров, 2005. С.54), но, на мой взгляд, такого признака для заключения недостаточно. Хронологический разрыв итальянских и каталонских портоланов (и карт мира) не так уж велик, а прототип каталонских мог появиться значительно раньше, чем первые сохранившиеся экземпляры.

3. Пространный каталонский вариант с добавлением серии пунктов по берегам дельты и всему течению Волги. Участок выше волго-донской переволоки представлен только на карте Пицигани 1367 г. Экземпляров с подробным и почти идентичным изображением Каспия больше: карта Анджело Дульчерто (Дальорто) 1330-1335 г. (Nordenskiöld, 1897. P., tav.IX), лист с Каспием из Атласа Медичи 1351 г. (Nordenskiöld, 1897. P.21, tav.VIII). (Возможно, есть и ненайденные публикации (или вовсе не опубликованные) листов атласов с таким представлением Поволжского фрагмента). Карту 1367 г. ниже рассмотрим отдельно.

4. Итальянский вариант правильной съемки Каспия, но пункты вдоль русла обозначены только до Переволоки. Поэтому рассматривать их в связи с Самарой не имеет смысла. Они интересны только как одна из групп источников для карты Фра Мауро (об этом – ниже).

5. Вариант мастерской Фра Мауро. Каспий показан правильно, как на картах итальянского стиля, но с сокращенной номенклатурой, Волга – близко к пространному каталонскому варианту, но с существенными отличиями: нижний участок до переволоки – ближе к итальянским портоланам Каспия. К сожалению, участок Волги выше Переволоки покрыт только на самой карте 1459 (1460) г., и только на ней есть подпись Samar, что рассмотрим ниже.

6. Условный вариант (в действительности множество разных) – церковные круглые карты мира, на которых Каспийско-Поволжский бассейн – это результат заимствования с одного из предыдущих, но в существенно сокращенном из-за мелкого масштаба виде. (Сюда можно отнести и карту А.Вальшпергера 1448 г.). Часто – это существенно измененные вариации краткого каталонского варианта, но с отличиями в гидрографии: существенно отличается контур Каспийского моря, появляется «излом» русла Волги в районе переволоки, иначе разделяются ее притоки, обозначается река, соединяющая Черное и Каспийское моря, в образе которой смешиваются Кубань и Терек и т.п.

Еще раз напоминаю: изображение на карте отражает не время ее создания, а время съемки или появле-

ния словесных данных; компилятивное произведение представляет разновременную информацию. В связи Самарой есть смысл рассматривать только две группы карт, причем интересующий участок покрывают по одной карте из каждой группы (здесь – 3-й и 5-й). Набор названий на Волге выше переволоки на обеих настолько близок, что практически не остается сомнений в использовании общего протографа. Иначе обстоит с южной частью бассейна. На одной из них (1367 г.) Каспийское море представлено в каталонском варианте, на другой (1459 г.) – в итальянском (предельно близком к реальности).

Л.С.Багров указал бесспорный широкий временной интервал, когда точные карты Каспия могли быть составлены. Его начало относится к 1290-м гг., о чем имеется сообщение у Марко Поло: «Генуэзские купцы стали плавать туда недавно; перевезли сюда свои суда», что было записано в 1298-1299 г. (Карпини, 1997 С.205). Конец – 1453 г., когда после падения Константинополя плавание даже по Черному морю стало для итальянцев затруднительным (Bagrow, 1956. P.4-5).

Возможность удревнения первых съемок Каспия относительно нижней даты, предложенной Л.С.Багровым, невелика, но все же она существует. Для проведения точной съемки побережья не обязательна возможность плавания средиземноморских кораблей в исследуемом бассейне. Съемку могли вести с чужих судов или с собственных, построенных непосредственно на Каспийском море. Сам факт такой возможности съемки побережья иллюстрируют аналогии картографии: например, на морских картах, выполненных до проникновения португальцев в Индийский океан. Красное море изображалось весьма достоверно, а Персидский залив и Африканский Рог – менее точно, но все же узнаваемо. В первом случае съемка явно выполнялась в той же технике, что и для Средиземноморья.

О строительстве итальянцами судов на Каспии есть по крайней мере одно достоверное свидетельство[20], относящееся к XV в. (Скржинская, 1971, §9. С. 115, 138). Впрочем в XV в. уже не было необходимости проводить новую точную съемку моря, поскольку достоверные карты уже бытовали. Да и занятие это – не самое предпочтительное для корсара. Таким образом, мнение Л С. Багрова о том, что съемки Каспия выполнены не ранее 1290-х гг., является самым вероятным, но альтернатива все же существует. Подробные, но неточные, съемки моря и бассейна в целом (в каталонской манере) могли быть сделаны раньше. В частности, со стороны Персии, где присутствие итальянцев фиксируется вскоре после монгольского завоевания (Golubovich, 1906. P. 303, 323). Поэтому не исключено, что очертания Каспийского моря в каталонском варианте были созданы существенно раньше 1290-х гг.

Карта братьев Пицигани 1367 г.

Подробное изображение русла Волги есть только на ней (рис.6), на остальных участок не покрыт. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми отступлениями от стандартного «языка карт». В соответствии со «стандартом» названия пишутся от берега в сторону суши, приблизительно под прямым углом. Поэтому естественно, что ориентировка названий на правом и левом берегах Волги – противоположная. Почти все названия на правом берегу – черные, на левом почти все – красные. В целом, это наводит на мысль, что они написаны в основном, «в два подхода»: сначала одна сторона, затем – поворот листа и смена чернил. Можно было бы предположить, что это подписи чередующихся по руслу пунктов, а на разных берегах они расположены ради экономии места, чтобы вдвое увеличить пространство для письма.

Однако этому несколько противоречит то, что надписи на правом и левом берегах в большинстве случаев расположены приблизительно в одну строку. При этом в 5 подписях на правом берегу присутствует слово «cassar», обозначающее или замок, или просто поселок («casal» – это просто жилье, небольшое поселение, а замена «r» на «l» – явление нормальное). При этом условные знаки «городов» располагаются только на левом берегу за исключением одного у «острова» и двух в самой нижней части течения, где все место на левом берегу занято укрупненным изображением столицы.

Определенной подсказкой для дедуктивной реконструкции «языка картографа» является представление хорошо идентифицируемого Болгара. Собственное имя написано на левом берегу красным, а напротив него на правом – «casar de boca», то есть «поселок у устья». Устье реки у Болгара – очень невыразительное, но недалеко расположено устье Камы. Но и здесь допустима двойственность интерпретации: рядом с устьем Камы находится городище Ага-Базар, и именно к нему может относиться подпись с правого берега.

По смыслу получается, что на левом берегу расположены названия (имена собственные), а на правом – определения к ним. В целом это соответствует одному «правилу» языка морских карт: красные названия – более важные. Но случаев такого расположения надписей (на одном берегу – название, на другом – определение к нему) на других картах нет. (Разве что у Таны в исключительном случае буква «T» красным помещена на левом берегу Дона, а остальная часть – на правом черным). К тому же, часть подписей правобережья – явно имена собственные, а на левом есть, по крайней мере, нарицательная надпись «saline», выполненная черными чернилами.

Если исходить из того, что на левом берегу находятся названия, а на правом – определения к ним, то следует определить, какой столбец был первым. В целом на каталонских картах тексты кроме морского побережья писались так, чтобы смотреть от края листа – к центру. Такому положению соответствуют черные надписи на правом берегу. Но неустойчивость «правил» языка карт и опасность дедуктивного подхода мешают признать это однозначным.

Не является однозначным даже соответствие символических изображений городов населенным пунктам. Например, для каталонского стиля обычно изображение городов на Дунае с подписанными названиями только для островов. На карте Пицигани бассейн Дуная отражен адекватно, но на южном берегу Каспийского моря символы городов посажены слишком часто. На этом участке не было такого количества крупных населенных пунктов, к тому же почти две трети названий должны относиться к рекам и мысам, а часть названий удвоена. Едва ли является городом «Паскерти», соответствующий башкирам. Увы, таков источник.

Именно на примере изображения Каспийского моря видно, что на этом произведении реконструируемые правила «языка карты» не всегда были жесткими. Кстати, номенклатура побережья Каспия здесь существенно отличается от других карт и каталонского, и итальянского стиля. Например, очень крупный город Дербент подписан черными чернилами: «Дербент. Это пост Узбека» (derbent. hic est custodia | husbeco). Напротив, красным и с условным знаком города южнее Терека дано название, явно относящееся к реке – «Аксу» (acso)[21]. Красными чернилами подписаны два расположенные рядом условных знака города «Гилян» (chilam), а это название области, причем оно продублировано на некотором удалении от побережья (chilām). Также как город обозначен Хорасан (corasani). Примеры можно продолжать. Для интерпретации карты важно то, что помещение подписи передает факт существования имени (с возможными искажениями), но не всегда правильно передает его содержание: условный знак города не гарантирует отнесение имени к населенному пункту.

Все же приведем последовательность названий близко к тому, как это делали Ф.К.Брун и Ф.Ф.Чекалин, только начиная от устья (на рисунке – снизу вверх; жирным шрифтом выделены красные).

Правый (западный) берег	Левый (восточный) берег
coroba	
mondassi	
cibacary	**civitas regio | d Sara**
tortanlli	
jaguracam	
	kabanco
passagium [flum tanay]	• saline
	kabaco
janbalek	**tanice**
casa(r) de jarcasi	**taraga**
lochahi	**yalachi**
lotres(orum) (?)	**ciçera**
casar de li bocosi	Устье левого притока
lamoyram	**samar**
casar de arabus	Устье левого притока
casar de sancoga	**carabolam**
locasar de boca	**borgar**
flume tir •	**cormaioch(s)e**
	pasca(r)ti (или pascary)
	char
flmn cbl	**sloenm**
	sebur

Знак города, который возможно связывать с Самарой, – существенно выше острова Джизера (Самарской луки). Возможно, это результат компиляции краткого каталонского варианта и итинерария. Так могло получиться, если картограф наносил на «топографическую основу» краткого каталонского варианта пункты в последовательности, которую давал какой-то дорожник с последовательными названиями пунктов и расстояниями между ними. Такой же результат мог получиться, если компиляция шла с использованием карты с обозначением острова и другой, более подробной, но без обозначения острова. Существенно, что надпись «Samar» (расположенная, как и остальные красные не вплотную к берегу, а на удалении, что не вполне характерно для языка морских карт), имеет находящуюся приблизительно в той же строке черную подпись на правом берегу. Черную надпись «lamayram» затруднительно перевести как имя нарицательное, по крайней мере, мне не удалось подобрать похожего слова (и с артиклем, и без артикля), подходившего бы по смыслу[22]. При этом черная надпись противоположного берега точнее соответствует по положению центру условного знака города. Следовательно, это может быть название того самого города, который изображен напротив. В целом подпись «Samar» более подходит для реки, а не для условного знака города, но и это нельзя считать бесспорным. Таким образом, источник недостаточно конкретен, и делать на его основании однозначные выводы не следует.

Теперь рассмотрим интерпретацию этого места источника, предложенную И.К.Фоменко к Самаре: «Samar la mayran casar de ambyss» **Самар(а) – это крепость, которая опоясана со всех сторон водой**»; в подтверждение легенды художники окантовали миниатюру города реками» (Фоменко, 2012. С.79). Во-первых, это свидетельствует о телепатических способностях современого историка: ему стало известно, зачем картографы XIV века поместили на карту реки – это, оказывается, не результат картографирования, а подтверждение легенды. К счастью, И.К.Фоменко здесь дал перевод с оригиналом, поэтому понятно, откуда взяты слова. Увы, источник не позволяет считать эти слова одной фразой, не говоря уже о проблематичности именно такого чтения. Предлагаемая И.К.Фоменко легенда представляет собой сочетание трех надписей, как показано на иллюстрации (рис. 6-Б, 1). Ясно, что одна из них, «casar de ambyss» (по чтению И.К. Фоменко), не имеет никакого отношения к надписи «Samar». Прочтение также сомнительно. Я вижу здесь «casar de arabus». Другие варианты тоже возможны, но без буквы «y» и без удвоенного «ss».

Но вот чего уж точно не вижу в предлагаемой И.К.Фоменко фразе, так это слов, подходящих для значений «опоясывать», «все», «стороны», «вода». Будем надеяться, что когда-либо объяснение будет дано со ссылками и аналогичными примерами использования этих слов. Впрочем, безотносительно к переводу сама предлагаемая фраза на карте отсутствует.

Таким образом, карта братьев Пицигани иллюстрирует факт существования имени «Самар» уже во время составления ее протографа для Волжско-Каспийского бассейна. На дату протографа указывает прямое упоминание Узбека (до 1341 г.) и отсутствие второго Сарая на Волге. Но содержание названия неоднозначно. Это может быть и река.

Карта Фра Мауро.

Это произведение весьма фундаментально и велико по размеру (196 x193 см). Именно поэтому его факсимильная публикация долго была крайне затруднена. Анализ обильного содержания идет уже больше двух веков, причем из-за неполного знакомства с источником появлялись неверные суждения, только запутывающие коллег. За все прошедшее время появилось только два издания, дающие полные читаемые цветные репродукции (Gasparrini, 1954; Falchetta, 2006). Первому изданию в нашей стране не повезло, его нет ни в одной библиотеке, а первую, насколько мне известно, копию удалось получить только в 2005 г. благодаря стараниям Л.Ф. Недашковского. Второе издание с прекрасной цифровой копией и подробным анализом есть в библиотеках (в т.ч. личных), поэтому можно надеяться на решение многих проблем в ближайшем будущем.

История создания карты

Несохранившаяся карта мира была заказана королем Португалии Альфонсом V Африканским (15.1.1432 - 28.8.1481, правившим с 1438 г.) и компилировалась в 1457-1459 гг., закончена работа около 24 апреля 1459 г. (Ratti, 1988. P.83). (Безотносительно к заказу Фра Мауро работал над созданием карты мира и раньше, в 1440-х гг.). Затем карта была доставлена в Португалию венецианским патрицием Стефано Тревизаном (еще при жизни Фра Мауро) и хранилась в монастыре Алькобаза вплоть до 1528 г., когда была сделана последняя запись о ее наличии. Сам Стефано Тревизан уже в апреле 1462 г. действует в Венеции как советник Синьории (Thiriet, 1971. Vol.2. P.233, reg.1612). Затем эта карта пропала, по крайней мере, после этого ее никто не видел: этот источник с датой 1459 г. исчез, и нет смысла говорить о том, что на нем было изображено. Предполагается, что оригинал погиб при землетрясении 1755 г. (Edson, 2007. P.141), хотя Дж.Б.Миттарелли отмечал существование карты в его время, то есть около 1779 г. (Mittarelli, 1779, coll. 759; Gasparrini, 1954. P.5).

Об авторе карты известно немного, однако он принадлежал к малой части картографов того времени, чья внешность запечатлена. Это изображение на хранившейся в нумизматическом музее монастыря памятной золотой медали[23] с надписью «+ FRATER MAVRVS MICHAELIS MORANENSIS DE VENETIIS ORDINIS CAMALDVLENSIS CHOSMOGRAPHVS INCOMPARABILIS» (Брат Мауро Св. Михаила с венецианского Мурано, ордена Камалдулов, несравненный космограф) (Zurla, 1806. P.80; Mittarelli, 1779, coll. 756). По профилю видно, что монах был в преклонном возрасте, возможно, в реальности он был еще старше, поскольку «украшение» образа на медалях – явление обычное. Это допускает возможность того, что именно наш картограф «Frater Maurus de Venetiis» упомянут в документе от 3 июля 1409 г. (Gasparrini T.L. 1954. P.5). В дальнейший период, вплоть до 1433 г., имя Фра Мауро не упоминается в актах монастыря Св. Михаи-

Из этого следует естественное предположение, что в это время он находился за пределами венецианского острова Мурано, и по крайней мере часть этого периода пребывал в монастыре Св.Михаила в Леме, на полуострове Истрия. О последнем свидетельствует составленная им карта владений этого монастыря. Она не сохранилась, но в 1737 г. копия с нее была вырезана на меди. Между тем подписной рукописный вариант этой карты хранился и позже, он упомянут в письме о. Ансельма Костадони болонскому монаху ордена камальдулов Аббондио Коллине от 1 июня 1751 г. Как видим, крупномасштабной картографией Мауро занимался до возвращения на Мурано в 1433 г. (Gasparrini, 1954. P.5). Этот опыт пригодился и позднее, когда в 1444 г. Мауро входил в «Комиссию Мудрых по воде», занимавшуюся проектированием распределения вод Бренты (Zurla, 1806. P.91). Известно, что позже, в 1448-1449 гг., Фра Мауро работал над картой мира, которая не сохранилась, и нет никаких оснований для определения ее содержания (кроме других произведений, восходящих к продукции его мастерской).

Дата смерти Фра Мауро с точностью до дня не известна. Определенно только то, что это произошло не позже 20 октября 1459 г. Именно в этот день аббат монастыря Сан Микеле – Маттео Герардо сделал запись: «1459. 20 Octubrio. Memoria fazo choma le copie de Mappamondi e de disegni e scripture de Frar Mauro ho depoxitade al Monestier de Missier San Zuane de la Zudecha in man del prior de dicto Monestier zoe Don Andrea le qual scripture e disegni tutti sono posti in una chassa over bancho e serradi con un luchetto la chiave del qual he qui appresso de mi. Ho habuto tuto indrieto questo deposito adi 25. Octubrio 1464» (1459, 20 октября. Я сделал памятку, что копии карты мира, и чертежи, и записи Фра Мауро я поместил в монастырь мессера Св. Иоанна на Джудекке, в руки приора названного монастыря, то есть дона Андреа, и эти записи и чертежи все положены в некий ларец или банк и закрыты на висячий замок, ключ от которого находится здесь, при мне. Все из этого вклада взято назад 25 октября 1464 г.) (Zurla, 1806. P.83). Едва ли карта, наклеенная на деревянную основу вместе с рамой, могла поместиться в ларец. Речь шла о других материалах Фра Мауро, учтенных Дж.Б.Митарелли при описании рукописей монастырской библиотеки: кодексы 607 и 1112 «Планисферы с их аннотациями»; кодекс 626 «Записки для пользы выполнения трактата по его старой планисфере»; кодекс 1112 «Пояснения к его планисфере» (Mittarelli, 1770, coll. 757; Ratti, 1988. P.83).

О времени работы над картой 1459 г. свидетельствуют записи о расходах монастыря (Zurla, 1806. P. 84-85). Приведу их не только для иллюстрации духа мастерской, но и чтобы показать степень компилятивности и коллективности работы, и тот факт, что почерк самого Фра Мауро выделить невозможно.

1457. 8. Fevrer. perche io avi contad da Don Benedetto Miani per nome del Segnor de Portugal in summa ducati 28.	*8 февраля 1457 г., чтобы я принял наличные от господина Бенедетто Миани на имя государя Португалии сумму 28 дукатов.*
1457 adi 8. Febrer. La Majestad del Re de Portogal die aver adi sopradicto perche Dom Benedetto Miani me contad in horo duc. 28 i qual sono lasad qui per nome del dicto Segnore per depoxito per suplire a certe spexe qual erano de bixogno fare per compir l opera del suo Mapamondi el qual lavora Fra Mauro.	*8 февраля 1457 г. Его Величество король Португалии, из вышеупомянутого вклада, чтобы господин Бенедетто Миани выдал мне 28 дукатов золотом, которые оставлены здесь на имя упомянутого государя на хранение для возмещения определенных расходов, которые было необходимо сделать для выполнения работы, его карты мира, которую делает Фра Мауро.*
1457 8 Febrer. La Majestadstad del Re de Portugal die aver adi sopradicto perche io ho dado a Sier Lio Roso contadi in horo per suo nome per pagar pentori per lavorar el suo Mapamundi et per alter spexe in summa ducati 11.	*8 февраля 1457 г. Его Величество король Португалии выдал вышеупомянутое, поскольку я выдал господину Лио Россо наличные золотом от его имени, чтобы заплатить рисовальщикам за работу над его картой мира, и за другие расходы в сумме 11 дукатов.*

Adi 21. Hoctubr. 1457. che io ho dado contad a Frar Mauro per pagar uno Scriptor a lavorado over scripto su il Mapamundi zorni 17 a raxon de soldi 12 al zorno monta lire 17 soldi 4 val a soldi 124 per duc.	*24 октября 1457 г. Я выдал наличные Фра Мауро, чтобы за-платить писцу, работающему над надписями на карте мира за 17 дней из расчета 12 сольди в день, всего 17 лир 4 сольди, по курсу 124 сольди за дукат.*
Adi 7 hoctubr. 1458. contad a Dom Francesco de Cherso per pagar un Scriptor el qual scripse al dicto Mapamundi zorni 4 a soldi 14 al zorno monta soldi 56. Adi 9 dicto contad al dicto per pagar uno maestro scripse alla dicta opera zorno uno soldi 14.	*7 октября 1458 г. Наличные господину Франческо де Керсо для платы писцу, который писал для упомянутой карты мира 4 дня, по 14 сольди в день, всего 56 сольди. 9 упомянутого [месяца] наличные упомянутому на оплату мастера, который писал для этого произведения один день – 14 сольди.*
8 Zener 1459 per uno scriptor soldi 15.	*8 января 1459 г., писцу – 15 сольди.*
5 Febrer al dicto Maistro per certa scriptura fatta a la dicta opera soldi 8.	*5 февраля упомянутому мастеру за определенную надпись, сделанную на упомянутом произведении – 8 сольди.*
Adi 17 dicto contad a Dom Franchesco de Cherso per far comprar azuro per la dicta opera val. 1.	*17 упомянутого [месяца] господину Франческо де Керсо на закупку голубой краски для упомянутого произведения, цена – 1.*
Adi 10 Marzo 1459 per Duc. 2 tolti in nui per Messe per nome de Sier Andrea Biancho che lui dovea havere per suo premio del lavorier lui fece al dicto Mapamundi val in chassa soldi 4.	*10 марта 1459 г. К 2 дукатам за исключением (лишь) в наших для вложений на имя господина Андреа Бьянко, что должен был получить как вознаграждение за работу, которую он сделал для упомянутой карты мира на сумму 4 сольди.*
1459 adi 17 Marzo. La Majestad del Segnore Re de Portogal die dare adi sopradicto per chassa che io ho dato a Dom Francesco da Cherso che Frar Mauro mando a domandare per certe spexe lui disse haver facte per el Mapamundi Duc. 2.	*17 марта 1459 г. Его Величество король Португалии внес в кассу то, что я выдал господину Франческо да Керсо, которого Фра Мауро отправлял прежде просить на некоторые расходы, которые, он говорил, уже сделал на карту мира – 2 дуката.*
Adi 24 April 1459. che Dom Nicholo nostro me a dicto che essendo io a Capitolo a Camaldoli e stato salda questa raxon a Messer Stefano Trevixan per nome del dicto Segnore quando per el dicto Messer Stefano li fo mandato el suo Mapamundi.	*24 апреля 1459 г. Что господин наш Николо [эконом монастыря прежде Герарди] сказал мне, что когда я был на собрании капитула Камальдулов, установлено, что он оплачивает счет мессеру Стефано Тревизану на имя упомянутого государя, когда упомянутый мессер Стефано доставит ему его карту мира.*

Сохранилась только одна копия произведения, которая и дает представление об источнике. Её и считают картой мира 1459 г. После смерти Фра Мауро длительное время она хранилась в том же монастыре Св. Михаила, где и была изготовлена. Наличие ее в монастыре несколько раз отмечено в XVI-XVIII вв. Затем в 1811 г. карта была передана в Библиотеку Св.Марка и помещена в ее старом здании (салоне дель Сансовино). Однако уже в марте 1812 г. она оказалась во Дворце Дожей, сначала в зале Большого Совета (sala del Maggior Consiglio), а затем – в зале Щита (sala dello Scudo). В марте 1905 г. карта передана в Библиотеку Монетного Двора (Biblioteca nel Palazzo della Zecca), хотя формально оставались сложности с распорядителем – Библиотека Сан-Марко или Археологический музей. Уже в октябре 1905 г. произведение Фра Мауро возвращено в Археологический музей (Дворец Дожей, зал Щита, он же – зал Трех Карт (sala delle Tre Mappe). В феврале 1924 г. она все-таки возвращена в библиотеку Сан-Марко (Marciana), где и хранится по настоящее время под номером 106173 (Gasparrini. P.11-15).

Между тем, на обороте этой карты, на доске, на которую наклеен пергамен, есть подпись, сделанная почерком, отличающимся от основной части произведения: «MCCCCLX. anni XXVI. | augosto, Io conchplido. questo. | lauor. – » (26 августа 1460 года я завершил эту работу). Это значит, что единственное сохранившееся полное произведение завершено (в том виде, который имеется сейчас) уже после смерти Фра Мауро. Возможно, кто-то из его коллег заканчивал оформление карты, начатой, вероятно, самим монахом-картографом. Также возможно, что заключительной частью работы было оформление углов квадрата (также от первого лица в тексте), или нанесение карты на деревянную основу. Оставить автограф мог, например, Леонардо Беллини, которого обоснованно считают автором изображения земного рая в левом нижнем углу произведения (Cattaneo, 2003. P.97-102).

Наиболее вероятным исполнителем этой копии традиционно и обоснованно считают Андреа Бьянко (Багров, 2004. С.76; Gasparrini, 1956. P.5: Woodward 1987. P.315). Реальным основанием для этого служит единственное упоминание, приведенное выше. Он известен не только как картограф, хотя подписанные им морские карты сохранились: атлас из семи карт 1436 и карта 1448 г. (Campbell, 1987. P.451). В документах венецианского Сената (1437-1451) он неоднократно фигурирует как комит галеи в караванах, отправлявшихся во Фландрию. То есть это был старший офицер фактически осуществлявший управление командой торговой галеи, подчинявшийся в общих вопросах только ее патрону, а иногда и просто капитан корабля. Высшая должность на которую он претендовал в 1460 г. – капитан галей Кипра, что, говоря современным языком, приблизительно соответствует званию адмирала флота (Thiriet, 1971, vol.2. P.221, reg.1564 P.330). Пройти голосование А.Бьянко не удалось, но сам факт свидетельствует о том, что для этого нобиля не было секретной информации, следовательно, в нем можно предполагать одного из главных информаторов Фра Мауро. А его участие в создании карты, предназначавшейся для португальского короля, подтверждается записями о выплатах за работу, в том числе – к моменту ее окончания (Zurla, 1806. P.85).

Однако приписывать какие-то части изображения руке Андреа Бьянко, как это делает И.К. Фоменко, – некорректно. Если он был поставщиком доступной ему информации о Востоке и писал что-то на чистовом варианте карты для португальского короля, то из этого вовсе не следует, что его почерк можно найти на

сохранившемся произведении, и тем более, что он был одним из авторов композиции[24].

В связи с возникающими иногда утверждениями, что с карты Фра Мауро 1459 (1460) г. якобы копии «в массе изготавливались последующими картографами», «проходили существенную редактуру и упрощение», упомяну о третьей копии произведения, которая не сохранилась, как и первая (или вторая). Вообще думающему человеку должно быть понятно, что с такой крупной карты, лежащей в монастырской библиотеке или висящей на стене, много копий не делали. Это технически трудно, а более удобные протографы на листах в обращении были. Но одна копия с карты мира все же была. Для этого посольство флорентийских художников специально приехало в монастырь Св.Михаила около 1492-1493 гг. Заказчиком был Пьеро Медичи (1472-1503), сын Лоренцо Великолепного. 26 мая 1494 г. венецианский патриций Пьеро Дельфин, аббат кальмадулов, отправил П.Медичи латинский перевод надписей карты (Zurla, 1806. P.150-151, Mittarelli. 1779, coll. 759). Однако уже осенью того же года Пьеро Медичи был изгнан из Флоренции восставшим народом, и от его карт не осталось следа. Сами факты красноречивы. В двух случаях из трех заказчиками карты мира были монархи могущественных государств. Об этих утраченных картах сохранились сведения в письменных источниках, причем неоднократные. Для «массы копий» потребителей трудно найти, уж больно дорогая получалась картинка, и при этом для практических целей малопригодная.

Между тем, уже Т.Л. Джаспаррини отметила некоторые признаки, которые не вполне укладываются в версию о создании сохранившегося экземпляра как копии с заказа для португальского короля. 1. Есть места, где лоскуты пергамена наклеены поверх готового изображения, причем под ними находятся отличающиеся изображения островов. 2. На поверхности океана прорисовано некоторое количество свитков пергамена, предназначавшихся для легенд, но так и не заполненных текстом. Иногда эти «заготовки» целенаправленно покрывались штриховкой, соответствующей морю, а иногда просто оставлены пустыми.

В целом карта не производит впечатления копии с готового произведения. Скорее, это рабочий экземпляр, с которого и переносили информацию на королевский заказ.

От себя могу добавить некоторые аргументы. 1. Едва ли не для большинства названий в Азии (в меньшем числе – в Европе и в Африке) на пергамене есть «черновые» варианты, иногда тщательно или небрежно затертые, иногда оставленные в первоначальном виде (особенно, когда чистовая надпись идет не поверх «черновой», а в стороне). 2. Есть исправление базового гидронима. Например, «MARE OC…» исправлено на «OCEANVS», причем первоначальный контур был затерт, а из последней «C» сделали первую «O» окончательной надписи (Gasparrini, 1956, XI-14-Q36, XVIII-1-A9; Falchetta, 2006, №154). Это свидетельствует не о простом копировании произведения, а о творчестве в процессе его создания. 3. Надпись «MAISTRO» (северо-запад) размещена ниже соответствующей компасной розы (Gasparrini, 1956, XLI- -L22), а под текстом просматривается первоначальная неправильная надпись «GRIEGO», что соответствует не положенному северо-западу, а северо-востоку. Первоначальную надпись затерли, а затем поверх поместили правильную. Причина такой «зеркальной» ошибки не вполне понятна, но возможно, что в процессе творчества для этого участка был использован чертеж, ориентированный на запад. 4. Условный знак из линии с зелеными троеточиями во многих местах явно переделан в линию с кустами и деревьями. Все это подводит к мысли о том, что сохранившийся экземпляр – не копия, а «черновик» для королевского заказа. Следовательно, дата начала ее исполнения – намного раньше 1459 г.

Об отсутствии связи с португальским заказом свидетельствует и одна из легенд (№3085; Gasparrini, 1956, XL-49-S5; XLVI-2-A5; Falchetta, 2006, №2834).

Questa opera, fata a conte(m)platio(n) de questa illu- *sta signoria, no(n) ha i(n) sì | quel co(m)pimento che* *la doueria, p(er)chè certo no(n) è possibile a l'intelletto* *huma(n) se(n)za | qualche superna demostratio(n) uerifi-* *car in tuto questa cosmographia ouer ma|pamu(n)di, de la* *qual se può hauer qualche noticia più a degustation cha a* *suppli|mento del desiderio. Unde se algun contradirà a que-* *sta p(er)chè no(n) ho seguito | Claudio Tolomeo, sì ne la* *forma come etia(m) ne le sue mesure p(er) longeça e p(er)* *largeça, no(n) uogli più curiosamente defenderlo de quel* *lui | proprio no(n) se defende, el qual nel seco(n)do* *libro capitulo primo | dice che quele parte de le qual se ne* *ha co(n)tinua pratica se | ne può p(ar)lar corretamente,* *ma de q(ue)le che no(n) sono cussì fre|que(n)tade no(n) pe(n)* *si algun se ne possi p(ar)lar cussì correctam(en)te. Però |* *mi(n)dando lui no(n) hauer possudo in tuto uerificar la* *sua cosmogra|phia, sì p(er) la cossa longa e difficile e* *la uita brieue e l'experime(n)to fal|lace, resta che'l* *dyciede che cu(m) longeça de te(m)po tal opera se pos-* *meglio | descriuer ouer hauerne più certa noticia de* *q(ue) habuto lui. Perta(n)to dico che io nel te(m)|po mio* *solicitado uerificar la scriptura | cu(m) la experie(n)* *ti(n)uestiga(n)do p(er) molti a(n)ni | e pratica(n)do cu(m)* *q(ue)r)sone degne de fede, | le qual hano ueduto ad ochio q(ue)* *lo che | qui suso fedelme(n)te demostro.*	*Это произведение сделано для созерцания этой Славнейшей Синьории[25] [Венеции], оно не имеет в себе должного совершенства, поскольку определенно это невозможно для человеческого разума без некоего высшего провидения проверить в целом эту космографию или карту мира, из которой можно извлечь некоторые сведения скорее для пробы, чем для дополнения желаемого. Поэтому, если кому-то что-то не понравится в ней, поскольку я не следую Клавдию Птолемею, ни по форме, ни по измерению долготы и широты, пусть не хочет чего-то особенного для ее защиты, кроме того что он [Птолемей] сам не защищался. Он во второй книге, первой главе говорит, что о тех странах, с которыми постоянно связаны, возможно говорить правильно; но о тех, которые не так часто посещаемы, невозможно говорить также достоверно. Поэтому, понимая, что у него не было возможности в целом проверить свою космографию, как из-за длительности и трудности, и из-за краткости жизни, так и из-за обманчивого опыта, остается, что он исправлял с течением времени то произведение, если оказывалось, что можно лучше описать или получал более определенные сведения о предмете. Поэтому говорю, что я в мое время усердно сверяю записи с опытом, исследуя на протяжении многих лет и общаясь с людьми, заслуживающими доверия, которые видели своими глазами то, что здесь сверху достоверно показано.*

Косвенным свидетельством того, что сохранившийся экземпляр создавался раньше и без государственных заказов, является легенда №1586 (Gasparrini, 1956, XXVII-87-n10; Falchetta, 2006, №1501), помещенная под названием Хорасана и относящаяся, надо полагать, именно к этой исторической области:

Questa era za soto la signoria del | deli ma Tamberla(n) translatoe qui | quela sedia e ahora Siaroch Mar|zan el fiol suo ne è signor e de sa|margant e de tuta p(er)sia perfina | bagadat e oltra.	*Эта [провинция] в прошлом была под владычеством Дели, но Тамерлан перенес сюда тот трон, а сейчас Сиарок [Шахрух] Марзан, его сын – владыка там, и в Самарканде, и во всей Персии вплоть до Багдада и дальше.*

Упомянутый здесь Сиарок Марзан – это Муин аль-Хакк ва-д-Дин Шахрух (20.08.1377 12.03.1447), он был четвёртым сыном Тамерлана и смог восстановить величие империи своего отца. С 1397 года под его контролем был Хорасан, с 1409 года все владения Тимуридов, с 1420 года – Ирак. Вторая часть имени, скорее всего искаженное персидское «мирза», буквально «царский сын», которое после собственного имени означает члена царствующей династии. Традиционно эту надпись используют для определения даты прототрафа карты[26] по территории Азии. Даже с учетом определенного запаздывания информации о смене правителей (особенно, важных для Венеции) получается, что карта создавалась до 1450 г.

Не менее показательна легенда №1685 (Gasparrini 1956, XXVIII-116-h16; Falchetta, 2006, №1629).

Questa è de qua dal fora | ne l'arminia mezana per|fina a hi termeni de capa|doçia, el fiol de Charailuch | ne è signor.	*Эта [Азия] находится от границы Армении Средней вплоть до пределов Кападокии; сын Караилука [Кара-Юсуфа Кара-Коюнлы] в ней государь.*

Упомянутый здесь Кара-Юсуф правил до 1420 г. То, что государь назван только по отчеству, скорее, свидетельствует о ранней дате, хотя правление сына Кара-Юсуфа – Джехан-шаха продолжалось до 1467 г. Все это показывает, что составление карты велось существенно раньше, чем поступил заказ от португальского короля.

Источники карты.

Этот вопрос прежде подробно рассматривали многие исследователи, но к настоящему времени накопилось больше наблюдений. Фра Мауро в течение длительного времени работал над разнообразными картографическими произведениями, в том числе и крупномасштабными. Естественно, он имел возможность компилировать. Забегая вперед, скажу, что основных источников три: морские карты обоих стилей, произведение Клавдия Птолемея (знакомое не только по тексту, но и по картам), «Книга» Марко Поло. «Фоном» для этих составляющих послужили «церковные» круглые карты мира, но только как композиционная основа, которая иногда провоцировала делать комментарии из традиционного набора (о разделении земли на части света, положении Иерусалима в центре, рай и его реках и т.п.). Были и другие частные источники, о которых сам картограф упоминает. Остановимся на группах источников.

1. Морские карты у Фра Мауро использованы значительно шире, чем обычно на круглых картах мира. Естественно, картограф использовал данные зоны покрытия «нормального портолана». Ему были доступны морские карты португальцев, которые были ему предоставлены «заказчиком»[27]. Об этом сохранилась запись на самой карте (№156), где упоминаются данные расспросов очевидцев плаваний вдоль западного побережья Африки (Gasparrini, 1956, XI-2-D3; Falchetta, 2006, №149).

Molte opinio(n) e leture se troua che i(n) le parte meridional l'aq(u)a | no(n) circunda questo n(ost)ro habitabile e temperado çona, ma | aldando molte testimonia(n) çe i(n) contrario e maxime q(ue)li i qual | la maiestà del Re de portogallo à mandato cu(m) le suo carauele | a çerchar e ueder ad ochio, i qual dice hauer circuito le spiaçe de | garbi(n) più de 2000 mia oltra el streto de çibelter i(n) tanto che a uoler | seguir q(ue)l cami(n) hano (con)uenuto dar la p(ro)da quarta d'ostro i(n)uer sirocho | e p(er) suo çudisio hano passato l'i(n)dromo de tunisto e q(u)asi son ço(n)ti a q(ue)l d'alexa(n)dria, p(er) tuto troua(n)do bone spiaçe cu(m) puoco fondo e nauegar assai bo(n) e se(m)pre | se(n)ça fortuna. E i diti hano fato nuoue carte de quel nauegar e hano posto | nomi nuoui a fiumere, colfi, caui, porti, di q(u)al ne ho habuto copia. Unde se'l se uorà | (con)tradir a q(ue)sti i qual hano uisto ad ochio, maçorme(n)te se porà no(n) asse(n)tir nè creder a q(ue)li | che hano lassato i(n) scriptis q(ue)lo hi no(n) uete mai ad ochio, ma cusì hano opinado esser. | Anchora io ho p(ar)lato cu(m) p(er)sona dig(n)a de fede, che afferma hauer scorso cu(m) una naue de i(n)dia | p(er) rabia de fortuna de trauersa' p(er) zorni 40 fuora del mar d'india oltra el cauo de soffala | e de le i(n)sule uerde e qui pur al garbi(n) e al pone(n)te e p(er) lo arbitrar de i suo astrologi i q(u)al son | lor guida i scorse circa 2000 mia.	*Встречаются многие мнения и записи, что в краях южных вода не окружает эту нашу обитаемую теплую зону, но поддерживаю многие свидетельства противоречащие, особенно тех, кого его величество король Португалии послал со своими каравеллами искать и видеть собственными глазами, которые говорят, что обошли пространства на юго-запад более 2000 миль за пролив Гибралтар, пока наконец не захотели продолжать этот путь, приблизились к берегу, [в направлении] на румб [11°15'] от юга в сторону юго-востока, и, по их суждению, дошли до противоположной стороны [по меридиану] от Туниса и почти достигли таковой от Александрии, везде находя хорошее пространство с небольшой глубиной, и плавали весьма успешно и всегда без шторма. И упомянутые сделали новые карты, по которым плавать, и установили новые названия рек, заливов, мысов, портов, с которых мной получена копия. Потому, если [кто] захочет возразить тем, которые видели [это своими] глазами, путь лучше положит не согласиться и не верить тем, кто оставил описания того, что никогда не видел [своими] глазами, но так полагали. Еще я говорил с человеком с саном в вере, который подтвердил, что плавал на корабле из Индии из-за неистового шторма пересек на 40 дней наружу море Индии дальше мыса Соффала и Зеленых островов, и сюда также на юго-запад и запад, и по суждению их астрономов, которые были их проводниками, они прошли около 2000 миль.*

nde certamente el se può affermar e cre|der cussì a questi ne a queli i qual uien hauer scorso mia 4000. Dice | ancora Po(m)ponio Mela nel terço libro de la sua Cosmographia | che uno hauea nome Eudoxo, el qual sca(m)pando Lathmin, | Re de alexandria, usì del colfo arabico e nauegò quela | parte austral e uene fin a gades ch'è al streto de çi|belterra. | Adoncha sença alguna dubitatio(n) se può affermar | che questa p(ar)te austral e de garbin sia nauigabile e ch(e) | quel mar indiano sia occeano e no(n) stagnon, e cusì | affermano tuti queli che nauegano quel mar | e che habitano quele i(n)sule.	*Поэтому определенно можно подтвердить и верить как одним, так и другим, которые проделали путь в 4000 миль. Говорит еще Помпоний Мела в третьей книге своей «Космографии», что некто по имени Евдокс, спасаясь от Латмина, царя Александрии, вышел из Арабского залива [Красного моря] и поплыл в эту южною часть, и пришел в конце в Гадис, который на Гибралтарском проливе. Посему безо всяких сомнений можно подтвердить, что эта часть южная и юго-западная судоходна, что это Индийское море – океан и незамкнутое, и так считают все, что плавают в этом море, и кто живут на тех островах.*

Были в распоряжении венецианского монаха и секретные карты Каспийского моря (вероятнее всего, предоставленные А.Бьянко), хотя их информация использована не в полном объеме. Известны три портолана Каспийского моря: из Хвара в Хорватии (приплетен к рукописи начала XVI в., вероятно не сохранился), и еще два из собрания Эггертона в Британской библиотеке (№73 и 2803), включенные в атласы, автор одного из них – Г.Бенинказа (Goldschmidt, 1944; Bagrow, 1956; Волков, 2000; Волков, 2005б). Однако, они могли быть переработаны и включены в карты с более широким покрытием прежде, чем попали в мастерскую на острове Мурано, откуда происходят очень своеобразные произведения[28]

Картографические произведения, связанные с мастерской Фра Мауро, с одной стороны – немногочисленны, с другой – настолько отличаются по стилю изображения от всех остальных карт XIV-XVI вв., что выделить их из остальной массы – не составляет труда. Здесь настолько особенно показаны горы, реки и города (элементы языка карт), настолько особенна манера помещения экспликаций на свободных частях суши и моря, настолько явен процесс формирования нового, не состоявшегося, языка карт с обозначением границ или дорог, что без долгой аргументации легко определить, что они являются результатом копирования таких образцов, которые находились в мастерской венецианского картографа, когда он создавал свой образ мира.

На карте 1459 г. есть и особенные условные знаки. В нескольких местах помещены незначительно отличающиеся изображения гробниц правителей и знати. Специальным символом отмечено наиболее опасное место в Индийском океане. Одна из надписей (№1406) очень красноречиво иллюстрирует степень жесткости канонов (Gasparrini, 1956, XXIV-140-r15; XXX-61-d15; Falchetta, 2006, №1312)[29]:

(n) parà da nuouo a q(ue)li che uedeno in q(ue)sta carta cussì picole citade e in asia maçor cussì gra(n)de, p(er)chè doue ho habuto ca(m)po ho fato luogi gra(n)|di doue son streto picoli, p(er) q(ue)li che uede ha|bi patie(n)tia se no(n) li satisfazo in tuto q(ue)l i uol.	*Пусть не покажется новостью тем, что видят в этой Европе такие маленькие города, а в Азии – такие большие и огромные, поскольку, где было поле – я сделал города большими, а где тесно – маленькими; пусть те, кто видит, наберутся сил, если не удовлетворено все, чего они хотят.*

Из этого следует, что изображения городов отчасти несут и декоративную функцию – простое заполнение пространства. (Обратите внимание, тот же алгоритм могли использовать и братья Пицигани).

Список карт, восходящих к протографу Фра Мауро, невелик – всего 3 единицы. В число входят расширенные портоланы каталонского стиля – ватиканская карта Борджиа-V[30] (Almagia, 1944, Tav.XIII; Волков, 2005. С.258, рис.4), атлас Анджелло Фредуччи 1556 г. (Caraci, 1953. P. 23-49), и карта Джорджо Каллаподы 1541 г. (Ratti, 1988. P.77-85). Последняя в целом ограничена незначительно большей территорией, чем «нормальный портолан» (с существенным расширением на юге), на ней бассейн Каспия и Волги вообще не показан.

Все эти произведения восходят к одному протографу, который использовал венецианский космограф еще до своего последнего творения (круглой карты мира), и который не сохранился до настоящего времени. Авторство протографа установить невозможно, хотя участие в его компилировании Фра Мауро не исключено. Традиционно аргументом в пользу этого считают то, на карте мира и на карте Борджиа-V в легендах сохранено повествование от первого лица. Увы, это повесная часть информации, и к картографическому прототипу она относится опосредованно.

Здесь, неизбежно нарушая последовательность описания карт, рассмотрим один условный знак. Он является ключом к пониманию последовательности протографов. На него обращали внимание почти все историки картографии. Это «линия с деревьями» или «линия с троеточиями». Вероятно, это первый в истории картографии случай использования символа, не являющегося рисунком. Но если в настоящее время символы и штриховки на картах могут придумывать произвольно, то в прошлом сначала пытались просто нарисовать пространство. Из этих рисунков и рождался «язык карт» (Лютый, 2002). Проще всего объяснить подход к проблеме на примере. В.Э. Булатов давно обратил внимание на особенность современного, известного всем с начальной школы изображения на картах деревьев с отгибом нижней части ствола вправо. Казалось бы, это – совершенно бессмысленное искажение реального предмета. Но оно имеет свое объяснение. На старопечатных картах чаще всего деревья изображали с тенью справа. Это и стало основой для изображения деревьев на современных картах.

По аналогичной схеме шло и развитие условного знака в творчестве Фра Мауро: изображение реального предмета (деревьев с треугольной кроной вдоль линии), затем линии с тремя точками, затем возврат к деревьям, но уже с овальными кронами, что обусловлено стремлением украсить произведение.

По смыслу в большинстве случаев этот знак соответствует границам государств и провинций, которые могут быть незамкнутыми[31]; в значительно меньшей

части случаев – дорогам. Фотографическое издание карты Фра Мауро показывает, что при ее создании уже существовали оба варианта знака: и линия с деревьями, и линия с троеточиями. В некоторых случаях уже нанесенные черные троеточия закрашивались зеленым и превращались либо в деревья, либо в кусты с трех лыми ветвями, либо в менее регулярную травянис кустарниковую растительность.

Экспликация знака написана только на круглой к те мира 1459 г. и на Борджиа-V, но она разная.

Борджиа-V (Almagia, 1944, p.36; Winter, 1962, p.20-21; Ratti, 1988, p.82)	
E da Notare ancora per dachiaration de quefto Come tutti segni houero linee lequale Se uerde effere jn quefta hopera segnati de uerde Con tre ponti Negri tutti quelli Sonno uie late publiche & comune pe(r) lequale Se uanno de terra Jn terra & de vn loco in un altro per tutto lo habitabile [mondo].	*И отмечу также для разъяснения того, как все знаки ш линии которые отмечены в этом произведении зеленым тремя черными точками, являются все широкими дорога публичными и общественными, посредством которых иду из земли в землю и из одного места в другое во всем обит емом [мире].*
Фра Мауро 1459 (1460) г., №3058 (Almagia, 1944, p.36; Gasparrini, 1954, p. 62, Tav.XL-19-c30; Ratti, 1988, p.82; Fa chetta, 2006, №2847)	
Nota che per tuta questa | opera sono fati alguni | segni uerdi e algune pia(n)|tade de arboseli a qual | no(n) demostra altro cha | diuisio(n) e confini de le pro|uincie. ma queli uuol ben in|tender. e necessari(o) habino ben | uisto ad ochio. ouer ben leto e i(n)tendi li | uenti. et habi bona gieometria e bona intelli|gentia de desegno, p(er)che altram(en)te ne cauerane | pocho fructo. e no(n) porano far bo(n) çudicio de | quelo j uederano desig(n)to qui suso.	*Заметь, что во всем этом произведении сделаны некот рые зеленые знаки и некоторые посадки деревцев, которы показывают ни что иное как разделение и границы провин ций, но тем, кто хочет хорошо понимать, необходимо хор шо увидеть глазами или же прочесть и понять направлени (ветры), и хорошо понять построение и смысл рисунка, п скольку иначе не извлекут малого плода и не получат руко водства из того, что они видят обозначенное здесь сверху*

Исходная идея для разработки знака содержится в «Книге» Марко Поло: «ГЛАВА С. ***Как великий хан сажает дерева по дорогам***. По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, великий хан приказал через каждые два шага насадить деревья. Деревья эти, скажу вам, теперь велики так, что видны издали. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была и заблудиться нельзя было. И по пустынным дорогам есть дерева; для купцов и для гонцов великое от того удобство; и во всех царствах и областях есть дерева по дорогам» (Карпини, 1997. С.268; Поло, 2009. С.207).

Из этого следует, что первоначально знак был создан для дорог, а затем переосмыслен до значения границ. Следовательно, на карте Борджиа-V мы имеем дело с начальным этапом творчества. Это лишний раз подтверждает точку зрения П.Фалькетты, что она (или ее протограф) была «генеральной репетицией» для карты мира (Falchetta, 2006. P.52)[32]. Есть даже признаки того, что эти два произведения – ближайшие между собой копии. Карта Борджиа-V – не закончена, на ней многие надписи выполнены без первой буквы, которую предполагалось затем написать цветными чернилами более крупно. Иногда это пропуск заглавной буквы в слове «Questo», которое выглядит как «uesto». На территории России на карте мира 1459 г. (на ватиканской карте эта область не покрыта) есть по крайней мере три названия, которые, надо полагать, переписаны с оригинала без первой буквы. Это Коломна на Оке (fiume hoca) в форме «alana»[33]. Это провинция (княжество) Галич в форме «P(ROUINCIA) ALICH». Это провинция (княжество) Тверь в двух формах – «P(ROVINCIA) QVIER» и «paese Quier». Здесь, возможно, пропущенная первая буква заменена на «Q».

Атлас Анджелло Фредуччи, хотя скопирован значительно позже (1556 г.), стоит ближе к протографу. Здесь заметно меньше пространных экспликаций (больш – только на Каспии, в деталях совпадающие с изоб жением на карте Борджиа-V), дороги с деревьями треугольными кронами обозначены преимуществен в Африке, а на остальном пространстве им соотв ствует упрощенный знак без деревьев и троеточий (крайней мере, они не видны в имеющемся издани В Азии это часто просто линии с «отмывкой» сни на которых стоят крупные города, что больше соотв ствует дорогам. Это не единственное свидетельст того, что атлас 1556 г. восходит к протографу бол раннему, чем карта мира 1459 (1460) г. (Caraci, 19 P.42).

Карта Джорджо Каллаподы 1541 г. по манере из бражения и количеству экспликаций очень близка карте Борджиа-V, но низкое разрешение в издании п зволяет только установить некоторые отличия, но определить последовательность картографирован Впрочем, участок Поволжья здесь просто не покр листом.

Роскошно для своего времени изданная кар Борджиа-V, прокомментированная Р. Альмаджия, я ляется самым ранним образцом по времени копиро ния, хотя и отражает более позднюю фазу редактир вания, чем Атлас А.Фредуччи. Время ее составлен традиционно, вслед за Р.Альмаджия, относят прибл зительно к 1450-1453 г., иногда – до 1450 г. (Falchet 2006. P.36-52), хотя существует и непризнанное м ние о более поздней ее дате (Almagia, 1944. P.35; C Caraci, 1953. P. 23-49).

Фра Мауро упоминает также в одной леген (№1056) некие подробные чертежи Малой Азии, им шиеся в его распоряжении, возможно морские, инф мацию которых картографу не позволил отобрази масштаб (Gasparrini, 1956, XXII-177-Q15; XXVI 20-C11; Falchetta, 2006, №1014).

Io ho lassato am|plissimi desegni | de tute queste p(ar)|te, zoè armeni|a, mesopotamia, | siria, | capadocia, | cilicia, pa(m)phylia, | licia, asia p(ro)p(r)ia e menor, | bitinia, galatia e | tute le altre che lì | sono meio disti(n)c|te et ordinate.	*Я оставил подробнейшие рисунки всех этих частей, т есть Армении, Месопотамии, Сирии, Каппадокии, Киликии Памфилии, Ликии, Азии собственно и Малой, Вифинии, Г латии и всех других, что здесь находятся более определенн и упорядоченно.*

Увы, к нашей территории эти источники отношения не имеют.

Древние (включая Отцов Церкви) и средневековые авторы не ограничены Птолемеем, ссылки на которого даются в 11 легендах (№№233, 1214, 1491, 1557, 1568, 2649, 3042, 3060, 3085, 3109, 3116). Их сведения отражены преимущественно в легендах, и не всегда соответствуют изображению. Это: Дионисий Галикарнасский - №822; Арриан Флавий - №822; Гай Плиний Старший - №57; Помпоний Мела - №2649; Мессала Корвин - №2649; Марк Порций Катон Старший - №1952; Блаженный Августин Аврелий; Василий Великий Кесарийский; Иероним - №1462; Статий Тебаид - №822; Павел Орозий - №952; Гай Юлий Солин - №57, 822, 1134. Использовались и данные близких по времени авторов: Фачио дели Уберти - №57. По содержанию устанавливается знакомство Фра Мауро материалами «путешествия» Николо Конти (№24). П.Фалькетта установил заимствования из «Географии» Страбона, хотя его латинский перевод был закончен не ранее 1458 г., а греческого Фра Мауро не знал (Falchetta, 2006. P.60). Это важно лишь для того, чтобы проиллюстрировать, что новшества в картографии не всегда связаны с литературной традицией. Некоторые наблюдения показывают знакомство с информацией венецианцев из Таны. Можно было бы предполагать, что информатор – это Иосафат Барбаро, если бы его сочинение не было написано тремя десятилетиями позже, чем создана карта. В частности, здесь есть анахронистичное обозначение провинции Алания (·p· asse) в восточном Приазовье (этого нет на карте Борджиа-V), что странно оговорено у Барбаро (Скржинская, 1971. С.115, 129, 137-138, 154, §7-8, 45) Также на Северном Кавказе обозначены черкесские «провинции» Кремук (chremuch) и Кебик (chebich), фигурирующие в списке черкесских племен только у Барбаро (Скржинская, 1971. С. 128, 153, §42). Вероятно, картограф использовал аналогичные устные сведения от прежних обитателей этих мест.

3. «Книга» Марко Поло была основным, но не единственным источником, при изображении восточной части Старого Света.

Возможно, Фра Мауро использовал какие-то картографические материалы, связанные с деятельностью его более знаменитого соотечественника. Но это вопрос значительно более сложный, чем поиски источника словесной информации. Единственный образец изображения востока Азии, связанный с семьей Поло, чаще всего считают подделкой или, по крайней мере, о возможности фальсификации упоминают (Bagrov, 1948. P.12-13; Woodward, 1987. P.315). Но если смотреть беспристрастно, то копия карты, составленная в XVII в., не представляется чистым вымыслом.

Это листы бумаги XVII в. с письмом также XVII в. Не противоречит дате и манера изображения корабля. Факт фальсификации устанавливали на основании использования поздней лексики, не совместимой с эпохой Марко Поло и его ближайших потомков. Однако, для XVII в. эта лексика допустима, и несоответствие может быть объяснено позднейшей корректировкой при переписывании. (Китайские иероглифы на полях тоже изменены до неузнаваемости). В результате получается, что фальсификатор должен был очень точно подделать продукцию XVII в., изобразив при этом Каспийское море близко к его реальным очертаниям. Таких контуров в XVII в. не знали, но они были известны очень ограниченному числу картографов XIV-XV вв. Вопрос о знакомстве Марко Поло с достоверными морскими картами остается открытым, но считать этот факт невозможным – преждевременно.

Есть этому и туманное подтверждение в источнике XVI в. Джованни Баттиста Рамузио при издании «Книги» Марко Поло приводил и собственные наблюдения, сделанные в Венеции его времени (Ramusio, 1559. P.17).

Resta ch'io dica anchora in generale alquante cose sopra questo libro (di Marco Polo) ch'io essendo già giovane udii più volte dire dal molto dotto et reverendo Don Paolo Orlandino di Firenze eccellente cosmografo et molto mio amico che era priore del Monastero di San Michele di Murano a canto a Venetia dell'ordine de Camaldoli, che mi narrava haverle intese da altri frati vecchi pur del suo monasterio; e questo è come quel bel mapamondo antico miniato in carta pecora et che oggidì ancor in un grande armaro si vede a canto il loro choro in chiesa, la prima volta fu per uno loro converso del monastero quale si dilettava della cognition di cosmografia, diligentemente tratto e copiato da una bellissima e molto vecchia carta marina et da un mappamondo che già furono portati dal Cataio per il magnifico Messer Marco Polo et suo padre, il qual così come andava per le provincie di ordine del gran Can, così aggiugneva et notava sopra le sue carte le città et luoghi ch'egli ritrovava come si è sopra descritto; ma per ignorantia di un altro che dopo di lui le dipinse et fornì aggiungendovi la descrittione di huomini et animali di più sorte et altre sciocchezze, vi sono aggiunte tante cose moderne et alquanto ridicule che appresso gli huomini di giudicio quasi per molti perse tutta la sua auttorità, ma poi che non molti sono per le persone giudiciose s'è incominciato a considerare alquanto più diligentemente que- presente libro di Messer Marco Polo che fin hora non stato fatto et confrontare quello ch'egli scrive con la pittura di lui,

«Мне остается сказать еще в общем некоторые вещи об этой книге [Марко Поло], что я, будучи еще молодым, слышал много раз от премного образованного и достопочтенного дона Паоло Орландино из Флоренции, замечательного космографа и моего большого друга, что был настоятель монастыря Святого Михаила на Мурано, на краю Венеции, ордена кальмадолов, который мне рассказывал, что он узнал от других старых братьев по его монастырю, что есть такая замечательная карта мира древняя нарисованная на пергамене, и что в настоящее время еще в одном большом шкафу видна с краю на их хорах в церкви, в первый раз сделанная монахом их монастыря, который развлекался познанием космографии, прилежно обработанная и скопированная с одной замечательной и очень старой морской карты и с одной карты мира, которые когда-то были привезены из Китая славным мессером Марко Поло и его отцом, который также, как проезжал по провинциям под управлением великого Хана, так и добавлял и отмечал на своих картах города и места, которые они встречали, как выше описано. Но по невежеству другого, кто после них ее рисовал и украшал, добавил в нее описание людей и животных многих сортов и другие ошибки,в нее были добавлены такие предметы современные и достаточно смехотворные, потому среди людей рассудительных почти на многие годы потерял всю свою авторитетность, но затем (что не многие годы для людей разумных) начали читать и обдумывать несколько более прилежно это представленное в книге мессера Марко Поло, так что вплоть до настоящего времени не имеется факта и сопоставить то,

immediate si è venuto a conoscere che il detto mappamondo fu senza alcun dubbio cavato da quello di Messer Marco Polo et incominciato secondo quello con molto giuste misure et bellissimo ordine onde fin al presente giorno è da noi continuamente stato in tanta veneratione et precio appresso tutta questa città	*что он пишет с изображением его, непосредственн приходит к пониманию, что данная карта мира безо всяко сомнения извлечена из той мессера Марко Поло и изначал но следует той с большим согласием границ и прекрасны порядком, отчего до наших дней и от нас непрерывно уст новлено в таком почтении и потому во всем этом городе.*

4. В распоряжении Фра Мауро были какие-то (не морские) карты, выполненные абиссинскими монахами, о чем свидетельствует надпись №86: «Поскольку для некоторых будет ново, что я говорю об этой южной части, которая была почти неизвестна древним, поэтому я отвечаю, что все это изображение от Сайто[34] и вверх я получил от тех собственно [подлинных], кто родился здесь, они монахи, которые своими руками нарисовали мне все эти провинции, и города, и реки, и горы с их названиями; кои все вещи не мог показать здесь с должным порядком из-за недостатка места». Вероятно, это были участники эфиопского посольства, прибывшего в Рим в 1441 г. (Хенниг, 1963. С.103-108). Во всяком случае, более ранняя миссионерская деятельность не оставила подобной информации (Хенниг, 1962. С.88-95).

5. Арабские (вернее, восточные вообще) источники отражены на карте незначительно – преимущественно это устные (или словесные) сведения (Cerulli, 1935. P.336-338; Crone, 1952. P.57-64). Примерами являются легенда о гигантской птице, рассказ о Море Мраков и т.п. Эта информация могла быть получена и опосредованно.

6. Священное Писание, безусловно, было знакомо Фра Мауро очень хорошо, но ссылки в тексте на него немногочисленны: «Первая книга Моисеева. Бытие», «Книга Царств», «Книга пророка Даниила» (№952).

Долгое перечисление использованных картографом источников нужно было для того, чтобы у читателя не сформировалось превратное впечатление о произведении, как о результате применения какого-то тайного знания, находящегося на недосягаемых для своего времени высотах. Это часто происходит из-за даваемых карте характеристик, которые стали устойчивым штампом. «Вершина средневековой картографии», «апогей» и тому подобные определения запоминаются очень хорошо и тиражируются без уточнения того, что за этим стоит. В действительности оказывается, что большая часть использованных в произведении источников определима, хотя есть и не сохранившиеся. Фра Мауро проделал гигантскую работу по компилированию разнородных сведений, и в этом ему не было равных. Но считать изображение «истиной» не следует, особенно для регионов, данные о которых были только словесными.

7. Отдельный пласт информации составляют с дения о землях Руси. К сожалению, сам картограф оставил записи об источнике этих данных. Забе вперед, отмечу, что территория Руси показана бед Узнаваемо то, что заимствовано с карт каталонск стиля, добавлен минимум новых определимых о ектов, а значительная часть с трудом поддается ид тификации при допущении грубейших искажений званий.

Предположение П.Фалькетты (Falchetta, 2006. P. о том, что были использованы сведения европейс путешественников (Гервазия Тильберийского, Вар ломея Английского, Гильбера де Ланноа) подтверж ния не получают: в них вообще нет надежных привя для чертежника, и практически нет совпадений ном клатуры. Версия о том, что информаторами были « сти-сурожане», в связи с чем «торговые пути по Д и рекам региона близ Москвы, а также комплекс верных рек (Сухона, Двина, Вычегда, Юг) лучше вс представлены среди пяти других регионов с назва ем «Россия» (Фоменко, статья в настоящем сборни с.10) также не находит подтверждения в источник Сухона, Вычегда и Юг на карте вообще не подписа а далекое от реальности изображение Северной Р мешает делать надежные локализации. С самой кр ной из этих рек – Северной Двиной дело обстоит сл нее. Отдаленно напоминающее ее русло есть, но название – Тифо (fl(umen) thifo). Признать такое со ставление можно только в том случае, если допусти что город Керкома (Chercoma) – это искаженное «К могоры». Как видим, о хорошем представлении тор вых путей России говорить не приходится, и стро предположения о «гостях-сурожанах» нет смысла.

Не так велика и вероятность получения информа от иных купцов. Ганзейские купцы бывали в западн части страны регулярно, но только малая часть наз ний может (предположительно) быть как-то связан ними. О плаваниях вокруг Норвегии свидетельств одна из надписей (№3143), выполненная на «лис пергамена в водах Северного океана. Из содержа следует, что словесная информация была получ картографом непосредственно (Gasparrini, 1956, XL 7-E26; Falchetta, 2006, №2920).

vna naue de catelani car|ga de corami in mio te(m)po scor|se de qui e p(er) desasio ma(n)zò el suo cargo	*Один корабль каталонцев, нагруженный кожаным т варом, в мое время уплывал отсюда, но из-за крушен [экипаж] ел свой груз.*

Рядом располагается неиспользованный лист пергамена (он мог первоначально готовиться именно для этой надписи). Ближайший к берегу пункт у этой надписи – Ростов (№ 3093). Западнее и восточнее обозначена Пермия (№№ 3142, 3095, 3096). Связывать эту надпись с Россией[36] того времени, поскольку весь этот участок показан не вполне правдоподобно, не совсем корректно.

П.Фалькетта высказал совершенно обоснованное предположение, что источником информации о Р были сведения посольства митрополита Исидора евского, которое он отнес к 1441 г. (Falchetta, 20 P.91)[37] Действительно, это наиболее вероятно, скольку многочисленное русское посольство, напр ленное на Ферраро-Флорентийский собор, в 14 1439 гг. находилось в Италии, а сам Фра Мауро активном возрасте) уже пребывал, по крайней м с 1433 г., в монастыре на о.Мурано. К сожалени

становить конкретного информатора (и саму информацию) не представляется возможным. Вероятность того, что это был русский митрополит Исидор, невелика. Он и после собора долго жил в Италии, там и умер будучи деканом Священной коллегии кардиналов, но России не знал. Вся его предшествующая религиозная и дипломатическая деятельность проходила на юге Европы, а митрополитом Руси он стал непосредственно перед собором, причем именно для участия в соборе и заключения унии. До отправления в Италию он пробыл в Москве с апреля по сентябрь 1437 г. Вернувшись в Москву 19 марта 1441 г., Исидор через три дня был заключен в Чудов монастырь, а в сентябре того же года бежал. Хорошо ознакомиться с географией страны ему было некогда, и единственным аргументом в пользу получения картографом информации о России через него может быть только как раз плохое ее изображение на карте.

Об остальных участниках посольства известно немного. В письменных источниках отмечены также епископ Суздальский Авраамий, неизвестный суздалец, оставивший «Хождение на Флорентийский собор», суздальский иерей Симеон, светский посол тверского князя Фома. Вероятность того, что Фра Мауро получил какую-то информацию от кого-то из суздальцев крайне мала, поскольку их родной город на карте вообще не обозначен.

Но на обратном пути посольство без митрополита (по крайней мере, его суздальская часть), останавливалось в Венеции с 15 сентября по 22 декабря 1440 г. Судя по тексту «Хождения на Флорентийский собор» внимание русских к монастырям было особенным. «Около города того на близлежащих островах на море имеется много монастырей, и много других церквей находится в том городе. Господин приехал в тот город 15 сентября. Видели мы в нем, в монастыре святого пророка Захарии, за престолом, в раке каменной отца Иоанна-Предтечи и святого Григория и Федора в одной раке: и чернецов там шестьдесят три. В том же городе, в монастыре святой Варвары, лежат ее нетленные мощи, тело без головы. И поехал господин из Венеции на корабле 22 декабря. И пристал корабль к острову. И на нем находится монастырь святого Николы; в нем сам святой Никола лежит...» (Памятники, 1981. С.488-489).

За это время вполне могли произойти какие-то контакты участников русского посольства, в том числе и толмачей, с Фра Мауро. Оставшаяся известная персо тверской посол Фома. Он мог бы претендовать на роль информатора, поскольку Тверское княжество на карте показано значительным по размерам. Но этого факта не достаточно для утверждения. Слишком невыразительны окружающие населенные пункты, особенно по направлению к Новгороду, где нет даже обозначения Торжка. Таким образом, детали поступления информации о России в Италию в 1438-1439 гг. остаются неясными. Но упоминания Галича, Мценска, Пермии, Мещеры, Мери действительно свидетельствуют о получении каких-то новых сведений, но только словесных, не имеющих привязки.

Основной результат обзора источников карты сводится к тому, что новой достоверной картографической информации о Среднем Поволжье в распоряжении Фра Мауро практически не было. Опирался он преимущественно на имеющиеся карты каталонского стиля. Единственный сохранившийся экземпляр пространного варианта таких карт – это произведение братьев Пицигани 1367 г.

Теперь рассмотрим изображение Нижнего и Среднего Поволжья на карте (рис.7). В целом оно укладывается в два квадрата таблицы XXXIV, что составляет 1/6 от одной из 48 таблиц (по изданию Т.Л.Джаспаррини). Приведу их здесь, не меняя нумерации легенд карты в целом. Сначала идет таблица с номером легенды при сплошной нумерации для всей карты (первый столбец), транскрипцией (второй столбец) и переводом (третий столбец).

Затем следует фрагмент таблицы комментариев. Первый столбец обозначает номер по сплошной нумерации, второй – по изданию Т.Л.Джаспаррини (автоматически – это ссылка), третий – по изданию П.Фалькетты, четвертый – комментарий. Если во втором столбце помещены не одни координаты, то это значит, что надпись попадает не на одну таблицу из-за больших размеров и из-за области наложения разных таблиц. Ориентируйтесь на координаты по таблице XXXIV. Если во втором столбце между римским номером таблицы и буквенно-цифровыми координатами стоят два дефиса без номера между ними, значит Т.Л. Джаспаррини не учитывала этого названия.

Для уточнения чтения надписи читателю необходимо определить по нанесенным на изображение линиям палетки численно-буквенные координаты ее начала. Найдя координаты во втором столбце комментария, можно определить номер надписи (находится в первом столбце), затем найти ее в таблице текста и перевода. Номер надписи в третьем столбце таблицы комментариев фактически является ссылкой на новейшую публикацию карты П.Фалькетты. Если в этой позиции стоит «-», значит надпись в издании П.Фалькетты не учтена; если «≠», значит в издании П.Фалькетты несколько одинаковых подписей объединены под одним номером, и это не первая.

Таблица транскрипции и перевода

2641	*azetrecha(n)*	*Адзетеркан*
2642	*candach*	*Кандак*
2551	*Sarayzuch*	*Сарайдзук [Сарайчук]*
2643	*Fl(umen) iaincho*	*Р(ека) Йаинко*
2644	*suburga(n)*	*Субурган [Субурджан]*
2645	*Sepul|tura i(m)|perial*	*Императорское погребение*
2646	*Saray*	*Сарай*
2647	*fl(umen) cara saray*	*р(ека) Кара-сарай*
2648	*belci|man*	*Бельчиман*
2555	*LORDO |[D]E SARAY*	*САРАЙСКАЯ ОРДА*

2556	*Qui sono 18 se|pulture le qual | fece far ta(m) berlam | simel | a q(ue)sta | e li fece se|pelir sola|me(n)te i capi.*	*Здесь находятся 18 погребений, которые сделал Тамерлан подобно этой, и там хоронят только глав.*
2664	*taiuecho*	*Тайуеко*
2665	*SARAY | grando*	*САРАЙ большой*
2666	*ialachi*	*Ялаки*
2667	*cotraga*	*Котрага*
2668	*fl(umen) açialach*	*р(ека) Аджиалак*
2669	*Qui Ta(m)berla(n) | fece gra(n)dissima occisio(n) de questi | tartari.*	*Здесь Тамерлан устроил величайшее избиение этих татар.*
2670	*fl(umen) hacsu | zoè bia(n)|cho*	*Р(ека) Аксу, то есть Белая.*
2671	EDIL	*Итиль*
2672	*lochachi*	*Локаки [Укек]*
2673	*calmuzi | sarà*	*Кальмузи-Сарай*
2583	*tuti questi fiu|mi che esseno | del mar biancho | uano nel fiu|me edil.*	*Все эти реки, которые происходят из Белого моря, впадают в реку Итиль.*
2674	*fl(umen) | coche|su*	*р(ека) Кокесу [Синяя Вода]*
2675	*sama(r)*	*Самар*
2676	*catabalo(n) **	*Катабалон*
2677	*carma(n)co **	*Карманко [Керменчук]*
2678	*borgar **	*Боргар [Болгар]*
2679	*fl(umen) cheruso | çoè roso **	*р(ека) Керусо, то есть Красная [Карасу]*
2586	*...ss...a*	*???*
2588	*paluda | de rossia*	*Болото России*
2680	*auo ma(n)car? [cauo panancar ?] **	
2681	*LAGO*	*ОЗЕРО*

Таблица комментариев

В комментариях характеристика шрифтов дана в начальной позиции 4 столбца, исходя из их самой общей классификации (незначительные особенности размера и начертания я не учитываю). Шрифт самых мелких «черновых» надписей темно-коричневыми чернилами, отмечен в основном тексте звездочкой (*) – в комментарии не оговаривается. Остальные характеризуются номерами. Ш-1 – самый мелкий красный шрифт, использованный преимущественно для экспликаций в Северо-Восточной Азии и небольшого числа топонимов и гидронимов. Ш-2 – мелкий красный шрифт, наиболее часто использовавшийся для названий и пространных экспликаций. Ш-3 – мелкий синий шрифт, часто использовавшийся для названий и пространных экспликаций, но реже, чем красный. Ш-4 – прописные буквы красного и синего цвета, перемежающиеся через одну (этот шрифт изредка использовался для названий областей и заголовков к пространным экспликациям). Ш-5 – прописные буквы красного цвета. Ш-6 – прописные буквы синего цвета. Ш-7 – прописные буквы золотом с черной окантовкой (крупные водные объекты, «провинции», основные направления «потров», некоторые особенно крупные города).

2551	*XXXIII-81-H40; XXXIV-69-h1*	*2400*	*Ш-2. Сарайчук – более распространенное в золотоордынское время название города Сарайчик (буквально – Сарай Маленький). Современное с. Сарайчик в 50 км от Гурьева (Атырау) на р.Урал в Казахстане. Город Золотой Орды находился на торговом пути с Нижнего Поволжья в Хорезм. В 1395 г. разрушен войсками Тимура. Позднее восстановлен и был политическим центром Ногайской Орды. Разгромлен казаками в 1580 г. О раскопках: (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008. С.10-29).*
2555	*XXXIII-85-M40; XXXIV-77-M1*	*2414*	*Ш-4. Вероятно, картограф использовал какую-то устную информацию о домене хана, напоминающую сведения Абу-л-Фиды: «А Укек – городок рядом с Итилем, на западной стороне, он [расположен] между Сараем и Биляром, на половине пути между ними. И относительно каждого из них на расстоянии пятнадцати переходов. И до Укека доходит орда царя татар в стране Берке, и не входит в него» (Aboulféda, 1840, p.217).*
2556	*XXXIII-85-M40; XXXIV-78-m1*	*2414*	*Ш-3. В прежних изданиях эта надпись объединена с предыдущей (№2555). Источник информации не определен.*
2583	*XXXIII-116-q40; XXXIV-103-q1*	*2438*	*Ш-3. Эта информация не позволяет связывать «Белое море» карты с каким-либо реальным объектом: из него вытекают реки – левые притоки Волги.*
2586	*XXXIII--r40; XXXIV--S1*		*Краска почти полностью облетела, поэтому однозначное чтение невозможно. Не исключено, что здесь еще одно повторение подписи «paluda de rossia», но этому противоречит большой знак города, расположенный у надписи. Выше и левее строки – четкие следы самой мелкой коричневой подписи, вероятно, того же содержания, начинающейся с буквы «р». Возможно также, что здесь было не сохранившееся название провинции. Большая определенность может появиться только при работе с самой картой при особом освещении. Есть шанс получить еще одно название в пределах Болгарского улуса Золотой Орды.*

2588	XXXIII-120-S40; XXXIX-26-A34	≠2440	Ш-2. Эта надпись повторена несколько раз: №№2585, 2586 (?), 2587.
2641	XXXIV-67-g8	2497	Ш-2. Первые упоминания Астрахани относятся к XIII в., в частности при описании пути через Тану в Хорезм и Китай. Не исключено, что первое указание на строительство здесь церкви сделано Рубруком одновременно с первым упоминанием о Сарае: «Именно по поручению Сартаха он [отец Койяка – И.В.] строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок и хотел, как говорил, приготовить книги для нужд Сартаха» (Карпини, 1997. С.180). Другого значительного поселения рядом с Сараем на правом берегу просто нет. Впрочем, размеры городов XIII в. были настолько малы, что многие из них могут быть просто не найдены. Первоначально город действительно находился на правом берегу Волги, на месте городища Шареный бугор, приблизительно в 12 км от Астраханского кремля. Перенос Астрахани на левый берег связан с сооружением в 1558 г. новой крепости на высоком Заячьем, или Долгом, холме, омываемом Волгой и её рукавами.
2642	XXXIV-68-H4	2501	Ш-2. Топоним известен на ограниченном числе произведений морской картографии. В частности, город Кандак (ciuitat de caldach) изображен на левом берегу недалеко от устья Волги на анонимной каталонской карте начала XV в. (Димитров, 1984, табл.14; Fac-simile, 1881). Показательно, что пункт отсутствует на достоверных портоланах, восходящих к первым съемкам: из Хвара, из Британского музея (атласы собрания Эгертона 73 и 2803) (Bagrow, 1956. Fig.4, 5; Волков, 2000. С.329-331, рис.3-5). На картах, восходящих к протографам Фра Мауро, этот пункт присутствует. Это позволяет полагать, что в период расцвета золотоордынских городов населенный пункт находился в относительном упадке. По положению ему наиболее соответствует поселение у пос.Комсомольский. Этимология слова неоднозначна. Один из вариантов: кенд + ак, т.е. «Белый город». Тогда его можно сопоставлять с Ак-Сараем, возможно, самой ранней столицей Джучидов (Волков, 2011. С.145-150).
2643	XXXIV-70-h3	2498	Ш-2. Абсолютно соответствует р. Урал (Яик).
2644	XXXIV-71-I3	2503	Ш-2. Пункт отмечен только у Фра Мауро. Нарицательное значение слова может расцениваться как «пригород». Если это совсем близкий пригород Сарайчика, то уточнение локализации невозможно. Поскольку город изображен приблизительно на правом берегу р.Яик (Урал), между Сарайчиком и устьем, наиболее подходящий для него археологический памятник – это городище Актобе близ пос. Тындык Гурьевской (Атырауской) области (Галкин, 1985, с.506) Связь этого поселения с «городом Лаэти на итальянских картах XIV в.» (Галкин, 1985, с.506; Галкин, 1998, с.80; Галкин, 2003, с.52-53) – результат недоразумения, за название города принято искаженное название реки Яика.
2645	XXXIV-72-L4	2508	Ш-3. Традиционно связывают с мавзолеями золотоордынской знати, расположенными у с. Лапас (Егоров, 1985 с.117-118) (46°57'20"С; 47°50'26"В). Несоответствие с реальностью состоит в том, что условный знак расположении выше по протоке (она в устьевой части названа Карасарай), на которой находится Сарай.
2646	XXXIV-73-l5	2509	Ш-2. Соответствует Селитренному городищу (с.Селитренное Харабалинского района Астраханской области) (47°11'С; 47°26'В).
2647	XXXIV-74-l6; XXXIV-75-l8	2510	Ш-2. Соотнесение с конкретной рекой затруднительно. Карасарай впадает в Итиль рядом с Сараем. Здесь после Волги наиболее значительна Ахтуба, этимология названия которой почти противоположно: «Белый холм», а не «Черный дворец». Изображение нереальных левых притоков Волги, текущих из «Белого моря», пояснено надписью №2583.
2648	XXXIV-76-l9	2511	Ш-2. Пункт известен по ряду произведений морской картографии каталонского стиля, обозначался на Дону и на Волге. Традиционно связывается с деревней Бельджамен, упоминаемой в «Упорядоченье стран» Абу-л-Фиды. Наиболее вероятное соответствие – Мечетное городище в северной части современного Волгограда (48°48'С; 44°36'В), хотя пока еще более распространено мнение о нахождении Бельджамена на Водянском (Дубовском) городище (49°05'С; 44°36'В). Подробнее: (Волков, 2010. С.25-35).
2664	XXXIV-93-N9	2520	Ш-2. По созвучию и положению может связываться с золотоордынским городом Укеком, которому соответствует городище Увек, в настоящее время в южной части г.Саратова и рядом с ним (Недашковский, 2000. С.3-16). Именно так считал Л.С.Багров (Багров, 2005. С.63). Однако, если ориентироваться на участок сближения Дона и Волги, Большой Сарай и «Самар», то знак города получается слишком смещенным к югу.К тому же на левом берегу Волги (что не соответствует действительности) на уровне Саратова обозначен город Iocachi (№2672), более созвучный Укеку (если отбросить «артикль»).

			В действительности этот пункт больше всего соответствует Мечетному городищу в северной части Волгограда. (П.Фалькетта прочел название как «Taivecho»).
2665	*XXXIV-94-n4*	*2518*	*Ш-7, Ш-3. Под первым словом четко просматриваются следы первоначальной надписи синим (Ш-3). Соответствует Царевскому городищу (48°40'С; 45°21'В). Литература, касающаяся интерпретации этого названия на карте обширна, хотя большая ее часть является «историографическим мусором»,- поскольку за основную информативную единицу был избран шрифт, неверно переданный в офортном издании М.Ф.Сантарема.*
2666	*XXXIV-95-n5*	*2519*	*Ш-2. Надпись расположена над условным знаком города, помещенным при впадении в Волгу р. açialach. Надежная локализация невозможна. Скорее всего, населенный пункт расположен через один от Большого Сарая (видимо, в промежутке находится Cotraga). Соответствует пункту «yalachi» на карте Пицигани 1367 г.*
2667	*XXXIV-96-O8*	*2523*	*Ш-2. Надежная локализация невозможна. Следует исходить из того, что это ближайшее к огромному Новому Сараю поселение с севера.*
2668	*XXXIV-97-o3*	*2522*	*Ш-2 (наклонно). Не вполне понятный левый приток Волги в районе современного Саратова или несколько южнее. Естественно, для сопоставления напрашивается расположенный севернее Большой Иргиз. Скорее всего, не случайно сходство с надписью «toraga» на карте Пицигани 1367 г., там пункт обозначен у южной оконечности острова, но сходство очень отдаленное.*
2669	*XXXIV-98-P3*	*2526*	*Ш-3 (заметно мельче обычного). Положение надписи существенно севернее Большого Сарая.*
2670	*XXXIV-99-p3*	*2525*	*Ш-2. Этимология сомнений не вызывает, Аксу – это Белая Вода. По смыслу названия соответствует реке Белой и нижнему течению Камы, в которую она впадает. Но положение на карте этому совершенно не соответствует. Впрочем, само изображение допускает двойственное толкование: реки Аксу и Коксу не имеют выразительных волжских устий (соответственно у Укека и Самары). Если грубо подгонять источник к реальности, то можно считать, что они текут от волжских городов на ВСВ, затем сливаются, впадают в «болото России», и уже оттуда впадают в Волгу.*
2671	*XXXIV-100-p8*	*2527*	*Ш-4. Название реки подписано к условному знаку города, расположенному в излучине, напоминающей Самарскую луку. Однако он помещен несколько ниже (на противоположном берегу) пункта, связываемого с Укеком (№2672). Если город изображен не просто как украшение, то его можно связывать с Переволокским городищем (Егоров, 1985. С.107) (53°15'С; 49°10'В). Если искать соответствующий пункт ниже Укека, то вполне подходящим окажется Хмелевское I селище (51°23'С; 45°52'В) площадью около 65 га (Недашковский, 2000. С.120-121).*
2672	*XXXIV-101-Q5*	*2532*	*Ш-2. Традиционно это название связывается с Укеком, которому соответствует городище Увек, в настоящее время в южной части г.Саратова и рядом с ним (Недашковский, 2000. С.3-16). Увы, у Фра Мауро он обозначен на левом берегу Волги, что противоречит действительности.*
2673	*XXXIV-102-Q10*	*2528*	*Ш-2. Надежная локализация населенного пункта невозможна. Связывать этот Сарай с калмыками, как это сделал П.Фалькетта, по меньшей мере, странно. Этноним стал использоваться только с XVI в. Однако то же нарицательное значение в смысле «отделившийся, оставшийся» могло быть использовано для некого «Сарая» тюрками раньше. Но оснований для того, чтобы считать это определение этническим, нет. Вероятность того, что это Камышин, как посчитал А.В. Пачкалов (Пачкалов, 2008. С.64-71), практически нулевая, поскольку изображенный символ располагается не на берегу Волги и существенно севернее.*
2674	*XXXIV-104-q4*	*2530*	*Ш-2. Этимология названия реки прозрачна: кок + çу, то есть «Голубая вода». Левый приток Волги, название подписано в том месте, где река раздваивается. Левый рукав впадает в Волгу у Lochachi, если только не имеет противоположного направления (ср. №2670).*
2675	*XXXIV-105-q6*	*2533*	*Ш-2. Название написано вдоль реки, в устье которой помещен знак города. Выше – следы затертого «чернового» названия «Samar»; левее – остатки «чернового» названия «f cochesu». Сам факт наличия на территории Самары крупного поселения золотоордынского времени не подтвержден. Существующий г. Самара основан только в 1586 г. как крепость. Допустимо, что знак города помещен здесь как украшение, но сделано это было уже на протографе общем с картой Пицигани 1367 г. Существенно, что река имеет другое название, не Самар, а Аксу.*

	XXXIV-106-R5	2540	*Надежное определение затруднительно. Рискованная этимология названия: кара + балык, то есть «Черный город». На участке между устьями Самары и Камы известно только одно крупное золотоордынское городище – Крестовое (54°10'С; 48°36'В) в Чердаклинском районе Ульяновской области (Егоров, 1985. С.107). Соответствует пункту carabolam на карте Пицигани 1367 г.*
2677	XXXIV-107-r3	2536	*По созвучию и положению ближе всего город Кременчук (Егоров, 1985, с.96). Городище находится на правом берегу Камы у с. Русские Кирмени, ниже устья Вятки. Л.С. Багров сделал экзотическое предположение о связи названия с мифическими аримаспами (Багров, 2005. С.63). Соответствует пункту caramocho на карте Пицигани 1367 г.*
2678	XXXIV-108-r4	2539	*Соответствует городу Болгару, городище у поселка Болгар в Татарии, на левом берегу Волги ниже устья Камы (54°59'С; 49°03'В). На картах каталонского стиля обозначался регулярно. Идентично топониму на карте Пицигани 1367 г.*
2679	XXXIV-109-r6	2541	*Это название хорошо иллюстрирует возможные искажения названий венецианским картографом: должно быть «Кызылсу». Надежно связать с какой-либо рекой не представляется возможным.*
2680	XXXIV-111-S2	2543	*Видимо, не сохранилась первая буква слова «саио» – мыс. Напрашивается связь названия с мадьярами. Действительно, в XVI в. в Казанском царстве фигурировало племенное название можары, которое, впрочем, затруднительно связывать с конкретной местностью (Можаровский, 1884, с.17-20). А.Ф.Можаровский привел серию названий с этим корнем в Казанской и Уфимской губерниях, но сам выдвинул версию о связи упоминаемых можар с тетюшскими чувашами (Можаровский, 1884. С.19). Положение названия на карте не соответствует этому. Соответствует названию «car» на карте Пицигани 1367 г. Ф.К.Брун предполагал, что у Пицигани название не дописано (Брун, 1873. С.4), в целом он был прав, но оно не дописано в начале. Если действительно в начале было «саио», то это лишний раз свидетельствует о том, что в протографе условный знак города не всегда соответствует городу.*
	XXXIV-112-S9; XL-1-A3	2545	*Ш-5. Озеро расположено на «острове», образованном рукавами Волги, южнее знака города Костромы. Связь с конкретным озером затруднительна. Примечательно, что у Фра Мауро нет отсрова Çiçera, но изображен еще более крупный остров выше по течению. Вероятно, это результат неудачного компилирования разных источников.*

Итак, карта Фра Мауро – результат сложной компиляции. Здесь Каспий – в реальной форме, принятой на итальянских портоланах этого моря. Волга (нижнее течение) в целом также соответствует итальянскому варианту изображения, но с дополнительными деталями. Изображение Среднего и Верхнего Поволжья близко к пространному каталонскому варианту. Часть названий совпадает с номенклатурой братьев Пицигани, но явно был использован иной общий протограф, на котором не было пояснительных черных надписей. В мастерской Фра Мауро даже для совпадающей части был использован сходный, но иной образец. В частности, «Car» у Пицигани здесь имеет форму «Mancar», более полную, что можно связывать с маджарами-башкирами.

Что касается Самары, то ее положение опять же вызывает вопросы.

Здесь очевидно, что надпись относится не к реке, а именно к городу, причем над красной надписью просматривается затертая мелкая «черновая» коричневая. Сразу слева от «Samar» вдоль берега реки также просматривается затертая мелкая «черновая» коричневая надпись «Cochsu». О том, что это именно название реки, свидетельствует расположенная выше по течению красная надпись «fl. Cochsu», которая помещена так, что может относиться к одному из двух левых притоков Волги (черновая надпись исключает двойственность толкования). Таким образом, название реки, на которой стоит город – вовсе не Самара. И это свидетельствует о недостаточной надежности локализации города и интерпретации названия вообще.

Таким образом, карта Фра Мауро представляет собой еще один вариант изображения Поволжья в пространном каталонском варианте, дополненный данными по хронологически близкой картографу словесной и картографической информации. К XV в. это изображение Самары отношения не имеет. Степень проблематичности интерпретации – приблизительно такая же, как для карты братьев Пицигани.

Изображение северной части Московского государства и Верхней Волги у Фра Мауро – результат использования разновременной словесной информации и, возможно, каких-то чертежей. Можно только умозрительно предполагать, что эти данные были получены от посланников, прибывших на Ферраро-Флорентийский церковный собор 1438-1439 гг.

Следствием использования разнородной словесной информации является, например, удвоение Костромы. Одна Caterma сохранилась у разветвления Волги, поскольку она обозначалась здесь на схеме краткого каталонского варианта. Вторая Кострома [castrama] обозначена при слиянии рек Эдиль (fl. Edil) и Эдиль или Карасу (fl. hoedil ouer carasu), что также не соответствует реальному положению города. Также продублированы в разных местах названия «Мещера» и «Меря».

Карта Андреа Вальшпергера 1448 г.

Рассматриваемая круглая карта мира была составлена в г.Констанце бенедиктинским монахом из Зальц-

цбурга Андреа Вальшпергером в 1448 г., а в настоящее время хранится в Ватикане (Cod.Palat.Lat. 1362). Ее диаметр всего 43 см (рис.8А, 8Б). Она была неоднократно опубликована, иногда с кратким анализом содержания (Almagia, 1944. P.33, Tav.XII; Mappemondes, 1964, 52.10, p,212-214, pl. FF, XXXI; Димитров, 1984. Табл. 22; Woodward, 1987, pl.21; Licini, 1988, fig.3). Отечественному читателю она стала знакома благодаря запоздалому обратному переводу и изданию книг Л.С. Багрова (Багров, 2004. С.72-74; Багров, 2005. С.57,60). Недавно И.К. Фоменко были предприняты попытки рассмотрения изображений двух Сараев и «Самары» на этой карте (Фоменко, 2008. С.601; Фоменко, 2012. С.79). Также неудачной была моя попытка рассмотреть две столицы на этой карте (Волков, 2011. С.145-151), что связано с неправильным переводом легенд. Поэтому есть смысл кратко проанализировать изображение и легенды еще раз.

В целом рассчитывать на объемную позитивную информацию не приходится. Круглые «церковные» карты мира обычно являются компиляциями, в которых часто словесную информацию пытались изобразить графически на основании указанного в текстах взаиморасположения и описания объектов. Очевидно, что достоверного изображения с помощью этого метода получить нельзя. Уже Л.С. Багров справедливо отметил, что «карта Вальшпергера по своему уровню стоит гораздо ниже других картографических документов того времени; однако по сравнению с другими образцами монастырских карт она представляет собой шаг вперед» (Багров, 2005. С.60). В целом это действительно так, но возможно все же получение отдельных крупиц информации. Сам А.Вальшпергер писал, что источниками для него были «География» Клавидия Птолемея и некая навигационная морская карта. Однако уже Л.С. Багров отмечал невозможность проследить в его произведении следы этих источников (Багров, 2004. С.73; Багров, 2005. С.57). Следы эти все же есть, но они не очень выразительны. Например, местоположения городов обозначены залитыми кружками, как у К.Птолемея. Бассейны Средиземного и Черного морей изображены узнаваемо, но все-таки значительно менее точно, чем на морских картах и прилагающихся к их атласам картах мира. Отчасти это объясняется мелкостью масштаба. Сходное правдоподобное изображение Африки есть на других значительно более ранних произведениях, например, на карте мира из «атласа Медичи» 1351 г. (Nordenskiöld, 1897. P.21, fig.8; Багров, 2004. Табл. XXXVI) и на карте Альбертина де Вирга 1415 г. (Mappemondes, 1964, 52.6. P.205-207, pl. Q). Возможно, что снижение точности связано с использованием рукописных карт к «Географии» Птолемея (таких; как из г. Цейц), но столь схематичные изображения мира трудно «привести к общему знаменателю» для сравнения[38].

Заметно большие сложности начинаются сразу же, как только мы имеем дело с изображением за пределами зоны покрытия «нормального портолана». Восточная часть Азии у Вальшпергера очень мала и схематична. Что касается Восточной Европы и прилегающей части Азии, то здесь грубые искажения начинаются сразу же за пределами Черного и Азовского морей.

Здесь два Азовских моря с разными названиями. Одно на своем месте, оно имеет современное картографу название «море Татар» (Mare Tartarorum), н наименование не ходовое, что само по себе може быть свидетельством контаминации с Каспием. Выш по течению Дона изображено «озеро» под древним на званием «Palus Meotidis». Это очень яркий пример не критической компиляции картографических источни ков и словесной информации. Явление дублировани вообще очень характерно для церковной картографи (выше уже говорилось, что это относится и к Самар канду). Здесь это явный результат использования с од ной стороны портоланов, с другой – словесных данны античных авторов, которые допускали формулировки что Танаис впадает в Понтийское море, а «Меотийско болото» находится выше. Это мнение было воспринят то и средневековыми авторами (Матузова, 1979. С.23)

Фактически «Меотидское болото» занимает мест всей Центральной России нашего времени. Други объектов, кроме втекающего и вытекающего «Дона без названия, здесь нет. То есть, нет Москвы, Рязан Твери, Владимира, Ростова и прочих крупных городо Ближайший знак города недалеко от Балтийского побе режья относится к Новгороду, столице Русии (Norgadi | ca[put] rusie). Далее на юго-запад по Балтийскому по бережью обозначена только Рига, столица Лифлянди (Rieg ca[put] | yflandie). Южнее красным обозначен сама Лифляндия (yflandie), причем последняя буква на ходится на месте истока «Днепра». У истока, видимо мелко подписан Днепр (nefier - ?) или какой-то город который предположительно можно связывать со Смо ленском. Южнее на левом берегу этой реки обозначе Киев (Chyona)[39] и при устье Белгород-Днестровски (Albū castor). Обратите внимание: картограф, живши в Констанце, не различает Днепр и Днестр (верне считает одной рекой)!

Чтобы проиллюстрировать бедность информации на карте, перечислю все, что есть в Причерноморье Восточной Европе в целом. В Крыму обозначена толь ко Каффа, владение генуэзцев (Caffa | dnōis | januēs). северного берега Азовского моря красным подписан царство Комания (Comania | regio). У устья Дона на ле вом берегу – Тана, владение венецианцев (tana domi nio venetors). На восточном берегу Черного моря от мечен только Сухум (Sauastopolis). Все пространств между Черным и Каспийским морями занимает гор Арарат (mons ararath) – это единственное, что есть в Кавказе. Только южнее от Аратата помещены поясни тельные надписи: Ноев ковчег (arch noy) и царство Ар мения (Armenia | regio).

Две подписи относятся к Золотой Орде. На право берегу Дона красным отмечена империя Татария (Та taria | imperiū). Несколько севернее - подпись к знак города: «Saraa ca[put] | tartaror[um] ubi | imp[er]at mo[r]at[u]r» (Сарай – столица татар, где император на ходится)[40]. Примечательно, что на правом берегу горо отмечен кружком, что характерно для картографич ского языка Птолемея, а на левом – изображением г рода со стенами и башнями, что более характерно дл средневековых карт. Как видим, даже столица Джуч дов обозначена не там, где ей положено находиться.

Пространство у северного океана (которое могло б относиться к России) вообще заполнено легендам маскирующими белое пятно. «Polus Arcticus sup(er) il regione consistit et nota quod hic sub polo artico terra e inhabitabilis propter nimia frigora quare ibi causatur ре

petue congelationes et dicitur p(olu)s septentrionalis» (Полюс Арктический стоит над этой областью, и заметь, что эта земля под Арктическим полюсом – необитаема вследствие чрезвычайной стужи, а поэтому там все непрерывно замерзшее, и называют полюс Северный).

Также на этой карте изображены два Каспийских моря. Одно показано в виде залива океана и подписано «mare mīor (?) | caspiū» (Малое Каспийское море). Это дань церковной картографии, но залив значительно меньше, чем на церковных картах. При этом с запада и с востока от него изображены два моря, значительно дальше вдающиеся в сушу. С запада – «море Великий Северный океан, необитаемый» (mare oceanus septentrionale magnus inhabitabile); с востока – «море Западное Индийцев Малое, имеющее в себе змей, притягивающих верблюдов» (mare occidentale indeorum minus habens in se serpentes camelos attrahentes) (Almagià, 1944. P.31; Mappemondes, 1964. P.213). Между этим Каспийским и Индийским морями изображены невыразительные горы, рядом с которыми расположены три надписи, в целом соответствующие «Кавказу». «Людоеды едят человеческое мясо» (Androphagi manducant carnes hominum); Гог и Магог (Gog et Magog – красным); «земля красных индийцев, запертых среди Каспийских гор» (terra russorum indeorum[41] conclusorum inter montes caspios) (Almagià, 1944. P.31; Mappemondes, 1964. P.213).

Более достоверное Каспийское море в виде «треугольника» близко к изображению на картах Петро Весконте, но иначе ориентировано. Такие контуры вполне могли быть знакомы монаху, поскольку сопровождали дидактическое христианское географическое сочинение Марино Санудо Старшего, о чем речь шла выше. Гидроним подписан, так что сомнения в интерпретации исключаются: «море Персидское, или Гирканское, или Бакинцев» (Mare persicum vel hircanum vel bacuianorum). Отдаленное сходство с картами П.Весконте обнаруживает изображение гор с севера от моря. У Весконте один хребет проходил между Черным и Каспийским морями с юга на север, а там упирался другой хребет, идущий в приблизительно широтном направлении. У Вальшпергера горная цепь показана кольцом, примыкающим к Каспийскому морю с севера, отделяя замкнутую часть суши. Горы подписаны в самой западной части их изображения внутри кольца Рифейские (riphei montes). За пределами кольца гор с северо-северо-запада помещена надпись «Народ скифы сверху странствует» (Scitarū | gentes s(u)p(er) | vagantur).

В отличие от карт Весконте здесь в Каспийское море с севера (внутри зоны, ограниченной горами) впадает река без подписи. Она имеет обширную дельту, что характерно для изображений Волги на средневековых картах, но незначительно севернее дельты разделяется на четыре притока. Исток каждого из них показан мелким кружочком в предгорьях и подписан. Формально реку следовало бы считать Волгой (впадает в Каспийское море с севера), но Л.С.Багров вообще связывает ее с Амударьей (Багров, 2005. С.60). И для этого есть веские причины – располагающиеся вокруг объекты, ограниченные изображением хребта.

К сожалению, надпись у самого западного притока надежному чтению не поддается. Только предположительно можно разобрать буквы «iarcua», и также со множеством допущений предполагать, что это искаженное название Яксарта (Сырдарьи – jaxartes). Восточнее расположен приток (второй), текущий почти строго с севера, его название четче, но чтение все же не однозначно: Саола (saola). Именно на этом русле находится интересующий нас город Samarchat. Третий приток течет с северо-востока и его чтение сомнений не вызывает – это Аракс (araxis). Четвертый приток течет к слиянию почти строго с востока и также легко читается – Кир (cyrus). Это обычное название для Куры. Отдаленным сходством с обозначением Волги (tir) на карте Пицигани 1367 г. можно пренебречь. Таким образом, изображенную реку нельзя однозначно связывать ни с Волгой, ни с Амударьей. Это собирательный образ рек, впадающих в Каспийское море, причем существенно «замусоренный» китайскими названиями.

Единственный город, обозначенный к западу от «Волги» на Каспийском побережье – это Квинцай (Quinzai). Больше всего он подходит для названия города Квинсаи (Ханчжоу), неоднократно фигурирующего в «Книге» Марко Поло (Карпини, 1997. С. 308-310; Поло, 2009. С.308-312). И это не единственный ориентир, связанный с Китаем. Между «Волгой» и Доном, внутри кольца горных хребтов дана крупная красная подпись «Империя Китай» (Kataya | imperiū). Как раз между притоками «Волги» красным обозначено царство Хорезм (corsa|mea re|gio)[42]. Получается, что верхнее течение реки находится где-то между Китаем и Хорезмом, причем Китай – западнее.

Кроме того, в бассейне этой реки обозначены три города. На левом берегу у верхушки дельты (как на картах каталонского стиля) и кружком, и иконкой показан город, который можно гипотетически сопоставлять с Сараем. Р.Альмаджия предлагал следующее прочтение: «Waldach civitas kathay ubi magnus cham moratur» (Almagia, 1944. P.31; Mappemondes, 1964. P.213)[43], то есть «Вальдак, город китайский, где император пребывает». На мой взгляд, при всей сложности чтения рукописного текста с сокращениями по изданию, подпись должна реконструироваться иначе: «Waldach [или Cvasdach или Cva[n]sdach] ca[pu]t | Saraye vbi | magna cham | morat[u]r» (Вальдак [или Куасдак или Куа[н]сдак], столица Сарай, где великий хан пребывает)[44]. Сокращение слова столица здесь дано так же, как и для Новгорода и Риги, следовательно, это не просто «civitas». Также маловероятно, что читается «kathay» вместо «Saraye». Впрочем, логика в интерпретации, которую предложил Р.Альмаджиа, понятна: есть две империи (Татар и Китай) – должны быть две резиденции; великим ханом называли обычно китайского императора, следовательно, вторая резиденция – его. В любом случае, позитивна только словесная информация, а ее графическое отображение искажено.

На правом берегу второго с запада притока кружком обозначен город Самарканд (Samarchat). Написание вполне обычно для Самарканда средневековых источников. Обозначение царства Хорезм – рядом, на противоположном берегу того же притока – исключает сомнения в определении. Связывать этот город с Самарой нет никаких оснований, поскольку он располагается приблизительно между Хорезмом и Китаем.

Еще один город обозначен кружком у самого западного притока реки (это может быть и условный знак истока). Красное наименование – Самбортеа (Sam-

bortea). Идентифицировать его в настоящее время не представляется возможным. И даже если найдется последовательная цепь искажений от какого-либо «прикаспийского» города, принципиально это ситуации не изменит.

Собственно говоря, судить о протографе карты А.Вальшпергера можно по упомянутой карте в рукописи Птолемея 1470 г. (рис. 9) из г. Цейц (Winter, 1953. P.15-22). По дате она позже произведения А.Вальшпергера, но поскольку последний ссылался на Птолемея как на свой источник, возможно, что обе карты имеют общий источник. По крайней мере, контур изображения прикаспийского участка на них практически идентичен. Названия на карте 1470 г. читаются значительно четче.

Названия притоков реки, впадающей в Каспийское море с севера, здесь следующие (считая с запада на восток). 1. Река Акар (Achar fluuis) с городом Сула (Sula). 2. Река Экон (Echon flu) с городом Рогена (Rogena). 3. Река Бактра (Bactra) с городом Сикамара (Sichamara). 4. Река Удрус (Ndrus или Udrus) с городом Эдмал (Edmal). Между последними двумя реками – город Сакара (Sachara). Как видим, опять искаженное название Самарканда находится на среднеазиатской реке «Бактра».

Таким образом, карта А.Вальшпергера не дает никакой информации о Самаре. Самарканд (как и Китай) здесь обозначен не «на своем месте», что является лишь иллюстрацией плохой осведомленности картографа.

Рассматривать более поздние картографические произведения не имеет смысла, поскольку с XVI в. резко увеличивается количество собственно русских источников, а движение представителей Западной Европы в Поволжье принципиально изменяется. С это времени путешествия неплохо документированы, и городе Самаре нигде не упоминается вплоть до его о нования в 1586 году.

Итак, есть всего две карты, восходящие к золот ордынскому времени (скорее всего, до 1340-х гг.), которых присутствует название Самар, расположенн в месте, приблизительно соответствующем району с временной Самары. Оба изображения восходят к о щему протографу (в рассматриваемой части). Изобр жения, безусловно, достоверные, но преувеличива значение символа города не следует, поскольку суш ствует определенная вероятность того, что назван относится к реке.

Существование какого-то мелкого золотоордынск го поселения на месте современной Самары возмо но, но едва ли оно имело статус, близкий к городу. Н стоящие городища XIV в. обычно настолько вели что случайные находки с них известны с дореволюц онного времени. Общая ситуация такова, что городи которые могли бы соответствовать городам – знач тельно больше, чем известных по письменным исто никам городов улуса Джучи. Странно искать гор там, где нет даже городища значительных размер Сельские же поселения были разбросаны по степи большом количестве. Даже если допускать сущест вание какого-то мелкого золотоордынского поселен у устья Самары, судя по общей динамике развит оседлости, оно едва ли пережило рубеж междоусоб цы 1360-х гг., не говоря уже о катастрофе 1395 г. В о какой непрерывности существования поселен вплоть до строительства русской крепости речи ид не может. А перед строительством крепости имя Сам ра было только у реки.

Примечания:

[1] Это слово можно прочесть и как «Самарка», впрочем, неустойчивость орфографии и фонетической передачи сочетаний букв в средние века мешает делать однозначные выводы. Эбсторфская карта уничтожена, а представление о ней дают ретушированные черно-белые фотографии и цветная прорисовка. Поэтому вполне допустимо, что над последней «а» авторами репродукций не была замечена невыразительная черта. Тогда мы имеем дело с вполне традиционным названием «Самаркан».

[2] Прежде распространенной была датировка XI в. (Woodward, 1987. P.350, 360; Harvey, 1991. P.23). Увы, датировка рукописей не всегда надежна, а приплетенные к ним карты могут отличаться по времени изготовления.

[3] Не вполне понятно, почему в статье настоящего сборника И.К. Фоменко расценил ее как «карту мира эбсторфско-херефордского блока T-O типа» (с.17). «T-O» тип представлен совершенно иными произведениями с прямыми линиями границ частей света в виде буквы «T» в круге. Также непонятно, почему И.К.Фоменко посчитал, что город расположен «на берегу сине-зелёной реки, несущей свои воды в сторону Кавказского хребта» (с.17). Река, напротив, стекает с «Кавказа» почти строго в северном направлении, восточнее Каспийского моря (залива), и впадает в океан восточнее последнего. Или теперь воды текут снизу вверх?

[4] Окружающее изображение во многом отражае текст П.Орозия, где упоминается, что «Кавказ н зывают «от крепости Кафиппы до поселения Са рис между дахами, сакарауками и парфянами – гор Оскобары, там начинается река Ганг...» (Орози 2004. С.100-101). Сам факт очень красноречив: в р зультате смешения из двух имеющих сходство назв ний (Карры и Кафиппы) у средневекового картограф родился новый топоним - Кафиппы, который нель однозначно связывать ни с одним из двух исходных.

[5] На доступных репродукциях даже пятна символ городов просматриваются ненадежно (Marpetonda 1964, pl. AA, XXIII, 52.1; Woodward, 1987. P.308, f 18.17; Brincken, 1990. P. 13, fig.1). Поэтому на прор совке они помещены условно, прошу учесть это. Вер лишь общее взаиморасположение объектов.

[6] В узком значении Бактр – это река Балхаб на сев ре Афганистана (Пьянков, 1977. С.284). В настоящ время она иссякает в песках, не достигая Амударьи. средневековых картографов это заметно более кру ная река, которую можно связывать с Амударьей.

[7] Экзотическое изображение Каспийского моря «полумесяцем» явно навеяно описанием Плиния Ста шего: «Вливается это море через узкий, но оче длинный пролив и с того места, где начинает ра ширяться, изгибается в виде рогов луны; так, напр мер, берег, идущий от устья к Меотийскому озеру, словам М(арка) Варрона, имеет вид серпа...» (Кавк

1990. С.223-224; Подосинов, Скржинская, 2011. С.192-196)

Не обязательно «gemmae» значит жемчужины, скорее, это самоцветы в широком смысле.

[14] Это дословное воспроизведение фразы из сочинения Евсевия Иеронима «Против Иовиана две книги» (II, 7): «Массагеты и дербики считают самыми несчастными тех, которые умирают от хворости, и своих родителей, родственников и близких, когда они состарятся, режут и поедают, объясняя, что лучше будет, чтобы старики были съедены ими, чем червями» (Кавказ, 1990. С.393), что в свою очередь является заимствованием из Порфирия. При этом дербики – племя среднеазиатское, изображены здесь они только из-за отсутствия географической привязки в исходной словесной информации, хотя античные авторы помещали их у впадения Окса в Каспийское море (Пьянков, 1997. С.59; Подосинов, 2002. С.137, прим. 40). Совместное упоминание среднеазиатских племен массагетов и дербиков вряд ли указывает на Поволжье (и Хазарию вообще).

[15] Аримаспы – народ мифический, возможно, они были прообразом гомеровских циклопов. Античным авторам они были известны благодаря «Эпосу об аримаспах» Аристея сына Каистробия из Проконна.

Поэма не сохранилась, но краткие сведения содержатся у Геродота (III. 116; IV. 13, 14, 27), Диодора Сицилийского (II. 43), Страбона (I. 3, 10), Плиния Старшего (IV. 88). Было известно только, что это одноглазые люди, живущие за исседонами, рядом с гиперборейями и стерегущими золото грифами, что они граничили исседонов (Кавказ, 1990. С. 27, 28, 145, 161, 212. Геродот, 1993. С. 173, 190-191, 193). В церковной картографии этот образ использовался неоднократно (Чекин, 1999. С.125, 135, 154, 156, 180). В античной литературе их располагали не только на краю света, а иногда ближе, например, считали их «последними в тылу меотов» (Скржинская, 1977. С.128; Подосинов, Скржинская, 2011. С. 174-175).

[16] Буквальное значение словосочетания «id est» - «то есть». Получается, что Газара равнозначна области Скифии.

Некоторые сложности в «объяснении» есть, но они незначительны. В эпоху крестовых походов в Европу вполне могла поступать информация о наиболее крупных городах Востока. Не обязательно она была письменной. Неидентифицируемые названия на церковных картах как раз свидетельствуют о том, что в них использовались сведения, не укладывающиеся в литературную традицию. А вот идентификация «Самаркканда» с каким-либо хазарским городом (на реке Бактр) по тому же принципу вообще невозможна.

[17] В источнике «длинная пустыня» стоит в единственном числе.

Это явное отражение знакомства с текстом Плиния Старшего: «Путь от Каспийского моря и Скифского океана заворачивает к Эойскому, и береговая линия обращена теперь к Востоку. Первая часть этого побережья от Скифского мыса необитаема из-за холодов; скифы-антропофаги поэтому рядом находятся огромные пустыни... область до почти середины длины этого побережья, обращенного к летнему восходу, необитаема. Первые известные здесь люди – это серы... (Подосинов, Скржинская, 2011. С.196-197)

[18] Л.С.Чекин предложил перевод: «Враждуют с грифами за жемчуг» (Чекин, 1999. С.156). Но смарагд (smaragdus) по словарю переводится однозначно как изумруд, а глагол «dimicare» значит «махать мечом, бороться, сражаться».

[19] Предлагаемые Л.С.Чекиным «хазарские реалии» в Скандинавии и на востоке и юго-востоке Азии (Чекин, 2005. С.360-362) в силу своего положения на картах едва ли можно отнести к Хазарии.

[20] Например, информация из текста о джучидской территории не получила отражения на карте: «Regnum Corasmiæ, ab Oriente, habet desertum quod per centum dietas extenditur; à Mtridie, regnum Turqueſten; ab Occidente, mare Caſpium: à Septentrione, regnum Cumaniæ. Regnum Cumaniæ, habet ab Oriente, regnum Corasmiæ; à Meridie flumen quo nullum maius; ab Occaſu, Mare Maius, & Tanay; à Septentrione, regnum Ruſiæ: maior in ea vrbs Sara eſt» (Sanuto, 1611. P.285). (Царство Хорезма с востока имеет пустыню, которая простирается на сто дней, с юга – царство Туркестан, с запада – Каспийское море, с севера – царство Кумании. Царство Кумании имеет на востоке царство Хорезма, на юге – реку, больше которой нет, на западе – Великое море [Черное – И.В.] и Танай [Дон – И.В.], на севере – царство Русии, больший город в ней – Сара [Сарай – И.В.]).

[21] Примером изображения незначительнейшего объекта может быть обозначение на европейских картах XVI в. на Дону места (или озера) Бозагаз, важность которого определялась исключительно тем, что там были рыбные ловли Иосафата Барбаро, автора сочинения о регионе. Существенно, что картографы, используя словесную информацию, превратили «место» (logo) в «озеро» (lago). Получилось, что они отображали реальное назвнаие на своем месте, но с неверным содержанием.

[22] Именно на этой карте есть пространная экспликация о стихийном повышении уровня Каспийского моря. «Istud dicitur mare de Sara propter civitatem in qua imperator moratur et dicitur etiam Caspium propter vicinitates ad montes Caspias et Georgianie eadem causa. In eo erat vorago ubi descendebat aqua maris sed propter terremotum obturata fuit. Ideo mare tumescit per palmam omni anno et jam plures bone civitates destructe sunt. Tandem videtur quod debeat intrare mare Tane non absque moltorum periculo. Habet in circuitu MMD millia, et de Sara usque Nogacium ponunt millia. Sed circum mare est region arenosa (et inuia)? in magna parte». (Это море называется Mare de Sara вследствие того государства, в котором пребывает император. Называется оно и Каспийским вследствие соседства Каспийских гор и Георгианским по той же причине. В нем был омут, куда уходили воды моря, но вследствие землетрясения он закрылся. По этой причине море прибывает на одну ладонь ежегодно и уже многие хорошие города погибли. Наконец, повидимому, море должно соединиться с морем Таны (т.е. Азовским морем), но не без опасностей для многих. В окружности оно имеет 2500 миль, а от Sara до Nogacium – кладут тысячу. Но кругом моря страна песчаная в большей части и непроходимая) (Багров, 1912. С.22-23).

[23] В 1428 г. Дзуан да Валле с группой венецианцев построил в Дербенте с разрешения правителя фусту

и захватил несколько кораблей из Астрабада.

На картах Каспия итальянского стиля с более реальными очертаниями приблизительно на этом месте стоит Койсу (coisu).

[22] Авантюрный вариант прочтения и перевода: «lama i rani» (заболоченное место с лягушками). В этом случае мы имеем некоторое несоответствие в роде и числе. Поскольку «i» – артикль множественного числа мужского рода, ему должно соответствовать «rani», а слово «rana» и в итальянском, и в латинском – женского рода. Впрочем, такие несогласованности для средневекового текста допустимы. Ф.К.Брун предложил более простую этимологию: «чуваши и татары «марами» называют курганы» (Брун, 1873. С.14).

[23] Сведений о том, что медаль была отчеканена по распоряжению Синьории (Фоменко, статья в настоящем сборнике. С.10), нет.

[24] Неправильно отражает ситуацию даже фраза, что Фра Мауро составил карту «совместно с известным картографом Андреа Бьянко» (Фоменко, статья в настоящем сборнике. С.10), поскольку засвидетельствовано только то, что А. Бьянко был лишь одним из нескольких технических исполнителей «за зарплату». Совсем запутывающим выглядит примечание к ней: «См. факсимильную копию карты 1459 г. Андреа Бьянко в кн. Материалы для историко-географического атласа России. Издание археографической комиссии СПб., 1871; Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII, esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana // Monumenta cartografica Vaticana. T. 1 Città del Vaticano. 1944; Ronciére De La, C. La decouverte de l'Afrique au Moyen age. Cartographes et explorateurs. Le Caire. 1925. T. 1 — 2. Pl. 36; Leporace Tullia Gasparrini. Il Mappamondo di Fra Mauro. Venezia. 1954» (Фоменко И.К., статья в настоящем сборнике. С.18). В действительности карты А.Бьянко 1459 г. в природе не существует. В приведенном издании 1871 г. представлено уменьшенное факсимильное воспроизведение карты Фра Мауро по парижскому изданию М.Ф.Сантарема 1849 г., которое, в свою очередь, является не совсем точной копией карты Фра Мауро офортом (за отсутствием фотографии лучше воспроизвести в то время было невозможно). Р. Альмаджиа опубликовал анонимную карту Борджиа-V из ватиканской Апостольской библиотеки. Это совершенно другое произведение, и если И.К. Фоменко не видит между ними разницы, то вывод оказывается удручающим. Издание Т.Л. Джаспаррини – это действительно полноцветное воспроизведение карты Фра Мауро без уменьшения (А. Бьянко тут совершенно ни при чем).

[25] Предлагаемый И.К.Фоменко перевод: «Труд сей был изготовлен для Сереннссимы («Светлейшая», средневековый эпитет Венеции – И.Ф.)» (Фоменко, 2008. С.128) не соответствует источнику. В надписи фигурирует хорошо читаемая «illustrissima signoria» (Славнейшая [или Знаменитейшая, Блистательнейшая и т.п.] Синьория), вовсе не «Сереннссима», такого слова вообще нет среди нескольких десятков тысяч, использованных на карте. Пропущенное слово «conte(m)platio(n)» (созерцание), скорее, указывает на то, что Синьория заказа не делала, а карта изготовлена по личной инициативе Фра Мауро.

[26] Замечание И.К.Фоменко, что «данная карта ми представляет как минимум terminus post quem – 14 год» (Фоменко, статья в настоящем сборнике. С.1 не вполне соответствует действительности. Слов конечно, красивые, но к карте с более поздней дат на обороте это едва ли приемлемо. Если же вдр предполагалось, что карта является доказател ством существования вымышленной Самары и пос 1405 г., то это тоже методически не оправдано. Фра Мауро есть подписи, находящие аналогии толь на картах Птолемея, это не значит, что пункты с ществовали и в XV в. Следовательно, непрерывнос существования «Самары» до XV в. карта не доказыв ет. На ней изображено многое, чего не было к моме ту составления.

[27] Указание И.К. Фоменко о том, что «португал ский король предоставил сенату Сереннссимы (Вен ции) сведения о португальских открытиях у берег Африки, а также информацию о внутренних район Западной Африки» (Фоменко, статья в настоящ сборнике. С.10) – неверно. Единственным источник на этот счет является сама карта. В легендах ук зано, что информация о морском побережье пред ставлена картографу, а не синьории. Информацию внутренних областях доставили абиссинские монах а не португальцы.

[28] Это как раз и есть те, по мнению А.В.Постников «источники, оставшиеся неведомыми последующ картографам, изображавшим Каспий абсолютн неверно, вплоть до русских съемок начала XVIII в. (Постников, 1985. С.94). Портоланы, покрывающ только Каспий и нижнее течение Волги, восходят съемкам XIV в. В сокращенном варианте они включ ны в карты с более широким покрытием.

[29] На карте Борджиа-V соответствующая легенд имеет тот же смысл, но несколько отличается: «П лагаю, что многие удивятся, что в этой Азии и та же в Африке города нарисованы намного больше, чем Европе, и это воистину ни для чего иного, как сделан некоторый вид этому произведению. Поелику сделан их маленькими – не будет очень приятно для тех, кт смотрит на это произведение, а чтобы сделать т большими в Европе – невозможно уместить. Поэтом получи и держи цветок, а не колючку» (Winter, 196 P.23, №18).

[30] Это ее И.К.Фоменко посчитал картой А.Бьянк и параллельно отметил, что ее экспликация о дорог относится к карте Фра Мауро 1459 г.

[31] Последовательность изображения границ на ка те мира особенно четко проработана для восто Азии, там в случае их разрыва незамкнутый участ пределов провинции обязательно занят естественн границей – рекой или горной цепью.

[32] Выводы П.Фалькетты могут абсолютизирова вплоть до того, что Борджиа-V – черновик для карт мира (Betz, 2008. P.46), хотя он допускал ее связь с д ятельностью флорентийских художников в 1480-х г (Falchetta, 2006. P.52).

[33] П.Фалькетта посчитал, что речь идет о посел нии народа аланов (Falchetta, 2006, №874).

[34] Город в Верхнем Египте – современный Асью (27°11′СШ, 31°10′ВД), центр одноименной мухафаз С глубокой древности был центром нома.

[35] Абзац И.К.Фоменко представляет собой почт

...ный пересказ 4 абзаца на с.18 в монографии А.Рыбакова, но перекладывать ответственность на академика не следует. Тогда были недоступны полноцветные издания карты, и сейчас уже не установить, что он принял за реки, которые на карте не обозначены.

[36] Предложенный И.К.Фоменко перевод этой легенды: «Некая каталанская нава с грузом пушнины и кож отправилась из Руссии в мое время, но в ходе несчастливого плавания груз был потерян» (Фоменко, 2008. С.383) не соответствует тому, что есть в источнике. Слов «Руссия» и «пушнина» в легенде вообще нет.

В главе о России (р. 92) П.Фалькетта отметил, что уверенно локализуются только два названия – Quier и Alich, которые, по его мнению, соответствуют Кирову и Угличу. В действительности положение соответствует Твери и Галичу. Не совсем правильно указана дата «посольства» - 1441 г., поскольку именно в этот год Исидора в Италии не было.

[37] Очень близкое сходство с картой А.Вальшпергера, особенно в отображении рассматриваемого региона, имеет рукописная круглая карта мира в атласе Птолемея 1470 г. из библиотеки г. Цейц в земле Саксония-Ангальт (Багров, 2004. Табл. XLVII; Winter, 1953. P.15-22)

Буква «n» в слове видна четко, но возможно, что в протографе было предельно близкое к реальному название Киева – «Chyoua».

Почти так же выполнена транскрипция при первой и основной публикации: «Saraa caput Tartarorum ubi imperator moratur» (Almagia, 1944. P.31). Прежде я сделал ошибочный перевод этой надписи (Сарай – столица татар, где император умер) (Волков, 2011. С.145), поскольку исходил из того, что использован латинский глагол morior (умирать). В действительности это глагол moror, одно из значений которого – пребывать, находиться. Поэтому все предлагавшиеся построения, связанные со смертью хана должны быть отброшены как историографический мусор.

[41] Вторую букву этого слова можно прочесть по-разному: «indeorum» или «iudeorum». Р.Альмаджия, работавший с самой картой, транскрибировал его как «indorum» (Almagià, 1944. P.31;), затем как «indeorum» (Mappemondes, 1964. P.213). Репродукции в изданиях этой карты изображают скорее «и», чем «n». Но наличие рядом моря Индийцев подтверждает точку зрения Р.Альмаджия. «Иудеи» этому месту не вполне соответствуют. Что касается слова «russorum», то предложенный перевод не является бесспорным. Слово могло быть использовано в нарицательных значениях «красных» и «рыжеволосых». Значительно менее вероятно, что это название народа «русских». Впрочем, вне зависимости от варианта перевода, эта фантастика не имеет отношения к решению вопросов исторической географии.

[42] Если это искаженное название Хорасана, ситуация принципиально не изменится.

[43] Неоднозначность написания такова, что в более поздней публикации Р.Альмаджия предложил иное прочтение: «Waldachat caput kataye ubi magnus chan moratur» (Mappemondes, 1964).

[44] Прочтение подписи к городу, сделанное И.К.Фоменко, просто вводит в заблуждение: «Этот город (Сарай) Джедит татарского Батайа, где великий хан и помер» (Фоменко, 2008. С.601). Это совершенно не соответствует транскрипции, которую предлагал Р.Альмаджия. При всей проблематичности чтения первого слова, это явно не «Джедит». Одна и та же грамматическая форма для обоих «Сараев» передана у И.К.Фоменко по-разному: в одном случае – «живет», в другом – «помер».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. // Записки по гидрографии, издаваемые главным гидрографическим управлением Морского Министерства. СПб., 1912. Т.35.

Багров Л. История картографии / Пер. с англ. Н.И.Лисовой. М., 2004.

Багров Л. История русской картографии / Пер. с англ. Е.В.Ламановой. М., 2005.

Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / Пер. с нем. И.К.Тауберта. Изд. 3-е. СПб., 1782.

Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского университета. ГIII Ч.2. Одесса, 1873.

Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио ло Коппа) // Древности Кубани. Вып.12. Краснодар, 1998.

Волков И.В. Столицы Золотой Орды во внешних источниках // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып.122. М., 2000.

Волков И.В. О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей // Картография XXI века: теория, методы, практика: Доклады II Всероссийской научной конференции по картографии, посвященной памяти Александра Алексеевича Лютого (Москва, 2-5 октября 2001 г.). Т.2. М., 2001.

Волков И.В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.2. Армавир, 2003.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Том I / Под ред. С.Г.Бочарова, В.Л.Мыца. Киев, 2005.

Волков И.В. Окончательное решение вопроса о Старом и Новом Сараях и блеск новаторов // Нижневолжский археологический вестник. Вып.7. Волгоград, 2005б.

Волков И.В. Размышления о хронологии, исторической географии и точности // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.6. Краснодар, 2006.

Волков И.В. Два Сарая на карте Андреа Вальшпергера 1448 г. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова, г.Астрахань, 2-6 ок-

тября 2011 г. Казань-Астрахань, 2011.

Галкин Л.Л. Памятники северо-восточного Прикаспия // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Галкин Л. Генуэзские пираты на... Каспии // Вокруг Света, 1998. №4.

Галкин Л. Коробейники Золотой Орды // Техника молодежи, 2003. №2.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А.Стратановского. М., 1993.

Димитров Б. България в средновековната морска картография XIV-XVII век / Божидар Димитров. София, 1984.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.

Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В.Черноус. Ростов-на-Дону, 1990.

Лютый А.А. Язык карты: сущность, система, функции. Изд. 2-е, испр. М., 2002.

Материалы для историко-географического атласа России. СПб., 1871.

Матузова В.И. Английские средневековые источники XI-XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Можаровский А.Ф. Где искать в наше время потомков тех Можар, которые в 1551 году среди поля Арского бились с Казанцами верные присяге Русскому Царю? // Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т.1. Казань, 1884.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Орозий Павел. История против язычников: Historiae adversum paganos: Historiae adversum paganos: кн. 1-7 / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В.М. Тюленева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004. (Библиотека христианской мысли. Источники).

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. (Библиотека литературы Древней Руси. Т.6).

Пачкалов А. В. CALMUZI SARA на карте Фра-Мауро (1459 г.) // История и современность. № 2, сентябрь. М., 2008.

Карпини Плано Дж. дель. История монгалов. 3-е изд.– Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.- 3-е изд. Книга Марко Поло.– 4-е изд. М., 1997.

Плиний Старший. Естественная история (фрагменты)//Античная география/Сост. М.С.Боднарский. М., 1953.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.

Поло Марко. Книга чудес света. М., 2009.

Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / Отв.ред. И.А.Федосеев. М., 1985.

Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической литературе: Источниковедческий анализ. М., 1997.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – нач XVI века. М., 1974.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика райчика. Алматы, 2008.

Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о Росси истории итало-русских связей в XV в. /Вступ. ст., и комм. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золо Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // Ви тийский временник, 1973. Т.35.

Скржинская М.В. Северное Причерноморье в от нии Плиния Старшего. Киев, 1977.

Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и ко Г.А.Стратановского. М., 1994.

Фоменко И.К. Номенклатура географических на ний Причерноморья по морским картам XIV-XV в Причерноморье в средние века / Под ред. С.П.Карп Вып.5. М.; СПб., 2001.

Фоменко И.К. Образ мира на старинных порт нах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М., 2007.

Фоменко И.К. Скифия – Тартария – Москови Россия – взгляд из Европы: Россия на старинных к тах. М., 2008.

Фоменко И.К. Откуда есть пошла Самара... // дина: Российский исторический журнал. М., 2012.

Хенниг Р. Неведомые земли / Пер. с н А.М.Филиппова, Н.В.Шлыгиной; предисл. и И.П.Магидовича. Т.3. М., 1962.

Хенниг Р. Неведомые земли / Пер. с н А.М.Филиппова, Н.В.Шлыгиной; предисл. и И.П.Магидовича. Т.4. М., 1963.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV век картам того времени и археологическим данны 2-мя картами) // Труды СУАК. Т.II. Вып.1. Сара 1889.

Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте кос графа XV века Фра-Мауро (с картою) // Труды СУ Т.II. Вып.2. Саратов, 1890.

Чекин Л.С. Картография христианского средн ковья VIII-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. 1999. (Древнейшие источники по истории Восто Европы).

Чекин Л.С. Самарха, город Хазарии // Хаза Khazars. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим-Мос 2005.

Aboulféda. Géographie d'Aboulféda: Texte ar publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde frais de la société Asiatique par M.Reinaud. Paris, 18

Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Aposto / Monumenta Cartographica Vaticana. Vol.1. Citta Vaticano, 1944.

Anderson A.R. Alexander's Gate, Gog and Magog, the Inclosed nations. Cambridge (Mass.), 1932.

Bagrow L. The Maps from the Home Archives of Descendants of a Friend of Marco Polo // Imago Mu Vol.5. 1948.

Bagrow L. Italians on the Caspian // Imago Mu Vol.13. 1956.

Baldacci O. Columbian atlas of the Great Disco / Transl. into engl. By L.Bertolazzi & L.F.Farina. Ro 1997. (+Nuova Raccolta Colombiana. Engl. Ed. – Vol.

Brincken A.-D. Monumental legends on medi manuscript maps: Notes on designed capital letters

maps of largt size (demonstrated from the problem of ing the Vercelli Map, thirteen century) // Imago Mundi. 42. L., 1990.

Betz R.L. A Transition from the Medieval to the Renaissance world of mapping // The Portolan: journal of the Washington Map Society. 2008. №72.

Campbell T. Portolan charts from the late thirteenth century to 1500 // The history of cartography. Vol.1. Cartography in prehistoric, ancient, and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987.

Caraci G. The Italian cartographers of the Benincasa and Freducci families and the so-called Borgiana map of the Vatican Library // Imago Mundi, Vol.X. 1953.

Cattaneo A. God in His World: The Earthly Paradise in Fra Mauro's «Mappamundi» Illuminated by Leonardo Bellini // Imago Mundi, 2003. Vol. 55.

Cerulli E. Fonti arabe del mappamondo di Fra Mauro // Orientalia. Commentarii de rebus orientis antique. Vol. IV. Roma, 1935.

Crone G.R. Fra Mauro's representation of the Indian Ocean and the Eastern Island // Studi Colombiani. Vol.III. Genova, 1952.

Il compasso da navigare. Opera italiana della meta del secolo XIII / A cura di B.S.Motzo. Cagliari, 1947.

Edson E. The World Map, 1300-1492: The Presistance of Tradition and Transformation. Baltimore, 2007.

Fac-simile del planisfero del Mondo consciuto (in catalana) del XV secolo / Illustrata da T. Fischer. – a: Fred. Ongania, 1881. XIII.

Falchetta P. Fra Mauro's World Map with a Commentary translation of the Inscriptions. Turnhout (Belgium), 2006

Gasparrini T.L. Il Mappamondo di Fra Mauro. Roma,

Goldschmidt E.P. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea with a commentary by G.R.Crone // Geographical Journal. Vol.103. London, 1944.

Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano. T.I. Firenze, 1906.

Harvey P.D.A. Medieval maps. London, 1991.

Lucini. P. La Moscovia rappresentata: L'immagine «capovolta» della Russia nella cartografia riascimentale europea. Milano, 1988.

Lock P. Marino Sanudo Torsello. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross: Liber Secretorum Fidelium Crucis / Transl. by Peter Lock. – Burlington, 2011.

Mappemondes A.D. 1200-1500: Catalogue préparé la Commission des Cartes Anciennes de l'Union Géographique Internationale / Rédacteur-en-chef M. Destombes. Amsterdam, 1964. (Imago Mundi. Supplement №4; Monumenta cartographica vetustioris aevi A.D. 1200-1500. Vol.1. Mappemundi).

Mittarelli G.B. Bibliotheca codicum manuscriptorum monasterii S.Michaelis venetiarum prope Murianum una cum appendice librorum impressorum seculi XV. Venetiis, 1779.

Nordenskiöld A.E. Periplus. An essay of the early history of charts and sailing directions / Transl. from Swidish original by F.A. Bather. – Stockholm, 1897.

Pegolotti F.B. La prattica della mercatura. Cambridge (Mass.), 1936.

Ratti A. A lost map of Fra Mauro found in a sixteen century copy // Imago Mundi: a review of early cartography. Vol.40. London, 1988.

Santarém M.F. Atlas composé de mappemondes, de portulans et de cartes hydrografiques depuis le VIe jusqu' au XVIIe siècle. Paris, 1849.

Sanuto M. Liber secretorum fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservation quo et Terrae Sanctae Historia ab origine et ejusdem vicinarumque provinciarum geographica descriptio continentur. Cujus anctor Marinus Sanutus dicit Torsellus... Nunc primum, cum libello ejusdem argument, sine auctoris nomine ex mss. veteribus editus. Orientalis historiae tomus secundus. – Hanoviae [Hanau], 1611. (Bongars, Jacqes. Gesto dei per francos, sive Orientalium expeditionus; et regni francorum Hierosolimitani historia a variis, sed illius aevi scriptoribus, litteris commendata. Nunc primum aut editis, aut ad libros veteres emendates... Orientalis historiae tomus secundus.)

Van Donzel E., Schmidt A. Gog and Magog in early eastern Christian and Islamic sources: Sallam's quest for Alexander's Wall. Leiden, Boston, 2009.

Westrem S.D. The Hereford map:A transcription and translation of the legends with commentary. Nurnhout, Belgium, 2001.

Winter H. A circular map in a Ptolemaic MS // Imago Mundi: a review of early cartography. Vol.X. Amsterdam, 1953.

Winter H. The Fra Mauro portolan chart in the Vatican // Imago Mundi: a review of early cartography. Vol.XVI. Amsterdam, 1962.

Woodward D. Medieval Mappaemundi // The history of cartography. Vol.1. Cartography in prehistoric, ancient, and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987.

Zurla P. Il mappamondo di Fra Mauro Camaldolese descritto ed illustrato da D. Placido Zurla dello stess' ordine. Venezia, 1806.

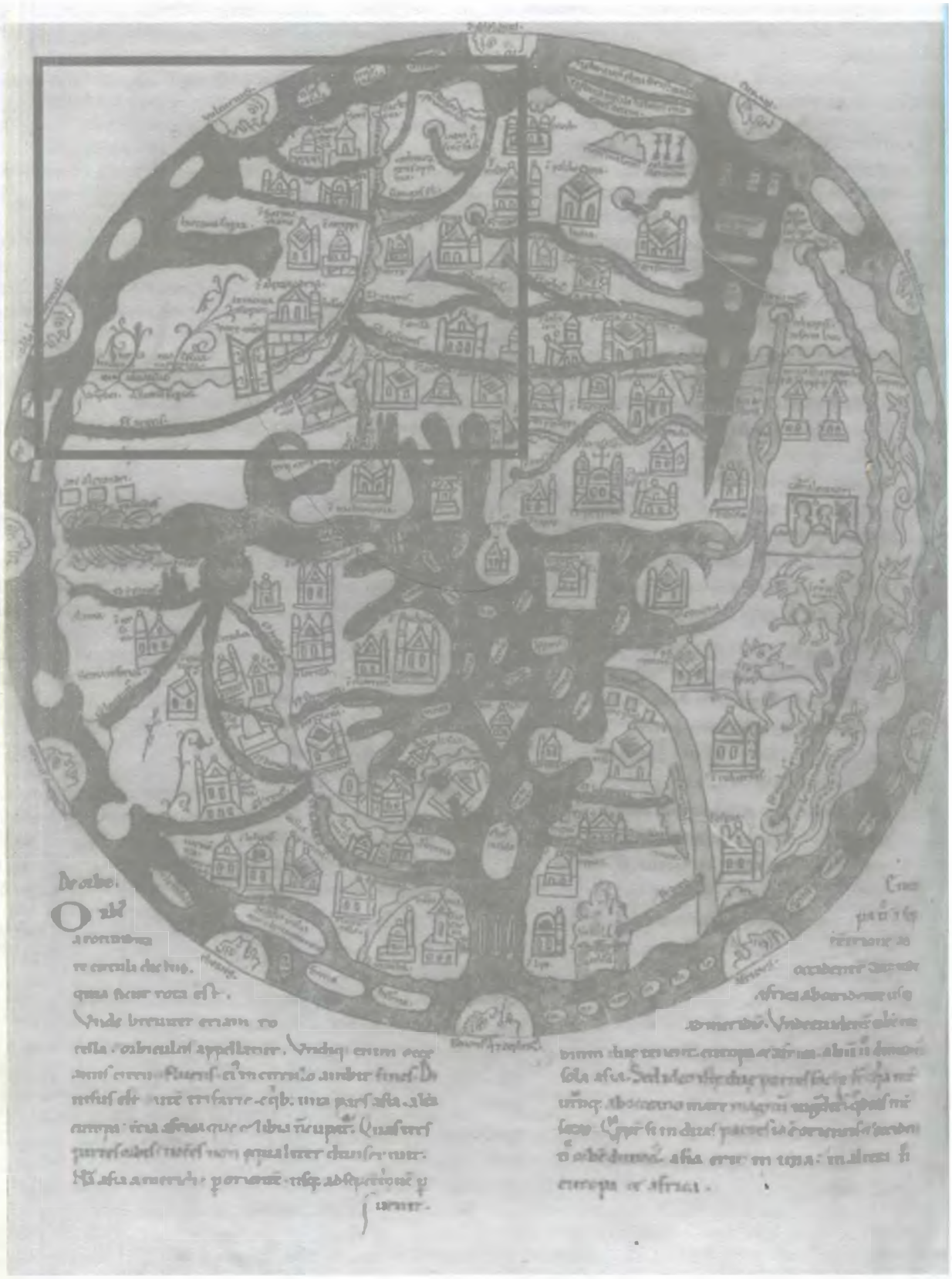


Рис. 1-А. «Копия Сен-Викторской карты» – анонимная карта мира, приложенная к мюнхенской рукописи «Этимологий» Исидора Севильского (Münich, Bayerische Staatsbibliothek, Clm 10058, f.154v). Диаметр – 26 см. Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 1-Б. Сверху – восток.

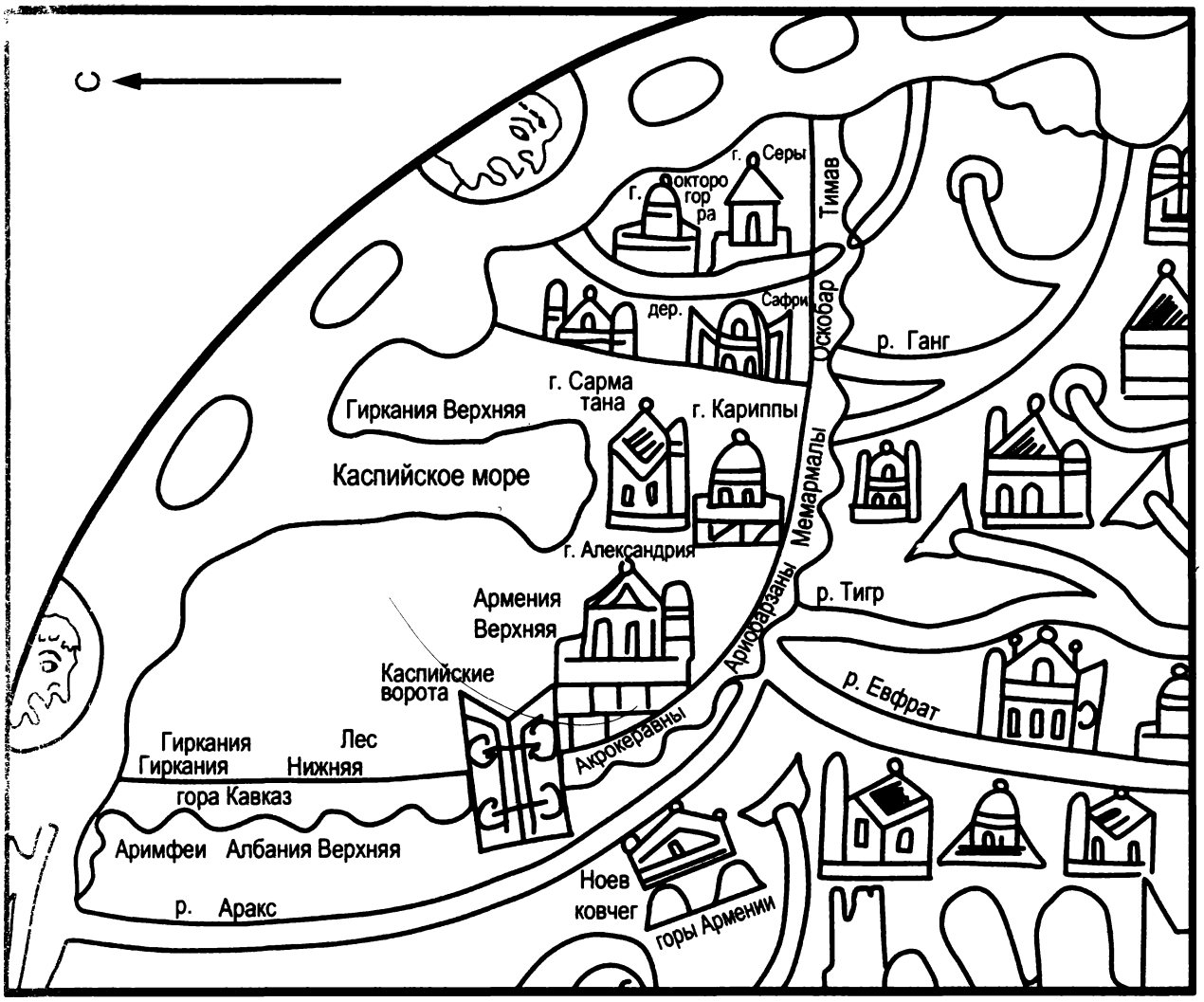


Рис. 1-Б. **Прорисовка участка «копии Сен-Викторской карты», ограниченного «Кавказскими» горами.**

Рис. 2-А. Анонимная карта мира, приложенная к Псалтыри 1260-х гг. из Британской библиотеки, созданная, вероятно, в Вестминстерском аббатстве (British Library, Additional MS, 28681, f.9). Диаметр – менее 10 см. Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 2-Б. Сверху – восток.

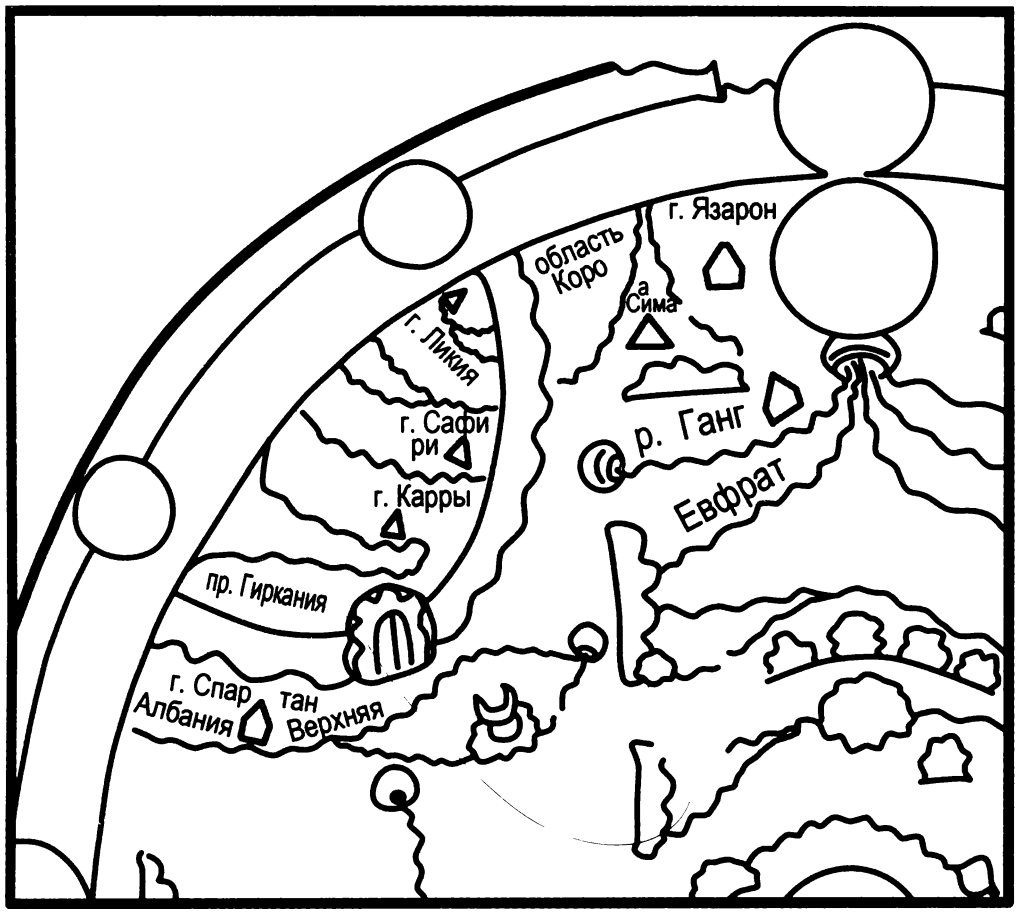


Рис. 2-Б. Прорисовка участка Псалтырной карты, ограниченного «Кавказскими» горами с прилегающим истоком Ганга и городом Саима.

Рис. 3-А. Анонимная Верчелльская карта мира, относящаяся, скорее всего, ко второй половине XIII в., после 1270-х гг. (Vercelli, Archivio Capitolare). Общий размер пергамена – 84 x 70-72 см. Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 3-Б. Сверху – восток.

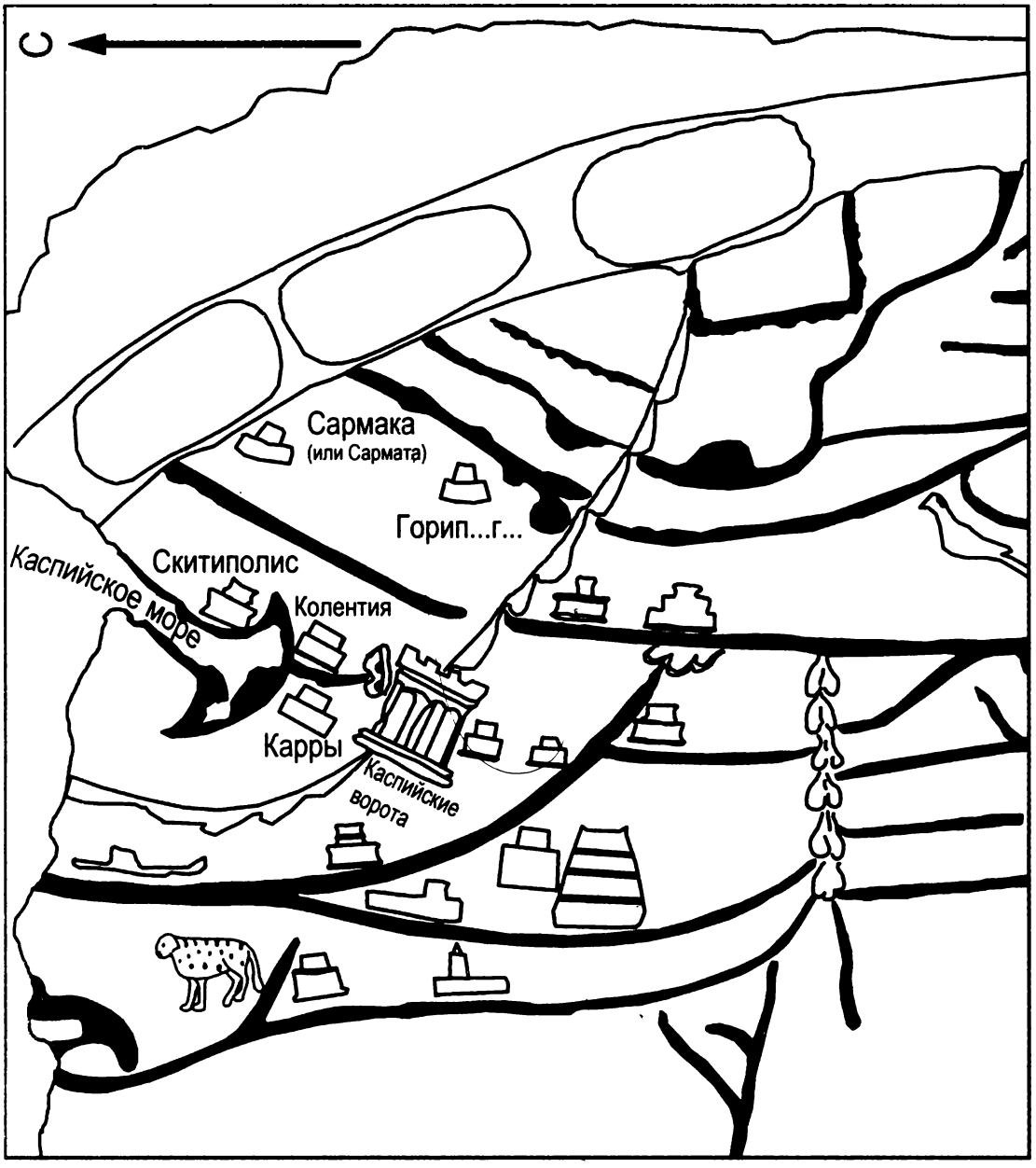


Рис. 3-Б. Прорисовка участка Верчелльской карты, ограниченного «Кавказскими» горами с прилегающим областями. Сверху – восток. Точность прорисовки положения города Сармака невелика из-за недостаточной четкости в изданиях. Но расположение между именно этими двумя реками, Кавказом и океаном – достоверно. Этого достаточно для вывода о том, что ни к Самаре, ни к Хазарии этот пункт не относится.

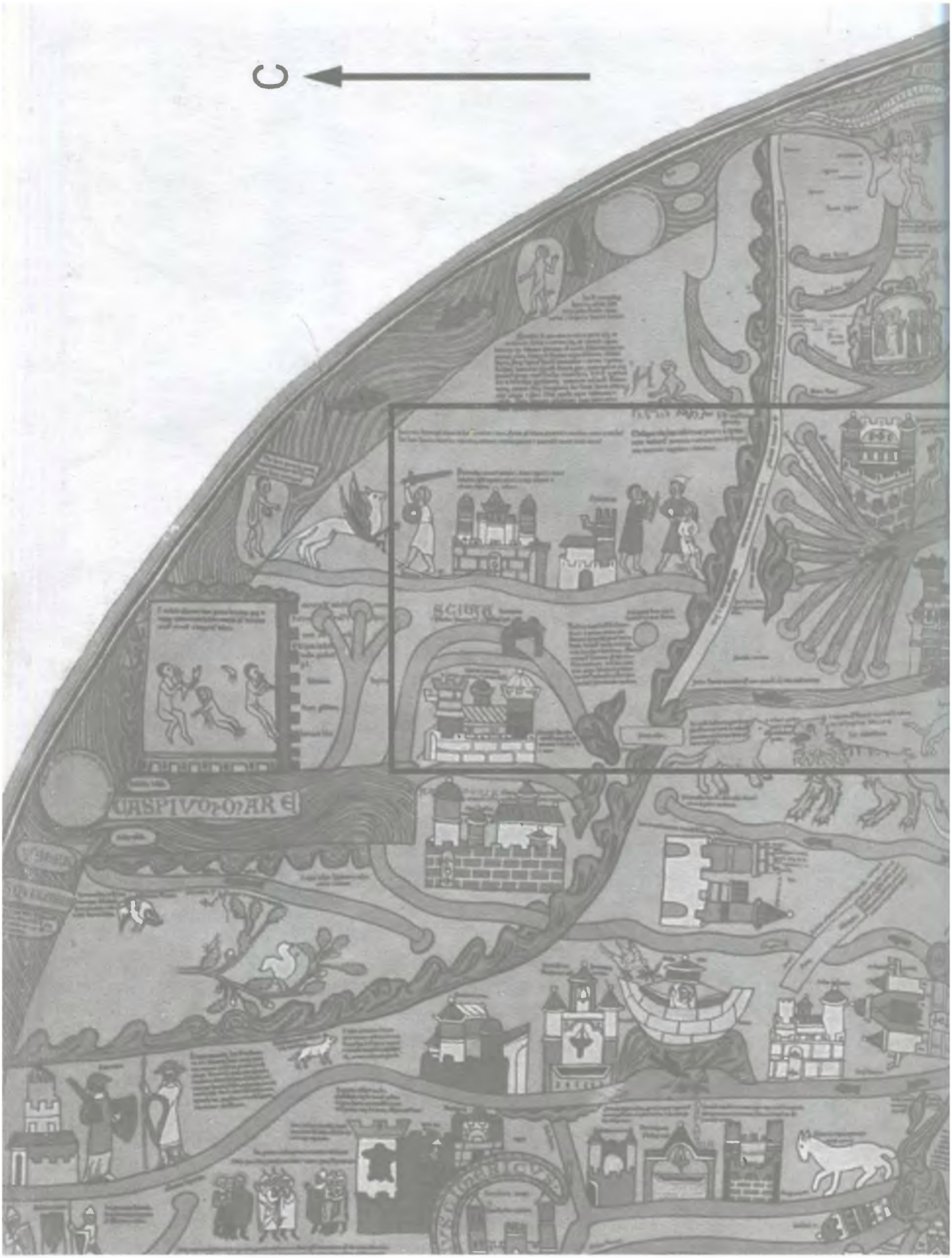


Рис. 4-А. Фрагмент не сохранившейся Эбсторфской карты мира, хранившейся в Бенедиктинском аббатстве в Эбсторфе (последнее место хранения – Ганновер). Самая вероятная дата – XIII в., скоре всего, его конец. Реконструирована по цветной прорисовке К.Миллера и ретушированным черно-б лым фотографиям издания Э. Зоммербродта. Общий размер – 356 x 358 см.
Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 4-Б. Сверху – восток.

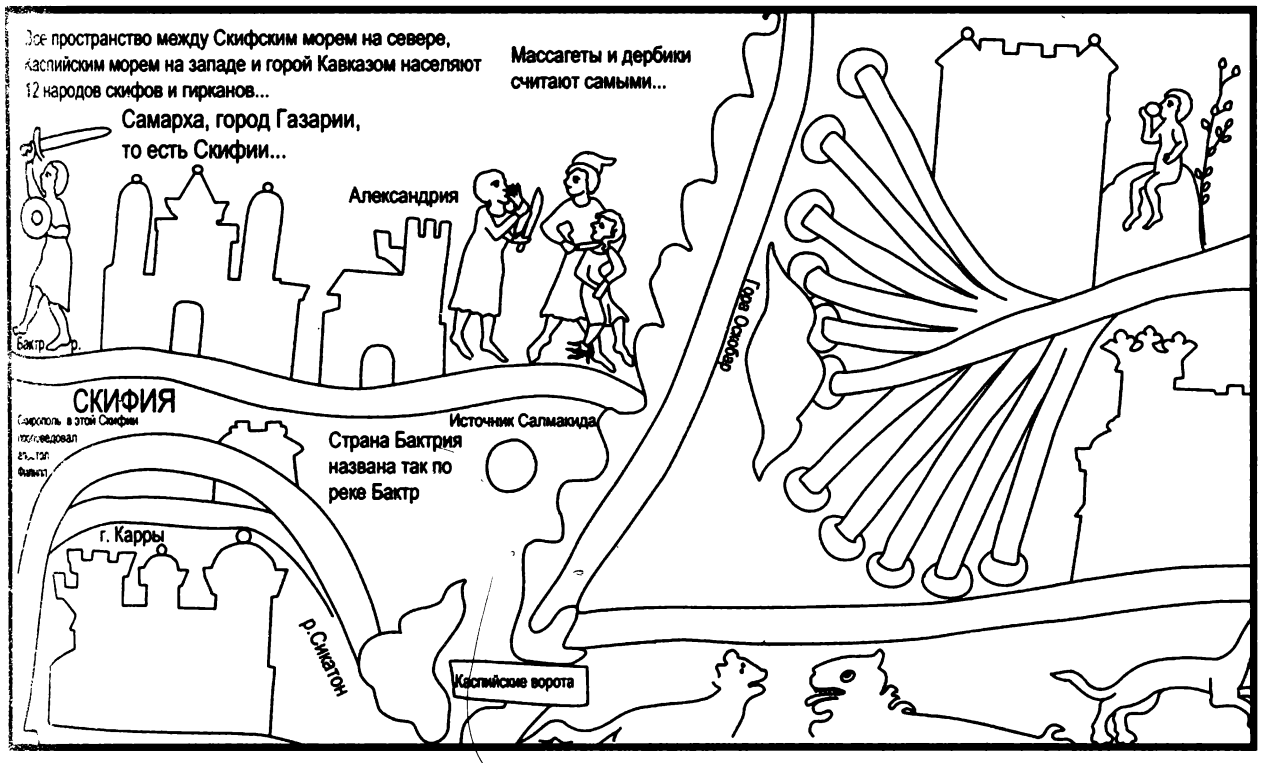


Рис. 4-Б. Прорисовка участка Эбсторфской карты, соответствующего листу 8 издания Зоммербродта.

Рис. 5-А. Херефордская карта мира, нарисованная Ричардом из Холдингема (графство Линкольншир), предположительно в 1280-х гг. (Hereford, Hereford Cathedral). Общий размер – 165 х 135 см. Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 5-Б. Сверху – восток.

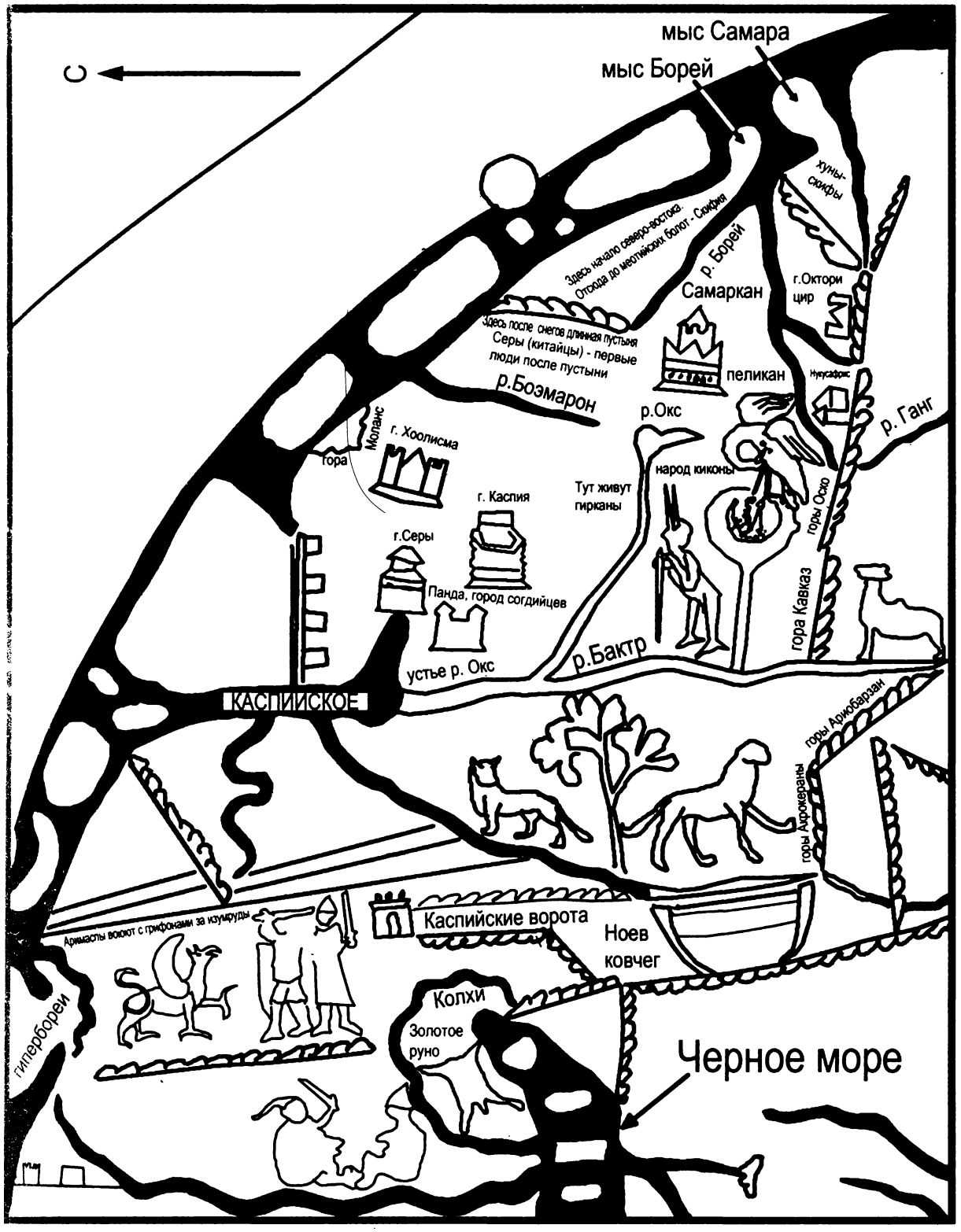


Рис. 5-Б. Прорисовка участка Херефордской карты, ограниченного «Кавказскими» горами с прилегающим областями.

Рис. 6-А. Фрагмент карты братьев Франческо и Доменико (или Марко) Пицигани 1367 г., изготовленной в Венеции. (Parma, Biblioteka Palatina, Parm. 1612). Сверху – север.

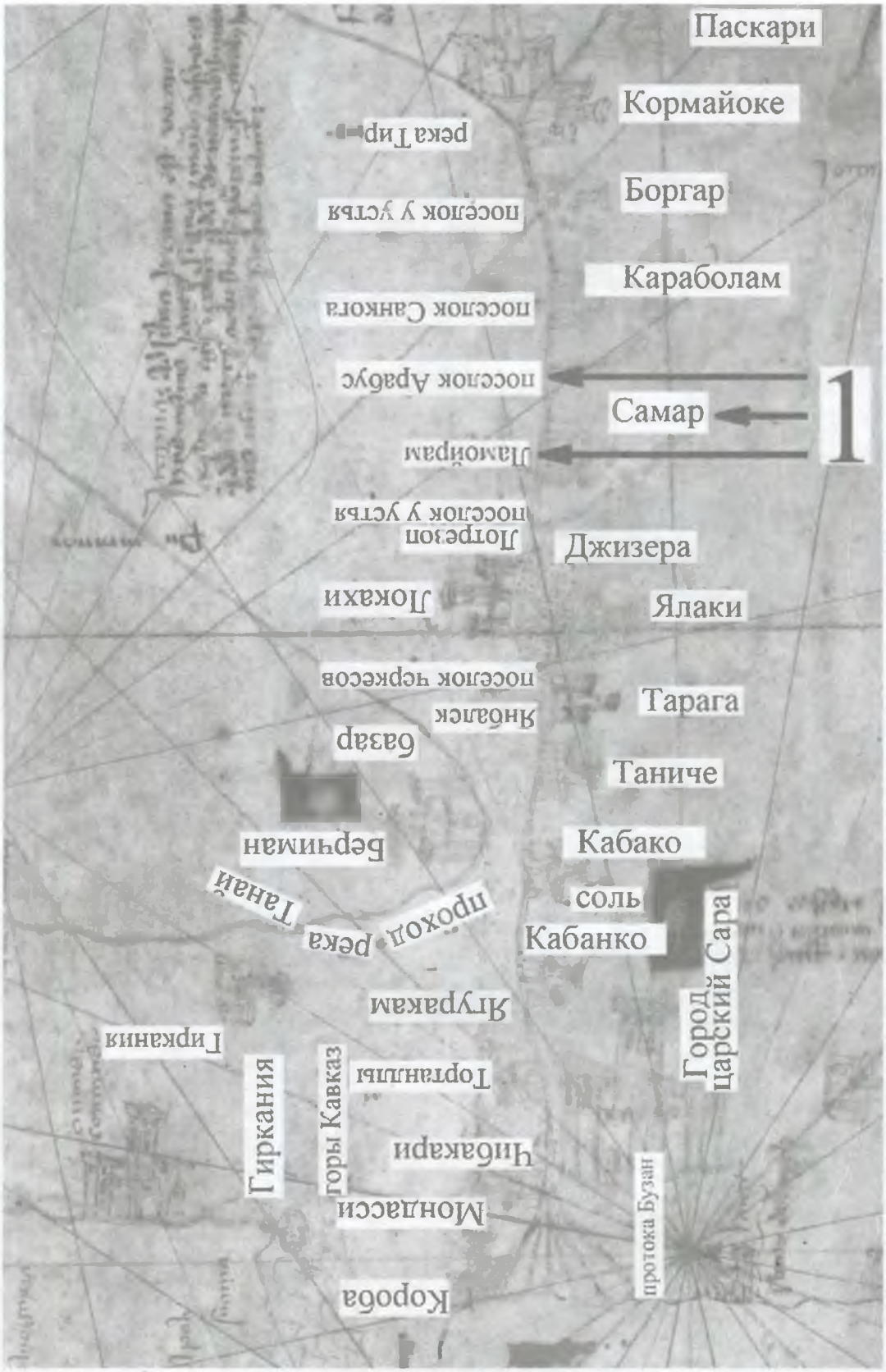


Рис. 6-Б. Фрагмент карты братьев Франческо и Доменико (или Марко) Пицигани 1367 г. с русской транскрипцией названий в Поволжье. Перевод, сделанный в отдельных местах, почти всегда оставляет некоторые сомнения. 1 – стрелками показаны три отдельных подписи, которые И.К.Фоменко объединил в одну фразу. Слово «соль» помещено на месте подписи «saline», что может обозначать «солончаки», «соляные варницы», «места добычи соли». Сверху – север.

Рис. 7-А. Фрагмент карты Фра Мауро 1459 г. Marciana, №106173. Общий размер карты – 196 x193 с Сверху – юг. Сеткой показана зона покрытия на таблице XXXIV в издании Т.Л. Джаспаррини.

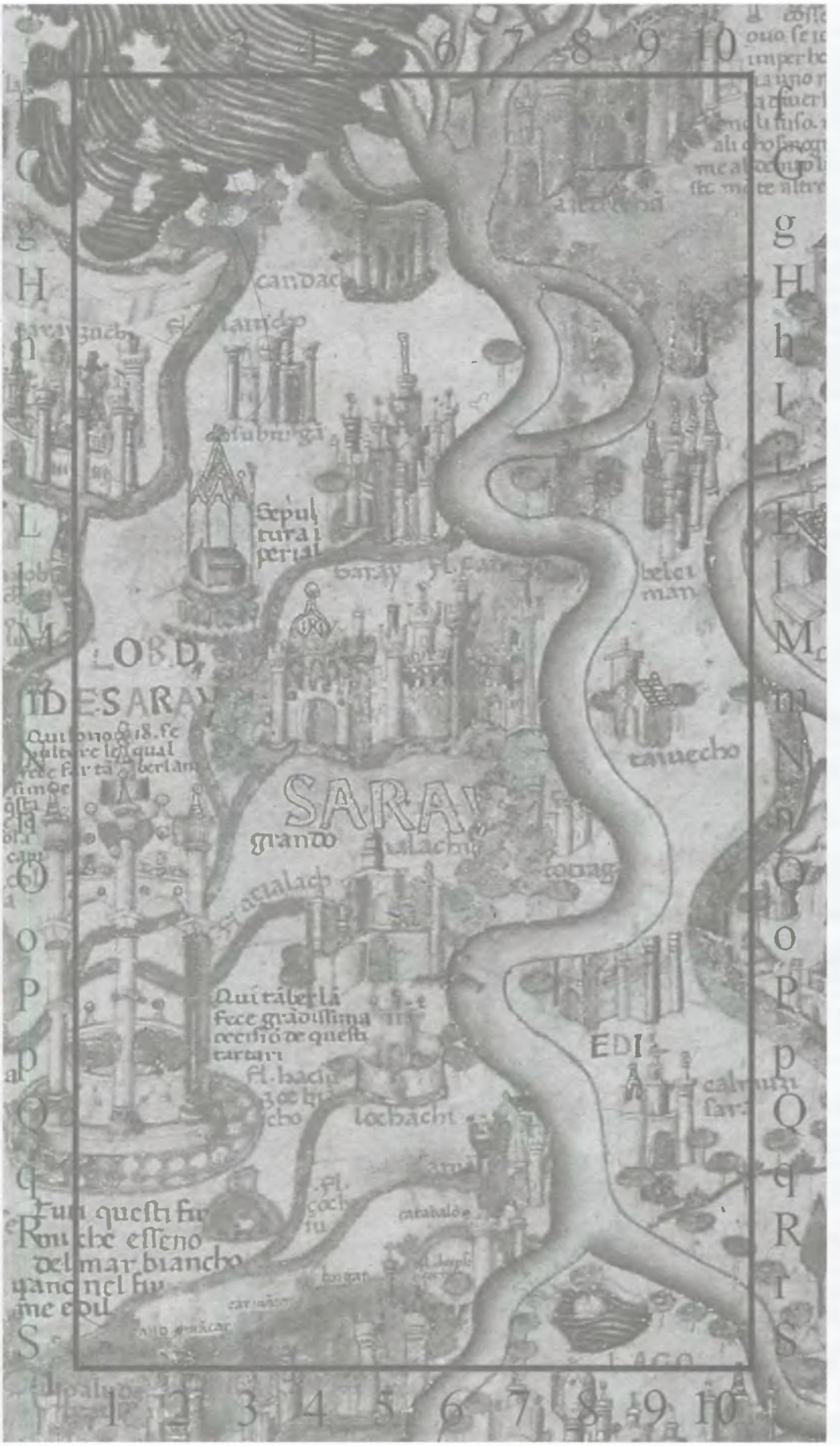


Рис. 7-Б. Фрагмент карты Фра Мауро 1459 г. с наложением координатной палетки двух квадратов с изображением Нижнего и Среднего Поволжья по таблице XXXIV издания Т.Л. Джаспаррини. Сверху – юг.

Рис. 8-А. Карта Андреа Вальшпергера 1448 г., хранящаяся в Ватикане (Cod.Palat.Lat. 1362). Диаметр – 43 см. Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 8-Б. Сверху – юг.

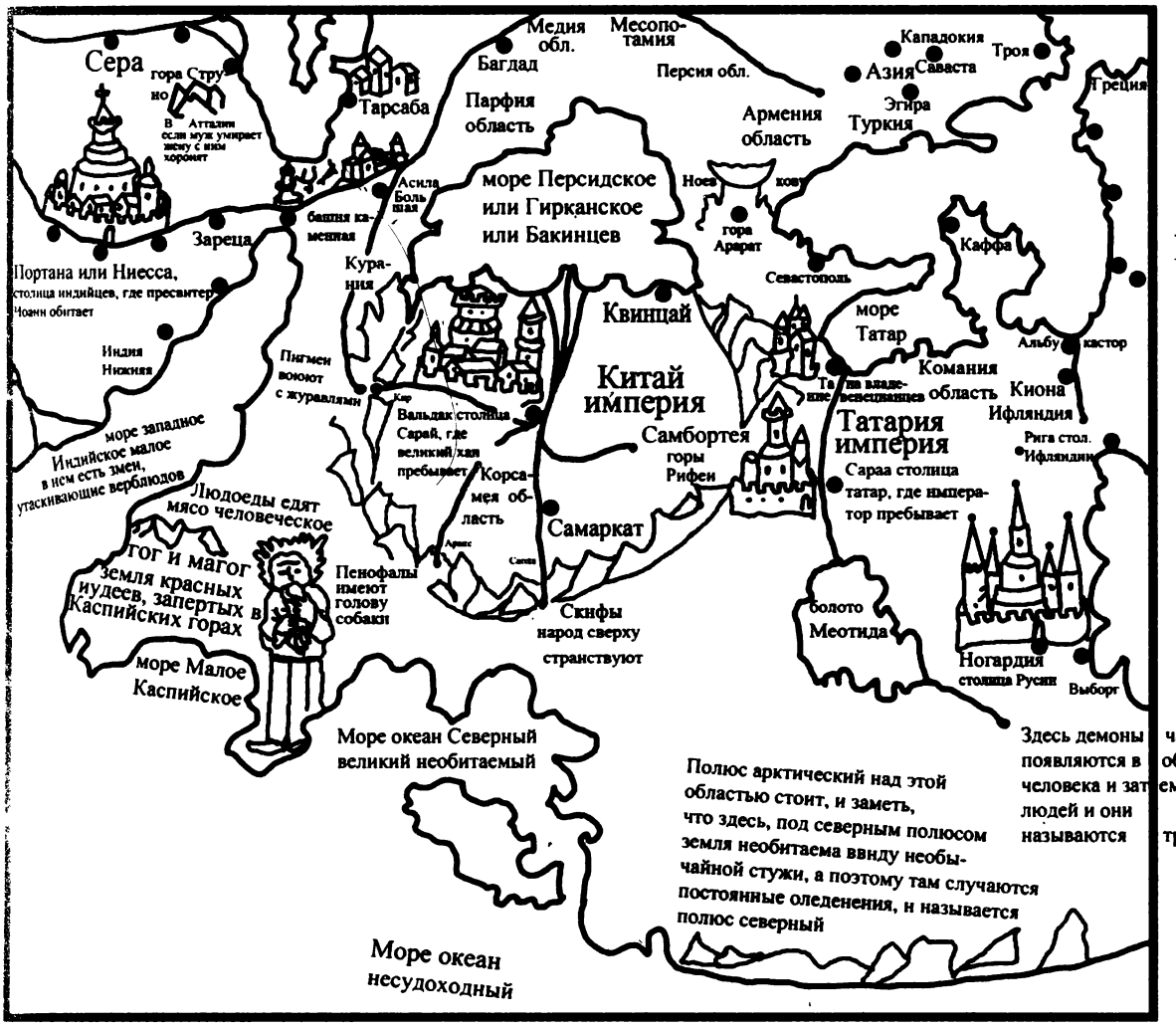


Рис. 8-Б. Прорисовка участка карты Андреа Вальшпергера 1448 г., располагающегося к северу от Каспийского моря.

Рис. 9-А. Анонимная карта мира, приложенная к рукописи Птолемея 1470 г. (Zeiz, Stiftsbibliothek). Диаметр – 45,7 см. Рамкой показана зона прорисовки на рисунке 9-Б. Сверху – юг.

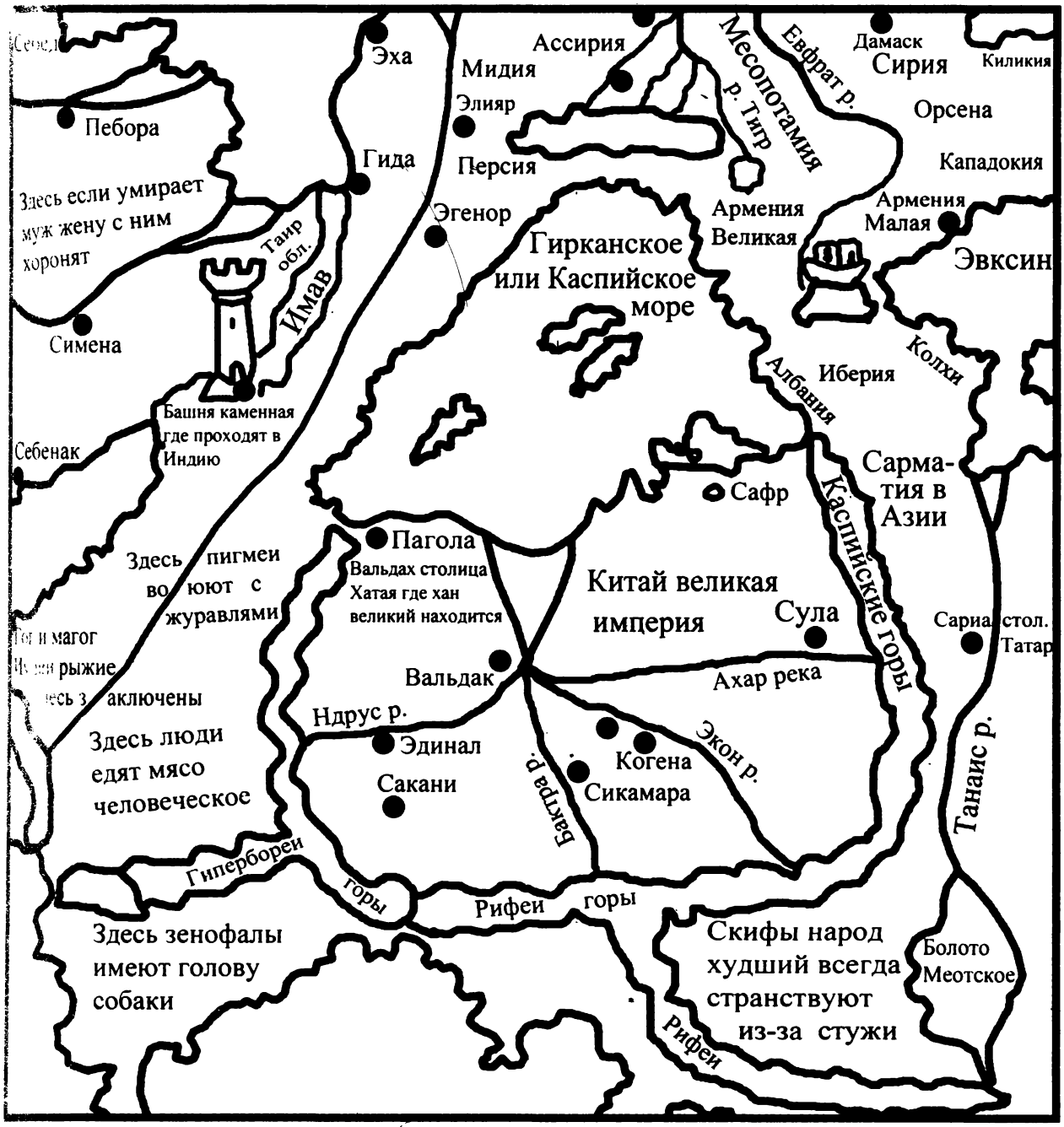


Рис. 9-Б. Прорисовка участка анонимной карты мира, приложенной к рукописи Птолемея 1470 г., располагающегося к северу от Каспийского моря. Сверху – юг.

Д.А. Сташен

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА САМАРЫ

Археологические исследования на территории городского округа Самара проводились сотрудниками Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина и ООО «Институт истории и археологии Поволжья» в соответствии с Планом мероприятий по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары на 2011-2012 годы.

Цель работ заключалась в определении возможностей археологии для уточнения вопроса о времени основания города Самары. В задачи исследования входило изучение источников и составление подробного списка археологических объектов на территории города, определение современного состояния памятников, проведение раскопок на наиболее перспективных участках.

Работы осуществлялись в два этапа. На первом этапе изучались архивные источники и музейные коллекции, имеющиеся публикации. Затем проводилось разведочное обследование с целью выявления новых памятников и памятников, перспективных для стационарных раскопок. После этого были проведены раскопки на многослойном поселении «Студеный овраг» и грунтовом могильнике XIV в. н.э., расположенном в районе Барбашиной поляны. Подробное описание работ 2011-2012 гг. приведено в отдельном издании (Сташенков, 2012).

В результате проведенных исследований мы можем представить общую картину исторического развития территории, на которой располагается современный городской округ Самара.

Первое упоминание об археологических находках в этом районе оставил известный самарский общественный деятель, основатель Самарского Публичного музея П.В. Алабин. В вышедшей в 1895 г. книге «Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном Музее» он отметил, что «в урочище Барбашина Поляна, на берегу р. Волги, при впадении в нее оврага найдены два недоделанные из кремня наконечника копий или стрел» (Алабин, 1895. С.12). Однако после смерти Алабина не нашлось человека, который мог бы дополнить эту краткую информацию и продолжить исследования в Самаре. Первые археологические работы в окрестностях Самары были проведены уже в начале следующего столетия, в 1907-1908 гг. В эти годы в описанном П.В. Алабиным районе, в зоне дачной застройки урочища «Барбашина поляна», находившегося тогда в восьми верстах к северу от города, В.Н. Глазовым и В.А. Миллером был выявлен и частично исследован мордовский могильник XIII-XIV вв. н.э. (Археологические исследования..., 2011). Первые раскопки вызвали интерес со стороны представителей самарской интеллигенции, и в 1908, 1909, 1916, 1918, 1919 гг. любительские раскопки и сборы на Барбашинском могильнике проводили К.П. Головкин, Г.О. Досталь, П.Н. Ефимов, Ф.Т. Яковлев (Ключникова, 1995. С.199). В 1920 г. профессором Самарского университета А.С. Башкировым были осуществлены первые масштабные раскопки на башинском могильнике. К сожалению, полевая четная документация о них не сохранилась. Полу ные в ходе раскопок и сборов коллекции в насто время хранятся в фондах СОИКМ им. П.В. Алаб

Дальнейшее изучение археологических памя ков в окрестностях Самары в 1920-е годы связа деятельностью профессора Самарского униве тета В.В. Гольмстен, и ее учеников - М.Г. Мат В.П. Мизиновой, А.А. Марущенко и др. В осно проводились разведочные работы, в редких случа небольшие раскопки. Собранные материалы хран в Самарском областном историко-краеведческом зее им. П.В.Алабина. После отъезда В.В. Гольм из Самары в 1929 г. археологические исследован регионе вплоть до образования Куйбышевского г дарственного университета в 1969 г. выполняли основном иногородними специалистами. Но и п создания Средневолжской археологической экс ции целенаправленных археологических работ на ритории Самары не производилось. Эпизодическ матривались места случайных находок и вводили научный оборот переданные в краеведческий муз в археологические лаборатории ВУЗов находки.

В начале 2000-х гг. была налажена система арх гического обследования в зонах земельных отводо территории городского округа Самара, хотя свед об археологических находках в зоне земляных р от строителей и жителей города поступают все очень редко и чаще всего с большим опозданием.

В настоящее время на территории современ города известно 36 археологических памятник случайных находок всех эпох – от палеолита до с невековья. Они представлены разными видами - янками, мастерскими, поселениями, курганны грунтовыми погребениями, пещерным святили единичными случайными находками (рис.1).

Наиболее ранние материалы относятся к эпох леолита.

Первый памятник эпохи камня на территории со менного города был обнаружен осенью 1922 г. в археологической экскурсии по береговой полосе ги, которую проводили М.Г. Маткин и К.П. Голов В устье Постникова оврага они выявили культур слой, содержащий как каменные орудия, так и кер ку разных эпох. С этого времени памятник стал р лярно осматриваться археологами. С 1922 по 192 ходе разведок в различных частях оврага было вы но 11 пунктов находок, раскопками под руководс В.В. Гольмстен на месте временных стоянок и кре обрабатывающих мастерских было изучено около кв.м (Кузнецова, 2000. С.31). Помимо находок э камня в Постниковом овраге были выявлены мат лы бронзового века и средневековья (Кузнецова, пова, 1987).

Исключительная научная значимость памятни Постниковом овраге, ставшая очевидной уже в 19

обусловила участие в исследованиях в Постниковом овраге в 1929 г. выдающегося российского археолога В.А. Городцова, учителя В.В. Гольмстен. Стоит отметить, что в Самару В.А. Городцов приехал на следующий год после значительного открытия – первого палеолитического жилища, изученного им на Тимоновской стоянке около Брянска. Вероятно, имея возможность сравнивать разные памятники, маститый археолог был несколько разочарован результатами раскопок в Постниковом овраге – жилищ ему там найти не удалось, да и полноценный культурный слой, видимо, тоже. Этим фактом можно объяснить то, что результаты раскопок в Самаре не были опубликованы. Дневники раскопок и рукопись неопубликованной статьи В.А. Городцова «Результаты исследования двух палеолитических стоянок в г. Самаре» хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (Самсонова, 1988. С.67).

Попытки найти участок с насыщенным культурным слоем эпохи камня в Постниковом овраге предпринимались и в дальнейшем, например, в 1931 г. в ходе работ Волжской экспедиции Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР под руководством геолога, профессора Московского геологоразведочного института Г.Ф. Мирчинка. В экспедиции участвовал выдающийся антрополог и археолог Г.А. Бончковский, за плечами которого к этому времени было открытие останков неандертальского человека в Киик-Коба в Крыму. Хотя поиски стратифицированной палеолитической стоянки в Самаре успехом не увенчались, в вышедшей уже после смерти Г.Ф. Мирчинка обобщающей работе его ученика, доктора геолого-минералогических наук В.И. Громова, отмечено, что геологические данные соответствуют наличию в этом месте стоянки эпохи верхнего палеолита (Громов, 1948. С.60).

Попытку продолжить изучение археологического комплекса в Постниковом овраге в 1957 г. предпринимал Н.О. Бадер, однако перспективного для проведения работ участка ему обнаружить не удалось (Бадер, Кушкаревский, 1957).

Много лет спустя, в 1985 г. на территории Центрального парка культуры и отдыха Л.В. Кузнецова обнаружила остатки верхнепалеолитической мастерской по первичному расщеплению кремня Постников овраг XII (Кузнецова, 2000). Недалеко от этого места на территории парка в 2006 г. П.В. Ломейко зафиксировал местонахождения кремневых изделий Загородный парк I, II и местонахождение керамики бронзового века Загородный парк III (Ломейко, 2006). А в 2007 г. в ходе обследования земельных участков в овраге Подпольщиков автором был выявлен участок с сохранившимся культурным слоем памятника. В заложенных шурфах были обнаружены фрагменты керамики эпох бронзы и средневековья, кремневые изделия, основная часть которых относится к эпохе палеолита (рис.2). В настоящее время из-за чрезвычайно сильного антропогенного воздействия на территорию памятника проведение масштабных археологических исследований в этом районе не представляется возможным.

Еще один памятник на территории современного города, относящийся к палеолитической эпохе, располагался в устье Барбашина оврага. Именно там были обнаружены кремневые наконечники, о которых писал П.В. Алабин. В ходе разведочных работ, производившихся в 1920-е гг. под руководством В.В. Гольмстен, там были обнаружены предметы, относящиеся к верхнепалеолитическому и мезолитическому горизонтам. Типологически материал Барбашинского комплекса по своему составу имеет сходство с комплексом Постникова оврага, что может свидетельствовать о культурной и хронологической близости оставившего эти памятники населения.

В устье Барбашина оврага в 1938 г. при проведении охранных работ в зоне планируемого затопления Волжской ГЭС А.В. Збруевой, руководившей отрядом Куйбышевской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, было найдено и кремневое орудие, определенное как мустьерский остроконечник (Збруева, 1947. С.83-84).

К эпохе палеолита относится местонахождение Воскресенский спуск, обнаруженное в 1926 г. М.Г. Маткиным и А.И. Тереножкиным. При осмотре стенок траншеи в районе Воскресенского спуска на глубине 3 м от современной поверхности они зафиксировали бивень мамонта, фрагменты костей животных и кремневые отщепы (Архив ИИМК РАН. Оп. 1. Ф. 44. Д.13).

Несколько местонахождений кремневых изделий, относящихся к палеолиту-мезолиту, обнаружили в 1938 г. в устье реки Сок, на территории современного Красноглинского района г. Самары, работавшие в составе отдельного отряда Куйбышевской экспедиции сотрудники Куйбышевского краеведческого музея Н.В. Бакшаев и К.Н. Муромцева.

При раскопках некрополя Иверского монастыря XIX - начала XX в. в 2006-2009 гг. было найдено несколько кремневых ножевидных пластин, свидетельствующих о заселенности этого района в мезолите-неолите (устное сообщение А.А. Ластовского).

В 2012 г. в ходе обследования береговой полосы р. Волга в границах Вилоновского и Ульяновского спусков автор обнаружил еще одно местонахождение кремневых предметов Ульяновский спуск. В двух шурфах в переотложенном почвенном слое были обнаружены кремневые концевой скребок на пластине и два отщепа (Сташенков, 2012. Рис.82).

Интерес к исследованиям памятников эпохи камня, возникший в Самаре еще в 1920-е гг., закономерно привел к изучению уже известного многим самарцам «туристического объекта» - пещере Братьев Греве. В 1924 г. М.Г. Маткин и другие слушатели Высших этнолого-археологических курсов заложили шурф в среднем гроте пещеры Братьев Греве. В хранящейся в СОИКМ им. П.В. Алабина коллекции имеются каменное орудие, ножевидная пластина и несколько бронзовых предметов (Васильев, 1975а. С.84). В 1930 г. экспедиция ГАИМК под руководством ленинградского археолога П.П. Ефименко, крупнейшего специалиста в области каменного века, обследовала берега Волги в пределах Средневолжского края и пещеры в Жигулях. В пещере Братьев Греве был заложен шурф, в котором обнаружены предметы, относящиеся к абашевской культуре. Результаты работ экспедиции не опубликованы, имеются только упоминания о проведенных работах (Бадер, 1968; Паничкина, 1953).

К исследованиям пещеры Братьев Греве специалисты неоднократно обращались впоследствии. Интерес представляют результаты работы карстово-спе-

леологической экспедиции, организованной в 1950 г. Московским и Киевским университетами. В составе археологического отряда экспедиции под руководством к.и.н. А.П. Черныш работали Я.П. Прилипко и Ю.А. Колесниченко. Среди осмотренных в Куйбышевской области объектов были пещера Братьев Греве, Лысая гора у Студеного оврага, район Бахиловой поляны и обрывистый берег у железнодорожной станции Правая Волга. Археологических находок эти поиски не дали (Черныш, 1950).

Тем не менее, изучение пещеры было продолжено. В 1968 г. Северная палеолитическая экспедиция ИА АН СССР под руководством О.Н. Бадера осуществляла поиски памятников палеолита в Жигулевских и Сокольих горах. В среднем гроте пещеры Братьев Греве был заложен раскоп площадью 64 кв. м, вскрытый на глубину 6 м. Во втором стратиграфическом горизонте, предположительно плейстоценовой эпохи, было зафиксировано три очажных горизонта. В верхнем слое найдено несколько кремневых изделий, бронзовый нож и медное височное кольцо, вероятно, относящиеся к абашевской культуре (Бадер, 1968. С.5-8; Бадер, 1969. С.146). В 1970 г. исследование пещеры продолжалось при участии куйбышевских археологов под руководством Г.И. Матвеевой. Был получен выразительный комплекс предметов бронзового века (Бадер, 1971. С.34). Раскопки пещеры проводились и в 1972 г. Местонахождение находок из раскопок О.Н. Бадера неизвестно. В 1975 г. материал из раскопок и случайных сборов, хранящихся в Самарском государственном университете и в СОИКМ им. П.В. Алабина, был опубликован И.Б. Васильевым, который охарактеризовал пещеру как кратковременную стоянку рыболовов и охотников бронзового века, допуская также, что она использовалась и как культовое место (Васильев, 1975а. С.88-92).

К эпохе бронзового века на территории Самары относились и несколько курганных могильников и поселений. Раскопки курганов производились в первое послереволюционное десятилетие экспедициями под руководством В.В. Гольмстен. В 1920-е годы исследовались курганы у станции Красный Кряжок и в пос. Зубчаниновка, у Истомина хутора (к юго-востоку от ст. Безымянка). В курганах были обнаружены погребения бронзового века, относящиеся преимущественно к срубной культуре, изучены и захоронения раннего железного века (Васильев, 1975б).

В XX веке в ходе городского строительства и различных земляных работ на территории города курганные насыпи уничтожались, и о находившихся под насыпями погребениях археологи узнавали только в редких случаях. Так, в 1971 г. при прокладке телефонного кабеля на ул. Первомайской было разрушено погребение, сопровождавшееся лепными глиняными сосудами. Погребение было доисследовано И.Б. Васильевым, который обосновал принадлежность погребения к срубной культуре и оперативно ввел его материалы в научный оборот (Васильев, 1975б. С.51-53).

Важно отметить, что в 1970-е гг. именно И.Б. Васильев первым серьезно заинтересовался древностями, найденными на территории современного города, и подготовил сразу три статьи для «Краеведческих записок» (Вып. III. Куйбышев, 1975), в которых вводились в научный оборот материалы из раскопок и случайных находок на территории Самары-Куйбышева: «Пи ники бронзового века в окрестностях г. Куйбыш «Загадочная керамика» и «Остатки бронзового в пещере Братьев Греве». До настоящего времени публикации остаются единственными обобщающ работами по материалам бронзового века, происх щими с территории Самары.

Поселения бронзового века на территории Са до последнего времени специально не изучались располагаем только информацией о разведочных рах, произведенных в разное время археологами находках, сделанных жителями города.

Очень важные результаты были получены в 19 при проведении археологической разведки на пр берегу р. Самары у Кирпичных Сараев. В ходе раз слушатели Высших этнолого-археологических ку при Самарской университете М.Г. Маткин, А.А рущенко и Н.П. Зубцов обнаружили культурные бронзового века, исследование которых продо ла В.В. Гольмстен. Найденные при обследовани менные литейная форма для серпов и три молот дробления руды стали уникальными свидетельст развития металлообработки племен бронзового в Самарском регионе.

Вероятно, поселение бронзового века существо в районе Воронежских озер. В 1987 г. студенты бышевского университета Д. Юрышев и А. Каз обнаружили там фрагменты керамики эпохи бр В этом же районе в 1999 г. В.А. Цибин и А.И. К рев при проведении археологического обследо проектируемой парковой зоны Воронежской сис озер зафиксировали признаки культурного слоя з бронзы, но границ памятника выявить не удалось

Из раскопок 2011-2012 гг. на селище Студены раг происходят фрагменты лепных сосудов с прим дробленой раковины в формовочной массе, укра ные рядами наклонных отпечатков зубчатого шт Подобная керамика, впервые описанная И.Б. Вас вым в 1975 г. как «загадочная керамика», относи эпохе бронзы и может быть связана с кругом пам ков вольско-лбищенского типа.

Поселения бронзового века в границах совре ного города известны и на левом берегу р. Сама 2007 г. В.А. Цибин в ходе археологического обс вания земельного участка на землях КСП «Вол в Куйбышевском районе г.Самары выявил три п ника археологии – поселения Волгарь I-III. На о из них - поселении эпохи бронзы Волгарь III а логической экспедицией Самарского государстве го педагогического университета под руководс О.В. Кузьминой в 2008 г. было исследовано 300 (Кузьмина, 2009).

Несколько случайных находок из музейны браний относятся к раннему железному веку. В 2000- е гг. на территории города обнаружено тр лезных акинака. Два из них относятся к савромат эпохе. Один акинак, найденный в районе Студ оврага, датирован V-IV вв. до н.э. (Мышкин, 1 Второй савроматский акинак был найден при с тельных работах на 116 км г. Самары (Мышкин 2007). Третий клинок, найденный у с. Рубежное, руется раннесарматским временем.

Вероятнее всего, акинаки происходят из разру ных савроматских и сарматских погребений. Таки

ожения в 1925 г. были исследованы В.В. Гольмстен время раскопок курганного могильника у Истоми-хутора близ железнодорожной станции Безымянка (Мышкин, Скарбовенко, 2000. С.16, 30).

В границах города известны и поселения эпохи раннего железного века. Наиболее ранние из них относятся к памятникам белогорского типа. Среди них в первую очередь необходимо отметить Коптево городище в Сокольих горах. Памятник был открыт в 1968 г. О.Н. Бадером. В 1969 г. Г.И. Матвеева провела разведочное обследование Коптева городища, выявив там материалы белогорского круга (Матвеева, 2000. С.84). В 1974 г. четыре рекогносцировочных раскопа на городище заложил Г.Г. Пятых (Пятых, 1974).

Одновременно с Коптевым городищем существовало поселение в Студеном овраге. При раскопках в 2011-2012 гг. там были выявлены фрагменты лепных горшковидных сосудов, орнаментированных в верхней части штампом в виде горизонтального пояса ямочных вдавлений и треугольников. Подобная керамика может быть также отнесена к белогорскому кругу и датирована серединой I тыс. до н.э.

К середине-второй половине I тыс. до н.э. относятся фрагменты керамики городецкой культуры, найденные в 1920-х гг. на правом берегу р. Самары в районе кирпичных сараев.

Поселение в Постниковом овраге и селище Студеный овраг существовали в эпоху раннего средневеко-

агменты лепных неорнаментированных горшко-ых сосудов, найденные при раскопках В.В. Гольв Постниковом овраге, были отнесены авторапубликации к именьковской культуре (Кузнецова, кулова, 1987). Однако отсутствие выявленных при раскопках остатков построек, ярких индивидуальных находок, характерных форм сосудов не дают основания однозначно причислить выявленный комплекс к именьковской культуре.

При раскопках 2011-2012 гг. на селище Студеный овраг обнаружена ранее не встречавшаяся в регионе группа керамики. Фрагменты лепных неорнаментированных сосудов с примесью шамота и органики в формовочной массе, обожженных на костре (рис.4), находят аналогии среди древностей киевского круга памятников III-V вв. н.э., либо круга культур, формирующихся на основе киевской и связываемых с праславянским населением. Предварительное изучение состава керамического комплекса поселения Студеный овраг позволяют высказать предположение о возможном присутствии среди полученных материалов комплексов колочинского круга или смешанных славяно-финских комплексов, подобным выделенным А.М. Обломским по материалам поселений Кривец-4, Брок-5 и др. в особую верхневоронежскую общность датированных им V-VII вв. (Обломский, 2012. С.198-

Широкая датировка раннесредневековых поселений памятников Овраг и Студеный овраг не позволяет ответить на принципиальный вопрос о том, появились ли данные памятники до гуннского нашествия или после него. Непосредственно к гуннской эпохе относится обнаруженный при земляных работах на 113 км г. Самары жертвенный или поминальный комплекс. Он включает в себя фрагменты разбитого в древности и имеющего следы пребывания в огне бронзового литого котла, ручки которого украшали грибовидные отростки (рис.3), а также листочек свернутой золотой фольги. Этот комплекс датируется V в. н.э. и является одним из немногих памятников, которые можно соотнести с собственно гуннскими группами (Сташенков, 2007).

Особый пласт древностей, выявленных на территории города, представлен погребальными комплексами кочевого населения конца раннесредневековой эпохи. Первый из них был выявлен в 1969 г. на 116 км г. Куйбышева. Материалы из погребения кочевника IX в. , разрушенного при земляных работах и поступившие в Куйбышевский краеведческий музей, были опубликованы Г.И. Матвеевой (Матвеева, 1976).

Вероятно, несколько подобных захоронений было разрушено при строительных работах на 23-24 км г. Самары. С 2007 по 2011 гг. в СОИКМ им. П.В. Алабина поступали железные предметы, собранные в строительных котлованах в районе торгового комплекса «IKEA» и жилого микрорайона в районе поселка Красный Пахарь. Среди находок имеются фрагменты сабли с перекрестьем с опущенными вниз концами, завершающимися шаровидными утолщениями и ромбическим расширением по центру, обоймы ножен, металлические детали портупеи, железный нож, трензельные удила с прямыми стержневидными псалиями, наконечники стрел, фрагменты изделий кольчужного плетения. Наличие среди находок предметов вооружения и предметов конской упряжи дает основание говорить о принадлежности погребенных к категории всадников-воинов.

Большую часть находок можно датировать в пределах IX в. Аналогии им имеются в материалах Большетиганского и Танкеевского могильников на территории Татарстана, а также в мадьярских комплексах эпохи «обретения родины» на территории Венгрии. Возможно, в IX в. территория Самары входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен.

Нужно отметить, что в различных частях современного города находились и другие погребения средневековых кочевников, которые точно датировать затруднительно. Так, в 2001 г. при проведении земляных работ на пересечении спуска по ул. лейтенанта Шмидта и ул. Карла Либкнехта в Октябрьском районе города Самары было разрушено погребение средневекового кочевника, детальную атрибуцию которому дать не удалось (Ломейко и др., 2012. С.73-75).

Особый интерес у специалистов – археологов и историков – вызывают древности, которые можно отнести к золотоордынскому времени. Памятники золотоордынской эпохи на территории современной Самары присутствуют, но, несмотря на многолетние исследования, археологам не удалось обнаружить крупное поселение городского типа, которое могло бы соответствовать городу Samar, отмеченному на итальянских картах Пицигани 1367 г. и Фра Мауро 1459 г. Самым крупным археологическим памятником из известных на сегодняшний день на территории города является Барбашинский грунтовой могильник, первые погребения на котором были изучены еще в начале XX века.

История обнаружения и топография Барбашинского могильника по состоянию на 1908 г. была подробно описана В.А. Миллером (Археологические исследо-

вания..., 2011. С.43-45). Он же определил примерную площадь памятника - около 1,5 десятин (1,5 га). Примерно такую же площадь памятника указал и Б.А. Латынин, проводивший масштабные работы на Барбашинском могильнике в 1935 г. (Сташенков, Кочкина, 2008). Зная среднюю плотность погребений, исследованных на могильнике, можно предположить, что на этой площади захоронено не менее 1500 – 2000 человек (Б.А. Латынин допускал и значительно большее число - до 5000 человек). Характер находок из примерно 200 погребений, хранящихся в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина (коллекции № 15-19, 22, 23), позволяет связать памятник преимущественно с мордовским населением и датировать его XIV в.

Погребения в могильнике, совершенные в узких прямоугольных ямах, имели северную ориентировку (исключения были только в семи случаях – шесть погребений имели южную ориентировку и одно – восточную). Мужские захоронения совершались в вытянутом на спине положении, женские – в скорченном положении на левом или на правом боку, детские, вероятно, в зависимости от пола погребенного, либо на спине, либо на боку.

Мужские погребения сопровождались предметами вооружения и бытовыми предметами. Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел, среди которых имеются срезни и характерные для комплексов XIII-XIV вв. ромбовидные наконечники, фрагментами сабли, топорами. К бытовым изделиям относятся ножи, шилья, кресала. Несколько мужских погребений сопровождались поясами с железными и бронзовыми накладками, украшенными зооморфными изображениями или растительным орнаментом. В мужских захоронениях найдены и медные кованые котелки.

В женские погребения помещался набор личных украшений и украшений костюма. Женские украшения представлены несколькими категориями: бронзовыми лопастными и кольчатыми сюльгамами, дротовыми и пластинчатыми браслетами, бронзовыми и серебряными перстнями с металлическим щитком, стеклянными и реже каменными бусами, раковинами каури, в редких случаях - простыми проволочными серьгами и серьгами в виде знака вопроса (рис.5, 1-11).

В мужских и детских захоронениях найдены амулеты из костей, зубов и клыков животных.

В некоторые женские и детские захоронения помещались глиняные лепные горшковидные сосуды (рис.5, 12).

Все предметы, найденные в погребениях, находят аналогии в ранее изученных захоронениях Барбашинского могильника, а также в погребальных памятниках мордвы XIII-XIV вв., исследованных на территории Самарского Поволжья – Муранском могильнике, Усинском могильнике, Кузькинском могильнике. Предметы быта и вооружения типичны также для памятников, расположенных на территории волжской части золотоордынского государства.

В настоящее время Барбашинский могильник, изученный большой площадью, материалы которого начинают вводиться в научный оборот (Сташенков, Кочкина, 2008; Археологические исследования..., 2011; Сташенков, 2012), является опорным памятником для изучения истории мордовского населения, проживавшего в Среднем Поволжье в золотоордынскую э
Работы 2011-2012 г. продемонстрировали, что на
башинском могильнике сохранились участки с н
рушенными погребениями, однако препятстви
проведения масштабных археологических раб
еще неизученной территории памятника создае
что могильник находится в зоне частной застрой

Учитывая большое количество погребенных
гильнике на Барбашиной Поляне, можно пр
лагать, что где-то поблизости от могильника р
лагается достаточно крупное поселение. Возм
оно находилось в прибрежной части Волги, к ю
устья Барбашина оврага. Именно там в начале 1
гг. провела детальные разведки В.В. Гольмстен, з
сировавшая наличие культурного слоя средневек
поселения. В заложенных ею шурфах были обна
ны железный нож, костяная накладка, лепное би
ческое пряслице и пряслице, изготовленное из ст
кругового сосуда (рис.6), фрагменты лепной мо
ской и красноглиняной круговой керамики реме
ного производства общеордынской традиции. Н
ны были также фрагменты горшковидных сос
находящие аналогии в материалах русских посел
XIII-XIV в. (рис.7).

Территория к югу от устья оврага, на которой п
водила исследования В.В. Гольмстен, в настоящее в
занята жилыми и дачными строениями и практич
недоступна для археологического обследования.
осмотренные участки испытали чрезвычайно сил
антропогенное воздействие. Вдоль волжского б
произведена отсыпка грунта, причем мощност
сыпного грунта достигает 3-5 м.

На доступном для обследования участке на
первой террассы Волги в заложенном в 2011 г. ш
обнаружены фрагменты стенок лепных и круговы
судов средневековой эпохи. Находки подтверж
что средневековое поселение в устьевой части
башинского оврага действительно существовал
границы и характер его в настоящее время устан
невозможно.

Из-за плотной городской застройки невозм
определить размеры и точное время функциони
ния поселка в Постниковом овраге. Фрагменты
говой горшковидной керамики из раскопок В.В.
мстен характерны для русского населения XIII-XI
но находок, имеющих более узкую датировку, в н
распоряжении нет.

В поисках поселений золотоордынской эпохи
обследованы территории, расположенные к севе
Барбашинского комплекса. В 2007-2011 гг. архео
ческой экспедицией СОИКМ им. П.В. Алабина
заложена серия шурфов и раскопов и изучено нес
ко местонахождений сельскохозяйственных и де
обрабатывающих орудий в районе Студеного о
(Сташенков, 2012).

Среди найденных в Студеном овраге желе
предметов были как сельскохозяйственные о
(плужные лемехи, серпы, косы, мотыги) и ра
инструменты (топоры, струг, скобель, ложкари),
предметы конской упряжи (стремена с широкой
ножкой, кольчатые двусоставные удила и подпру
пряжки и кольца).

Вероятно, найденные предметы являлись жер
ными дарами и могут быть связаны с существова

том районе лесным святилищем, аналогичным из-
ным по этнографическим данным мордовским
культовым местам («кереметь»).

Вещи, найденные при раскопках, типичны для памятников золотоордынского времени. Они находят аналогии в комплексах золотоордынского времени на территории Поволжья: в погребениях Барбашинского могильника, расположенного на территории Самары (Ключникова, 1995. С. 202; Сташенков, Кочкина, 2008), в Максимовском кладе на реке Самаре (Юнусова, 1977. С. 96), в городе Болгар (Савченкова, 1996) и др. памятниках.

Учитывая, что сокрытие подобных «кладовых» комплексов, состоящих из сельскохозяйственных орудий и деталей конской упряжи, было присуще оседлому населению Поволжья в золотоордынскую эпоху, можно предположить существование в непосредственной близости от исследованного комплекса еще не найденного земледельческого поселения, функционировавшего в XIV в.

На территории современной Самары имеется еще несколько местонахождений золотоордынского времени, известных по разведкам 1920-х гг. – на правом берегу р.Самары, по берегам р. Падовки, однако они расположены на территориях плотной городской застройки и современное состояние их уточнить не уда-

Таким образом, результаты археологических работ свидетельствуют о том, что на территории Самары
ются памятники золотоордынской эпохи, в том
достаточно крупные – в районе Барбашиной По-
ны. Вместе с тем до настоящего времени не найдено остатков поселений, которые можно было бы соотнести с поселением Samar. Нужно обратить внимание и
что среди имеющихся находок нет вещей, ко-
торые можно было бы датировать только XIII в. или только XV в. Последний факт очень важен, так как он подтверждает мнение о том, что карта Фра Мауро 1459 г. отражает ситуацию не XV в., а XIV в., причем, скорее всего, периода времени до «Великой замятни» в Орде. Судя по материалам из археологических раскомногочисленные поселения в Среднем Поволжье погибли уже к 1360-м гг.

В настоящий момент не только на территории Самары, но и во всем Самарском Поволжье не известны памятники, которые могли бы заполнить хронологическую лакуну между позднейшими золотоордынскими памятниками 1360-х гг. и первыми поселениями периода русского освоения Среднего Поволжья конца XVI в.

Сложность заключается в том, что культурные слои XVI-XVII вв. на территории города Самары не изучены, более того, не изучены памятники XVI-XVII вв. в целом в Самарском регионе. Без новых материалов невозможно ни охарактеризовать материальную культуру населения, участвовавшего в освоении региона, ни ответить на принципиальный вопрос о том, существовали ли на месте русской крепости предшествующие поселения?

Первая попытка археологически зафиксировать их следы была предпринята сотрудниками Самарского государственного педагогического университета, Самарского государственного университета и Института истории и археологии Поволжья. В 2006-2007 гг. ими проводились работы с целью выявления места, где первоначально мог быть заложен город Самара. Была осмотрена прибрежная полоса от местности напротив о. Коровий до пристани г.Новокуйбышевска. Археологические памятники на осмотренном участке не были обнаружены. Работы показали, что поиски городка или пристани Самар требуют проведения систематических археологических исследований (Мочалов, 2006).

Нужно отметить, что сведения об исторических памятниках на территории Самары, о топографии старых укреплений по архивным источникам еще в 1920-е гг. собрал К.П. Головкин (Классика..., 2007), а впоследствии - Е.Ф. Гурьянов (Гурьянов, 1979). В последние годы начались масштабные археологические исследования памятников позднего времени. В 1990-е гг. экспедицией Самарского государственного педагогического университета изучались погребения Покровского кладбища, функционировавшего на протяжении второй половины XIX - начала XX в. В 2006-2009 гг. археологами Самарского государственного педагогического университета, Самарского государственного университета, Института истории и археологии Поволжья производились археологические раскопки некрополя Иверского женского монастыря середины XIX - начала XX в., в ходе которых были обнаружены останки 251 погребенных (Кузнецов и др., 2010).

Итогом работы по изучению археологических памятников на территории Самары стали несколько изданий – «В поисках старой Самары» (Самара, 2003) и «Археологические памятники на территории города Самары» (составители А.Ф. Кочкина и Д.А. Сташенков. Самара, 2005), книги «Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни» (Сташенков, Кочкина, 2008) и «Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике» (Самара, 2011), «Новые археологические исследования на территории города Самары» (Сташенков, 2012), «Археологические памятники Самары» (Самара, 2012). Публикация материалов раскопок на территории Самары будет продолжена.

Подводя итоги работам последних лет, можно сделать вывод о том, что:

1) На территории г.о. Самара известно более 30 памятников археологии всех эпох. Полноценные полевые исследования возможно провести только на нескольких из них - на селище Студеный овраг, Барбашинском могильнике, на месте расположения Самарской крепости.

2) Выявленные археологические комплексы золотоордынского времени датируются второй половиной XIII-XIV в.

3) Археологические памятники XV – первой половины XVI в. на территории г.о. Самара не выявлены.

4) Преемственность поселений золотоордынской эпохи второй половины XIII-XIV в. и Самарской крепости 1586 г. по имеющимся археологическим материалам не прослеживается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 г. // Записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Вып. 2. Ульяновск, 1958.

Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном Музее. Самара, 1895.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике. Редакторы: Д.А.Сташенков, А.Ф.Кочкина. Самара, 2011.

Археологические памятники на территории города Самары // Составители А.Ф.Кочкина, Д.А.Сташенков. Самара, 2005.

Бадер Н.О., Пушкаревский В. Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 1659.

Бадер О.Н. Отчет о работах по обследованию пещер и других археологических памятников района Самарской Луки осенью 1968 г. // Архив СОИКМ.

Бадер О.Н. Северная палеолитическая экспедиция // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.

Бадер О.Н. Северная палеолитическая экспедиция // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

В поисках старой Самары. Путеводитель по передвижной выставке. Составители А.Ф. Кочкина и Д.А. Сташенков. Самара, 2003.

Васильев И.Б. Остатки бронзового века в пещере Братьев Греве // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975а.

Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975б.

Васильев И.Б. «Загадочная керамика» // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975в.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч.1. Самара, 1924.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Тр.РАНИОН (секция археологии). Т.IV. 1928.

Громов В.И. Палеоантропологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр. ГИН АН СССР. Вып. 6. № 217. 1948.

Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев, 1979. 2-е изд. - Куйбышев, 1986.

Збруева А.В. О находке мустьерского остроконечника близ г. Куйбышева // БКИЧП. № 9. 1947.

Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). Самара, 2007.

Ключникова Р.М. Археологические изыскания К.П. Головкина // Краеведческие записки. Вып.VII. Самара, 1995.

Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А., Иванова Н.В., бовенко В.А. Итоги изучения некрополя на терр рии Иверского женского монастыря города Сам 40 лет Средневолжской археологической экспед Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010.

Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самар Поволжья с древнейших времен до наших дней. К ный век. Самара, 2000.

Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников Ов археологический памятник эпохи камня-средневе // Археологические исследования в Среднем Повол Куйбышев, 1987.

Кузьмина О.В. Отчет об исследовании посе Волгарь III в Куйбышевском районе г. Самара по крытому листу №1054 в 2008 г. Самара, 2009 // СОИКМ им. П.В. Алабина.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самар Поволжья с древнейших времен до наших дней. К ный век. Самара, 2000.

Ломейко П.В. Отчет об охранно-разведочном ологическом обследовании города Самары Сама области в 2006 году. Самара. 2006 // Архив СО им. П.В. Алабина.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В гребение раннесредневекового кочевника на терр рии города Самары // Самарский край в истории сии. Вып.4. Самара, 2012.

Матвеева Г.И. Погребение VIII - IX вв. в окрес стях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры волжья. Вып. 1. Куйбышев, 1976.

Матвеева Г.И. Памятники оседлых племен л зоны Самарского Поволжья (белогорская и город культуры) // История Самарского Поволжья с нейших времен до наших дней. Ранний железный средневековье. М., 2000.

Мочалов О.Д. Отчет по разведочным исследо ям в пойме р. Самара. Самара, 2006 // Архив арх гической лаборатории ПГСГА.

Мышкин В.Н. Находки савроматского и сарма го оружия в Куйбышевской области и Западном буржье // Археологические исследования в Сре Поволжье. Куйбышев, 1987.

Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков А.Д. ходки клинкового оружия савроматского врем Самарском Поволжье // Самарский край в ист России. Вып.3. Материалы Межрегиональной на конференции, посвященной 120-летию со дня ос ния Самарского областного историко-краеведче музея им. П.В.Алабина. Самара, 2007.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевые п на Самарского Поволжья в раннем железном в История Самарского Поволжья с древнейших вр до наших дней. Ранний железный век и средневек М., 2000.

Обломский А.М. Раннесредневековые памят Верхнего Подонья. Предварительные итоги исс вания // Тамбовские древности. Археология Окско ской равнины. Выпуск 3. Тамбов, 2012.

Паничкина М.З. Разведки палеолита на Сре Волге // СА. Вып. XVIII. 1953.

Чёрных Г.Г. Отчет о разведках в Волжском районе Куйбышевской области по открытому листу № 369. Куйбышев, 1974 // Архив ИА РАН.

Савченкова Л.Л. Чёрный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Самсонова О.И. Сокращенный вариант описи архива В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Тр. ГИМ. 1988. Вып. 68.

Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи великого переселения народов // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т.1. Казань, 2007.

Сташенков Д.А. Разведки на территории Самарской области // Археологические открытия 2007 года. М., 2010.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Самара, 2008.

Черныш А.П. Отчет о работе археологического отряда карстово-спелеологической экспедиции в 1950 году // Архив ИА РАН. Р.1. №404.

Юнусова-Ключникова Р.М. Максимовский клад // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Приложение.

Археологические памятники и места случайных находок на территории города Самары

Местонахождение кремневых изделий у горы Гип-Тяв и в районе п. Горный.

2. Стоянка в пещере Братьев Греве. Эпоха бронзы.

Коптево городище. Ранний железный век (белогорский тип).

Каменный жертвенник. Урочище Коптев овраг. Ранний железный век.

Селище Студеный овраг. Бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье.

Жертвенные комплексы железных изделий – местонахождения Студеный овраг 1 и 2. Золотоордынский период, XIII-XIV вв.

Местонахождение меча-акинака. Студеный овраг. Ранний железный век (савроматская культура).

8. Погребения кочевников на 23-24 км. IX в.

Палеолитическое местонахождение в устье Барбашина оврага (Поляна им. Фрунзе).

10. Селище на Барбашиной поляне (Поляне им. Фрунзе) Золотоордынский период, XIII-XIV вв.

11. Барбашинский могильник. Золотоордынский период, XIII-XIV вв.

12. Курганный могильник в районе 9-й просеки.

13. Поселение на Воронежских озерах. Бронзовый век.

14. Курганный могильник у пос. Зубчаниновка. Бронзовый век.

Местонахождения Загородный парк I и II. Бронзовый век.

16. Комплекс памятников в Постниковом овраге (овраг Подпольщиков). Стоянка и мастерские каменного века, поселения бронзового века, раннего железного века, средневековья.

Захоронение кочевника на пересечении улиц Лейтенанта Шмидта и Карла Либкнехта. Эпоха средневековья.

18. Погребение на ул. Первомайской. Бронзовый век.

19. Курганный могильник у хутора Истомин (около станции Безымянка). Бронзовый век, ранний железный век.

20. Поселение «Грачев сад». Бронзовый век.

21. Местонахождение Воскресенский спуск. Палеолит.

22. Местонахождение Ульяновский спуск. Каменный век.

23. Самарская крепость. XVI-XVII вв. Земляная крепость. XVIII в.

24. Погребение в пос. Шмидта. Ранний железный век.

25. Поселение эпохи бронзы «у Кирпичных Сараев».

26. Поселения Кряж II-III. Бронзовый век – неолит.

27. Поселения Волгарь I-III. Бронзовый век – неолит.

28. Погребение кочевника на 116 км. IX в.

29. Гуннский комплекс (фрагменты котла из разрушенного погребения?) на 113 км. V в.

30. Находка каменного тесла на 116 км. Энеолит.

31. Курганный могильник Красный Кряжок. Бронзовый век.

32. Местонахождение меча-акинака на 116 км (Долотный переулок). Ранний железный век (савроматская культура).

33. Находка меча-акинака в с.Рубежное. Ранний железный век.

34. Находка лепного сосуда на Южном кладбище. Бронзовый век.

35. Находка бронзового зеркала в п. Зубчаниновка. Золотоордынский период, XIII-XIV вв.

36. Фельдшанец. Станция Безымянка. XVIII в.

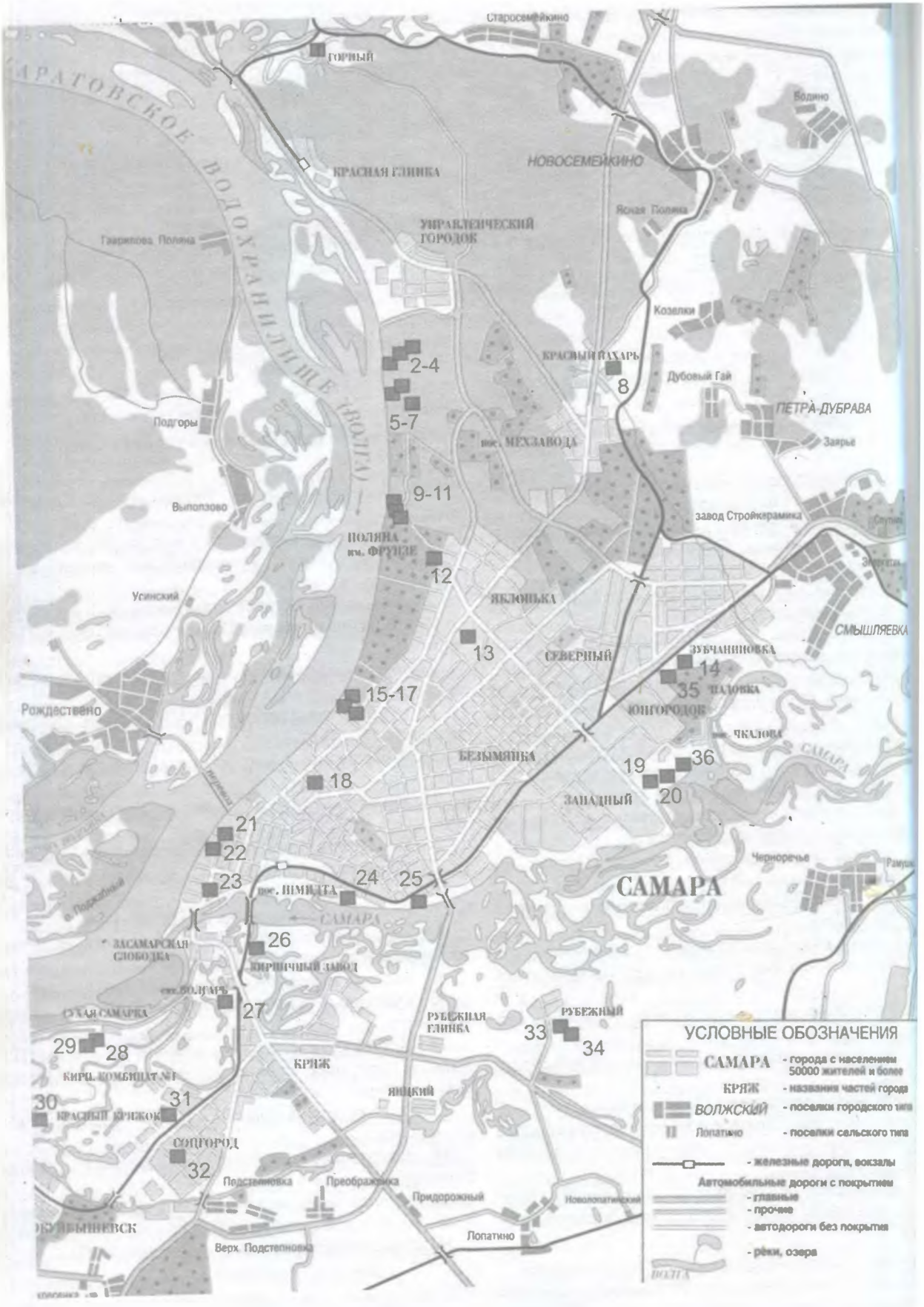


Рис.1. Археологические памятники и места случайных находок на территории города Самары (список памятников на стр. 87).

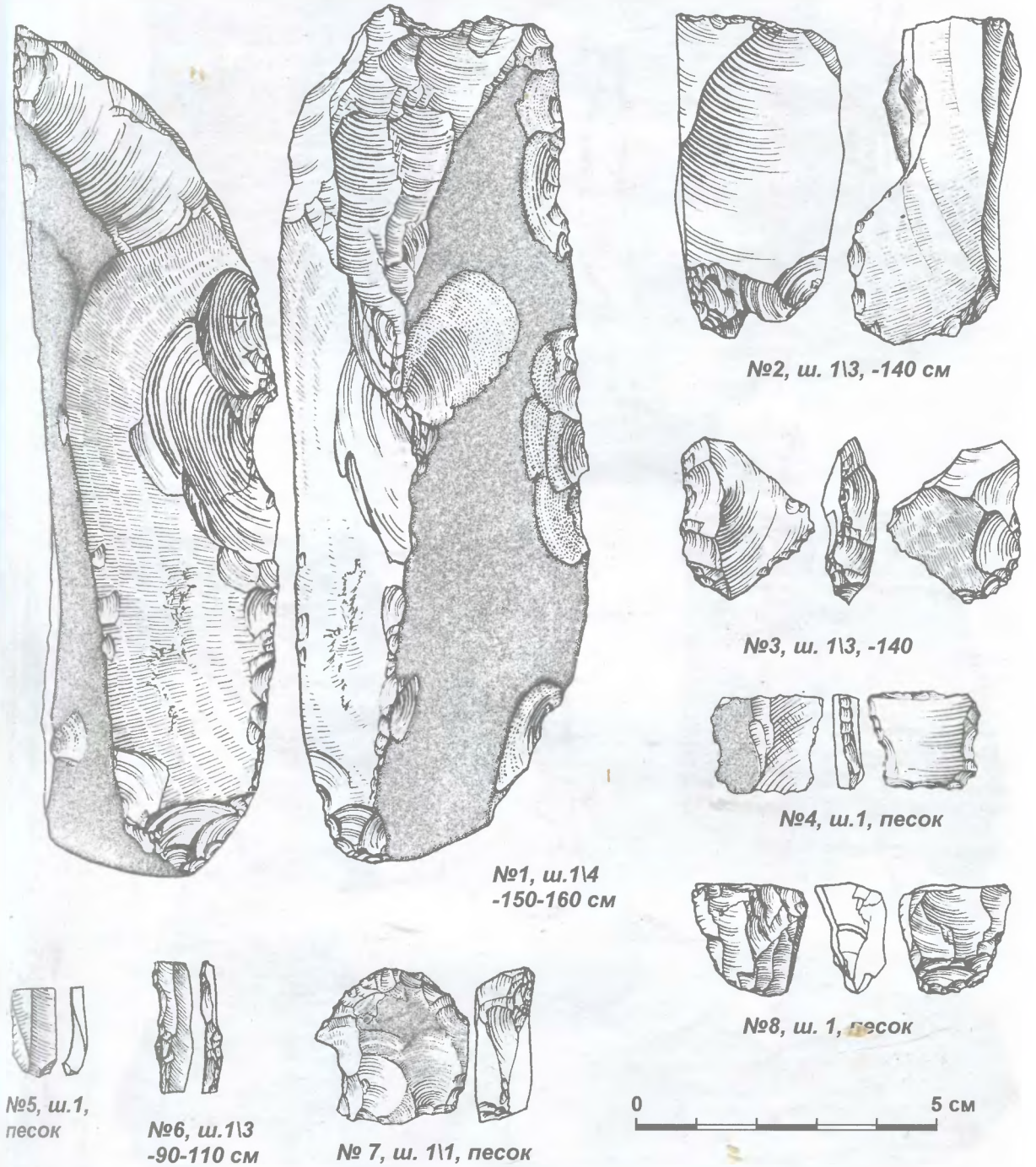


Рис.2. Палеолитические находки из Постникова оврага. Раскопки Д.А. Сташенкова, 2007 г. Шурф 1. 1-8 - кремень. Рисунки А.А. Ластовского.

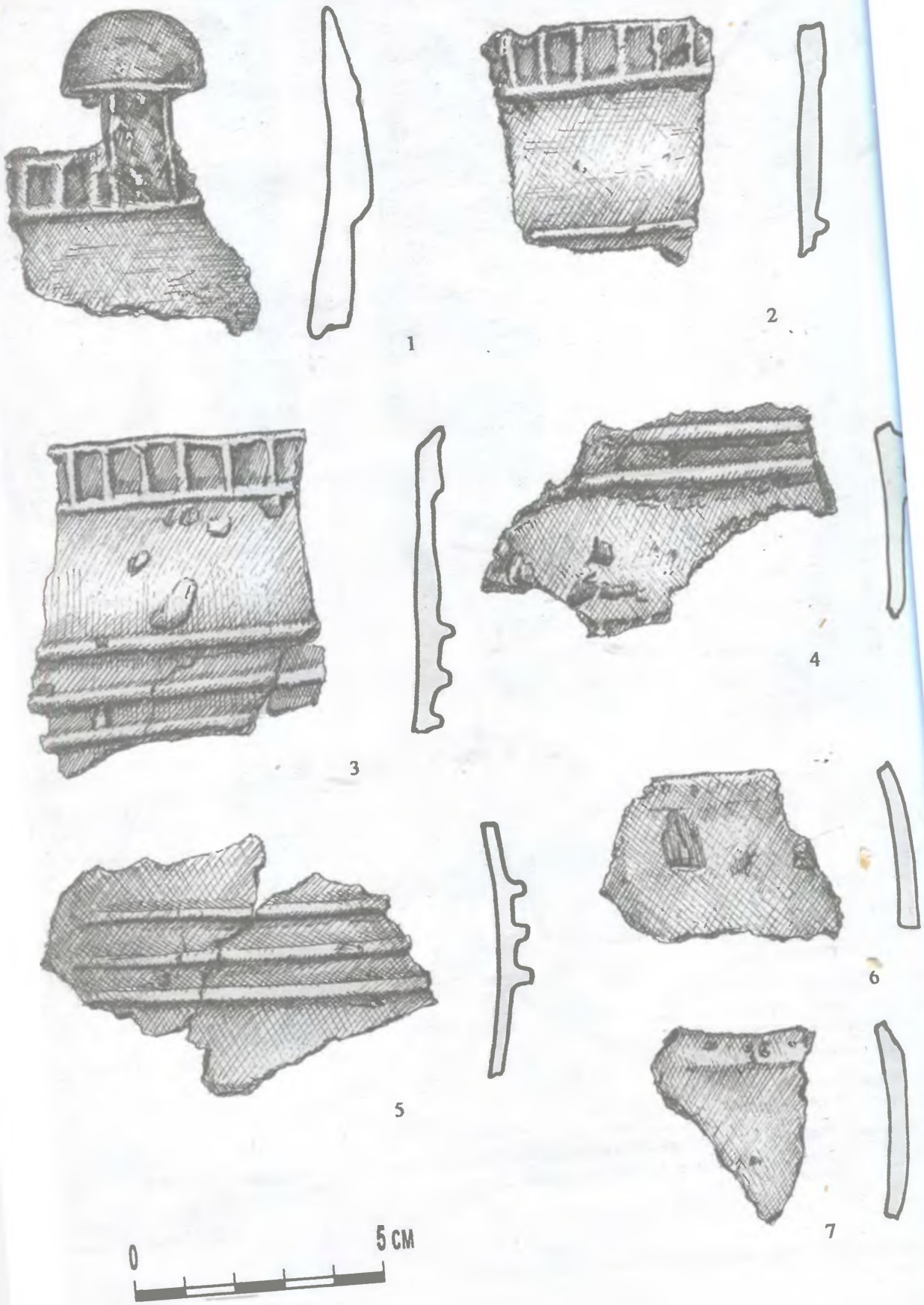
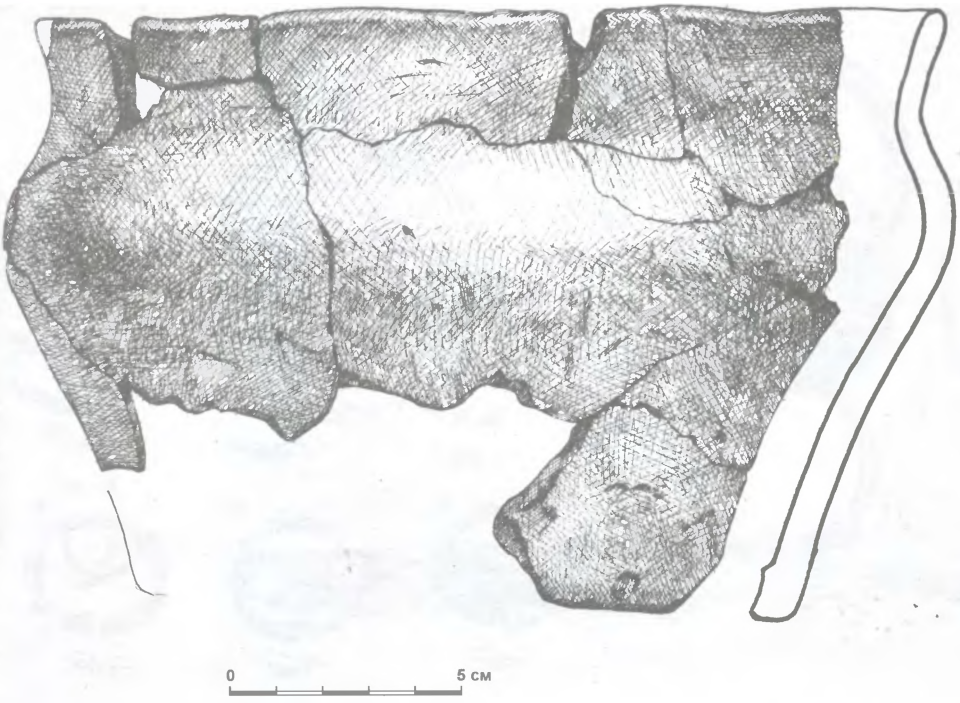
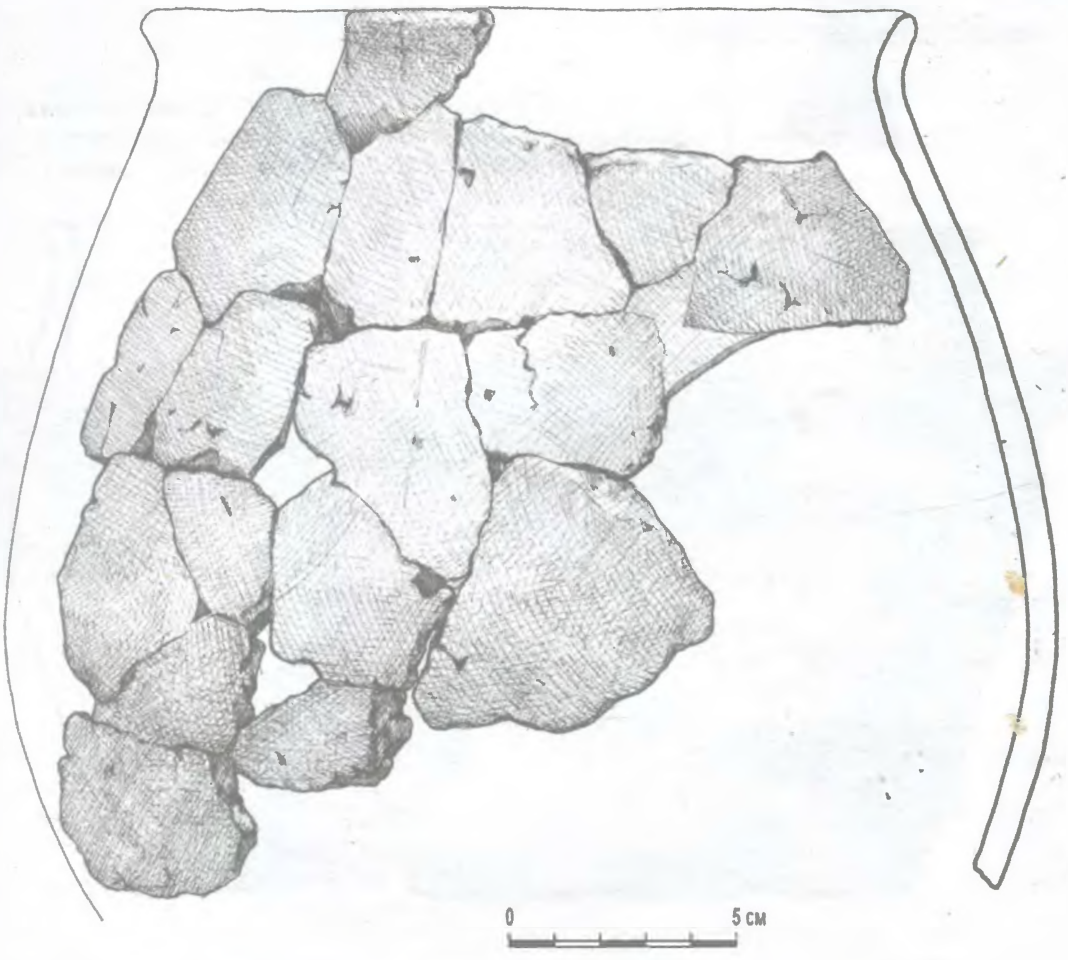


Рис.3. Фрагменты литого бронзового котла. 113 км. V в. н.э.



1



2

Рис.4. Селище Студеный овраг. Лепные сосуды. Сер. I тыс. н.э.
Раскопки Д.А. Сташенкова, 2011-2012 гг.

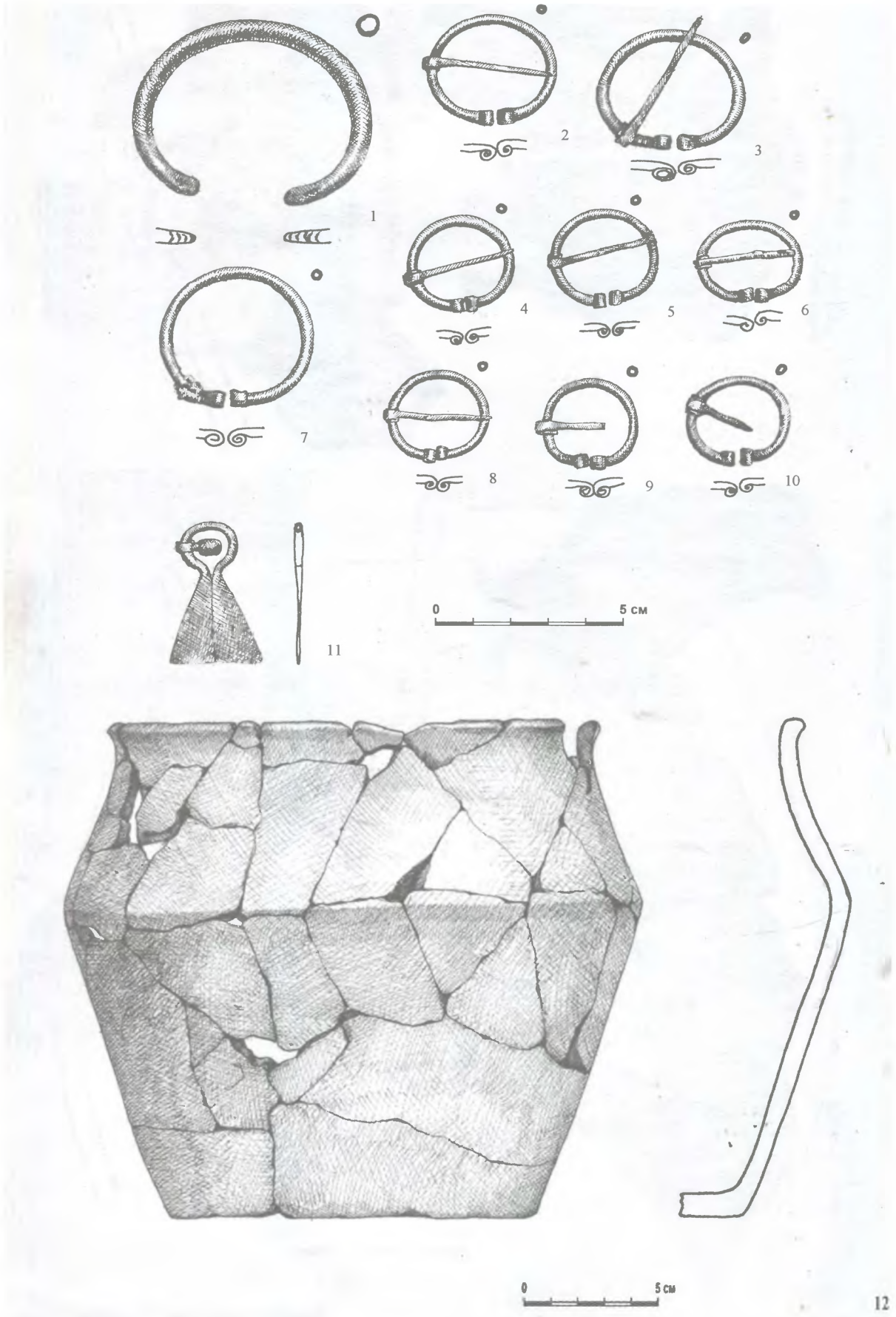


Рис.5. Барбашинский могильник. Инвентарь женского погребения 10 раскопа 3. XIII-XIV вв. н.э.
1 - браслет; 2-11 - сюльгамы; 12 - лепной сосуд. 1-11 - бронза; 12 - глина.
Раскопки Д.А. Сташенкова, 2012 г.

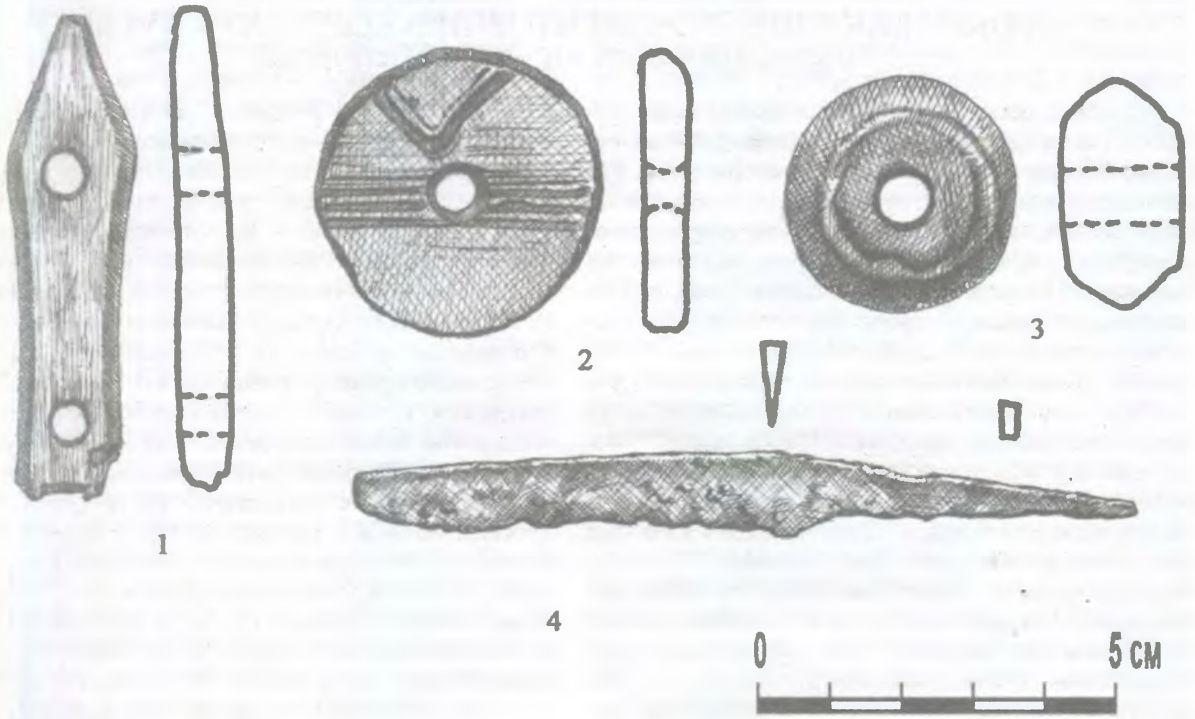


Рис.6. Барбашинское селище. Вещи из культурного слоя. XIII-XIV вв. н.э.
1 - накладка; 2 - пряслице из стенки кругового сосуда; 3 - пряслице; 4 - нож.
1 - кость; 2-3 - глина; 4 - железо. Раскопки В.В. Гольмстен, 1922 г.

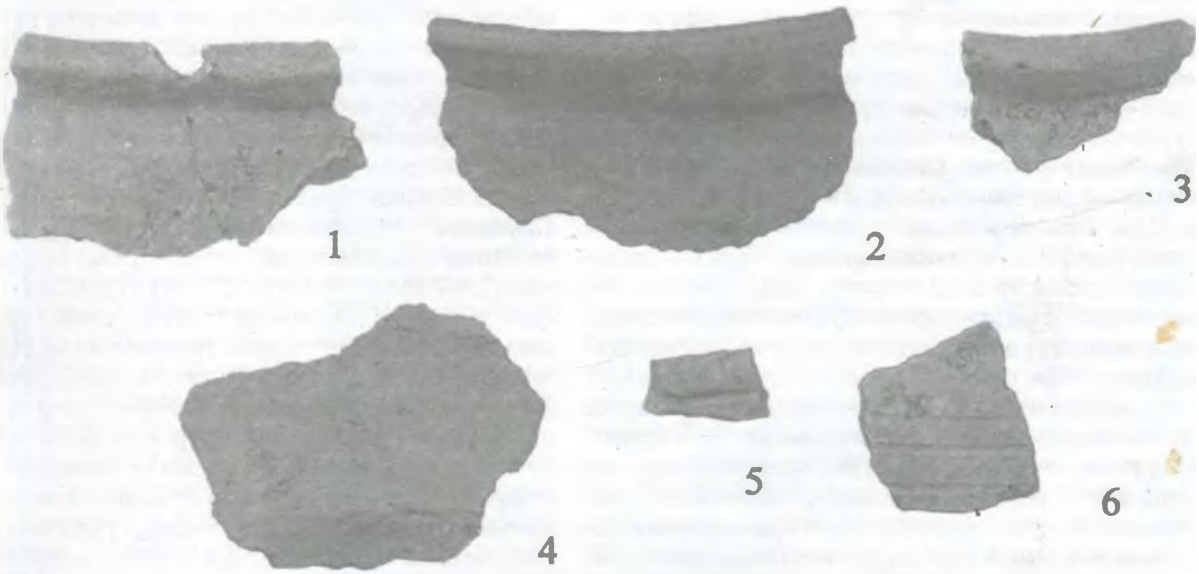


Рис.7. Барбашинское селище. Русская керамика из культурного слоя. XIII-XIV вв. н.э.
Раскопки В.В. Гольмстен, 1922 г.

Э.Л. Дуб

«САМАРСКОЕ УРОЧИЩЕ» И ОКРУЖАЮЩИЕ ЕГО ТЕРРИТОРИИ В КОНЦЕ XV - XVI в. (источниковедческие аспекты изучения)

В последние десятилетия в ряде российских городов проводятся кампании по уточнению даты их основания, прежде всего, в сторону «удревнения». Как правило, они инициируются властными структурами, поддерживаются местными историками и археологами, получают широкий резонанс в средствах массовой информации. Не миновала «чаша сия» и Самару. Дата возникновения нашего города вызвала острую дискуссию, в ходе которой выявились две полярные точки зрения. Большинство исследователей считает, что отсчет времени существования Самары следует вести от возведения русской крепости в 1586 г. Другие историки полагают, что возраст города составляет не менее 650 лет[1]. Основанием для такой датировки служат итальянские карты братьев Пицигани (1367 г.) и Фра Мауро (1459 г.).

Введенная к настоящему времени в научный оборот совокупность археологических и письменных источников не позволяет выявить местонахождение и градостроительный облик поселения Samar (как археологического памятника), обозначенного на итальянских картах. Также отсутствуют убедительные данные о непрерывности развития золотоордынского поселения (если оно действительно реально существовало) с конца XIII - XIV вв. до 1586 г. Вместе с тем, проведенные в последнее время исследования московских и самарских историков, позволили по-новому раскрыть историческое развитие пространства «Самарского урочища», Самарской Луки и прилегающих к ним территорий; определить ряд важных особенностей в формировании его историко-культурных ландшафтов.

Получение новых важных результатов стало возможным благодаря комплексному использованию различных видов источников, фронтальному изучению всей совокупности опубликованных и хранящихся в российских архивах материалов, их углубленному источниковедческому анализу и научной интерпретации[2]. При этом необходимо отметить, что возможности для продолжения таких архивных и источниковедческих изысканий далеко не исчерпаны.

Данным обстоятельством и обусловлено обращение к характеристике совокупности письменных источников. Их изучение позволит более детально реконструировать средневековую историю самарского региона, в первую очередь тех его территорий, которые прилегают к волжскому побережью. В статье рассмотрены, прежде всего, группы источников, освещающих постордынский период истории края и время его начального вхождения в состав Московского государства, т.е. конец XV-XVI в.[3]

Среди архивных материалов наиболее информативными для определения отношений Московского государства с кочевыми народами Понизового Поволжья в конце XV-XVI в. являются документы, хранящиеся в фонде «Сношения России с ногайскими татарами» Российского государственного архива древних актов[4], а также, фрагментарно, в ряде других архивных коллекций[5] Наиболее полная их характеристика приведена в работах Н.Н. Рогожина, других исследовате и поэтому вряд ли имеет смысл повторно подр останавливаться на их анализе. Отметим лишь, ч основном хранящиеся в этих фондах источники: ги, грамоты, отписки и др., отражают делопроиз ство, связанное с дипломатическими отношен между Россией и Ногайской Ордой (позднее Бол Ногайской Ордой), деятельностью посольств и Специфика составления подобных документов содержание предопределяет то, что сведения о хо ствовании, кочевьях, местах пастбищ и т.п. встр ются в них лишь эпизодически, крайне фрагмент и не позволяют воссоздать сколько-нибудь целос картины. Вместе с тем следует отметить, что в нак русским послам в Ногайскую Орду предписыва сообщать максимум сведений о кочевьях и перем ниях степняков. Например, в наказе Д.И. Губину правленному к ногаям в 1534 г., говорилось: «...да тамошные ему дела отписати про все подлинно нагаи кочуют и где зимовали, и куды им чает и и на сю сторону кто по синему леду на весне не п лезли...»[7]

Особый интерес в данном фонде вызывают сольские книги, представляющие собой совокупн переплетенных в единое дело различных докуме относящихся к русским и ногайским посольст Каждая из них содержит десятки дел. Объем отд ных книг достигает 200 – 400 и более листов текс

В посольских книгах, отражающих события с ца XV и до середины XVI в.[8], практически, не уда обнаружить сведений об устье р. Самары и приле щей к нему местности. В отдельных делах выяв только краткие данные о летних кочевьях ногае рекам Самаре, Б. Кинелю и другим. Значительно лее информативный пласт информации удалось п чить из посольских книг середины – второй полов XVI в., времени присоединения Среднего и Ниж Поволжья к Московскому государству[9]. Особенно презентативный материал в этой группе содержат ги 4 (1551-1556 гг.) и 5 (1557-1561 гг.). В них отра один из самых активных и содержательных пери взаимоотношений России с Ногайской (Большой гайской) Ордой, когда ее бием становится Исма условиях кризиса огромного кочевого государст его властителей появилась острая необходимост лучить поддержку русского царя. В целом эти к содержат традиционные материалы, связанные, правило, со встречами и проводами русских и но ских послов, грамотами, докладами, шертями и Весьма важным сюжетом, постоянно присутст щим в посольских делах, стали переговоры нура а затем бия Исмаила с Иваном IV о необходим строительства в стратегических пунктах Волги (п новном местах «перевозов») русских городов, а т о мерах, принимаемых русским правительством в отношении.

Столбцовое делопроизводство фонда почти не держит необходимой информации. Исключение

ставляют только столбцы, относящиеся к более позд-
му периоду 1586-1587 гг., когда уже были основаны
мара и Уфа. Именно в них содержатся сведения о
заимоотношениях с руководством Большой Ногай-
ской Орды по поводу намерений российского пра-
вительства построить города по Волге, Уфе и Белой
оложке. При этом в системе доказательств, приводи-
мых как правителями Большой Ногайской Орды, так
Москвой, и возникшей полемике постоянно звучат
сторические обоснования позиций каждой из сторон.

Начиная со второй половины XVIII в., книги, отпи-
ки и грамоты из этого фонда начали издавать, при-
ем нередко со значительными купюрами[10]. Наиболее
ценными в этом отношении являются публикации
ногайских посольских книг Н.Н. Новиковым в «Про-
олжении Древней Российской Вивлиофики». Исто-
рики используют это издание до настоящего времени.
Однако, публикации конца XVIII – начала XX в. пред-
ставляют собой, как правило, выдержки из значитель-
ых по объему документов. Зачастую наиболее цен-
ные текстовые фрагменты для изучения поставленных
данной работе вопросов в них отсутствуют. Так же
ледует отметить, что в ряде изданий допущены иска-
жения текста, отсутствует археографическое введение,
строгих описаний и тем самым не удается воссоз-
ать не только целостное представление о документе
его содержании, но нередко и о конкретных деталях,
ах, топонимах и т.д. Поэтому сверка с архивны-
прототипами таких изданий является необходимой.

В 1980-е гг. крупнейшим исследователем посоль-
делопроизводства Н.Н. Рогожиным было пред-
ринято издание полных текстов такого рода книг,
числе которых и четыре «ногайские»[11]. Еще одну
ногайскую книгу» опубликовал В.В. Трепавлов[12], и,
аконец, в 2006 г. им же в соавторстве с Д.А. Мустафи-
ной были изданы две книги, отражающие русско
ногайские отношения в 1551-1556 и 1557-1561 гг.[13]
Данные публикации, осуществленные на современном
научном уровне, могут быть использованы без допол-
нительного обращения к подлинникам (или копиям
XVI – XVII в.), находящимся в архивах[14].

Материалы Разрядного приказа являются одним из
самых значимых источников для изучения пограничных, фронтирных районов Московского государства конца XV-XVII в.[15] Среди них наибольший интерес представляют, прежде всего, разрядные книги. Основой для их составления являлись аккумулируемые на основе Разрядного и других приказов сводные сведения о назначениях воевод, составе и численности гарнизонов, переводах контингентов военных людей в другие города и регионы, в полковую службу и т.д. По классификации В.И. Буганова содержащие такие сведения разрядные книги относятся к типу «подлинников». Подобные сводки – «ведомости» о распределении и трансформации ратных людей всей страны в полковую и гарнизонную службу составлялись в Разрядном приказе ежегодно. Они содержали систематизированную информацию относительно структуры, дислокации и численности армейских группировок, а также военных гарнизонов по территориально-географическим группам городов (понизовым, сибирским, украинским и т.д.), ценные данные об отдельных категориях служилых людей, назначениях воевод, составе вооружения и других вопросах внутренней жизни вооруженных сил Российского государства. Такие сводные данные по отдельным военным походам начали составлять довольно рано. Они постепенно эволюционировали, распространялись на городские гарнизоны и к концу первой четверти XVII в., по мнению исследователей, приобрели законченный и максимально полный по объему характер[16].

Однако по более раннему периоду конца XV-XVI в. эти документы, как правило, содержат лишь самые общие сведения. В большинстве случаев они не дают количественных данных, а отражают факты назначения воевод и голов, их «посылки» на службу. И все же в них представлена определенная сводка данных о завоевании Казанского и Астраханского ханств, военных действиях в Казанском крае, строительстве на его территории городов и назначении в них воевод, использовании коренного населения Среднего Поволжья в вооруженных столкновениях на южных и западных границах России. Все остальное пространство Волги от устья Камы до Астрахани, как правило, оставалось вне постоянного внимания приказных дельцов. Даже такие крупные операции, как посылка значительных воинских соединений в низовья Волги в 1569 г. во время похода турецко-крымской армии к Переволоке, не получили сколько-нибудь подробного отражения в делах[17].

Последовательный фронтальный просмотр содержания опубликованных и хранящихся в архивохранилищах разрядных книг различных редакций[18], в том числе и так называемых «служебных» или «разрядных книг с древнейшими записями»[19] (они относятся к числу наиболее подробных), в основном, не дает результатов. Он не позволяет получить новые данные по интересующим нас вопросам. Тем не менее делопроизводство Разряда, отражающее масштабные преобразования всей военизированной системы защиты южной, юго-западной и отчасти юго-восточной окраин Европейской России, как, например, реформа сторожевой службы, осуществленная в 1571 г. М.И. Воротынским, содержит ряд интересных материалов и по территории Среднего и Нижнего Поволжья[20].

Разрядные книги и выписки из них начали издаваться уже с конца XVIII в.[21]. В последние десятилетия XX столетия ведущую роль в выявлении различных списков и редакций Разрядных книг, их систематизации сыграл В.И. Буганов[22]. Именно В.И. Бугановым и его учениками (О.В. Новохатко, К.В. Петров и др.) была проведена большая работа по публикации важнейших редакций Разрядных книг[23]. Мы не будем подробно останавливаться на характеристике официальных[24] «Разрядных книг», так как она приведена в многочисленных работах В.И. Буганова и его учеников. По Среднему и Нижнему Поволжью практически не сохранилось делопроизводство приказа Казанского Дворца, в ведении которого оно находилось во второй половине XVI – начале XVIII в. Поэтому первостепенную важность для изучения истории региона приобретают данные разрядных книг и других материалов делопроизводства Разрядного приказа.

В ряде случаев свидетельства архивных источников хорошо дополняют русские летописи[25]. Изучение всей совокупности их публикаций, прежде всего, в рамках выходящего с начала 1840-х гг. и до настоящего времени «Полного собрания русских летописей», позволило

выявить отдельные сведения, дающие представление о событиях, происходивших на примыкающей к волжскому побережью территории Самарского Поволжья[26]. Анализ летописных материалов свидетельствует о том, что сколько-нибудь постоянных русских поселений по среднему и нижнему течению Волги в конце XV-XVI в., практически, не существовало. По крайней мере, ни одно из них не попало в сферу внимания авторов произведений этого жанра. Даже в «Казанской летописи»[27] такие факты не указываются. Среди летописей наиболее информативной является Никоновская (Патриаршая), содержащая уникальный материал о Казанском и Астраханском «взятии», другие материалы по Среднему и Нижнему Поволжью[28]. По справедливому, на наш взгляд, утверждению И.Н. Данилевского: «Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, причем часть из них уникальна. Использование большого количества источников, многие из которых неизвестны, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода. В первую очередь это касается «избыточных» сведений. И все-таки Никоновская летопись - один из важнейших источников по истории русского средневековья»[29].

Необходимо также отметить картографию и описания русского и западноевропейского происхождения конца XV-XVI в.[30] Часть иностранцев побывала в Среднем и Нижнем Поволжье (Г. Рубрук, А. Дженкинсон, А. Олеарий и др.). Другие описывали его пространство и обитателей, исходя из имеющейся на Западе литературы или со слов очевидцев (М. Меховский[31] и др.). Как правило, эти описания носят фрагментарный характер, весьма лаконичны и нередко содержат ошибочные сведения.

Европейская картография этого времени (карты Мартина Вальдземюллера, Баттиста Аньезе, 1538 г., Сигизмунда Герберштейна, Герарда Меркатора, «Новая карта Московии» и другие[32]) при изображе Восточной Европы основывалась на иных источни чем ранее. Они базировались, как правило, на св ниях русских или западноевропейцев, побывавш России, но имевших довольно смутное представл о ситуации, которая существовала по Волге ниже ных границ Казанского ханства. Все волжские го ниже устья Камы, вплоть до Астрахани, оказали этому времени запустевшими и практически пере ли существовать. Европейцев в это время привлека первую очередь быстро растущее Московское госу ство[33]. Основная территория бывшей Золотой О уже не являлась объектом торгово-промысловой пансии, не представляла для них политического экономического интереса.

Изучение иностранной картографии и описаний зволяет выявить уровень знаний западноевропейц состоянии «Тартарии», и, в частности, Южного С неволжья. Наиболее информативными среди них я ются сведения собранные агентами Английской сковской компании, непосредственно посещавш Поволжье[34]. Благодаря этим материалам появля возможность определить эволюцию взглядов и п ставлений о конкретной территории Самарского к проанализировать развитие ее видения отдельны представителями западноевропейского сообщества Меркатора, Э. Дженкинсона, А. Олеария и др.).

К сожалению, имеющаяся в нашем распоряже источниковая база, позволяет лишь фрагментарн самых общих чертах рассмотреть историю разви территорий прилегающих к устью Самары и Са ской Луке в конце XV-XVI в. На наш взгляд, по поселения Samar, других поселений эпохи Золо Орды и постордынских государств на Волге в рай Самарской Луки, далеко не закончены. Но для э необходима серьезная длительная работа по расш нию документальной базы и ее углубленному исто коведческому анализу.

Примечания:

[1] См., например: Матвеев М. Сколько лет Самаре? Почему исчезли два века истории города // Самарские известия. 13 октября 2005.

[2] Дубман Э.Л. До русской крепости (поселение «Samar» и «Самарское урочище» в XVI-XVI вв.) // Самара: от прошлого к настоящему: сборник статей учащихся самарских школ и ученых-историков. Самара, 2007. С. 227-253; Его же. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII в. Очерки истории. Самара, 2012; Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские города в XIII-XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №3 (49). С. 69-85; Его же. «Samar», Самара и поволжские города в XIII-XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №4 (50). С. 28-46; Фоменко И. Откуда есть пошла Самара... // Родина. 2012. № 12. С. 78-82.

[3] Более ранний, золотоордынский период в истории региона исследуется, прежде всего, на основании археологических материалов. Достаточно подробный анализ письменных источников и их интерпретация по данному периоду проведена в следующих работах: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985;. Изд. 2. М., 2009; Дубман Э.Л. До русской крепости (поселение «Samar» и «Са ское урочище» в XVI – XVI вв.) // Самара: от прош к настоящему: сборник статей учащихся самар школ и ученых-историков. Самара, 2007. С. 227- Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские горо в XIII – XVI в. //Древняя Русь. Вопросы медиевист 2012. №3 (49). С. 69-85; Его же. «Samar», Сама поволжские города в XIII – XVI в. // Древняя Русь просы медиевистики. 2012. №4 (50). С. 28-46.

[4] Российский государственный архив древних а (далее - РГАДА). Ф. 127. Оп. 1-2.

[5] См., например: РГАДА. Ф. 123 (Крымские д Отдел рукописей Российской национальной библи ки (ОР РНБ). Эрмитажное собрание. Д. 550.

[6] Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в исторический источник.: автореф. дисс. канд. наук. М., 1983; Обзор посольских книг из фондов-ко ций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV - начало XV / Сост.: и автор вступит. статьи Н.М.Рогожин 1990; Рогожин Н.М. Посольские книги России к XV - начала XVII вв. М., 1994; Трепавлов В.В. Ист Ногайской Орды. М., 2001; др. работы.

[7] Посольская книга по связям России с Ногай Ордой 1533-1538 гг. // Посольские книги по связям

...с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995.

ГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 1-3.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4-10.

Щербатов М.М. История Российская. СПб., 1903. Т.4. Ч.3; Т.5. Ч.4; Т.6. Ч.2; Т.7. Ч.3; Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1791-1801. Ч.7-11; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842-1884. Т.6-12. Примечания; Сборник Императорского Русского исторического общества (Сборник РИО). Вып. 41. СПб., 1884; Вып. 95. СПб., 1895.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала. 1995.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. М., 2003.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551-1561 гг.). Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.

Еще в одном фонде РГАДА «Сношения России с Крымом» (Ф. 123) непосредственное отношение к рассматриваемому региону имеют материалы, связанные с отправкой в Астрахань крымского царевича в 1586 г., когда уже была построена Самара. См.: ...градов А.В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на нижней Волге и на Кавказе 1586-1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Выпуск 5. М., 1911. С. 142-187; ...А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Книга 2. Уральск, 2009. С. 857-859.

РГАДА. Ф. 210. В основном материалы Разрядного приказа собраны в этом фонде.

Буганов В.И. Введение // Разрядная книга 1637 – 1638 года. М., 1983. С. 3.

См., например: Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 115. Д.93; Ф. 11. Д. 241; Ф. 238. Д. 2, 518; ОР РНБ. Эрмитажное собрание. Д. 395; и др.

Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.

Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею Наук. СПб., 1890. Т. 1.

Древняя российская вивлиофика. Ч.XIII-XIV. М., 1790, Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966; Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974; Разрядные книги от ... (1559) до 7112 (1604) года // Синбирский сборник. М., 1844; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901; и др.

Буганов В.И. Описание списков разрядных книг XVII в. // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 276-282; Его же. Источники разрядных книг последней четверти XV - XVII вв. // Исторические за... Т. 76. М., 1965. С. 105-111; Его же. Книги разрядные («подлинники») 1613-1636 гг. // Исторические ...ки. 1976. Т. 97. С. 290-302; др. изд.

Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974; Разрядная ... 1475-1605 гг. М., 1977 и др.

Помимо официальных, были еще и частные разрядные книги.

[25] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. Первая половина. СПб., 1904; Книга, глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантскаго // Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете (Временник ОИДР0. М., 1850. Кн.5; Летописец русский (Московская летопись 1552 – 1562 гг. По рукописи, принадлежащей А.Н. Лебедеву). Сообщил Андрей Лебедев // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). М., 1895. Кн. 3; Пискаревский летописец // Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV - XVII вв. М., 1955; и др.

[26] См., например: Казанская летопись // ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903; Есиповская летопись // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987; Погодинский летописец // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978; Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979; и др.

[27] Это произведение фигурирует и под другими названиями «Казанский летописец» и т.д.

[28] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904.

[29] Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебн. пособие. М., 1998. С. 209.

[30] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899; Проезжая по Московии (Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). М., 1991; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О.Ф. Кудрявцев. М., 1997; Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura (Atlas, or Cosmographical Meditations on the Frame for the World and its Form) by Gerardus Mercator, Duisburg, 1595; 12. Atlas Minor Gerardi Mercatoris a I. Hondio plurimis aeneis tabulis auctus atque illustratus. Amsterodami, 1610; Ortelius Abraham. Theatrum orbis terrarum. Antverpiae, 1570; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. с нем. А.М. Ловягина. СПб., 1906; и др.

[31] Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М-Л., 1936.

[32] Дубман Э.Л. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 100-102; Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 155.

[33] См., например: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XVI – начала XVI века. М., 1974.

[34] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю.В. Готье. Л., 1937 (переиздано в Рязани в 2007 г.).

А.И. Мака

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ И ТОПОГРАФИИ ПЕРВЫХ САМАРСКИХ ХРАМО
(комплексное изучение самарской рукописи 1628–1629 гг. как тематическое продолжение проекта по изучению материалов по установлению даты основания города Самары)

К проекту по изучению материалов, касающихся установления даты основания города Самары, хронологически и тематически примыкает другой, анонсируемый ныне, проект, связанный с историей самарской крепости первых десятилетий ее существования (крепость, как известно, была заложена в 1586 г.). Речь идет о комплексном изучении созданной в Самаре в 1628–1629 гг. иллюстрированной рукописной книги объемом более 300 листов, которая включает два списка – «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Житие Нифонта Констанцского» (Нифонта, епископа города Констанции Кипрской), снабженных 396 превосходными, профессионально выполненными цветными миниатюрами. Эта книга – самая древняя из написанных в Самаре. Хранящаяся ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (шифр хранения – ОЛДП. Q. XVII) она до сих пор остается практически неизвестной самарцам и нуждается в комплексном научном исследовании[2]. Одним из направлений исследования является изучение вопроса о возможном непосредственном месте создания в Самаре этого литературного памятника, что предполагает как архивные изыскания, так и археологические исследования в районе самарской крепости.

Есть все основания полагать, что создание этого литературного памятника было связано с первыми самарскими храмами или монастырями, тем более что переписчик в предисловии к рукописи называет себя священником. Вполне обоснованным кажется предположение о создании самарской рукописи именно в монастыре, поскольку она имеет внушительный объем, написана хорошим полууставным шрифтом, иллюстрирована многочисленными миниатюрами. Однако переписчик называет себя «священо ереем», то есть священноиереем. В литературе существовали как термин «священноиерей», так и термины «священноинок», «священномонах». Термин «священноиерей» применялся по отношению к священнику[3], представителю приходского, так называемого белого, духовенства, термины «священноинок», «священномонах» применялись по отношению к монашествующему священнику, иеромонаху[4], члену монастырской братии. Кроме того, в литературе соответствующего периода встречается словосочетание «священноиерей инок имярек»[5] Таким образом, понятия «священноиерей» и «монах», «иеромонах» различались. Отсюда можно заключить, что самарский переписчик был представителем белого духовенства и, соответственно, не принадлежал к монастырской братии, а был священником одного из самарских храмов. Профессионализм исполнения рукописи, особенно миниатюр, позволяет выдвинуть предположение о не самарском происхождении ее авторов. Переписчик и иллюстратор могли быть специально приглашенными для этой работы в Самару лицами. Рукопись создавалась во время деятельности в Самаре воеводы Бориса Михайловича Салтыкова (с 1626 г. по конец 1633 г.), находивш ся здесь в ссылке, но до опалы бывшего бояри чрезвычайно влиятельным человеком. При дворе Михаила Федоровича, которому он приходился че роюродным братом, Б.М. Салтыков занимал выс государственные должности, в частности должн главы Приказа Большого дворца. Учитывая эти ты, Б.М. Салтыков вполне мог быть заказчиком м скрипта, и приглашенные им мастера могли труди на его воеводском дворе. Священник-переписчик быть его домовым священником. Возможно, пом двух известных нам на сегодняшний день списк Самаре были выполнены и другие рукописи, и т можно говорить о существовании здесь некой ки ной мастерской, скриптория.

Эти гипотезы обусловливают актуальность изы ний относительно деятельности в Самаре Б. М. (тыкова, а также изучения истории и топографии со менных созданию рукописи самарских построек, в числе храмов и монастырей.

В современном самарском краеведении состо разработки вопроса о постройках Самары XVII том числе храмов, весьма несовершенно. Тому им ся как объективные, так и субъективные причины первых, источников по истории Самары XVI–XVI по причине гибели их в многочисленных пожара обще сохранилось крайне мало, все они фрагмен ны; то же – и в отношении первых самарских хра Во-вторых, очевидно, что историей самарских хр с послереволюционного времени до начала 1990 никто не занимался, да и с начала 1990-х гг. до сих по признанию самарских историков, основател исследований этого вопроса не было. В-третьих, ращает на себя внимание небрежность, с которой гие современные исследователи пишут о церко истории Самары, в результате чего появляется не ная интерпретация информации источников, пута и копирование ошибок из одной исследовательс работы в другую. Многие издания последних посвященные истории самарских храмов и мона рей, претендуя на статус справочников, обобщаю монографий, в силу представления в них невер сведений просто не могут быть таковыми[6]. Наиб пристально изучением источников по истории Са XVII – первой половины XVIII в. – переписных материалов ревизий, описаний Самары путешес никами, официальными лицами в связи с деятел стью Новой Закамской и Оренбургской экспеди планов города и экономических обоснований к н т. п., в которых отыскиваются отдельные сведе древних самарских храмах, занимается совреме самарский историк Э. Л. Дубман. Настоящая ст в которой мы во многом опираемся на исследов Э. Л. Дубмана, является лишь обобщением некот известного материала с обоснованием предложе необходимости комплексного исследования сама церковных древностей.

ия по документам, непосредственно во время создания рукописи в Самаре существовал единственный приходской храм во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Это была первая деревянная церковь Самары, построенная, вероятно, одновременно с самой крепостью в 1586 г.; с какого-то времени она имела придел во имя святителя Николая Чудотворца[7]. Ко времени создания рукописи – к концу 1620-х гг., то есть через 40 лет после основания, Самара представляла собой небольшую крепость, жителями которой были находившиеся на государевой службе стрельцы с семьями, посадские люди, а также немногочисленные дети боярские и дворяне. Сохранилось описание численности служилых людей самарской крепости рубежа 1620–30-х гг.: «...воевода Борис Салтыков (именно тот воевода, при котором создавалась рукопись. – *А. М.*), голова стрельцов Петр Перфирьев, городовой прикащик 1 человек], детей боярских 20 ч., сотников стрелецких 100 ч. стрельцов конных, да 250 ч. пеших, переводчик 1 ч., толмачей 2 ч., часовник 1 ч., пуш[к]арей 8 ч., воротников 3 ч., кузнец 1 ч.»[8]. Итого с воеводой получается 392 человека. Из этого можно сделать вывод, что все население Самары составляло тогда порядка 400 человек. Для такого количества людей одного храма уже, вероятно, было недостаточно. И действительно, в 1634 г. впервые в самарских документах зафиксированы 2 храма – Троицкий и Никольский как ныне существующие[9]. При этом Троицкий храм назывался главным, соборным.

Можно предположить, что второй самарский храм получил название Никольского по приделу, бывшему в Троицком храме, за счет упразднения этого придела: вряд ли в небольшой крепости оставались одноименными старый придел и новый храм. Перенос названия придела на новый храм мог произойти в том случае, если престол Никольского придела вместе с лежащим на нем антиминсом (плат, на котором служится Божественная литургия, с зашитой в нем частицей мощей мучеников и с подписью правящего архиерея) был перенесен в новый храм. Такое решение могло быть принято вследствие того, что везти для новопостроенного храма необходимый для богослужений новый антиминс от правящего архиерея из Казани (Самара входила тогда в состав Казанской епархии) было делом непростым: путь из Казани в Самару в то время был тяжкий и небезопасен. К тому же антиминс, являясь святыней, требует благоговейного к себе отношения: переносить (перевозить) его могут только священники или архиереи. В этих обстоятельствах, возможно, и было принято самое простое решение о перенесении престола. Таким образом, Никольский придел в Троицком храме упразднялся (хотя сам храм оставался в прежнем объеме), но зато появлялся второй полноценный храм, и, так сказать, общая площадь для богослужений в целом увеличивалась.

Фактически ко времени создания рукописи относятся и первые документальные упоминания о самарском мужском Спасо-Преображенском монастыре – к Хозяйственно-экономический характер этих первых записей о монастыре (о владении им крепостными крестьянами) свидетельствует о налаженной хозяйственной деятельности обители и, следовательно, о том, что монастырь появился до 1631 г., как минимум, в 1620-х гг.[11]; первый собиратель сведений о монастыре археограф К. И. Невоструев высказывал мнение, что основание обители современно началу самóй Самарской крепости[12]. По всем свидетельствам, в монастыре, по крайней мере в XVII в., существовал единственный деревянный храм – Спасо-Преображенский.

Первое документальное упоминание о самарском женском Спасском (Спасо-Преображенском) монастыре также современно созданию рукописи и относится к 1624–25 гг.[13]. В Спасском монастыре на протяжении всей его истории известен один храм – Спасо-Преображенский (одноименный с храмом мужского монастыря); в 1685 г. этот храм был построен в камне[14].

Вообще одновременное существование в маленьком населенном пункте двух одноименных монастырей вызывает некоторое удивление. Возникают естественные вопросы: либо монастыри были основаны и существовали настолько изолированно друг от друга, что никак не соотносились с общегородскими нуждами, с городской топонимикой, либо имели в своем происхождении нечто общее.

По-прежнему только два приходских храма, Троицкий и Никольский, зафиксированы по переписной книге Самары в 1646 г.[15] Ко 2-й половине XVII в. относится постройка третьей приходской самарской церкви – деревянной Вознесенской[16], предшественницы современного Вознесенского собора, что на улице Степана Разина. Таким образом, к концу XVII в. в Самаре документально известны 5 храмов: 3 приходских и 2 монастырских (по одному в каждом из монастырей). Не исключено, что были и другие храмы, о которых ныне мы не знаем.

Характерно, что первое упоминание о Никольском храме (1634 г.) хронологически очень близко стоит ко времени деятельности в Самаре воеводы Б. М. Салтыкова. Тот, пробыв в Самаре целых семь с половиной лет (при том, что «нормативная» продолжительность службы воеводы в одном городе в то время, как правило, была два года[17]), отбыл в Москву в ноябре-декабре 1633 г. Если Салтыков смог организовать создание в Самаре означенной рукописи, то нельзя ли предположить, что его семилетнее пребывание здесь было ознаменовано и другими важными деяниями, например, постройкой Никольского храма. Может быть Салтыков, не желая пребывать на богослужениях в Троицкой церкви со всем самарским людом, построил Никольскую церковь в качестве своего домового храма.

Впоследствии, особенно в 1-й половине XVIII в., Никольский храм пользовался у самарцев большим почетом, даже бóльшим, нежели Троицкий храм, формально являвшийся в городе главным. Троицкий храм на протяжении всей своей истории оставался деревянным, до 1785 г. из-за ветхости он был перестроен и поставлен при кладбище[18], а позднее, до 1787 г. и вовсе окончил свое существование: сгорел или был продан в какое-то селение[19]. Никольский же храм не позднее 1738 г. фиксируется в документах как каменный: 1737–1738 гг. датируется запись-вставка в одной из редакций трактата И. К. Кирилова (начальника так называемой Оренбургской экспедиции, штаб которой располагался в Самаре): «Цветущее состояние Всероссийского государства», в которой приводятся сведения о самарских храмах, причем Никольская церковь в перечне стоит прежде соборной Троицкой церкви: «Церковь Николая Чюдотворца каменная, соборная и одна

приходская и два монастыря, мужской и женской»[20]. Никольский храм явно пользовался вниманием штаба Оренбургской экспедиции (комиссии): у храма были похоронены скончавшиеся в Самаре на посту начальника экспедиции (комиссии) И. К. Кирилов (1737 г.)[21] и князь В. А. Урусов (1741 г.)[22], в 1739 г. начальник комиссии В. Н. Татищев отлил для Никольского храма колокол и пожертвовал его в этот храм[23]. В 1744 г. возле южного фасада Никольского храма был возведен собор в честь Казанской иконы Божией Матери так, что Никольский храм стал левым (северным) приделом нового большого церковного здания[24]. Совершенно очевидно, что Казанский храм был построен не за один 1744 год, то есть закладка здания была осуществлена еще в бытность в Самаре штаба Оренбургской комиссии (штаб был переведен из Самары в Оренбург в 1743 г.[25]), или, по крайней мере, можно думать, что решение о строительстве Казанского храма принималось не без участия деятелей комиссии[26]. Таким образом, самое большое тогда церковное здание в городе было построено рядом с Никольским храмом, при этом Никольский храм не был разрушен, а включен в новый большой комплекс. После того, как в ветхость пришла соборная Троицкая церковь, примерно с 1783 г. и до 1851 г. Казанский храм являлся главным (соборным) храмом Самары[27]. Колокол, пожертвованный Татищевым Никольскому храму, в XIX в. описывался как находившийся на колокольне Казанского собора[28]. На основании приведенных свидетельств внимания к Никольскому храму со стороны Оренбургской комиссии самарскими историками высказывалось мнение, что храм являлся приходским для членов штаба комиссии[29] Кроме того, известно, что подаренный Самаре в 1643 г. царем Михаилом Федоровичем вестовой колокол, первоначально подвешенный в одной из крепостных башен, «по упразднению крепости», сгоревшей в пожаре 1703 г., был «перенесен на церковную колокольню»[30]; «колокольня, полагают, была Никольской церкви»[31], а не, например, соборной Троицкой. Позднее царский колокол, так же как и татищевский колокол, был подвешен на колокольне пристроенного к Никольскому храму Казанского собора и фиксировался именно там в XVIII в.[32] и в XIX – начале XX в.[33] Не являются ли выявленные факты значимости в Самаре Никольского храма каким-либо следствием причастности к его созданию знаменитого в своем роде воеводы Б. М. Салтыкова?

Может быть, Б. М. Салтыков имел какое-то отношение и к обустройству мужского Спасо-Преображенского монастыря. О монастыре известно, что в XVII в. он владел многими рыбными ловлями, селами и угодьями, до 1670 г. был приписан к Патриаршему дому. Историк А. А. Гераклитов отмечал «факт необычайно быстрого роста самарского монастыря» по сравнению с современными ему саратовским и царицынским монастырями, которые «в течение всего XVII в. жили казенным денежным и хлебным жалованьем»; «о причинах такого быстрого обогащения... документы молчат; одно можно сказать с уверенностью, что все эти богатства не результат усердия жителей бедной и малонаселенной Самары. При таких обстоятельствах еще менее ясна причина приписки монастыря к патриаршей кафедре»[34]. Неизвестно, отдавал ли А. А. Гераклитов себе отчет о значимости для тогдашней Самары фигуры Б. М. Салтыкова.

Конечно, за неимением документальных св тельств умозаключения о причастности Б. М. Са кова к обустройству самарских храмов и монаст являются не более чем рабочей гипотезой.

В современной Самаре от всех перечисленных в древних храмов и монастырей не осталось и след XVIII в. были упразднены Троицкий храм, мужск женский Спасо-Преображенские монастыри, дере ные постройки этих объектов исчезли; сгорел пе начальный деревянный Вознесенский храм. В рево ционные 1920-е гг. был закрыт Казанский собор с Никольским приделом, здание передано построе му рядом с ним заводу (ныне Самарский завод кл нов) под столярную мастерскую, в 1950-е гг. храм то, что от него к тому времени оставалось, был рушен[35]. Остававшийся от женского монастыря ка ный Преображенский храм разрушен в 1952 г.

В связи с этим особый интерес представляет во о местоположении древних самарских храмов. Ка ся, ни у кого из историков не вызывает сомнения верждение, что приходские Троицкий и Никольс храмы находились внутри построенной в 1586 г. пости. (В краеведческой литературе попадаются дения о том, что до основания крепости в Самар урочище существовало русское поселение, и что ицкий храм, равно как и оба Спасо-Преображен монастыря, мужской и женский, были основаны эт поселенцами до основания крепости; самарская пость была построена между этими тремя объект которые находились вне ее стен. Суждение это, не крепленное документальным материалом, оста маргинальным.) Как известно, в свое время самар архитектор и краевед Е. Ф. Гурьянов, используя сания и рисунки самарской крепости XVII-XVII предпринял ее реконструкцию, а, наложив эту ре струкцию на геометрический план Самары 178 сделал привязку крепости к современной город планировке. Согласно этой привязке, четырехугол крепости в основном совпадает с современным кв лом, занимаемым Самарским заводом клапанов: бл няя к Волге, западная, стена крепости проходила п по улице Водников, немного наискосок, от ее пер чения с улицей Кутякова через ее пересечение с ул Карбюраторной (ныне улица Князя Григория Зас на) до территории бывшего Мукомольного завода что около моста через реку Самару; противополож восточная, стена проходила выше по волжскому с ну современной улицы Алексея Толстого; севе стена проходила несколько севернее улицы Кутяко южная – примерно по улице Карбюраторной; к вос ной стене крепости, в центральной ее части, изн примыкал детинец (кремль), главная, администра ная часть поселения[36]. Вероятно, в детинце или р с ним, внутри крепости, и должны были находи Троицкий и Никольский храмы. Е.Ф. Гурьянов сп ально не занимался церковной историей Самары этому не заострял внимания на вопросе о местоп жении древних самарских храмов.

Проще всего, как думается, найти в совреме Самаре местоположения каменных Никольского х и Спасо-Преображенского храма женского мона ря. Но прежде следует определиться, принимае мы доводы Е. Ф. Гурьянова по реконструкции са

Рис.1. План Самары. Около 1732 г.

ской крепости и по ее привязке к современной местности. Дело в том, что среди современных самарских историков в отношении этого труда Е. Ф. Гурьянова нет четкой позиции: одновременно имеют место как весьма критические высказывания в адрес краеведа, так и негласное использование его наработок. Например Ю.Н. Смирнов, по всей видимости, считает, что изначальная самарская крепость располагалась ближе к Волге, нежели то место, которое отводил ей Е. Ф. Гурьянов[37], однако, если Э. Л. Дубман пишет, что новый самарский «замок» был выстроен в 200 метрах к северо-востоку от сгоревшей в пожаре 1703 г. первоначальной деревянной крепости[38] (крепость после пожара 1703 г. не была восстановлена), значит, он принимает привязку крепости по Гурьянову. Эта неопределенность – не что иное, как результат неразработанности вопроса истории и топографии построек Самары XVII в., в т. ч. древних самарских храмов. Нам же представляется, что привязка крепости по Гурьянову весьма правдоподобна. Это доказывается, в том числе, изучением расположения первых самарских храмов.

Представление о том, что первые два самарских храма, Троицкий и Никольский, располагались внутри крепости, косвенно подтверждает первый известный план Самары, датируемый около 1732 г. (датировка Э. Л. Дубмана[39]). На нем в районе, примерно соответствующем расположению самарской крепости по привязке Е. Ф. Гурьянова, обозначены два рядом стоящих храма, которые помечены надписью «соборные церкви» (почему-то «соборные» во множественном числе); вблизи храмов обозначены также канцелярия, дворец (вероятно, двор воеводы) и артиллерийский магазин (склад)[40]. По всей видимости, именно этот план использовал в середине XIX в. при описании истории укреплений Самары историк фортификации Ф.Ф. Ласковский, который отмечал расположение дворца, соборных церквей (здесь также множественное число при упоминании церквей), канцелярии и артиллерийского магазина «в городе»[41], то есть, вероятно, на месте старой сгоревшей крепости. Нужно полагать, что на плане изображены Троицкий и Никольский храмы: других храмов в этом районе, да еще с признаками соборных, мы не знаем.

Если решать, какой из изображенных на плане 1732 г. храмов Троицкий, а какой Никольский, то представляется, что их можно идентифицировать по характеру изображения алтарных частей. Алтарная часть храма, расположенного ближе к берегу реки Самары, большого объема, похожая на деревянный сруб, стало быть, этот храм мог быть деревянным; алтарная часть другого храма маленькая, похожая на выполненную кирпичной кладкой, стало быть, этот храм мог быть каменным. А если это так, то деревянным должен быть Троицкий храм, каменным – Никольский.

Е. Ф. Гурьянов полагал, что в восточной, самой высокой, части крепости, которая располагалась в районе начала современной улицы Алексея Толстого, находился детинец (кремль) – административный центр поселения. На первом регулярном плане Самары 1782 г. и на всех последующих планах города именно в район «гурьяновского» детинца попадает Казанский собор с его древним Никольским приделом как преемник Никольского храма. С помощью этих планов (на плане Самары 1804 г. Казанский собор обозначен цифрой 2), а также имеющихся фотографий Казанского собора и местности вокруг него конца XIX – начала XX в. местоположение Казанского собора устанавливается совершенно определенно: в современной Самаре это место, откуда начинается улица Алексея Толстого, в квартале по улице Кутякова на территории Завода клапанов. Причем в створ улицы Алексея Толстого (это бывшая Казанская улица, названная так именно по Казанскому собору) Казанский собор был повернут своим северным Никольским приделом.

На плане 1732 г. показана и новая земляная крепость (замок), построенная около 1706 г.[42], имевшая в плане форму ромба. Сообразуясь именно с этим планом, Э. Л. Дубман отмечал северо-восточное направление расположения земляного замка по отношению к старой крепости и примерное расстояние в 200 метров между ними. На плане расстояние от вершины ближнего тупого угла ромбического земляного замка до хра-

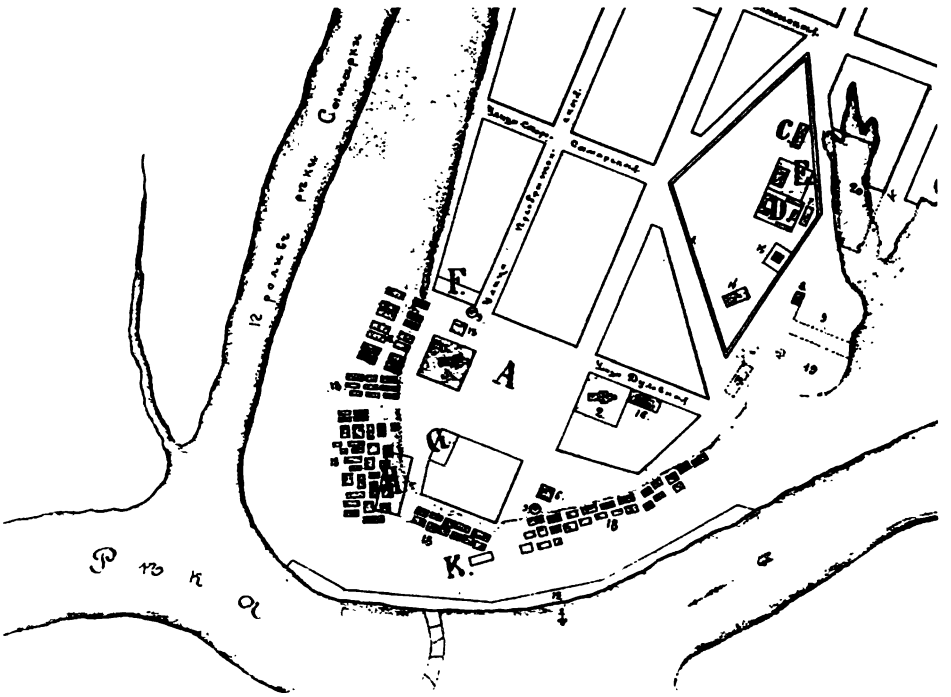


Рис.2. Фрагмент план Самары. 1804 г.

мов равно 150 саженей, то есть примерно 320 метров (1 сажень равна 2,13 метра). В современной Самаре напоминанием о ромбическом земляном замке является тупой угол, образуемый двумя коленами улицы Степана Разина в районе Хлебной площади. Вершиной этого тупого угла является площадка перед бывшей каланчей пожарной части, от которой начинается спуск к Волге улицы Крупской. Это та самая вершина, от которой на плане было измерено расстояние до храмов. Измеренное нами на местности расстояние от указанной площадки до места, где находился Никольский придел Казанского собора (бывший Никольский храм), составило несколько более 300 метров, то есть примерно то же, что и на плане 1732 г. Таким образом, местоположение древнего Никольского храма в современной Самаре устанавливается весьма определенно.

По совокупности имеющихся свидетельств можно установить и примерное местоположение Троицкого храма. Из двух обозначенных на плане 1732 г. в непосредственном соседстве друг с другом храмов Троицкий храм идентифицирован нами как расположенный ближе к реке Самаре. Стоящим на берегу реки Самары он был упомянут на рубеже 1750–1760-х гг. в книге П.И. Рычкова «Топография Оренбургская»: «Церквей [в Самаре]: соборная деревянная на берегу реки Самары, во имя Святой Троицы…»[43]. Приводимые ниже четыре описания Троицкого храма 2-й половины XIX – начала XX в., вероятно, фиксировали воспоминания о последнем его местонахождении после перенесения (до 1785 г.) к кладбищу. По преданию, «Троицкая церковь стояла на площади, что не застроена и доселе (по состоянию на 1876 г. – *А. М.*), на крутом берегу реки Самары, между домами П. М. Журавлева и хлебными амбарами»[44]; Троицкая церковь «была построена на той местности, которая в настоящее время видится между домом купца П. И. (именно такие инициалы. – *А. М.*) Журавлева и хлебными амбарами, то есть к югу в 40 или 50 саженях от существующей ныне Казанской церкви, на возвышенном берегу р. Самары»[45]; «у старожилов сохранилась молва, что эта церковь стояла на берегу нынешнего русла реки Самары приблизительно в 50–55 саженях от Никольс церкви, в промежутке нынешнего дома П. М. Жура ва и хлебных амбаров»[46]; «Свято-Троицк[ая] цер деревянная находилась на обрыве берега р. Сам против домов Журавлева»[47]. Известно, что у П Михайловича Журавлева, богатого самарского за чика, было два дома на Набережной реки Самары номерами 4 и 6, где на протяжении многих лет сам хозяин[48]. Эти дома располагались во 2-м го ском квартале[49] (по четной стороне современной цы Князя Григория Засекина), который ныне заст корпусами Завода клапанов; дома Журавлева, по видимости, не сохранились. Указанное расстоя в 40–55 саженей (85–117 метров) между Троицк Никольской (Казанской) церквями обозначает от яние Троицкого храма от Никольского (Казанско югу, именно в сторону реки Самары (возможно, з есть признак перенесения в 1780-х гг. Троицкого ма на новое место, поскольку на плане Самары 17 оба храма, идентифицированные нами как Троиц и Никольский, показаны расположенными букваль впритык друг к другу). Кроме того, свидетельст о Троицком храме было сохранявшееся, как м мум, до 1920-х гг. на месте, где стоял Троицкий х или недалеко от него, некое каменное заглубле в землю сооружение, что-то наподобие полупод В сведениях о Самаре за 1785 г. об этом сооруж сказано так: «… выходов два, один каменной быв Святотроицкого собора, ветхой, в коем хранится п и денежная казна, другой винной, деревянной. Это сооружение обозначено на плане Самары 18 (цифра 6). В конце XIX – начале XX в. об этом со жении говорилось следующее: «В этой же местн (у домов П.М. Журавлева и хлебных амбаров, где ял Троицкий храм. – *А. М.*) виден и до ныне по каменный со сводом, близ спуска к р. Самаре. Гов что в этом подвале хранилась государственная и боевые снаряды…»[51]; «в этой местности прох крепостной вал, в устье которого находился казе подвал для хранения боевых снарядов и казны. По этот можно видеть и ныне при спуске на р. Сама

Рис.3. **Начало Казанской улицы (совр. ул. Алексея Толстого) с Казанским собором на почтовой открытке начала XX в.**

Рис.4. **Начало ул. Алексея Толстого (бывш. Казанская ул.). Современная фотография.**

ным устроена сторожка для караульщиков амбаров»[52] на плане Самары 1804 г. сторожка обозначена цифр 9 около цифры 6); «в начале спуска», «называе- Журавлевским», поскольку «он начинается от до- Журавлева», «ведущего к плашкоутному мосту с ной площади на Самарку и в Засамарскую слобо- «на левой стороне находится небольшое каменное разрушенное весьма древнее сооружение в виде емлянки, которое обыкновенно называется Погреб»[53]; «в 1924 г. эта ветхая каменная постройка была занята кем-то, будучи превращена в жилую квартиру и даже выбелена снаружи»[54].

Таким образом, Никольский и Троицкий храмы стояли приблизительно на одной линии параллельно Волге, линии, которая является мысленным продолжением современной улицы Алексея Толстого в сторону реки Самары, Троицкий храм – ближе к реке Самаре. (В связи с этим выводом вызывает критику идентификация Троицкого храма как находившегося ближе всех других самарских храмов к Волге, предпринятая историками Ю. Н. Смирновым и Л. М. Артамоновой по рисунку Самары конца 1730-х гг., выполненному Дж. Кэстлем[55]).

Возможно, какие-то признаки Никольского и Троицкого храмов, бывшего около Троицкого храма каменного полуподвала, а также гражданских построек на территории самарской крепости могут быть выявлены в ходе археологических изысканий.

Вероятно, наиболее продуктивными в районе самарской крепости могут быть раскопки на месте Спасо-Преображенского храма (постройки 1685 г.) женского монастыря, поскольку его каменный фундамент может оказаться наименее поврежденным. Местоположение этого храма определяется достаточно точно, поскольку он был разрушен в 1952 г. и, следовательно, обозначен на всех планах и картах Самары до середины XX в. (на плане Самары 1804 г. Спасо-Преображенский храм обозначен цифрой 3), имеются также фотографии этого храма. С помощью старых карт и фотографий положение Преображенского храма на местности можно определить и по его взаимному расположению с Казанским храмом. Кроме того, крупным сооружением в этом районе и, соответственно, привязочным ориентиром была построенная в 1873 г. в нескольких десятках метров к северо-востоку от Преображенского храма церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери. Преображенский храм снесли при постройке моста через реку Самару, так как он оказывался на проезжей части поворачивающей к мосту улицы Водников между ее пересечениями с улицами Кутякова и Карбюраторной. Очевидно, его фундамент должен находиться под проезжей частью улицы Водников. Принимая привязку самарской крепости по Гурьянову, можно констатировать, что в древности Спасо-Преображенский храм женского монастыря стоял в районе западной крепостной стены, а поскольку монастырь располагался, скорее всего, вне крепости, то следует полагать, что в 1685 г. каменный Преображенский храм построили с внешней стороны стены. Как расположенный «близ крепости» этот монастырь рассматривал и Невоструев[56].

Как отмечалось выше, Казанский храм после закрытия в 1920-е гг. был переоборудован в столярную мастерскую завода (ныне Самарский завод клапанов), тогда же церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери была передана этому же заводу под монтажную мастерскую, в 1950-е гг. она была разрушена[57]. В официальной истории завода значится, что в 1932 г. он был образован на базе именно одной из мастерских «Трактороцентра»[58]. Поскольку Казанский, Преображенский и Смоленский храмы были разрушены в 1950-е гг., наверняка еще живы их очевидцы (местные жители, старые работники Завода клапанов), которые могли бы указать точное местоположение храмов[59]. Возможно, на заводе кто-то занимался изучением его истории, в зону внимания такого исследователя могли попасть и бывшие на территории завода храмы.

Таким образом, если принять привязку самарской крепости по Гурьянову, то определение местоположения Казанского храма – это определение почти восточной границы крепости, определение местоположения Преображенского храма – ее западной границы. Остальные крепостные постройки должны были находиться в полосе между ними.

Что касается местоположения мужского Спасо-Преображенского монастыря, то, без сомнения, он так же, как и женский монастырь, располагался вне крепости. По сообщению К. И. Невоструева, он стоял (в ре
ях городской топонимики середины XIX в.) «ме
Успенской и Преображенской церквами... близ д
купца М. Лаптева»[60], по сообщению краеведа А.Г.
шина (начало XX в.), – на Преображенской улице
мельницы Башкирова[61], по свидетельству П. В.
бина, Спасо-Преображенский храм монастыря н
дился (в реалиях городской топонимики 2-й пол
ны XIX в.) «на месте, где ныне дом Жемчужников
Неизвестно, на чем основаны эти свидетельства, н
их совокупности вырисовывается место расположе
монастыря – линия вдоль Волги на уровне совре
ной улицы Водников (бывшая Преображенская, а
раньше – Большая), то есть линия западной креп
ной стены в реконструкции Гурьянова. Крайнюю
верную границу расположения монастыря обозна
Успенская церковь, стоявшая во времена Невостр
на углу улиц с современными названиями Водн
и Комсомольской (доныне эта церковь не сохр
лась)[63]. (В XVII–XVIII вв. именно на этом месте ст
третья приходская церковь Самары – Вознесенс
«Дом купца Лаптева» и «дом Жемчужникова» –
один и тот же дом, в разное время принадлежав
различным владельцам (сначала – Лаптеву, с 185
– Жемчужникову, с 1882 г. – Башкирову), и пон
существующий на углу улиц Водников и Крупс
(адрес – улица Крупской, дом № 3)[64]. Мельница Б
кирова также сохранилась до настоящего времени,
комплекс краснокирпичных производственных зда
(занятый ныне под магазин строительных материа
за домом Лаптева-Жемчужникова-Башкирова, в
бине квартала по улице Водников[65]. Упоминаемая
воструевым Преображенская церковь – это уже
женского монастыря. Так что мельница Башки
служит ориентиром южной оконечности описы
мого мужского монастыря. Таким образом, мест
хождение мужского монастыря ограничивается в
одним – полутора современными кварталами по ул
Водников. При этом мельница Башкирова распол
на в полуквартале от северной оконечности самар
крепости по привязке Гурьянова. То есть монаст
был расположен к северу от крепости, чуть выш
нее по течению Волги.

Месторасположение мужского монастыря та
должно представлять интерес для археологов и и
риков. Проработавший много лет директором М
мольного завода № 3 (бывшая мельница Башкир
а ныне учредитель ООО «Радон» А. М. Радин з
мается историей этого предприятия. По его свидет
ству, на территории бывшей мельницы Башкирова
строительных работах не раз находили человече
останки, и сам он в 1980-х гг. присутствовал при
хождении двух черепов (впоследствии строител
совету, данному в Самарской епархии, самостоят
захоронили эти черепа на городском кладбище).
скольку черепа были темного цвета, можно предп
жить, что они старые, а отсюда – что строители
кнулись на погост, который мог быть при монасты

Таким образом, церковная история города Сам
по-настоящему еще не написана, и развернутое,
бротное исследование истории и топологии дре
самарских храмов, как и самарских церковных д
ностей, в целом имеет большую актуальность.

Примечания:

За помощь в подготовке статьи автор приносит благодарность работникам Центрального государственного архива Самарской области К. В. Фроловой и Н. Ю. Шешуновой.

О предварительных исследованиях рукописи см.: Макаров А. И. Самарские древности (забытая рукопись) // Самара: от прошлого к настоящему. Сборник статей. Самара, 2007. С. 254–281; он же. Неисследованная самарская рукопись 1-й половины XVII в. // XII Иоанновские чтения. Самара, 2008. С. 3–21; он же. Царский родственник – Самарский воевода. К биографии Б. М. Салтыкова // Самарский край в истории России. Вып.4. Самара, 2012. С. 91–93; он же. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики № 3(49). С. 86–97; № 4(50). С. 47–63.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 23. С. 223.

[2] Там же. С. 223, 224.

Там же. С. 223.

Большое количество ошибок присутствует, например, в справочнике «Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.)» (Самара, 2002), в «Энциклопедии Самарской области» (Самара, 2011–2012), в монографии В. Н. Якунина под громким названием «История Самарской епархии» (Тольятти, 2011), что обязывало авторов к большой ответственности, поскольку до выхода монографии подобного обобщающего характера не выходило.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 374 (цит. по: Дубман Э. Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. № 2(10). 2005. С. 20); Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 96.

Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 45.

[3] Дубман Э. Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. № 2(10). 2005. С. 20.

ОР РГБ. Ф. 303 I. Д. 562. Л. 114–116 (цит. по: Дубман Э. Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. № 1–2(13–14). 2006. С. 61); РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 15. Л. 122 (цит. по: Дубман Э. Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. № 1–2(13–14). 2006. С. 61); Гераклитов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Вып. 2. Самара, 2006. С. 211.

Гераклитов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Вып. 2. Самара, 2006. С. 211, Там же. С. 211 (примеч.); Дубман Э. Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. № 1–2(13–14). 2006. С. 59.

Невоструев К. И. Историческое описание бывших в Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. С. 3; ср.: Дубман Э. Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. № 1–2(13–14). 2006. С. 59.

А СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 126 (цит. по: Дубман Э. Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. № 1–2(13–14). 2006. С. 65).

[4] Невоструев К. И. Историческое описание бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. С. 7.

[5] Дубман Э. Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. № 2(10). 2005. С. 20.

[6] Там же.

[7] Гераклитов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Вып. 2. Самара, 2006. С. 196.

[8] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19026. Л. 75.

[9] Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 7.

[10] РГАДА. Ф. 16. Д. 368. Л. 153; ср.: Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М. 1977. С. 233 (примеч.).

[11] Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 28.

[12] Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889. Вып. 1. С. 176.

[13] Город Самара (исторические сведения) // Самарские епархиальные ведомости. 1878. № 22. Часть неофициальная. С. 455; Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 7; Архангельский Н. А. Город Самара. Краткий очерк. Самара, 1913. С. 16.

[14] Город Самара (исторические сведения) // Самарские епархиальные ведомости. 1878. № 22. Часть неофициальная. С. 454–456; Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 4; Приложение к сборнику постановлений и распоряжений по Самарской епархии о монастырях и церквах Самарской епархии. Самара, 1899. С. 38.

[15] Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединенье Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 156–160.

[16] Там же. С. 104.

[17] Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 7.

[18] Попов П. К. Из очерка «Город Самара» // Классика Самарского краеведения. Самара, 2002. С. 82; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889. Вып. 1. С. 163 (примеч.).

[19] Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединенье Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 104.

[20] Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 8; ср.: Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 16.

[21] Классика самарского краеведения. Антология. Самара, 2007. Вып. 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII – начале XIX вв. (краеведческая картотека).

13

[32] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19026. Л. 73–74.

[33] Попов П. К. Из очерка «Город Самара» // Классика Самарского краеведения. Самара, 2002. С. 82; Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877 С. 8; Город Самара (Исторические сведения) // Самарские епархиальные ведомости. 1878. № 23. Часть неофициальная. С. 466; Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 16; Приложение к сборнику постановлений и распоряжений по Самарской епархии о монастырях и церквах Самарской епархии. Самара, 1899. С. 39; Архангельский Н. А. Город Самара. Краткий очерк. Самара, 1913. С. 16.

[34] Гераклитов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 212.

[35] Православные святыни Самарского края. Историко-церковная энциклопедия. Самара, 2001. С. 49.

[36] Гурьянов Е. Ф. Древние вехи Самары: Очерки по истории градостроительства. Куйбышев, 1986. С. 50–61.

[37] Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединенье Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 104; он же. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О «Дневнике» и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Этнос и культура. Самара, 1998. № 1–2. С. 49.

[38] Дубман. Э. Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005. С. 153.

[39] Впервые план опубликован в книге: Дубман Э. Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005. С. 152.

[40] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

[41] Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. III. С. 875.

[42] РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377 (цит. по: Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. (Сборник документов и материалов). Самара, 2000. С. 156).

[43] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 215; ср.: Географический лексикон Российского государства / Сост. Ф. Полунин. М., 1773. С. 300.

[44] Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 96.

[45] Город Самара (исторические сведения) // Самарские епархиальные ведомости. 1878. № 22. Часть неофициальная. С. 454.

[46] Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре. Стопятидесятилетие его существования (1744–1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Самара, 1894. С. 7.

[47] Классика самарского краеведения. Антология. Самара, 2007. Вып. 3. Головкин К. П. Самара в конце XVIII – начале XIX вв. (краеведческая картотека). С. 147.

[48] Казарин В. Самарский заводчик // Литературная губерния (http://samaralit.ru/?p=7457).

[49] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 312. Л. 1 об. –2об.

[50] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19026. Л. 76.

[51] Город Самара (исторические сведения) // Сам ские епархиальные ведомости. 1878. № 22. Часть официальная. С. 455.

[52] Казанско-Богородицкий старый собор в г. Са ре. Стопятидесятилетие его существования (17 1894 гг.) (Историко-статистический очерк). Сама 1894. С. 7 (примеч.).

[53] Классика самарского краеведения. Антология. мара, 2007. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XI – начале XIX вв. (краеведческая картотека). С. 117

[54] Там же. С. 147.

[55] Смирнов Ю. Н. Новый источник по истории марского края XVIII века и его автор. О «Дневни и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Э нос и культура. Самара, 1998. № 1–2. С. 104; Ар монова Л. М. Древние самарские храмы на старин гравюре // Духовный собеседник. Самара, 1998. № С. 186.

[56] Невоструев К. И. Историческое описание быв в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и ж ского Спасского монастырей. М., 1867. С. 7.

[57] Православные святыни Самарского края. Ис рико-церковная энциклопедия. Самара, 2001. С. 82.

[58] Интернет-ресурс: http://www.klapan-szk.ru/ab php

[59] В мае 2013 г. расположение Преображенск храма на месте нынешней проезжей части улицы дников приблизительно в 30 м от пересечения улиц дников и Кутякова в сторону улицы Князя Григория секина указала проживающая в этом районе с 193 бывший директор Самарского художественного лища им. К.С. Петрова-Водкина Г.П. Чуковенкова.

[60] Невоструев К. И. Историческое описание быв в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и ж ского Спасского монастырей. М., 1867. С. 3.

[61] Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Са ра, 1918. С. 38.

[62] Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары ка бернского города (историко-статистический оче Самара, 1877. С. 101.

[63] Местоположение Успенской церкви является вершенно очевидным в силу присутствия сведен ней в большом количестве краеведческих изданий например: Г. Самара (исторические сведения) // марские епархиальные ведомости. 1879. № 10. Ча неофициальная. С. 173), обозначения ее на план картах Самары XIX – начала XX вв.

[64] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 639. Л. 1; Самара бернская. 160 лет в зеркале архитектуры / Отв. с Г.В. Галыгина. Самара, 2011. С. 11.

[65] Классика самарского краеведения. Антол Самара, 2007. Вып. 3. Головкин К. П. Самара в це XVIII – начале XIX вв. (краеведческая картот С. 63.

А.Ф. Кочкина

МАЛОРЯЗАНСКОЕ II СЕЛИЩЕ – РУССКИЙ ПОСЕЛОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ (предварительные результаты)

данные по заселению Самарской Луки после разорения монгольскими войсками болгарских поселений в 1236 г. впервые были получены в конце XIX в. В.Н.Поливановым, который провел раскопки Муранского могильника, расположенного на р.Усе и оставленного мордовским населением (Поливанов, 1893). В 1920-е гг. экспедицией под руководством В.В. Гольмстен был открыт ряд золотоордынских поселений на Самарской Луке по южному берегу Волги, давших разнообразный керамический материал, отражающий неоднородный состав их населения, среди которых - мордва и русские. В конце 1930-х гг. в связи с проектированием Куйбышевской ГЭС сотрудниками областного музея краеведения было проведено разведочное обследование берегов р. Усы, где были обнаружены памятники второй половины XIII-XIV вв., в том числе поселение у с. Березовка, на котором в 1950-е гг. проводились раскопки А.Е. Алиховой. Исследования Березовского селища, а также ряда других памятников выявили пласт русского населения на Самарской Луке, появившегося здесь в золотоордынское время (Алихова, 1960). В связи с этим А.Е. Алиховой был поставлен вопрос об истоках русского населения на Волге и предпринята попытка определить исходные территории на основании имеющихся материалах.

На более широком фоне памятников Поволжья эти данные обобщила М.Д. Полубояринова (1978). Ею были исследованы основные материалы, связанные с проживанием русского населения на волжских землях в рамках золотоордынского государства, а также объективно оценена возможность решения проблемы заселения русскими поволжских территорий на имеющихся на тот период источниках (Полубояринова, 1978 С.94-95).

Довольно длительное время тема расселения русского населения на Самарской Луке не пополнялась новыми источниками. Только в конце 1980-х гг. были проведены сравнительно крупные раскопки на Междуреченском городище, золотоордынский слой которого дал представительную коллекцию русской керамики. Технико-технологический анализ гончарных традиций изготовления этой группы керамики был предпринят Е.Васильевой (Васильева, 1995). Исследовательница отметила близость материалов к керамике Березовского поселения. Однако это исследование не имело продолжения в тот период, а источники не исчерпали своих возможностей.

Новые материалы, связанные с русским населением Самарской Луки эпохи Золотой Орды, получены при раскопках на Малорязанском II селище, начатых в 2007 г. экспедицией СОИКМ им. П.В.Алабина (Кочкина, Сташенков, 2010). Эти исследования вновь поставили актуальность изучения вопроса о заселении русскими волжской излучины и выяснения, с каких русских земель происходило перемещение населения.

Настоящая статья посвящена предварительной обзорной публикации материалов исследования Малорязанского II селища.

Памятник находится в южной части Самарской Луки, в 0,3 км к западу от с. Малая Рязань Ставропольского района Самарской области. Место поселения отделено от села глубоким и широким залесенным оврагом (рис.1). Селище занимает площадку на правом берегу р. Волги, имеющую несколько возвышений на месте скалистых выходов известняково-доломитовых пород. В его западной половине, отделенной от восточной небольшим овражком и балкой, наблюдается возвышение с юга на север-северо-запад. В восточной части площадка селища имеет террасовидный рельеф, отчетливо фиксируется постепенное повышение в направлении с запада на восток. Перепад высот составляет около 30 м. В настоящее время поверхность селища в основном залужена. На селище были найдены материалы разных эпох – золотоордынского периода (вт. пол. XIII-XIV в.), срубной культуры бронзового века (середина II тыс. до н.э.), единичные материалы середины I тыс. н.э. Площадь поселения, определенная по распространению подъемного материала, составляет не менее 20 га, протяженность его территории с запада на восток не менее 800 м, с юга на север не менее 250 м.

За четыре полевых сезона на двух раскопах было вскрыто 184 кв. м. Исследования позволили выяснить структуру памятника. Археологический памятник «Малорязанское II селище» представляет собой комплекс поселения и могильника. На возвышении в восточной части памятника был выявлен грунтовый могильник. На могильнике был заложен раскоп I, вскрыто 112 кв. м и исследовано 131 погребение. Захоронения безынвентарные, погребенные ориентированы головой на запад. Полученные материалы позволяют в целом охарактеризовать особенности погребального обряда как христианского. С раскопа происходит незначительное количество вещевого и керамического материала.

Западная и центральная части памятника представляют собой поселенческую территорию. В этой части памятника на раскопе II площадью 72 кв.м выявлены остатки производственно-бытовых комплексов. Коллекция вещевого материала, полученная при раскопках, содержит преимущественно бытовые предметы и ремесленный инструментарий, типичные для поселений золотоордынского времени. С раскопа происходит один серебряный дирхем. Керамический материал достаточно обширен и включает две большие группы: красноглиняную круговую ремесленную золотоордынскую керамику и керамику, имеющую значительное сходство по технологии и формам с той посудой, которая была распространена в средневековой Руси. Количественное соотношение этих групп керамики на раскопе составляет 1:3.

Кроме того, из раскопа происходят 278 фрагментов лепной керамики срубной культуры эпохи бронзы, около 10 фрагментов лепной керамики предположительно относятся к I тыс. н.э.

Могильник. Раскоп I. Общая площадь составляет 112 кв.м, мощность культурного слоя достигает 75-85 см. Стратиграфически выделены следующие напластования: I – дерн, мощность до 6 см; II – под дерном слабо выражен пахотный слой, он представляет собой темно-серый гумусированный рыхлый легкий суглинок. Его мощность составляет 12-15 см. III – коричневато-серый легкий суглинок с золистыми включениями, мощность - 60-75 см. IV - материк - серовато-желтый легкий суглинок с каменистой крошкой. Переходы между слоями слабо выражены, каменистая крошка и большое количество мелких известняковых камней придают специфическую структуру и окраску почве. Следует подчеркнуть, что из-за особенностей грунта очертания могильных ям не прослеживались ни в плане, ни в профиле стенок раскопа.

Из-за ограниченности формата обзорной публикации приводится фрагмент общего плана раскопа I 2009 г., который, тем не менее, дает наглядное представление о планировке и стратиграфии могильника (рис.2). На могильнике прослеживается четкая рядовая планировка по линии север – юг. В расположении погребений наблюдается большая плотность, на приведенном фрагменте общего плана это показательно особенно для кв.10. Погребения располагались в два или в три яруса, наблюдается перекрывание погребений и полное или частичное разрушение более ранних захоронений.

Рядовая планировка была характерна для грунтовых могильников Древней Руси, например, для городских некрополей Ярополча Залесского (Седова, 1978. Рис.29, 32. С.67-71), могильников предмонгольского и золотоордынского времени района Куликова поля (Гоняный, 2005. С.124-133). Четкая рядовая планировка с плотным расположением погребенных характерна для кладбища русского поселения на Водянском городище (Полубояринова, 1978. С.76-77. Рис.15; Лапшин, Мыськов, 2010. Рис.65).

Глубина залегания взрослых погребений 45-80 см от поверхности, детские погребения зачастую находились на глубине 20-30 см. Погребальный обряд исследованных погребений характеризуется устойчивостью: погребенные ориентированы головой строго на запад, отклонения в ту или другую сторону обычно небольшие и редки. Некоторые вариации отмечаются в положении рук: согнуты на груди или на животе, а также сочетания этих положений. Остатки деревянных гробовищ отмечаются во многих погребениях, чаще всего они сохраняются в виде фрагментов досок или трухи, гвоздей не найдено. В погр. 65 удалось проследить конструкцию гробовища. Сопровождающих вещей не было обнаружено, исключение составляет нарушенное грабительским вкопом погр.11, с которым связана находка двух створок двух энколпионов, опубликованных ранее (Кочкина, Сташенков, 2005). В трех погребениях встречены остатки обуви.

Половозрастные определения погребенных были выполнены А.А.Хохловым, к.и.н., доцентом ПГСГА (г.Самара). Им проанализированы скелеты 131 индивида из 129 захоронений. Детских захоронений – 63. В них представлены индивиды разных возрастных категорий: новорожденные и дети в возрасте до 1 года (28), дети в возрасте от 1 года до 5 лет (24), дети старше 5 лет и до 10 лет (11). Подростки до 15 лет представлены 8 индивидами. Два скелета определены как женс возрасте 15-18 лет, причем идентификация пола с го из них ориентировочная. Все остальные погреб мужские - 54. В возрастном отношении они пред лены следующим образом: 15-18 лет – 1 скелет, 2 лет – 5 ск., 25-35 лет – 6 ск. (в т.ч. 1 инд. - 25-40 31-40 лет – 17 ск. (в т.ч. 4 инд. - 35-45 лет), 41-50 л 7 ск., 45-55 лет – 2 ск., старше 50 лет – 16 ск.

Необходимо отметить, что количество погребе детей было несколько больше, т.к. достаточно м разрозненных костей детей младенческого возр встречалось при разборке верхнего слоя. Веро часть из них относится к обнаруженным захорон ям, но нельзя исключать и отдельные полностью рушенные погребения. При дальнейшем исследов антропологического материала, возможно, удастс делить соответствующие комплексы отдельных гребений.

Особенность исследованной части могильника, занная с абсолютным преобладанием мужских ронений, пока не находит убедительных объясне Учитывая, что границы могильника еще не устан ны, можно ожидать, что женские захоронения вы ся в другой части могильника.

Предварительные заключения по антрополо ским особенностям серии, сделанные А.А.Хохло кратко можно свести к следующим. Большинство чин относится к зрелому возрасту, имеет крепко лосложение. Даже те индивиды, которые по возр приближаются к старикам, тем не менее, по разви скелета достаточно крепкие. На ряде костяков в чены следы травм, происхождение которых пред ит установить более тщательными исследовани Имеются сломанные носы, переломы ребер и в не рых случаях рук. Особо выделяются три случая т черепов. Фрагменты пробитого черепа из по принадлежат ребенку в возрасте 3-4 лет. На че подростка 13-14 лет из погр. 100 имеется отвер квадратной формы от удара тяжелым предметом мнению А.А.Хохлова, следы по краям отверстия детельствуют о том, что могла предприниматься пытка лечения этой травмы. На черепе мужчины 5 лет в погр.101 также зафиксирована травма от руб го орудия.

В мужской краниологической серии А.А.Хохло выделены два компонента. Один типично европе ный со всем характерным набором признаков. гой компонент может быть сопоставлен с носите уральского антропологического типа. Однако т сочетание нельзя рассматривать как механиче объединение представителей двух разных антроп гических вариантов. Ряд промежуточных по крани гическому комплексу черепов свидетельствует с о давней метисации.

В определенной степени эту оценку подтверж одонтологические наблюдения на материалах 17 и видов из раскопок 2007 г., сделанные Н.В. Харлам (ИЭА РАН). В целом группа входит в круг европе ных форм, относится к западному одонтологиче му стволу. По сочетанию особенностей морфол зубной системы ее можно отнести к северо-вос ному реликтовому одонтологическому типу, кот предполагает наличие древнего финно-угорского страта. Среди современного населения подобные

ленности распространены у финноязычных групп, а также фиксируются у ильменских и псковских поозеров, псковской печоры, русских Владимирской и Костромской областей.

Представление о физическом облике одного из погребенных в Малорязанском могильнике дает реконструкция по черепу из погр.120, выполненная антропологом Р.М.Галеевым (ИЭА РАН). Описание антропологических характеристик погребенного и рисунок реконструкции даются в статье А.А.Хохлова в настоящем сборнике.

Ниже приводятся описания отдельных погребений, где нашли проявления наиболее характерные черты погребального обряда.

Погребение 65 (рис.3, 1) было выявлено на границе кв. 10. 11 на глубине –79-81 см от поверхности. Могильная яма не прослеживалась, поэтому на плане контуры условной могильной ямы нанесены пунктирной линией, после снятия пл. II отчетливо выявились деревянные конструкции гробовища. В погребении был расчищен костяк мужчины в возрасте 35-40 лет, вытянутый на спине, головой ориентирован на запад с небольшим отклонением на северо-запад (as 260°). Череп лежал на правой стороне лицом к югу. Правая рука сложена на груди, кисть под подбородком. Левая рука вытянута вдоль туловища. Вещей нет.

После расчистки костяка удалось проследить особенности конструкции гробовища, сделанного из дудосок. Оно имело прямоугольную форму, разрасстояние между торцовыми сторонами - 185 доски дна гробовища на 5-10 см выходят за предеторцовых стенок, ширина торцовой стороны - 40-42 толщина доски – 4 см, ширина доски - 12 см. Четко прослеживалось, что поперечная доска вставлена в пазы, вырубленные в длинных боковых досках. Хорошо сохранился паз с левой стороны. По конструкции такие гробовища наиболее близки гробам-ящикам прямоугольной формы, скрепленным с помощью пазов в досках, которые Т.Д. Панова на московских материалах объединила в тип 2 подвид Б (Панова, 2004. С.76).

На исследованной части Малорязанского могильника встречен один случай использования бересты в захоронении. Могильная яма *погребения 108*, как обычно, не прослеживалась. На глубине 45-52 см от поверхности гробовище оказалось покрытым сверху тонким слоем бересты практически по всей поверхности (рис.3, 3). После снятия берестяного слоя выявилось перекрытие гробовища, сохранившееся частично (рис.3, 4). Толщина досок гробовища около 3 см.

Погребенный был ориентирован головой на запад с небольшим отклонением - as 285° Костяк мужчины 25-35 лет лежал на спине, позвоночник изогнут, череп склонен вправо, лицом вверх, руки согнуты в локтях. Правая рука на груди, левая рука на животе. Ноги вытянуты и слегка вывернуты коленями вместе. Вещей не обнаружено.

Наличие берестяных покрытий отмечено также в одном из погребений русского кладбища Водянского городища. Однако слой бересты там находился непосредственно на костяке (Раскоп II, 2010 г, погр.6; Лапшин, Мыськов, 2011. С. 71, 167. Рис.84, 85).

В погребальном обряде средневековой Руси Т.Д. Панова выделила в отдельный вид (вид 3) захоронение в могильной яме тела, завернутого в бересту (Панова, 2004. С.68-69), рассматривая эту деталь как пережиток языческого обряда (Панова, 2004. С.147-148). Иногда вместо обертывания тела берестой покрывали крышки деревянных гробов. Подобная деталь обряда, зафиксированная в курганах Северо-Восточной Руси в XII в., практиковалась и в городских христианских захоронениях XIV в. и даже позднее (Панова, 2004. С.148).

Характерной чертой погребального ритуала, прослеженной на Малорязанском могильнике, является использование камней в погребальных конструкциях. С одной стороны, присутствие камней вблизи погребений можно рассматривать как явление естественного характера, так как могильник расположен в месте скалистых выходов известняково-доломитовых пород и некоторые могилы были немного углублены в каменистое основание. С другой стороны, наблюдения свидетельствуют о том, что во многих случаях использование камня было преднамеренным. На исследованном участке могильника отмечено три случая скопления камней над погребениями, причем не над одним погребением, а сразу над несколькими, среди них как взрослые захоронения, так и детские. На приведенном плане раскопа 2009 г. отчетливо прослеживается скопление камней на кв.12, перекрывающее детские погр. 53, 58 и частично взрослое погр.72 (рис.2).

Значительный интерес в плане применения камня в погребальном ритуале Малорязанского могильника представляет детское *погр.118* (рис.3, 2). На кв.26 на глубине 46 см от современной поверхности было выявлено погребение с остатками гробовища. Контуры могильной ямы не прослеживались, но по камням с правой стороны погребенного фиксировался край могильной ямы. В изголовье погребенного ребенка 8 лет был поставлен крупный камень, отмечающий не только западный край могильной ямы, но и маркирующий погребение на поверхности могильника. Этот камень первоначально был выявлен на уровне снятия II пл. и полностью расчищен вместе с погребением на III пл. (рис.3, 2). На уровне выявления погребения фиксировались плашки от перекрытия гробовища, вдоль левой стороны костяка сохранилась доска боковой стенки гробовища на высоту 10-11 см. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, головой на запад (as 265°). Правая сторона немного сместилась книзу, левая локтевая кость расположена выше плечевой (вероятно, проходила норка). Руки согнуты в локтях. Ноги вытянуты, колени сведены. Под костяком прослеживается дно гробовища. На правой ноге обнаружены остатки кожаной туфельки, ступня оказалась вывернутой (рис.3, 2). Других сопровождающих вещей не обнаружено. Глубина дна могильной ямы составила 75 см от поверхности.

Для Руси Т.Д. Панова выделяла захоронения в простых могильных ямах с частичной огородкой тела (Панова, 2004. С.68). На Малорязанском могильнике огораживание могильной ямы камнями не исключает наличия гробовища. В других погребениях встречались единичные камни в изголовье, с боков или поверх костяков.

Особо следует остановиться на деталях погребального обряда, прослеженного в *погр. 120*. Погребение было выявлено на кв.20, 25 на глубине 50-60 см от современной поверхности после зачистки III пласта. Это единственное погребение, контуры могильной

ямы которого четко выделялись на фоне материка виде подпрямоугольного сажистого пятна. В северо-восточной части пятна выявлены фрагменты обуглившихся плашек. В слое над погребением и вокруг него (на всей площади кв.25 и на границах прилегающих к нему участков) в процессе исследования на I-III пластах встречались измельченные кальцинированные и обугленные человеческие кости, были выявлены обуглившиеся фрагменты деревянных плашек, найдены три железные скобы и гвозди крупных размеров, планиграфически зафиксированные практически по периметру кв.25 (рис.4, 2-9). На предметах имеются следы огня.

Эти данные позволяют предположить наличие какого-то деревянного сооружения над могильной ямой погр.120, которое затем было сожжено. Параллели таким надмогильным конструкциям, возможно, следует искать в сооружениях типа домовины, отмеченным П.Н. Травкиным на материалах средневекового Плёса (Травкин, 2007).

При расчистке верхней части костяка была найдена еще одна железная скоба крупных размеров (рис.4-4), после снятия скобы и фрагмента обуглившейся доски на лицевой части были выявлены фрагменты кальцинированных костей черепа другого индивида. В засыпи встречались угли и отдельные мелкие человеческие кости, также кальцинированные.

После окончательной расчистки выявился костяк мужчины 25-35 лет, который лежал на спине, головой на запад (as 270°), голова слегка склонилась влево, руки согнуты в локтях, правая на животе, левая на груди выше правой, позвонки смещены, ноги вытянуты. Вся грудная клетка, кости рук, частично тазовые кости обожжены, имеют цвет от коричневого до черного, что соответствует температуре воздействия огня около 300°С (определения кальцинированных и частично обожженных костей было выполнено А.В. Богданашем, студентом 5 курса ПГСГА). В области берцовых костей зафиксированы остатки продольных досок гробовища. Могильная яма, выдолбленная в каменистом материке, имела подпрямоугольную форму со скругленными углами размерами 210х80 см. Глубина от уровня выявления составила 30-35 см, глубина захоронения 86 см от современной поверхности. Вещей нет.

Кальцинированные и обугленные кости, найденные в районе этого захоронения и его засыпи, происходят, возможно, из разрушенных погребений предшествующего периода на данной территории. По определению А.В. Богданаша, встречены кости 5 индивидов, все - дети: новорожденный; 6 месяцев; 1-1,5 года; 2,5-4 года; подросток. Взрослый индивид, кости которого найдены в разрозненном состоянии в засыпи погр.120, - мужчина 25-40 лет. Темно-серый цвет останков соответствует значениям температуры воздействия на них до 700°С.

Наличие следов огня на костях в погребениях и углей в засыпи могил, хотя и не часто, но встречается в древнерусских захоронениях. Проявления культа огня зафиксированы, в частности, в подкурганных погребениях Суздаля XI-XII вв. на Михайловской стороне (Седова, 1997. С.150-151). Эта деталь обряда, появляясь в христианских захоронениях в XI в., сохраняется до позднего средневековья (Панова, 2004. С.149).

При исследовании Малорязанского могильника в трех захоронениях были найдены остатки кожа обуви – в погр.100, 118, 131. Для Самарского ре на эти находки представляют достаточно редкое я ние. Правда, в старых музейных описях матери Барбашинского могильника (г.Самара) из раск А.С. Башкирова 1922 г. имеются записи нескол единиц кожаной обуви, но, видимо, из-за плохой хранности они были списаны в 1950-е гг.

Остатки кожаной обуви из погр. 100 (подросток 14 лет) представлены полуистлевшими фрагмент голенищ невысоких сапожек. На дугообразном в зе передней части голенища правого сапожка заме отверстия шва. Высота голенища сапожек не пре шала 20-23 см. Толщина кожи - около 2 мм.

Интерес представляет кожаная туфелька с пра ноги ребенка из погребения 118 (рис.5, 12). Разм туфельки: длина – 15,0 см, высота – 4,0 см, длина ловки – 8,0 см. В процессе реставрации, выполнен художником-реставратором СОИКМ им. П.В. Ал на К.В. Перцовым, было установлено, что на гол хорошо сохранился соединительный шов, кото расположен на боковой части туфельки. В пяточ части кожа практически истлела, поэтому затру тельно восстановить форму пятки. В этом месте не сохранился. Предположительно задник туфе был невысокий. Толщина кожи не превышает 2 Аналогий такой форме детской туфельки пока н не удалось.

У захороненного мужчины 45 лет в погр. 13 ступнях были обнаружены остатки двух туфель, товленных из мягкой кожи. Области головки и зад довольно сильно истлели. Частично сохранились ды потайного шва, которые, судя по всему, распо лись по средней линии пятки и средней линии н (головка). Подошва мягкая. Туфли были изготов из цельного куска кожи. Возможно, после реставр удастся более точно установить крой туфель, что зволит определить, являлись ли они ритуальной увью или повседневной. В любом случае значим этих находок для Самарского Поволжья трудно оценить. Находки фрагментов кожаной обуви впе позволяют охарактеризовать эту категорию личны щей жителей региона эпохи средневековья.

Как уже отмечалось, в погребениях сопровож щего инвентаря не обнаружено. Исключение со ляет погр. 11, в котором найдены две створки бронзовых энколпионов, датирующихся концом - началом XIII в. (рис.5 - 1, 2) Погребение был рушено грабительским вкопом в области чере шейного отдела грудной клетки. В 2005 г. энколп поступили в музей. По сохранившейся яме было делено местоположение погребения и в 2007 г было полностью исследовано. Могильная яма не слеживалась. Погребенный был ориентирован го на запад (as 270°), лежал на спине вытянуто, п рука согнута в локте, кисти сложены на животе. грудной клетки, таза не сохранились. Зафиксир фрагменты деревянных плашек и тлен от дна гро ща. Погребение принадлежало мужчине престар возраста. Никаких вещей не обнаружено.

В связи с тем, что энколпионы были опублик ранее (Кочкина, Сташенков, 2005), опустим подр описание предметов. Оба энколпиона представля бой оборотные створки крестов-складней (рис.5,

створка первого энколпиона относится к группе прямоконечных крестов с изображением, исполненным врезными литыми линиями (I.1.2 по Г.Ф. Козухиной: Корзухина, Пескова. 2003. Таб.11, I.1.2/7). Створка второго энколпиона относится к крестам рельефно-черневым (III1.2 по Г.Ф. Козухиной; Корзухина, Пескова, 2003. Таб.59, III.1.2/3). Аналогичный крест известен в собрании Центрального музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева (Гнутова, Зотова, 2000. Кат. №4. С.23). Высокое качество исполнения энколпионов позволяет рассматривать их как изделия византийских мастеров или представителей киевской школы конца XII - начала XIII вв. Предшествующие находки энколпионов в Самарском регионы связаны с Березовским селищем (Алихова, 1960. С.204; Полубояринова, 1978. С.110-111).

Среди находок, обнаруженных при разборке слоя и не связанных с погребением, имеется фрагмент медного нательного креста (рис. 5, 3). Крест относится к типу крестов с трехлепестковыми криновидными концами. Сохранившиеся размеры - 1,8x1,6x0,2 см. Подобные кресты были широко распространены в древнерусских древностях XII-XV вв. Эта форма креста являлась наиболее популярной в XII-XIII вв. в Подмосковье (Беленькая, 1993. С.17). По мнению М.В. Седовой, аналогичные кресты, найденные в Новгороде, датируются началом XIV – началом XV в. (Седова, 1981. С.54. Рис.16, 13). Указывая на широкое распространение подобных крестиков в XIV-XV вв. в русских древностях, она отмечала, что «форма креста с криновидными лопастями известна и в более раннее время (например, искусстве Византии XI-XII вв.» (Седова, 1981. С.54).

Из культурного слоя раскопа I происходит немногим более 20 предметов. Часть предметов относятся к категории бытовых (ножи и их фрагменты, иглы, точильные камни), детали снаряжения коня (фрагмент рамки пряжки и язычок пряжки), ременная накладка в виде четырехлепестковой розетки (рис.5 – 4, 5, 7-11), обрезки медных пластинок. При снятии мужского костяка погр. 77 под левым коленом была найдена стеклянная желтая прозрачная битрапециоидная бусина (рис. 5, 6), скорее всего, это находка не связана с захоронением и попала туда случайно. Поперечное сечение бусины имеет круглую форму, продольное - биконическую, изготовлена она способом навивки, размеры: диаметр - 0,8 см, высота – 0,6 см, диаметр канала – 0,2 см. Изделие относится к типу бус (VII тип), широко распространенных на поволжских памятниках XIII-XIV вв. (Полубояринова, 1988. С.167. Рис.83, 11).

Особую группу находок составляют строительно-крепежные предметы: гвозди и скобы. Следует отметить, что в погребениях с гробовищами гвозди не были найдены. Все они происходят из слоя. Кованых железных гвоздей и их фрагментов найдено 7 экз. Они представлены Т-образной с круглой шляпкой и Г-образной формами с плоской квадратной шляпкой (рис. 4, 6-9). Следует подчеркнуть, что четыре находки из семи происходят с кв.25, один гвоздь - со смежного с ним кв. 8. Этот гвоздь Т-образной формы с квадратным в сечении стержнем и круглой шляпкой имеет крупные размеры - длина – 14,3 см, толщина стержня – 0,6x0,5 см, диаметр шляпки – 1,7 см (рис. 4, 7). Один гвоздь с кв.25, пл.2 имеет Г-образную форму с подквадратной шляпкой, изготовлен из квадратного в сечении стержня, он также имеет крупные размеры – длина 11,5 см, размеры шляпки -1,8x1,4 см (рис. 4, 9). С этого же участка происходят еще два гвоздя: гвоздь Т-образной квадратный в сечении с круглой в плане шляпкой длиной гвоздя - 6,5 см, диаметр шляпки – 2,0 см, толщина – 0,5 см (рис. 4, 8); у гвоздя Г-образной формы прямоугольного в сечении с отогнутой шляпкой, вероятно, обломан заостренный конец стержня (рис. 4, 6). Размеры последнего: длина 7,1 см, шляпка - 1,7x1,8 см, толщина стержня – 0,5 см. У двух гвоздей не сохранились шляпки, они изготовлены из квадратных в сечении стержней, гвоздь с кв.25, пл.2 имеет размеры: длина 7,3 см, толщина - 0,6 см.

Кроме гвоздей, на кв. 25 и 20, 22 (соседних с кв.25) и были найдены три кованые железные скобы крупных размеров, четвертая скоба была обнаружена при расчистке погр.120, как упоминалось выше. Все скобы относятся к одному типу – П-образной формы, спинка длинная, в трех случаях спинка прогнута, в одном - сильно изогнута. Они все изготовлены из прямоугольного в сечении стержня, концы заострены. Размеры - длина спинки – 21,5-23,4 см, ширина – 1,0 см, толщина стержня – 0,5-0,9 см, длина концов – от 3 до 6,1 см (рис. 4- 2-5).

Находки всех скоб и крупных гвоздей, так или иначе, связаны с кв. 25 и погр.120, скоба с кв.20, 22 и гвоздь с кв.18 найдены на границе с кв. 23, 25. Как уже отмечалось выше, можно предположить, что все находки этих строительно-крепежных предметов связаны со сгоревшей конструкцией, сооруженной над погр.120.

Керамика, происходящая с раскопа I, представлена немногочисленными экземплярами преимущественно в измельченном состоянии. Всего на раскопе I найдено 428 фрагментов керамики, из них – 189 фр. (44,2%) круговой ремесленной общезолотоордынской (рис.6 - 8-12), 239 фр. (55,8%) русской, имеющей в составе формовочной массы примеси дробленой дресвы и органики (рис.6 – 1-7). В настоящем разделе опускаем подробную характеристику керамической коллекции из-за ее малочисленности и невыразительности. Отметим, что на раскопе найдены два фрагмента керамики из беложгущейся глины. По форме абсолютно преобладают горшки. Найден один фрагмент днища сосуда с клеймом, вероятно, кольцевидной формы (рис.6- 4). Один фрагмент принадлежит сковороде – это фрагмент с прямым бортиком и округлой в сечении ручкой, плоским днищем (рис.6-7), венчик не сохранился.

Поселение. Раскоп II площадью 72 кв. м был исследован в поселенческой части памятника у подножия возвышенности, на которой располагается могильник. Он расположен на высоком волжском берегу, в 143 м к юго-западу от раскопа I, перепад высот между раскопами составлял 12 м. Мощность культурного слоя на раскопе составила 80-100 см.

Стратиграфически выделены следующие напластования: I – дерн, мощность до 6 см; II – слабо выраженный пахотный слой, представляет собой темно-серый гумусированный рыхлый легкий суглинок, переработавший верхнюю часть культурного слоя мощностью 12-15 см; III – темно-коричневый пестроцветный легкий суглинок с золисто-углистыми включениями мощностью от 18 см до 65 см в сооружениях. В этом слое

при его сравнительной однородности по структуре на разных частях раскопа имеются включения, которые придают ему некоторые особенности. Так, на северной стенке отмечены включения обожженной глины, глиняной обмазки, сажи, углей, золы. На западной стенке фиксируются песчаные включения, на кв.7, 10. На северной половине кв. 1 – сажисто-золистое заполнение; IV – темно-серый легкий суглинок с углисто-сажистыми включениями, придающими почти черный цвет почве, мощность - 18-40 см. Слой содержит мелкие известняковые камни и кремень; V – серо-коричневый мелкоструктурный пылевидный суглинок, с редкими находки в основном в верхней части, практически это погребенная почва для золотоордынского слоя, но в этом слое представлены материалы эпохи бронзы; VI – темно-серый пестроцветный легкий суглинок с углисто-сажистыми включениями, мощность – 10-20 см; Слой содержит большое количество мелких известняковых камней и кремней; представлены материалы эпохи бронзы. VII – материк, представляет собой каменистый коренной берег р.Волги, образованный известняковыми отложениями.

Кроме основных слоев, фиксируются прослойки, связанные с особенностями конструкций и объектов на конкретных участках - темно-серый слабо гумусированный рыхлый суглинок, мощность – 10-20 см - с большим количеством мелких известняковых камней и кремней. Еще одна прослойка связана с развалами глинобитных конструкций - подов печей. На плане и в профилях стенок она прослеживается в виде скоплений глинистой обожженной массы в слое серо-коричневого легкого суглинка с золистыми включениями, мощность от 10 см до 60 см в сооружениях. Линзы темно-серого слабо гумусированного рыхлого суглинка мощностью 18-30 см отмечаются в придонной части сооружений.

На исследованном участке поселения прослеживались следы сгоревших наземных сооружений, какие-либо четкие конструктивные особенности их не фиксировались.

В северной части раскопа исследованы развалы подов трех глинобитных печей. Фрагменты глинобитной конструкции находились в слое серо-коричневого суглинка с золисто-углистыми включениями. Глинистая масса (печина) образовывала скопления округлой или овальной формы размером соответственно для пода печи 1 - 275х175 см, для пода печи 2 - 150х170 см, для пода печи 3 - 120х160 см (рис.7-1). В процессе расчистки двух первых объектов была установлена их мощность - 5-7 см. Проследить каких-либо элементов конструкции самой печи было невозможно из-за полного разрушения объекта. Особенностью третьего объекта явилось наличие подпечной ямы, вошедшей в раскоп 2009 г. только наполовину. После расчистки соор. 3 в профиле стенки на кв. 16 была установлена мощность пода печи – до 30 см (рис.7-2). В заполнении фиксировались угольки, зола, куски глины.

Кроме этого объекта были исследованы еще три сооружения. Соор.1 представляло собой слабо углубленную округлую в плане яму, с прямыми стенками, ровным плоским дном. В верхней части были обнаружены фрагменты коррозированного железного цилиндрического замка, немного керамики. Соор. 2 и 4 частично вошли в раскоп и, скорее всего, являлись постройками для хозяйственных целей. У юго-восточного соор.2, вошедшего в раскоп 2009 г., выявились дв большие столбовые ямки. Заполнение соор.4, со щее из серо-коричневого легкого суглинка мощно около 70 см, отличалось золистыми включения нем прослеживалось скопление золы и линза те серого сажистого слоя.

В процессе раскопок было обнаружено значит ное количество как массовых, так и индивидуал находок. Всего из II раскопа происходит 114 инд дуальных находок. Большинство находок предст ны бытовыми предметами, орудиями повседнев труда, ремесленными инструментарием, украш единичны, много предметов во фрагментирова состоянии.

Среди предметов из железа преобладают но гвозди – их найдено соответственно 13 экз. и 15 Кованые железные ножи относятся к типу универс ных бытовых ножей, которые могли использовать как рабочий инструмент. У всех наиболее полно со нившихся изделий спинка прямая, переход от че ка к лезвию с уступчиком, лезвия сточены. Разм разные, встречаются крупные - общая длина - 9,3 см (рис. 8, 14, 16), имеется миниатюрный нож об длиной 4,7 см. Железный ограничитель ножа и листовидную форму с треугольной прорезью в с ней части, размеры – 2,0х 0,7х0,1 см (рис. 8, 9).

Кованые железные гвозди представлены Г Т-образными формами (рис. 8, 12-14), изготовле ми из стержней квадратного или прямоугольног чения небольших размеров - длина стержней 3, см, шляпка овальной формы имеет размеры 2,3х1, тол-щиной стержней 0,5 см. Все они являются с дартными гвоздями широкого применения. Из кре ных приспособлений найдена одна железная двуд ная скоба, длина пластинки – 4,4 см, ширина – 0, длина сохранившегося шипа - 2,1 см, второй шип ломан (рис. 8, 15).

Среди предметов повседневного быта и инс ментов ремесленника обнаружен фрагмент желе го шила из стержня ромбического сечения, его об длина 3,7 см, ширина 0,6 см (рис. 8, 6). Пробо (рис. 8, 7) представляет собой квадратный в сеч стержень (0,7х0,7 см) с заостренным концом, вы на шляпка, длина пробойника – 8,1 см.

Из четырех замков два представлены в обгорев и сильно коррозированном виде, два во фрагме ном состоянии. Замки (рис.8, 1-3) относятся к ци дрическим замкам типа AI_1, AI_4 по классифик материалов Болгара (Савченкова, 1996. С.41-42), соотносится с новогородской классификацией - BI, Г, размеры – длина корпуса 5,6-5,9 см, диа – 1,7-2,5 см. Судя по сохранившейся части кор диаметры цилиндров фрагментарно представле замков также не превышали 2,5 см. Датируются изделия в пределах XII -XIV вв.

Железное ушко котла (?) для крепления ручки и подтреугольную форму с расходящимися расплю ными концами в основании (рис. 8, 8), изготовле квадратного в сечении прута (толщина 0, 5 см), ра ры: высота – 3,9 см, ширина – 3, 3 см.

На раскопе найдено два целых железных реме кольца, они изготовлены из круглого в сечении ст ня, диаметры колец 2,2-2,5 см, диаметры стерж

0,6 см (рис. 8, 19-20). Из предметов снаряжения всника и коня встречены ременные накладки. Две сильно коррозированные накладки имеют прямоугольную форму с одним округлым краем, размеры: длина - 2,1-4,5 см, ширина – 0,9-1,5 см, толщина – 0,2-0,3 см (рис. 8, 5, 11). Ромбовидный щиток второй накладки имеет фигурное обрамление, с обратной стороны – штифт, размеры – длина 1,3 см. ширина – 1.0 см (рис.8, 10). Прямоугольный щиток накладки из соор.2 имеет фигурное обрамление и с обратной стороны довольно крупные штифты (рис.8, 4), размеры – длина 3,3 см, ширина – 1,2 см.

Встречены также фрагменты рыболовных крючков, различные пластины, обломки ножей, гвоздей и др.

Изделия из бронзы представлены фрагментом зеркала, небольшими фрагментами сосудов, пластин, неопределимых предметов. Фрагмент зеркала (рис.9, 1) сильно коррозирован, диаметр его около 6 см, в центре – петелька, на внешней поверхности по краю идет валикообразный бортик, позволяющий отнести зеркало к изделиям отдела В по типологии Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996. С.223). Из-за сильной коррозии орнамент на поверхности не сохранился, что не позволяет определить тип зеркала.

Костяные изделия представлены семью предметами. Фрагмент костяной рукояти (рис.9, 5) сохранилна длину 3,5 см, ширину 0,8 см, толщина 0,7 см. Поверхность покрыта циркульным орнаментом и рядами горизонтальными и диагональными линий.

Ограничитель (муфта) ножа листовидной формы с треугольной прорезью имеет размеры 1,9 х1,6 х 0,7 см (рис.9, 6). Два затыльника рукоятей (рис. 9-7, 8) относятся к одному типу изделий (тип II, по И.А. Закировой, 1988. С.222, 224, рис.97, 9, 13): овальная пластина с двумя небольшими отверстиями. Размеры: длина 2,4-2,9 см, ширина – 1,6-2,8 см, толщина - 0,6 см, диаметр отверстий – 0,2-0,3 см. Второй затыльник имеет рифление по лицевой поверхности по линии отверстий. Пуговица с одним отверстием из соор.2, побывавшая в огне, имеет круглую форму в плане, сегментозидное сечение с валиком вокруг отверстия (тип II А по И.А. Закировой, 1988. С.231-232, рис.102, 10), по внешней поверхности по краю нанесены четыре группы насечек (рис. 9, 4). Диаметр - 2,7 см, диаметр отверстия - 0,5 см, высота 0,8 см.

Среди находок - астрагал и альчик с отверстиями (рис. 9-15, 16). Кроме изделий из кости, найден фрагрога лося со следами срезов.

Украшения представлены фрагментом стеклянного перстня с небольшим овальным щитком и рифленой поверхностью (рис. 9-3). Внешний диаметр перстня – 2,3 см. внутренний диаметр – 1,5 см, щиток имел размеры – 1,0х0,5 см. Перстень изготовлен из непрозрачного стекла желтого цвета, сверху покрыт патиной. Аналогичные перстни найдены в Болгаре (Полубоярцева, 1987. С.194, рис.87, 1). Обнаружена раковина каури, которая использовалась в качестве украшения (рис. 9-2).

Каменные предметы представлены точильными камнями разных размеров. Два сланцевых точила имеют размеры - 5,0х3,0х0,5 см 7,5х2,6х0,6 см. Для шести экземпляров точильных камней использовался мелкозернистый песчаник коричневатого цвета. Все эти точила из мелкозернистого песчаника имеют неправильную четырехугольную в плане форму и разные размеры - от 5,0х4,2х2,3 см до 10,6х9,2х4,9 см, они предназначались, вероятно, для заточки крупных железных предметов.

На раскопе найдено 13 глиняных напрясел, семь из них изготовлены из стенок сосудов, размеры напрясел: диаметр - 2,4-4,0 см, диаметр канала – 0,6-0,9 см, ширина - 0,6-1,3 см (рис. 9-11, 12, 14). Шесть напрясел относятся к типу уплощенно-овальных и овальных в сечении (рис. 9-9, 10, 13), размеры напрясел: диаметр - 2,2-4,0 см, диаметр канала – 0,6-0,9 см, ширина - 0,6-0,9 см.

Кроме описанных выше находок, из слоя раскопа II происходит серебряный дирхем, и вислая свинцовая печать из случайных находок на поселении, о которых будет сказано ниже (рис. 9-17, 19).

На раскопе II найдено довольно много массовых находок. Всего на раскопе насчитывается 4027 костей животных, птиц, рыб. Особенностью является наличие многочисленных костей свиньи и рыб, в том числе осетровых крупных размеров. Определения костей выполнялись палеозоологом, к.б.н. В.В. Гасилиным (ИЭРиЖ УрО РАН, г.Екатеринбург). Собрано 926 кусков глиняной обмазки, 37 кусков железного шлака, 4 крицы. Повсеместно встречались угли, много кусков бересты.

Всего на раскопе II найдено 9574 фрагментов керамики, из них 2344 фр. (24,5%) - круговая красноглиняная керамика ремесленного производства, 7230 (75,6%) - древнерусская. При разборке массового материала был обнаружен один маленький фрагмент (1,3х1,4х0,6 см) поливной керамики. Черепок коричневый, покрыт желтой глазурью, форма не восстанавливается.

Поскольку керамической коллекции поселения предполагается посвятить отдельное исследование, в настоящей работе кратко остановимся на общей характеристике керамики.

При обработке массовой круговой керамики учитывался цвет поверхности и в изломе черепка, обработка поверхности, примеси в составе формовочной массы определялись визуально. Круговая керамика представлена 2344 фрагментами. Она изготовлена из ожелезненной глины, после термической обработки керамика приобрела красноватые и коричневатые оттенки, единичны фрагменты бурого и серого цвета, выделена группа пережженной керамики, иногда до ошлакованного состояния, которая не имеет определенного цвета. В группе круговой керамики выделено небольшое количество условно «запесоченной» керамики. В составе ее формовочной массы даже визуально фиксируются примеси дресвы и песка. Более определенно об искусственном характере этих добавок к глине можно будет говорить только после проведения технико-технологического анализа. Но поверхность черепка шероховата на ощупь, несмотря на лощение, тогда как основная группа имеет более гладкую поверхность. Большая часть керамики покрыта лощением, хотя лощение не всегда производилось до блеска, характерного, например, для керамики домонгольского времени волжских болгар, почти вся посуда имеет матовый оттенок. В группе «запесоченной» керамики больше нелощеной керамики. Различия в формах и декоре с основной группой на полученном материале не про-

слеживаются. Много керамики заизвесткованной.

Вся круговая керамика распределена следующим образом: красная - 1007 фр. (41,3%), коричневая - 968 фр. (40,7%), бурая и серая - 6 фр. (0,2%), запесоченная керамика - 127 фр. (4,8%), в том числе красная - 12 фр., бурая и черная - 18 фр., коричневая - 97 фр., пережженных фрагментов было 250 фр. (13,0%).

По венчикам, сравнительно крупным другим частям сосудов удалось определить формы всего 89 сосудов. Керамика представлена в основном небольшими фрагментами, и следует отметить, что они принадлежат преимущественно крупным сосудам типа корчаг, кувшинов. Среди керамики выделяются фрагменты крупных корчаг (рис. 10, 1) с массивными венчиками и рельефно-выпуклыми утолщениями на шейках, орнаментированные по плечикам и середине тулова горизонтальными прочерченными линиями в сочетании с волнистыми или арочными линиями и отпечатками зубчатого штампа, а также рельефными валиками в средней части середине тулова.

В небольшом количестве встречаются горшковидные сосуды и небольшие кувшины и кринки. Наиболее многочисленны кувшины, в том числе крупных размеров (рис.10, 2). Круговая керамика обнаруживает сходство с неполивной керамикой синхронных поселений Самарской Луки (Муранское, Березовское селища, Междуреченское городище и др.), а также поволжских городов Золотой Орды (Хлебникова, 1988; Михальченко, 1973; Федоров-Давыдов, 2001).

Всего в материалах раскопа представлено 377 фрагментов орнаментированной керамики, причем по большинству фрагментов восстановить композицию декора сложно в силу их фрагментарности. Несмотря на небольшой в целом процент орнаментированной керамики, орнамент достаточно разнообразен и наносился на разные части сосудов – на венчики, плечики, среднюю часть тулова (рис. 10, 2, 3, 5-10, 12), в основном это горизонтальные и волнистые прочерченные линии и отпечатки зубчатого штампа.

В материалах Малорязанского II селища преобладает группа керамики, которая по технологическим и морфологическим признакам, прежде всего, особенностям оформления края венчика, и декору определяется как русская (древнерусская). Она сформована на гончарном круге с использованием приемов скульптурной лепки и спирально-жгутового налепа, как установлено И.Н. Васильевой при технико-технологическом анализе. Всего такой керамики найдено 7230 фрагментов, что составляет 75,9% находок керамики на раскопе.

Эта керамика изготовлена из ожелезненной глины, на раскопе найдено 11 фрагментов из беложгущихся глин. Абсолютное большинство керамики имеет в составе формовочной массы примеси крупно дробленой дресвы, песка, фиксируется наличие органики (выжимка навоза животных). Черепок плотный, поверхность иногда шероховатая, цвет поверхности - от светло-коричневого до бурого, темно-серого и черного, в изломах прослеживается аналогичная картина, встречаются трехслойные и однородные. Термическая обработка проводилась в закрытом устройстве в окислительной и окислительно-восстановительной среде, что и повлияло на цветовую гамму керамики. Обжиг был не всегда равномерным (например, различаются внутренняя и внешняя поверхность). Орнамент встречен на 430 фрагментах и представлен разны видами рифления по тулову, волнистыми линиями их сочетаниями (рис.11, 1, 2, 5-7, 10; 12, 5-7). Дни плоские, имеется подсыпка на днищах, иногда кр но дробленой дресвы. Обнаружено четыре клейма фрагментах днищ, слабо рельефные, сохранились стично, но изображения определяются: это вписанн в круг крестовидные изображения и розетка (рис. 10-12). Подобные клейма были широко распростра ны на древнерусской керамике, особенно в домонго ский период (Монгайт,1955. С.109-110. рис.80, 8(но встречаются и в золотоордынский период (Гриб 2001. С.41, рис.1).

Целых сосудов не найдено, несколько сосудов конструируется практически полностью (рис.12, 2, Преобладающая форма – горшковидные сосуды. С по верхним частям сосудов, преимущественно пр ставлены горшки с короткой отогнутой наружу ш кой с краем венчика, имеющим заворот внутрь (рис 1, 2, 4, 8). Имеются венчики с плоско или фигурно с занным краем. По размерам преобладают горшк диаметром по венчику от 16 до 18 см. Диаметры дн - от 10 до 14 см. Тулово сосудов в основном округ пропорций, но встречаются и сосуды более низких п порций, ближе к мискообразным (рис.12, 5, 9). Ино сосуды имели более крупные размеры и сравнител вытянутые пропорции (рис.11, 4). Встречаются го ки слабопрофилированные или с невыделенной ш кой (рис.12, 7-8). Кроме горшков, на раскопе I найд сковорода (рис.6, 7).

В Поволжье данную керамику Т.А.Хлебникова делила в XIV группу (Хлебникова, 1986. С.31, 33- по форме она сопоставима с древнерусской посу Аналогичная керамика в Среднем Поволжье извес на поселениях золотоордынского времени с комп ным проживанием русского населения – Березов селище, Печерские выселки (Полубояринова, 1 С.1-2-116), Междуреченское городище (Василь 1995), а также в городе Болгаре (Полубояринова, 1 и др. Изучение морфологии русского керамиче го комплекса собственно Малорязанского II сели а также сравнение ее с предшествующей и синх ной керамикой русских земель еще не завершено самый общий взгляд по ряду морфологических п знаков достаточно много параллелей наблюдает керамических комплексах этого же периода в Рос ской земле (Кадиева, 2004, С.516-528), города Вл мира (Кадиева, 2003. С.315-338), Нижегородского (Грибов, 2006. С.230-232, 233-234), аналогии отд ным фрагментам можно найти и на многих других ских памятниках. Такое сравнительно-сопоставит ное исследование поможет определить направл миграционных потоков населения после монгольс нашествия. В рамках этого исследования И.Н. В льевой (к.и.н., с.н.с. Института истории и археол Поволжья) был проведен технико-технологичес анализ 100 фрагментов керамики из раскопа II. чение технологии изготовления глиняной посуды селением Малорязанского II селища и сравнени с традициями гончарства керамики ряда памятн русских земель позволили выявить близость к кер ке Северо-Восточной Руси (Васильева, в печати).

Полученный материал при раскопках памятни целом является типичным для золотоордынского п

ода восточноевропейского средневековья и содержит
о выразительных изделий для датирования поселе-

Основную массу находок составляют предметы, имеющие широкую датировку в рамках второй половины XIII-XIV в., или даже XII-XIV вв. Известно, что очень много металлических предметов, среди которых немало монет, было вынуто из культурного слоя копателями с металлодетектором, к сожалению, они утрачены для исследования и в частных коллекция депаспартизованы.

Для датирования поселения важное значение имеет находка монеты в слое раскопа II. По определению А.В. Пачкалова, это - анонимный серебряный дирхем (рис.9-17, 18) чекан Сарая 686 г.х. (1287-1288 гг.) (Сингатуллина, 2003. С.123, 152. №229). С датой монеты согласуется период бытования свинцовой вислой печати, которая происходит из случайных находок на поселении (рис.9, 19). Изображение на фрагменте печати сохранилось частично, но достаточно для того, чтобы ее атрибутировать. На лицевой стороне изображение святого всадника с мечом у плеча, повернутым вправо, голова коня частично срезана, но четко читается грива, на оборотной стороне - изображение Вседержителя на престоле, правая рука срезана. Диаметр 27 мм. Наиболее близка нашему экземпляру печать Дмитрия Александровича (1276-1281, 1283-1294 гг.) из Новгорода, опубликованная В.Л.Яниным и П.Г.Гайдуковым по сборов 1998-1999 гг. (Янин, Гайдуков. 2000. Рис. 38. №385б).

Таким образом, русский поселок на южном берегу Волгу на Самарской Луке существовал уже в последней четверти XIII в. Прекращение его существования, скорее всего, следует связать с периодом «Великой замятни» 1360-х гг. в Золотой Орде. Время функционирования могильника соотносится со временем существования поселения, на костяках ряда погребенных имеются следы травм, в том числе от рубящего и ударного оружия.

Материалы, полученные при раскопках Малорязанского II селища, позволяют охарактеризовать его как торгово-ремесленный поселок с преимущественно русским населением, насильственно перемещенным монгольской администрацией на Самарскую Луку для обеспечения нужд золотоордынского государства, включая обслуживание Великого Волжского пути и осуществления рыбного промысла. Исследования памятника только начаты, но публикация предварительных результатов исследований имеет значение для понимания проблем освоения Самарской Луки после монгольского нашествия и места поселения в системе золотоордынских памятников Самарского Поволжья в целом. Малорязанское II селище не единственне поселение такого рода на Самарской Луке, материалы разведочных исследований, в том числе последних лет, свидетельствуют о наличии нескольких крупных населенных пунктов по южному берегу Волги (Брусяны, Лбище - Новый Путь, Усинское). Продолжение исследований позволит глубже изучить основные проблемы истории региона во второй половине XIII-XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А. Е. Русский поселок XIII-XIV веков у села Березовка // МИА, № 80. М. , 1960.

Беленькая Д.А. Медная пластика городов Московской Руси (XIII-XV вв.) // КСИА. Вып.208. 1993.

Васильева И. Н. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища // Краеведческие записки. Вып.VII. Самара, 1995.

Васильева И. Н. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII-XIV века Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель (в печати).

Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV вв.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI - начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: [Альбом]. М., 2000.

Грибов Н.Н. Гончарные клейма селища Ближне Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2001.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып.10. Нижний Новгород, 2006.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г.Владимира конца XII-XIII века (по материалам раскопок 1993-1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.

Кадиева Е.К. Поздняя древнерусская круговая керамика XIII-XIV века Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002-03 гг.) // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2003 г. Ростов, 2004.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X-XIII вв. С.-Пб., 2003.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследования Малорязанского II селища на Самарской Луке // Археологические открытия 2007 года. М., 2010.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской Луки // Краеведческие записки. Вып.XII. Самара, 2012.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009-2010 гг. Волгоград, 2011.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья// СА, 1973, №3.

Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. №49. 1955.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. Казань, 1996.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. М., 2004.

Поливанов В.Н. Муранский могильник. Казань, 1893.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.. 1978.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1987.

Полубояринова М.Д. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М., 1992.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. Казань, 1996.

Савченкова Л.Л. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.) М., 1981.

Седова М.В. Суздаль в X – XV веках. М., 1997.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань, 2003.

Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. 1988.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998-1999 гг. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород, 2000. // http://russianchange.narod.ru/sfr/1998/s98c.html.

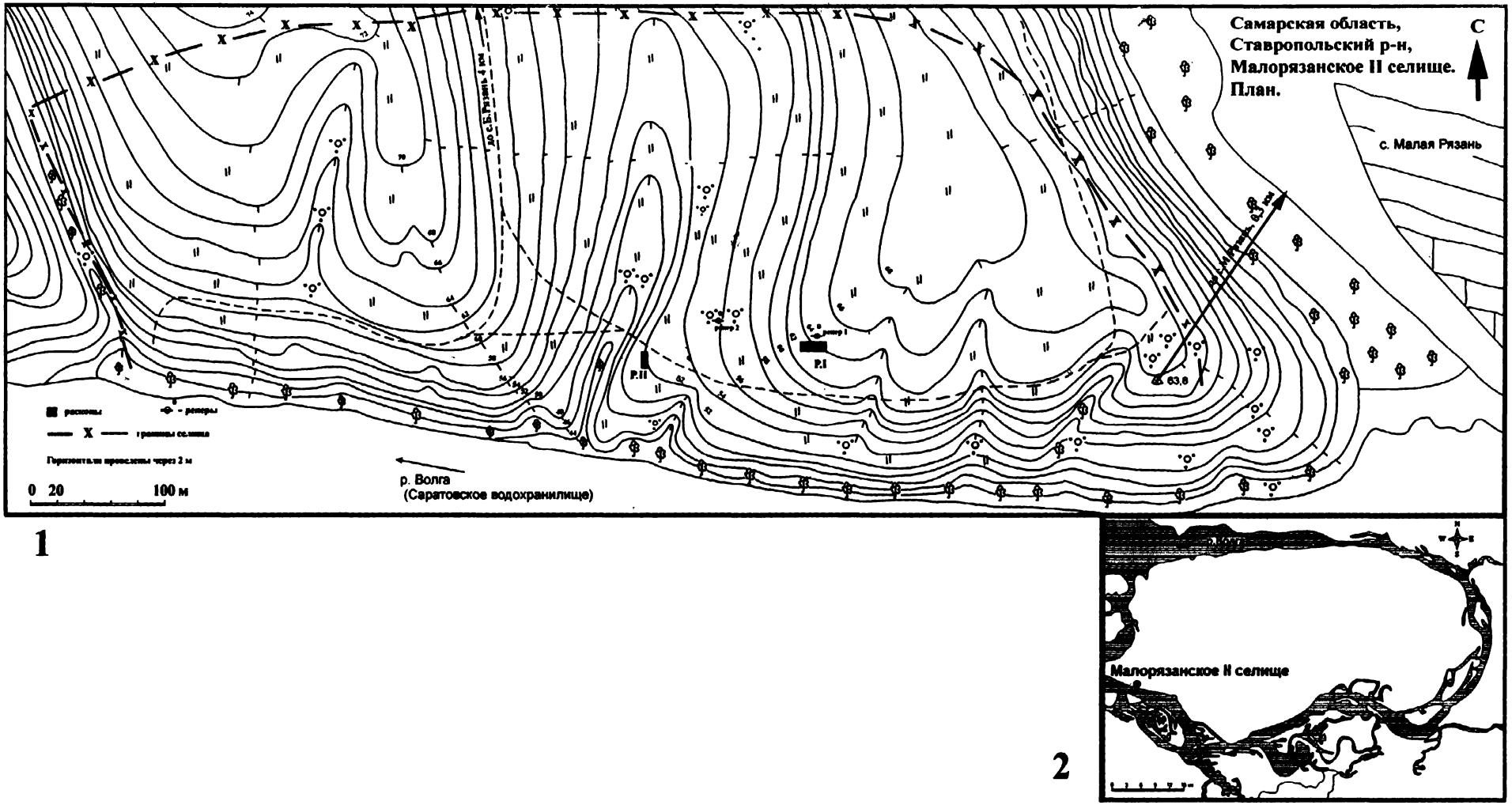


Рис. 1. Малорязанское II селище.
А - план памятника; Б - ситуационный план на карте Самарской Луки.

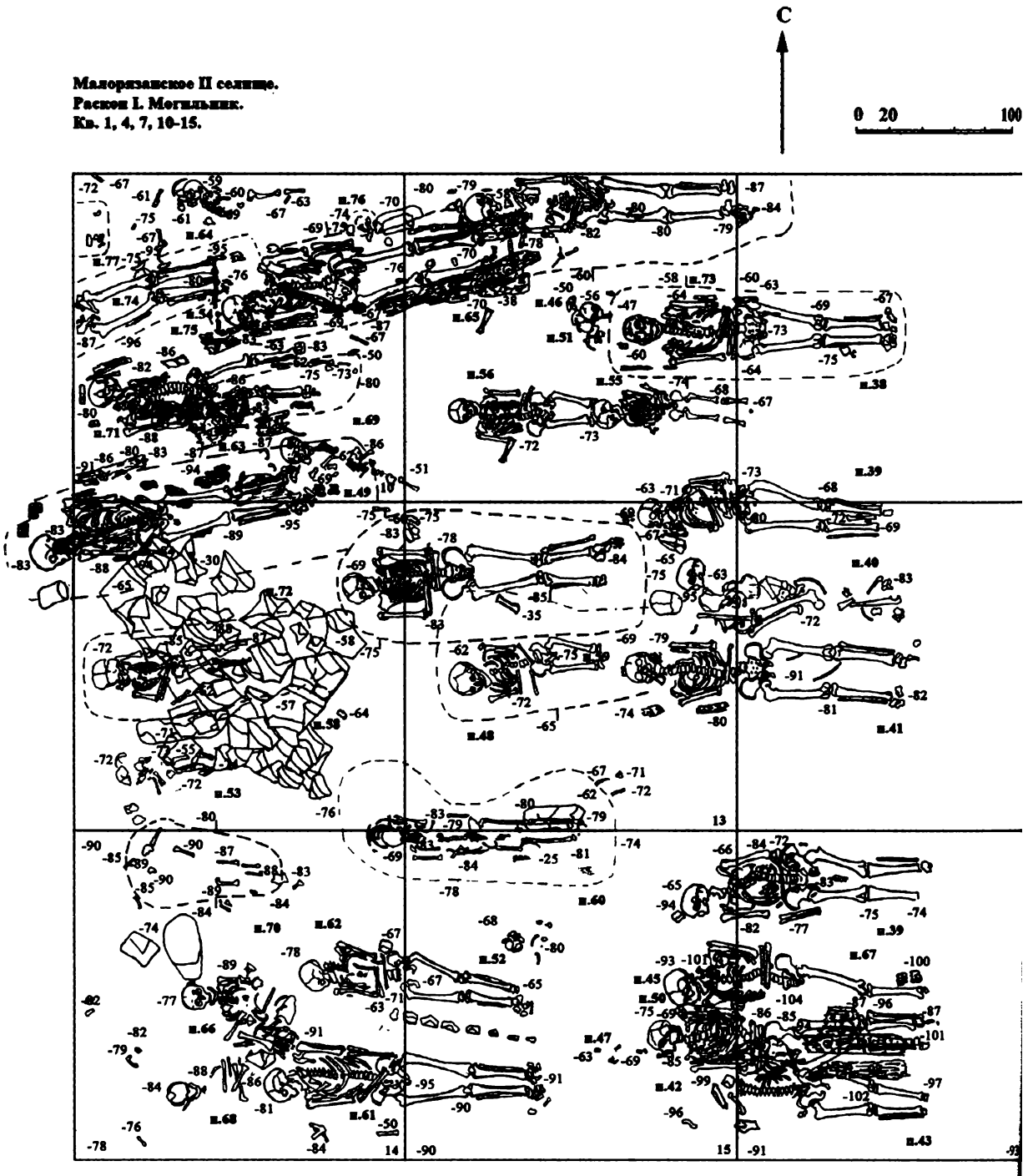


Рис. 2. Могильник. План раскопа I (2009 г.).

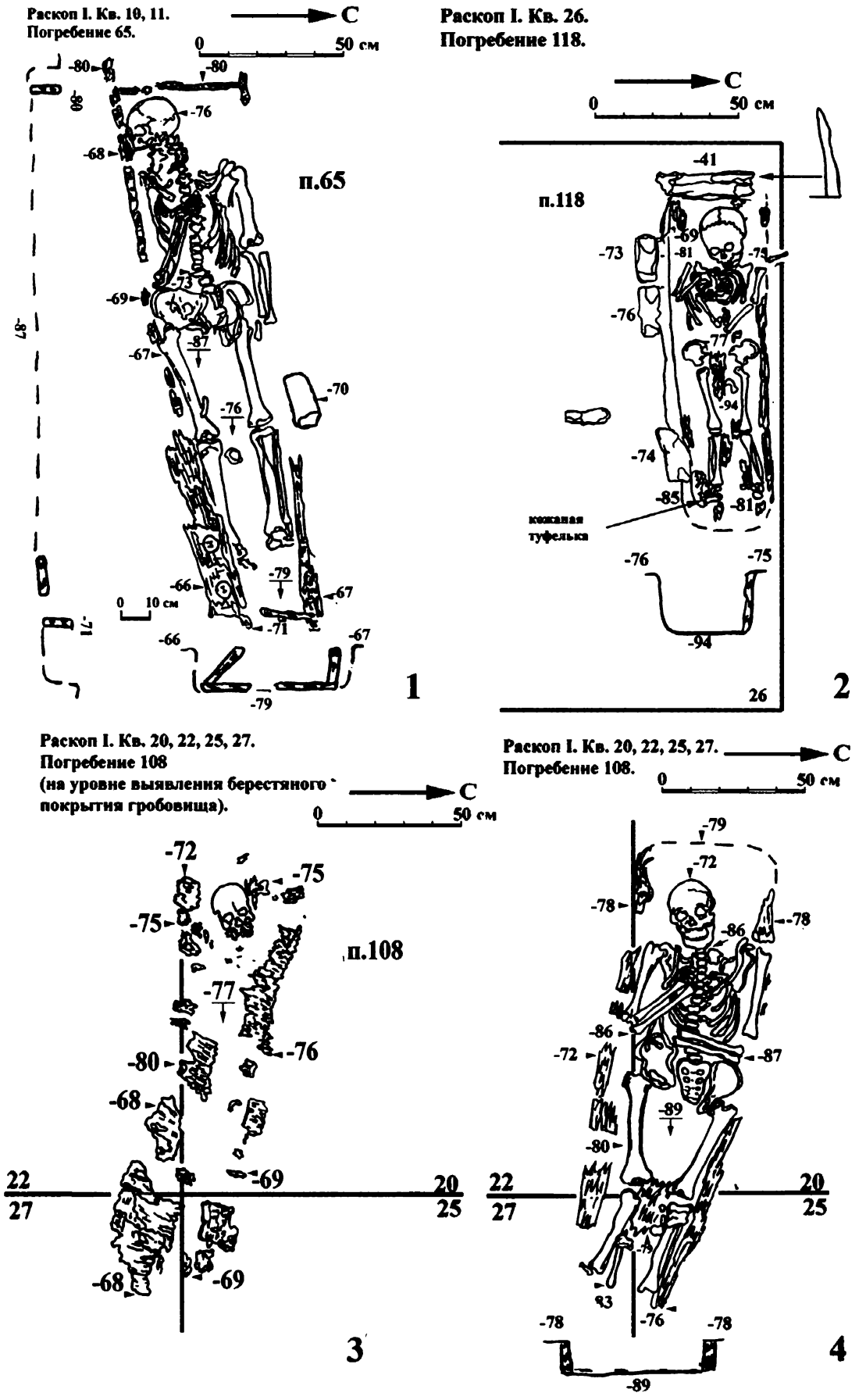


Рис. 3. Планы погребений: 1 - погр.65; 2 - погр. 118; 3 - погр.108 на уровне выявления берестяного покрытия гробовища; 4 – погр.108.

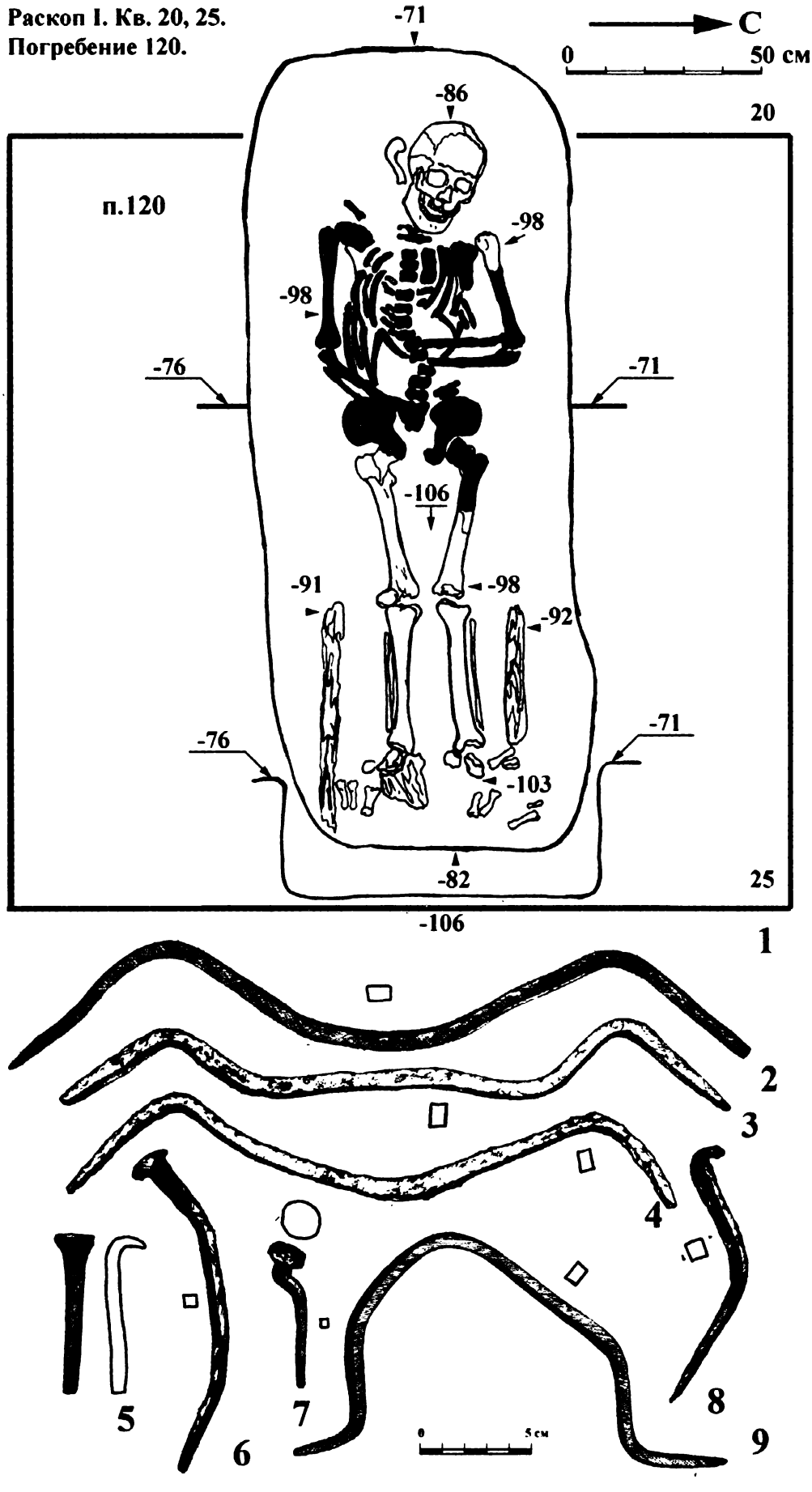


Рис. 4. 1 - план погребения 120; 2-9 – находки крепежных приспособлений, приуроченных к по 2-4, 9 - скобы; 5-8 - гвозди. Железо.

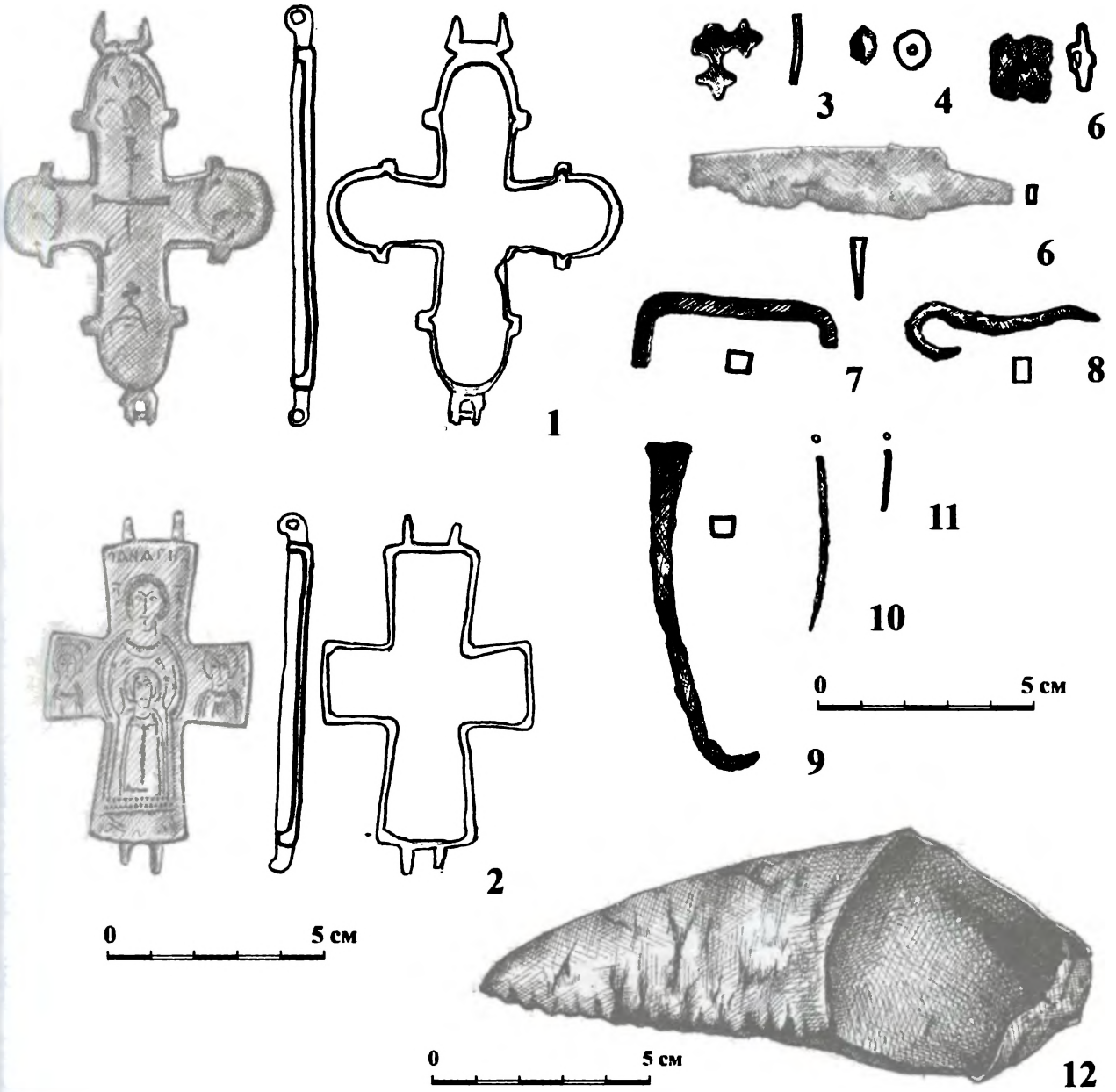


Рис. 5. **Раскоп I. Индивидуальные находки:**
1-2 – энколпионы, погр.11; 3 – фрагмент нательного креста; 4 – нож; 5 – фрагмент пряжки; 6 – бусина; 7 - накладка, 8 – язычок пряжки, 9 – гвоздь; 10-11– фрагменты игл; 12 – туфелька (после реставрации). 1-2 – бронза; 3 – медь; 4, 5, 7-11 – железо; 6 – стекло; 12 – кожа.

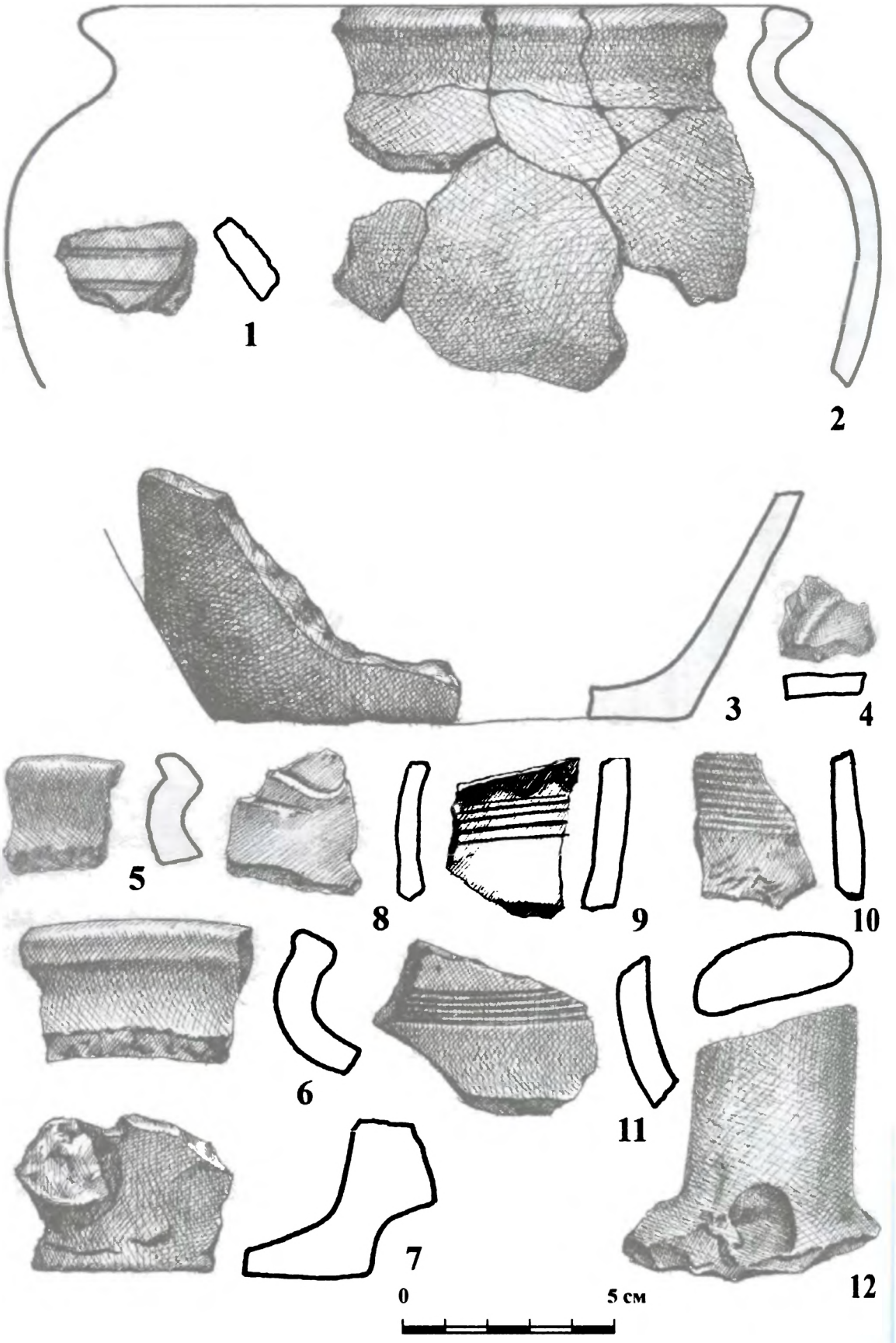


Рис.6. Раскоп I. Русская керамика: 1 - орнаментированная стенка; 2, 5, 6 – венчики горшков; 3 – фрагмент дища; 4 – фрагмент днища с клеймом; 7 – фрагмент сковороды. Круговая керам ка: 8-11 – орнаментированные стенки сосудов; 12 – ручка с вдавлением.

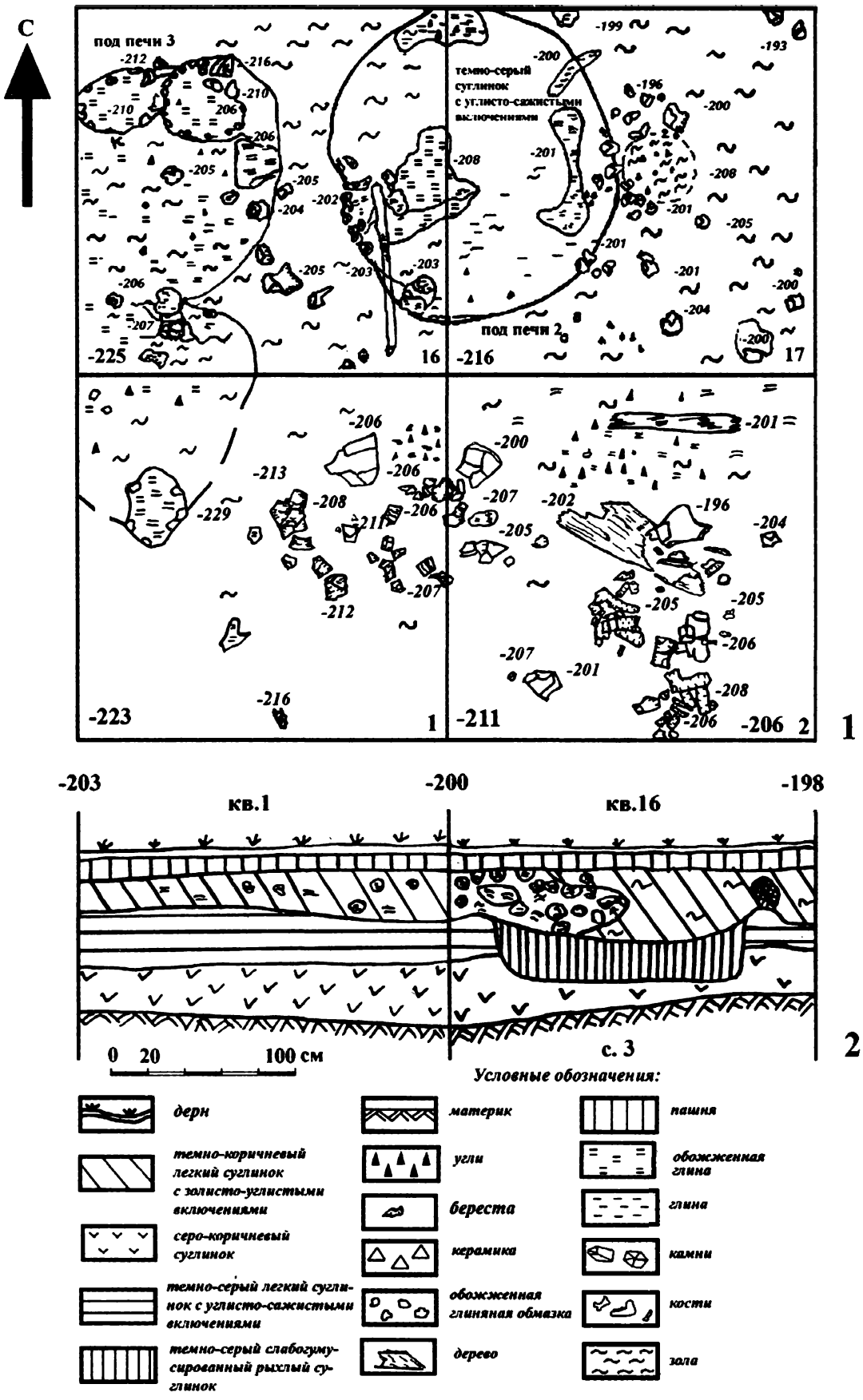


Рис.7. Раскоп II. План участка раскопа с остатками развалов глинобитных подов печей и наземного сооружения.

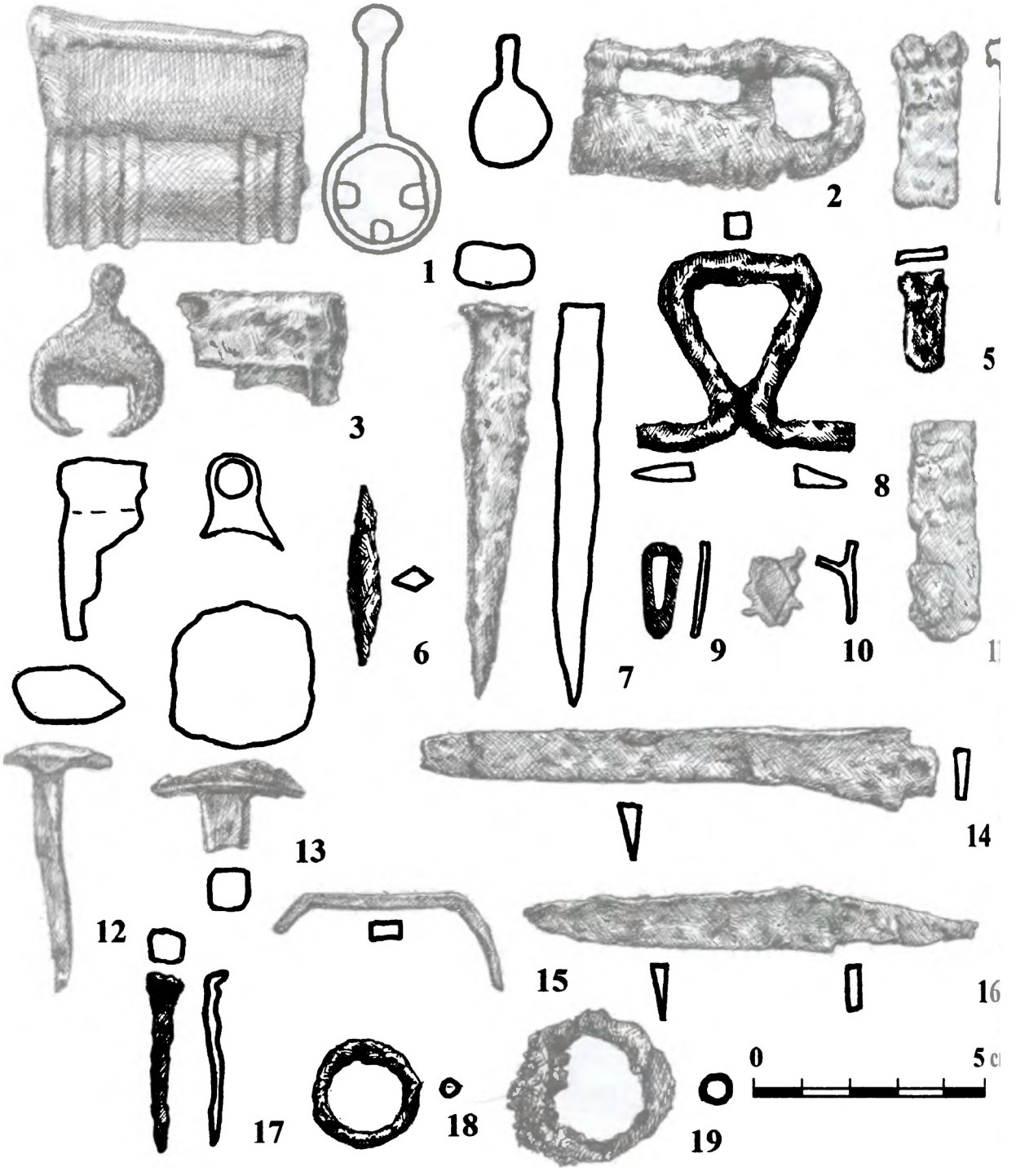


Рис. 8. Малорязанское II селище. Раскоп II. Железные предметы.
1-3 – замки и фрагменты замков; 4, 5, 10, 11 – накладки ременные; 6 – шило; 7 – пробойник; 8 – петл
9 – фрагмент пряжки; 12-14 – гвозди; 15-16 – ножи; 17 – затыльник; 19 – скоба; 19. 20 – кольца.

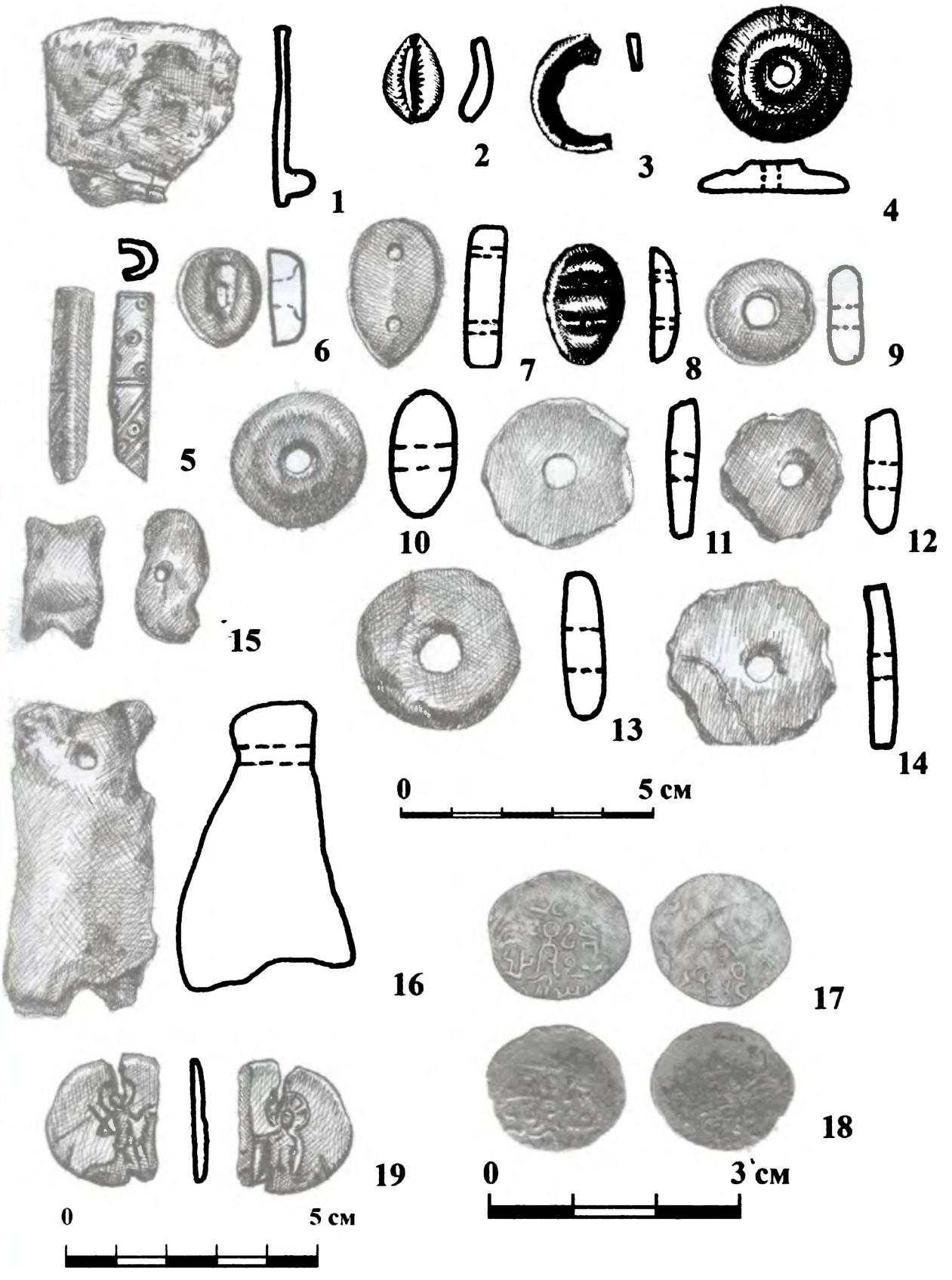


Рис. 9. Малорязанское II селище. Раскоп II. Индивидуальные находки. 1 – фрагмент зеркала; 2 – раковина каури; 3 – фрагмент перстня; 4 – пуговица; 5 – фрагмент рукояти; 6 – ограничитель (муфта); 7-8 – затыльники; 9-14 – напрясла и фрагменты напрясел из стенок сосудов; 15-16 – астрагал и альчик с отверстиями; 17, 18 – дирхем (рисунок и фото), 19 – печать (подъемный материал).
1 – бронза; 2 – раковина; 3 – стекло; 4-8, 15-16 – кость; 9-14 – глина; 17, 18 – серебро; 19 – свинец.

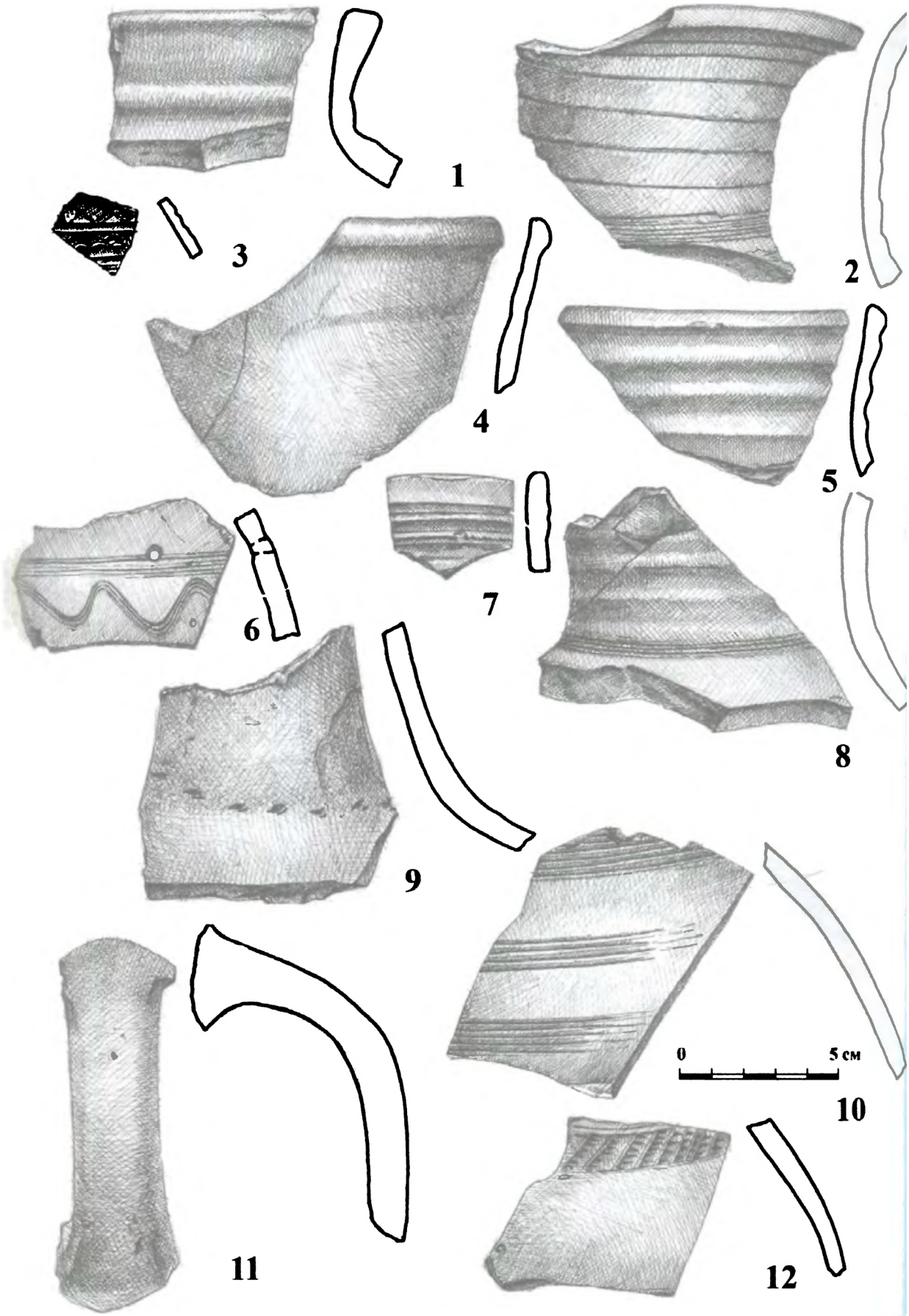


Рис. 10. Малорязанское II селище. Раскоп II. 1-12 - круговая керамика.

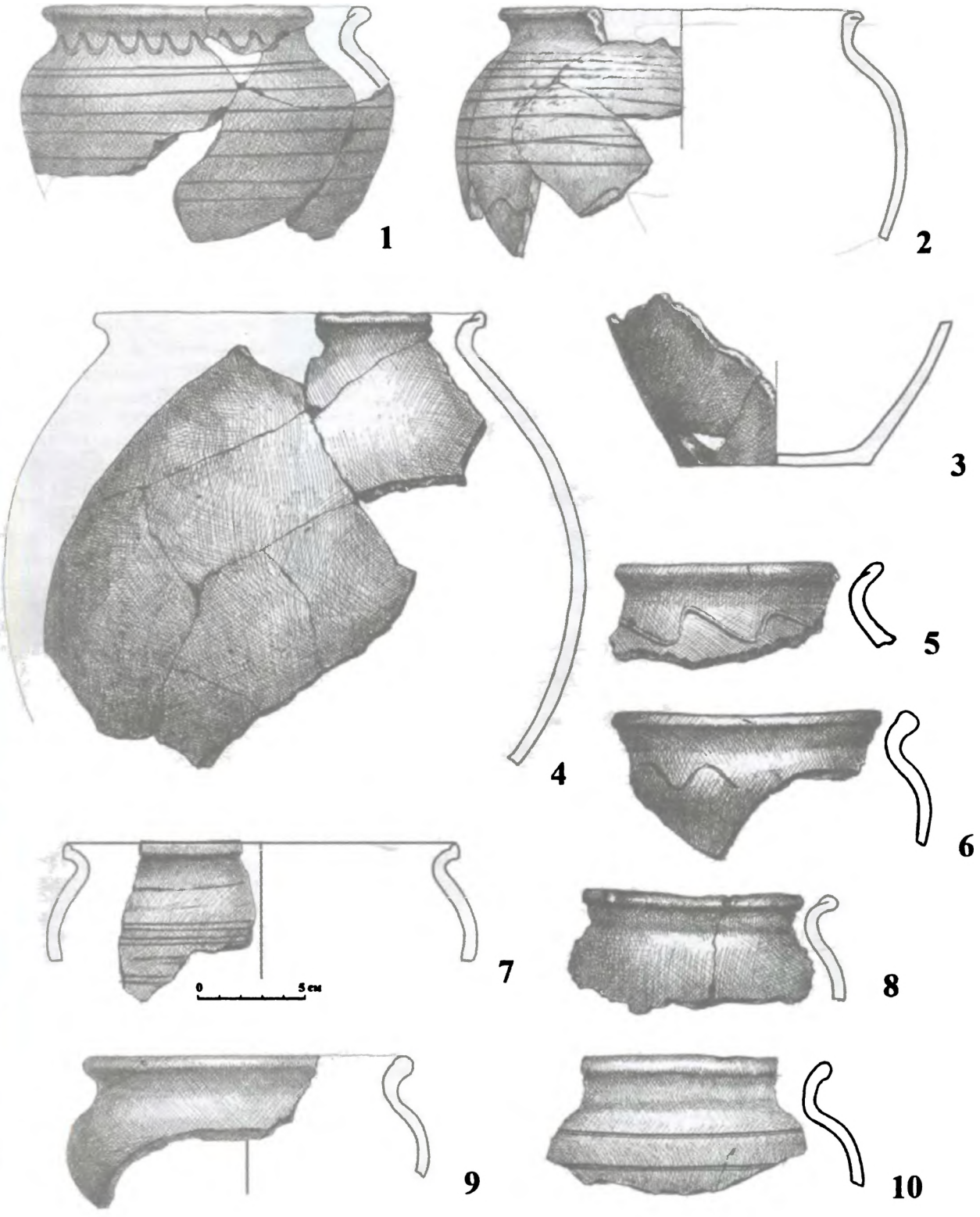


Рис. 11. Малорязанское II селище. Раскоп II. 1-10 - русская керамика.

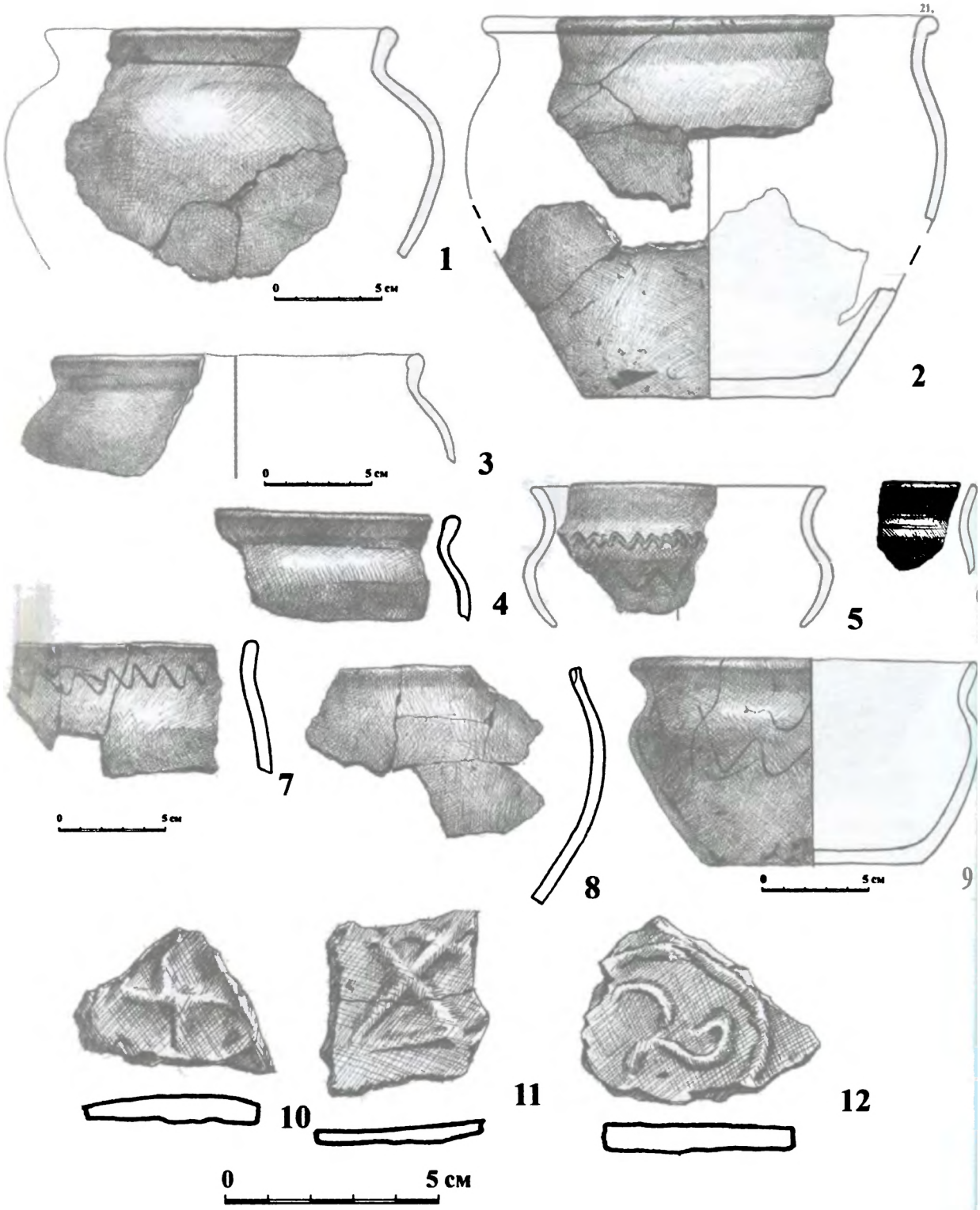


Рис. 12. Малорязанское II селище. Раскоп II. 1-9 - русская керамика; 10-12 - клейма на днищах сосуд

Д.А. Кубанкин

ДРЕВНЕРУССКИЙ СЛОЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА УКЕКА
(Материалы археологических исследований 2010-2012 гг.)

Расположение русских княжеств в относительной близости к ханскому домену обусловило активное привлечение славян к заселению нового государства Золотая Орда и, в частности, его центра - поволжских земель. Об этом свидетельствуют как письменные (Тизенгаузен, 1884. С. 63, 241, 303; Рубрук, 1997. С. 116), так и археологические источники. Среди находок маркерами проживания здесь русского населения является специфичная русская посуда и предметы христианского культа (Полубояринова, 1978).

Увекское городище, располагающееся на южной окраине г. Саратова, отличается значительным процентом древнерусских вещей среди находок золотоордынского времени (Полубояринова, 1978. С.95-102; Недашковский, 2000. С. 106-112; Кубанкин, 2011. С 211-216). Подобное соотношение однозначно указывает на присутствие среди жителей средневекового Укека русской православной общины. Однако дальнейшее исследование данного вопроса было возможно лишь при обнаружении места проживания русской общины на территории средневекового города. В 2010 г. археологическим отрядом Саратовского областного музея краеведения был обнаружен русский православный квартал в золотоордынском городе Укек. Раскопки были продолжены в 2011-2012 гг., и некоторые результаты уже опубликованы (Кубанкин, 2012; 2012а; 2012б). В рамках данной статьи приводятся материалы из раскопок средневекового православного храма, а также отмечаются характерные черты слоя русского квартала золотоордынского города Укек.

Стратиграфические наблюдения однозначно свидетельствуют о том, что на исследуемом участке изначально поселились русские, т.е. самые ранние слои содержат значительное количество древнерусской керамики. Датирующий нумизматический материал представлен медной монетой крымского чекана времени правления Менгу-Тимура (1266-1282 гг.) (рис. 1,1). Монеты подобного или схожего типа датируются 674 гх (1275/1276 г. н.э.).[1] Встреченные в этих слоях фрагменты керамики типа Кабарди (Волков, 2005) позволяют условно датировать слой 1240-1260-ми гг., не исключая возможного смещения датировки к 1270-м гг.

В 1280-е гг. начинается строительство монументального сооружения, предположительно православного храма. Время строительства датируется серебряной монетой в засыпке фундамента: аноним, чекан Сарая, 681 г.х. (1281/1282 г. н.э.). К моменту строительства на данной территории образовался мощный культурный слой, что свидетельствует об активной жизни в данной части города, которая к тому времени, вероятно, была еще окраиной, т.е. русский квартал изначально располагался на южной окраине Укека. Здание пострадало в пожаре и было разобрано. После гибели этого сооружения образуется новый культурный горизонт, который перекрывает остатки церкви. Он также насыщен древнерусской керамикой, что свидетельствует о дальнейшем проживании здесь славянского населения. Мощный пожар, который уничтожил храм, распространился на окрестные территории. В раскопе 2012 г. слой пожара перекрывает яму, датируемую медной монетой Ногая, чекан Исакчи конца XIII в. (рис. 1, 2) Верхняя граница слоя с древнерусской керамикой маркируется строительством монументального кирпичного здания с изразцами, условно датированного по монетам 1330-ми – 1340-ми гг. Фундамент этой постройки возводили из каменных блоков вторичного использования. Среди них - камень с изображением креста (Кубанкин, 2012б. С. 179. Рис. 2) и многочисленные фрагменты известковой штукатурки с фресковой росписью (Кубанкин, 2012. С. 145. Рис. 4; (Кубанкин, 2012б. С. 179. Рис. 2). Эти архитектурные детали попали сюда из разобранной церкви. Со времени строительства верхнего здания, датируемого 1330-1340 гг., исследуемый участок городища сильно изменяет свой облик. Во-первых, из окраинного он превращается в один из центров города, во-вторых, культурный слой данного времени резко отличается от нижележащих напластований и уже не содержит явных следов пребывания древнерусского населения. Для утверждения о прекращении существования в рассматриваемой части города русского квартала у нас еще мало данных, но в данный момент эта версия кажется наиболее реальной.

Храм, построенный в 1280-е гг., исследован нами лишь частично, поэтому многие выводы носят предварительный характер. Общая площадь постройки пока не установлена, однако ее монументальность бесспорна. Ленточный фундамент был заглублен на 1,4-1,6 м и ориентирован углами по сторонам света. Толщина фундамента капитальной стены в верхней части - 80-120 см, в нижней части у подошвы – 140 см. Толщина фундамента внутренних стен – 40-60 см, внизу у подошвы – 70 см. До начала строительства на поверхности было спланировано здание и прорыты траншеи для фундамента. В эти траншеи слоями укладывались камни, соединенные только «грязевым» раствором – мокрым утрамбованным грунтом. При строительстве использовался песчаник, выходы которого встречаются в большом количестве как на территории городища, так и в его окрестностях. Для кровли служила глиняная черепица – керамиды и калиптеры, фрагменты которых найдены здесь в большом количестве. После пожара 1290-х гг. здание было разобрано, сохранилось лишь подвальное помещение пристройки храма. Среди находок особо следует отметить парадную посуду: не менее одиннадцати кашинных сосудов иранского производства (Кубанкин, 2012б. С. 180-181. Рис. 4-7), четыре византийские поливные чаши (рис. 2), один светлоглиняный кувшин с ультрамариновой поливой (Кубанкин, 2012б. С, 182. Рис. 9) из неустановленного центра производства[2]: тарная посуда: не менее восьми трапезундских амфор, три амфоры клейма SSS (Кубанкин, 2012б. С. 183. Рис. 10), две хумчи и, возможно, один критский пифос[3], многочисленные фрагменты древнерусских горшков (рис. 3). В двух трапезундских амфорах хранилось просо, на некоторых фрагментах остались маслянистые потеки гари. Возможно, в них хранилось вино или масло. Возле хумчи обнаружено скопление гороха. На одной из амфор клейма SSS –

маслянистые потеки гари. Часть зерна (просо и пшеница) хранилась в деревянных емкостях – ведрах и ларях. В небольшом количестве найдены лесные орехи. Зафиксировано крупное скопление погоревшей деревянной посуды, выточенной на токарном станке: кубки, ковши, тарелки и пр. Фрагменты деревянных пластин с резным орнаментом, возможно, украшали шкатулку или ларец (Кубанкин, 2012. С. 146. Рис. 5.5). Они сделаны в технике плоскорельефной резьбы с выбранным фоном. Особо следует выделить фрагмент деревянного изделия с резным изображением протомы барса (Кубанкин, 2012б. С. 183. Рис. 11). Возможно, это была ручка ковша. Обнаружены фрагменты обгоревших хлебных изделий, в том числе двух лепешек с орнаментом (Кубанкин, 2012б. С. 183. Рис. 12). В подвалах хранились штуки тканей полотняного плетения из нитей растительного происхождения, мех. Из украшений обнаружены стеклянные и кашинные бусы, сердоликовая вставка (Кубанкин, 2012. С. 151. Рис. 10. 1-3). Такие разнообразные припасы могли быть отданы на хранение в храм от общины или отдельных купцов, либо принадлежать церкви. Итак, находки из подвального помещения свидетельствуют об активной торговой деятельности русской общины золотоордынского города Укек.

Примечательной особенностью слоя XIII в. является высокий процент керамического импорта по сравнению с вышерасположенными пластами. Другой особенностью древнерусского слоя, помимо находок русской керамики, является присутствие свиных костей, а также костей и чешуи рыб, в то время как в слоях 1330-х-1360-х гг., где уже не прослеживается присутствие древнерусского населения, такие находки встречаются гораздо реже. В закрытом комплексе 1290-х гг. из раскопок 2012 г., относящемся к слою русского квартала, по определению А.В. Матвеева обнаружены кости следующих рыб: карп, сазан, белуга, осетр, стерлядь, севрюга. Из находок в слое вне построек особо следует выделить стеклянную шпильку для волос ультрамаринового цвета. Вытянутый стержень венчает шляпка со стилизованным изображением разрезанного плода граната. Подобные изделия известны в Китае, в том числе периода династии Юан (Хан, С. 92)[4]. Схожие предметы экспонировались в Метрополитен-музее на выставке «The World of Khubilai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty». Находка с Увекского городища происходит из самых ранних слоев, условно датируется по монетным находкам 1270-м гг. Среди находок в слое, помимо древнерусской керамики, следует выделить фрагмент каменного тельного креста (Кубанкин, 2012. С. 151. Рис. 10.6), фрагмент сероглиняной штампованной посуды, многочисленные фрагменты византийских поливных чаш.

Исследованный участок древнерусского квартала в золотоордынском городе Укек датируется последней третью XIII в. – первой третью XIV в. Обнаруженные здесь материалы свидетельствует о высоком статусе патронатов этой общины, возможности которых позволили построить здесь каменный храм, украшенный фресками. Запасы, хранившиеся в подвальных помещениях церкви, свидетельствуют об активной торговой деятельности золотоордынского города, в которой принимало участие русское население. Керамические материалы свидетельствуют об импорте из Ирана, Византии, Кавказа, Трапезунда, возможно, Крита и Китая. Примечательно, что все медные монеты XIII – начала XIV в. представлены крымским чеканом, что еще раз подчеркивает активные торговые связи этих двух регионов Улуса Джучи. Исходя из полученных материалов, следует отметить, что русское население, проживавшее в Укеке, было активно вовлечено в торговлю с Ираном, Византией и Кавказом, а потому здешняя материальная культура русских имела более выраженный восточный облик, чем у соотечественников на родине. Лишь приверженность к православию и к старой кухонной традиции (глиняная русская посуда, присутствие в рационе свинины и активное потребление рыбы) позволяет нам по археологическим данным четко идентифицировать их этническую принадлежность. Дальнейшие исследования мест компактного проживания русского населения в Золотой Орде помогут выделить дополнительные маркеры, которые будут действовать при комплексном подходе.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: Проект 12-31-01246, тип а2.

[1] Определение А.В. Пачкалова и А.В. Фадеева.

[2] Определение керамики проводилось А.Н. Масловским, С.Г. Бочаровым и В.Ю. Ковалем.

[3] Определение А.Н. Масловского.

[4] Выражаю признательность С.И. Валиулиной за предоставленную ссылку на китайское издание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Т. I. Киев, 2005.

Кубанкин Д.А. Христианское население золотоордынского города Укек // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конф., посвящ. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань, Астрахань, 2011.

Кубанкин Д.А. Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010-2011 гг. (Предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов, 2012.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2005-2011 гг. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9. Саратов, 2012а.

Кубанкин Д. А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. Вып. 1. Казань, 2012б.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Рубрук Г Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М., 1997.

Тизенгаузен В.Г Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.

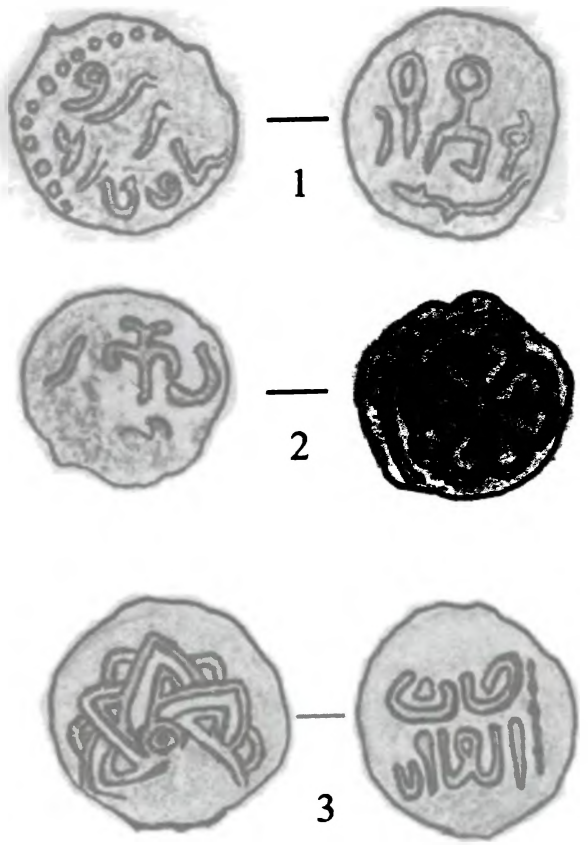


Рис. 1. Медные монеты XIII – начала XIV в. из слоя русского квартала Увекского городища. Определения и прорисовки А.В. Фадеева: 1 – Анонимный пул времен Менгу-Тимура. Крым. Предположительно 670 г. х.; Раскоп III, 2010 г.; 2 – Анонимный пул с тамгой Ногая. Исакчи(?). Конец XIII в. Раскоп IV, 2012 г.; 3 – Анонимный пул, Крым, 713 (?) г.х . Раскоп IV, 2012 г.

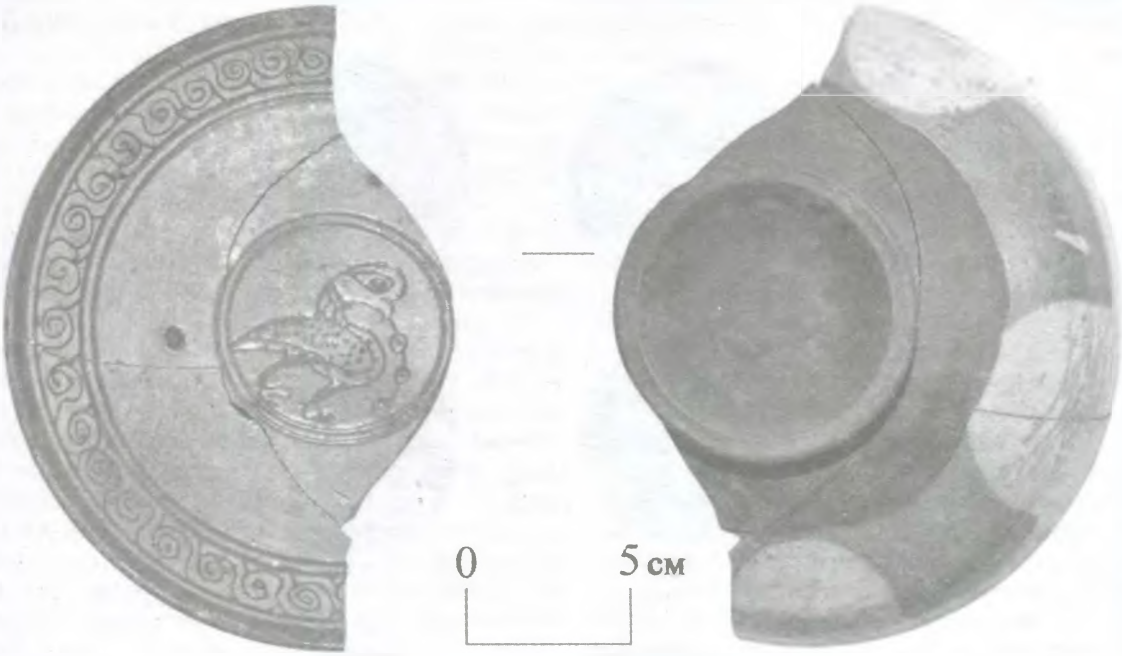


Рис. 2. Фрагмент красноглиняной глазурованной тарелки. Византия. Конец XIII в. Раскоп III, 2011 г.

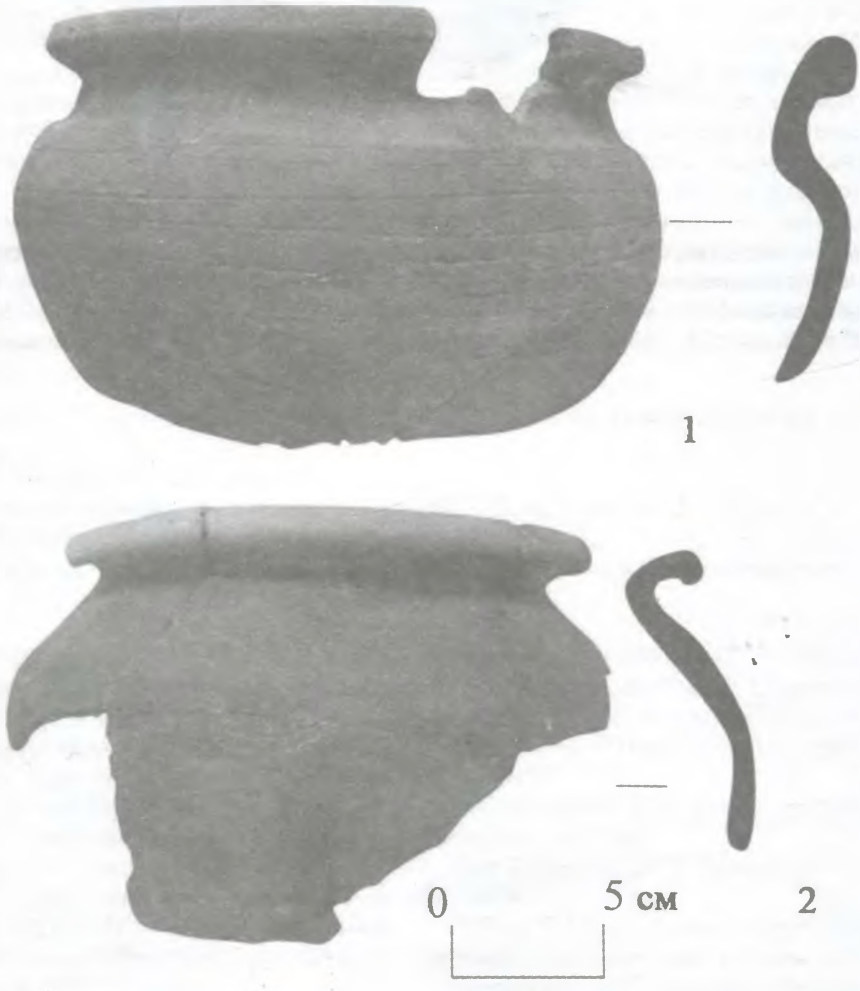


Рис. 3. Фрагменты древнерусских глиняных горшков. Конец XIII в. Раскоп III, 2010 г.

В.Ю. Коваль

КЕРАМИКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Общим местом большинства работ, посвященных русской керамике эпохи средневековья, является констатация заметных изменений в облике кухонной и столовой посуды, происшедших после Батыева нашествия и последовавшего вассального подчинения Руси улусу Джучи, получившему впоследствии наименование «Золотая Орда». Однако далеко не всегда авторы разъясняют свои, в большинстве случаев, совершенно верные наблюдения, не указывая, в чем же конкретно проявились подобные изменения и какие именно причины повлияли на них. Ведь независимо от любых политических событий кухонная посуда остается предметом повседневного спроса до тех пор, пока имеется население, которое готовит себе пищу по присущей ему традиции. Поэтому трансформации в облике этой посуды не могут определяться экономическими и политическим факторами напрямую, а должны быть чем-то опосредованы.

Одним из наиболее ярких примеров такого опосредованного воздействия произошедшего подчинения считается начало производства в Москве краснолощеной столовой посуды в XIV веке (рис. 1). Впервые гипотеза о начале такого производства гончарами Волжской Булгарии, предположительно переселенными в Москву и другие города Северо-Восточной Руси после похода московско-звенигородского войска на Волжскую Булгарию в 1399 г., была высказана Б.А. Рыбаковым. В то же время он выдвинул неоспоримые аргументы в пользу появления этой керамики в культурном слое Звенигорода-Московского уже во второй половине XIV в. (Рыбаков, 1949. С. 128, 130). В дальнейшем этот тезис был подтвержден исследованиями керамики Москвы (Розенфельдт, 1968. С. 12-14). Сходство московской и булгарской краснолощеной керамики столь очевидно, что не оставляет места для иного варианта объяснения данного феномена.

В Коломне, домениальном владении московских князей, краснолощеная керамика в заметном количестве (5-13% керамики отдельных комплексов) появляется в конце XIII – XIV вв. (Мазуров, Черкасов, 2012. С. 100). В Коломне обнаружен и гончарный горн, в котором, видимо, обжигали корчаги и кувшины, внешне неотличимые от булгарской продукции. Горн функционировал в 1360-х гг., на основании чего высказана вполне вызывающая доверие гипотеза о переселении группы болгарских гончаров в Коломну именно в это время (Мазуров, Черкасов, 2012. С. 101-103). Поскольку именно на 1360-е гг. приходится период феодальной войны в Орде, вызвавшей дестабилизацию городской жизни, предположение о таком переселении не кажется экстравагантным. Трудно сказать, в это ли же самое время появляются булгарские гончары и в Москве, либо речь идет об одной и той же группе мастеров, перемещенной в Москву из Коломны великокняжеской властью в конце XIV в., но в любом случае сегодня уже нельзя сомневаться в том, что краснолощеная керамика стала изготавливаться в Московском княжестве по крайней мере с 1360-х гг. Правда, краснолощеные изделия Коломны трудноотличимы от собственно булгарских, но московская лощеная керамика уже имеет такие отличия, прежде всего, по формам кувшинов. Так, для московских изделий особенно характерны так называемые «кувшины-кружки» (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 3, *1, 2, 5*), которые отсутствуют в Коломне и имеют лишь весьма отдаленные аналогии в Волжской Булгарии. Видимо, эта форма была выработана уже в Москве, может быть, не без участия русских учеников булгарских мастеров. Имеются и другие отличия московской краснолощеной керамики от коломенской и булгарской – отсутствие лощения нижней части сосудов, скупое использование линейного и штампового (в виде наклонных отпечатков гребенки) орнамента. Однако само происхождение этой керамики от булгарской сомнений не вызывает.

В то же время ряд близких гипотез, касающихся других разновидностей керамики, якобы заимствованных из Волжской Булгарии, не вызывают такого же доверия. Например, высказывавшееся предположение о влиянии некоторых форм кухонных булгарских горшков на сложение облика керамики XV-XVII вв. в регионе Среднего Поочья и Подмосковья (Салангин, 2002. С. 245), не может быть принято, поскольку построено на умозрительных представлениях о развитии гончарства этого обширного региона. Столь мощное влияние булгарских традиций на гончарство внутренних районов Руси можно было бы гипотетически допускать только в случае массового импорта прототипных форм либо проникновения собственно булгарских гончаров. Что касается первого, то булгарские горшки с рифлением на венчиках в этих районах практически не известны, так что они никак не могли послужить прототипами для местных горшков. Булгарские же гончары, как показано выше, действительно, приезжали на Русь, но кроме изготовления краснолощеной посуды, они не оставили следов своего присутствия. Видимо, число этих мигрантов было крайне невелико.

Фактически речь идет о сложении типа коломенских горшков с вертикальными венчиками (рис. 2), украшенными линейным орнаментом, поскольку именно их распространение в Поочье с середины XV в., а затем, в XVI в., в Поволжье (от Нижнего Новгорода до Астрахани), и наконец, в Москве с начала XVII в., инспирировало несколько волн подражаний как на русских поселениях Поочья и Поволжья, так и на новоприсоединенных территориях, в том числе, с татарским населением (Коваль, 2001; 2005; 2011; Грибов, 2009). Генезис же керамики коломенского типа надежно прослежен (Коваль, 2001; 2005; Черкасов, 2010) и пока нет ни малейших оснований предполагать какое-либо воздействие на сложение керамики этого типа (выпускавшейся в одно и то же время, вероятно, десятками мастеров) булгарских гончарных традиций. Несмотря на то, что булгарские гончары могли проживать в Коломне (хотя вряд ли их было более, чем несколько человек), ни там, ни в иных районах Руси пока не найдено ни одного горшка, который можно было бы

рассматривать как их продукцию.

Нельзя, конечно, полностью исключать возможности того, что на сложение так называемой «татарской» керамики Вятского края в XIV-XV в. оказали влияние булгарские традиции, как предполагает автор этой гипотезы Д.А. Салангин. Однако вызывает недоумение, могла ли оказать столь всеобъемлющее влияние на местное гончарство одна-единственная форма горшков в составе первой общебулгарской группы гончарной керамики (имеем в виду здесь группировку Т.А. Хлебниковой), при том, что все другие формы, как булгарских горшков, так и кувшинов, на Вятке, похоже, никогда не производились (по крайней мере, они не задействованы в данной гипотезе и не упоминаются другими авторами). Поэтому гораздо более вероятным представляется влияние на русское гончарство вятского края не булгарских, а собственно русских традиций, опосредованных широко распространившимися с XVI в. в Поволжье подражаниями коломенской кухонной посуде. Но тогда не стоило бы называть эти подражания «татарскими» - они были распространены не только на территории Татарстана, но и на гораздо более обширных пространствах долины Оки, Средней Волги и Волго-Окского междуречья. Такому предположению противоречит только датировка появления вятских горшков (венчики которых в основной своей массе идентичны коломенской керамике XVI в.) XIV веком, т.е. временем более ранним, чем появление коломенских изделий[1].

Таким образом, наряду с действительными процессами проникновения на Русь чужеродных традиций, имеются и случаи, когда за такие инфильтрации принимается собственно русская керамика, внешне схожая с отдельными образцами булгарской керамики. Поэтому, прежде чем делать какие-либо выводы о влиянии подчинения Орде на керамическое производство, необходимо рассмотреть тот круг изменений, которые происходили в гончарстве хотя бы только городов Северо-Восточной Руси в эпоху господства Золотой Орды (во второй половине XIII – XV вв.). Эти изменения можно проследить в технологии, морфологии, орнаментации керамики и в наборах функциональных форм посуды.

Изменения в технологии керамического производства

Каких-либо существенных сдвигов в этой области за очерченный период не происходило, однако во всех регионах шел процесс постепенно ускорявшихся процессов совершенствования технологии производства керамики по четырем направлениям:

А) Улучшение качества формовочных масс:

- уменьшение размерности минеральных примесей, переход от использования дресвы к применению песка всё более мелкой размерности или даже полному отказу от минеральных добавок к формовочным массам;

повышение качества подготовки формовочных масс (очистки от вредных органических и минеральных примесей).

Б) Некоторое улучшение качества обжига, по всей вероятности, за счет удлинения продолжительности обжига – это видно по постепенной смене керамики неполного (трехслойного) обжига изделиями, прошедшими полный окислительный обжиг (с однослойны красным или белым черепком). К XV в. керамика по ного обжига производилась уже в Коломне, Москве ряде других городов, т.е. там, где раньше она не бы известна вовсе. И это нельзя объяснить только пол жительным примером, демонстрируемым производ телями краснолощеной и поливной посуды, котор составляла всё же ничтожную долю в составе бытово керамики.

В) Смена используемых подсыпок под днища гор ков. Повсеместно происходил отказ от применен подсыпок дресвы, но дальнейшие трансформаци были разнонаправленными – в одних регионах пр исходил переход к песчаным подсыпкам, а от них - зольным, в других – наоборот, от зольных к песчаны Эти изменения обусловливались конкретными усл виями развития разных гончарных традиций. Отказ подсыпок дресвы, очевидно, связан с общим перех дом на более мелкоразмерные отощители глин-сыры

Г) Появление краснолощеной керамики, никог ранее на Руси не изготавливавшейся, что уже отмеч но выше. При этом лощение коррелирует с высоко чественным (полным) обжигом керамики, что свид тельствует о неслучайной связи между этими дву новшествами. Перед нами отдельная высокоразвит традиция, носителями которой могли быть только пр шлые гончары. Покупателями лощеной посуды в XI XV вв. могли быть по преимуществу представите аристократии, а в быт простых горожан она входи медленно, на сельских же памятниках такая керам ка или не известна вовсе, или фиксируется на мест размещения феодальных усадеб. Яркий пример то дают Москва (Московская керамика, 1991), где до этой керамики даже в комплексах XVI в. редко пр вышает 10%, и селище Настасьино близ Коломны (я лявшегося остатками неукрепленной усадьбы, нах дившейся во владении рода Мячковых), где доля так керамики в комплексах XV в. достигала 20% (Кова 2004. Табл. 1).

Надо заметить, что описываемый процесс сове шенствования гончарной технологии в разных реги нах Руси проявлялся по-разному. Например, в Моск элита которой уже с конца XIII в. претендовала на л дерство в стране, несмотря на всё это, почти до само конца XIV в. заметного прогресса в гончарстве пра тически не фиксируется. Местная краснолощеная к рамика появляется лишь в конце XIV в. Единственн заметное изменение в местном гончарстве, произоше шее во второй половине XIII века – это распростра ние так называемой «серой» керамики, действитель имевшей серый или темно-серый (или даже черны цвет поверхности и изломов стенок. Такой цвет о могли приобрести только в результате использова восстановительного обжига посуды, т.е. закрыван гончарного горна (или бытовой печи) на финальн этапе обжига. Неясно однако, что вызвало моду на кую продукцию и осознавали ли гончары и покупате их изделий, что восстановительный обжиг несколь улучшает качество посуды, хотя и ведет к приобре нию ею «грязно-серого» внешнего вида (рис. 3), си но уступающего даже посуде домонгольской эпо Отсутствие иных технологических сдвигов в моск ском гончарстве как будто противоречит такому до щению. Но тогда широкое распространение «серо

керамики в Москве и ее окрестностях остается загадочным. Впрочем, реальная ее доля в керамическом комплексе Москвы остается неизвестной, поскольку к «серой» керамике при статистической фиксации часто приписывают керамику окислительного обжига, но с аналогичной морфологией. Поэтому реальная доля керамики восстановительного обжига среди московской продукции была, возможно, не столь велика, как можно было бы подумать, если воспринимать всю «серую» керамику, фигурирующую в публикациях, как строго отобранную по данному признаку. При обработке коллекций из раскопок в Московском Кремле в 2007 г. в комплексах XIV в. керамика с серым цветом поверхности составляла не более 10-15 % в комплексах, но керамика с черным цветом поверхности и излома в тех же комплексах достигала 50-60% (рис. 4). Часть последней могла также относиться к «серой» керамике восстановительного обжига (если свой черный цвет она приобрела из-за бытового нагара), но установить это достоверно невозможно. Однако известно, что в комплексах домонгольской эпохи керамика черного цвета никогда не составляла столь большого количества, поэтому вполне допустимо предполагать, что реальная доля «серой» керамики восстановительного обжига была существенно выше зафиксированной, т.е. могла достигать 1/3 массы выпускаемой посуды и даже еще более.

В других городах Руси процесс эволюции в технологии производства керамики протекал несколько иначе, нежели в Москве, но поскольку сама керамика других городов изучена значительно хуже, обсуждать ход этих эволюционных процессов было бы преждевременно. При этом нигде на Северо-Востоке после Батыева нашествия не отмечено существенной деградации технологических навыков, а в некоторых локальных микрорегионах в это же самое время появляется керамика более высокого технического уровня, изготовленная в традициях, свойственных рязанскому гончарству – результат перемещения на север отдельных групп населения Поочья, принесшего сюда свои гончарные традиции (Гоняный, 1998. С. 166).

Новации в наборе функциональных форм сосудов

До монгольского нашествия абсолютно преобладавшей формой русской керамики был горшок. Наряду с горшками, в очень небольших количествах производились миски, корчаги для хранения пищевых продуктов и керамические крышки для горшков, а в некоторых городах (например, Владимире), стаканы, кружки, блюдца, горшкообразные кубышки и чашевидные светильники «киевского типа» (Кадиева, 2003. С. 317-321).

В конце XIII в. и особенно в XIV в. во всех городах Северо-Восточной Руси продолжают изготавливаться корчаги, миски и крышки, появляются кувшины, бутыли/кубышки и сковороды/миски с ручками (рис. 5), блюдца, стаканы и кружки исчезают либо становятся уже более редки, нежели в домонгольскую эпоху. Что касается кувшинов и бутылей/кубышек, то их распространение можно связывать с восприятием некоторых норм быта, существовавших в Золотой Орде, поскольку именно там такие сосуды применялись особенно широко. В то же время, сковороды вряд ли относятся к числу подобных заимствований.

Новыми формами посуды, появляющейся в XIV в., являются водолеи в виде кувшинов с трубчатыми сливами и масляные светильники, отдаленно напоминающие ордынские чираги. Эти исключительно редко встречающиеся формы являются более или менее удачными попытками воспроизведений иноземных форм сосудов, причем не только ордынских (чираги, афтоба/кумганы), но и западноевропейских (аквамanилы) (рис. 6), что, вероятно, отражает попытку удовлетворить потребности татарской и западнорусской аристократии, переходившей на службу к русским князьям (прежде всего – к московскому великому князю) и инкорпорированной в среду русской служилой знати, где происходил процесс их ассимиляции в новую национально-культурную среду.

Первые образцы кумганов русского производства (находка в Московском Кремле) вряд ли относились к столовой посуде и, вероятно, использовались в ритуальных целях проживавшими в русских городах мусульманами (рис. 7). Ордынцы могли также инициировать изготовление копий привычных им чирагов (рис. 8). Но эти изделия не имели массового продолжения в керамическом производстве, а копии чирагов, например, бесследно исчезли вместе с сокращением числа ордынцев на Руси.

В XIV-XV вв. в Москве и других городах Северо-Восточной Руси (Коломне, Владимире) впервые начинают изготавливать керамические игрушки (погремушки и свистульки) в виде фигурок животных, людей и птиц (Розенфельдт, 1968. С. 17. Табл. 2-8; Черкасов, 2004). При этом в самой Золотой Орде подобные находки не прослеживаются или единичны, поэтому видеть в этих вещах влияние золотоордынской культуры не приходится.

Изменения в морфологии горшков

Поскольку остальные формы керамики либо были редки, либо только осваивались русским гончарством, серьезные морфологические изменения фиксируются только по горшкам – самой массовой категории гончарной продукции. Во всех регионах Руси в ордынское время фиксируются динамичные изменения в пропорциях горшков и формах их венчиков. Причем изменения в пропорциях повсеместно состояли в постепенном уменьшении высоты горшков, приобретении ими более низких/широких пропорций тулова, которое, правда, становится совершенно очевидным только в XV в. (Коваль, 2004. Табл. 4). В московской же керамике на протяжении XIV-XV вв. особенно сильна была тенденция к приобретению горшком формы усеченного конуса (рис. 9). Что касается трансформаций венчиков горшков, то они, при всей вариативности, сводятся к двум основным тенденциям:

А) Постепенное уменьшение степени изгиба венчика и все большее стремление гончаров сделать его почти вертикальным. При этом в одних регионах этот процесс в XV в. практически завершился (Коломна, Рязанщина, Смоленск) (Коваль, 2001; Сергина, 2004), в других же – вплотную подошел к этому решительному шагу, совершенному чуть позже, в XVI в. (Москва, Тверь) (Бойцов, 1991. Рис. 1).

Б) Упрощение оформления края венчика – в большинстве гончарных традиций Северо-Восточной Руси[2] происходит отказ от массивных валиков и пере-

ход к незначительным заворотам «чернового края», которые срезаются и затираются почти полностью, так, что часто эти завороты фиксируются только по едва заметным утолщениям края.

Обе эти тенденции вполне эволюционны по своему происхождению и связаны с ускорением процесса производства горшков (при переходе гончаров к работе на рынок), а возможно – и с применением более совершенных гончарных кругов (например, ручных кругов тяжелого типа), позволявших увеличивать скорость их вращения, которая и диктовала такое упрощение профилировки.

Изменения в орнаментации керамики

Распространение в керамике Верхнего Подонья золотоордынской эпохи волнистого орнамента (вплоть до абсолютного доминирования) впервые было замечено М.И. Гоняным (Гоняный и др., 1993), причем казалось естественным предположить, что для приграничных со степью районов Подонья эти изменения связываются с влиянием ордынской культуры. Позже та же тенденция была прослежена в отношении гораздо более широкой территории для второй половины XIII – XIV вв., но при этом никаких свидетельств золотоордынского влияния в этой сфере обнаружить не удалось (Коваль, 2000). Нет также никаких опубликованных количественных данных о том, что в золотоордынской керамике волнистый орнамент заметно преобладал над иными разновидностями декора. Неясен также механизм передачи ордынских гончарных орнаментальных традиций в среду русских гончаров. Конечно, можно предположить подобное проникновение вместе с возвращавшимся из Поволжья пленными русскими мастерами (если, конечно, такие репатриации имели место в заметных размерах). Однако тогда следовало бы ожидать появления и иных признаков ордынского гончарства, которые в культуре Руси не обнаруживаются.

Если обратиться к статистическим данным, то обнаружится, что при общей тенденции к расширению использования волнистого декора в золотоордынскую эпоху, он был распространен в разных областях Руси крайне неравномерно. И если на Верхнем Дону этот орнамент стал в XIII в. абсолютно доминирующим (до 90% всего декора), то в Рязанской земле он был распространен несколько меньше (40-60% декора), в Москве редко составлял более 25% (рис. 10), а в более северных районах встречался уже единично, т.е. немногим чаще, чем в домонгольскую эпоху. Это наблюдение как будто бы указывает на «южный» (ордынский) вектор культурного воздействия на орнаментику гончарных изделий, однако такое упрощенное понимание происходивших процессов может оказаться ошибочным. Разумеется, влияние ордынской культуры сильнее ощущалось именно в южных, пограничных со степью, районах, однако во всех других областях материальной культуры того времени заметного влияния ордынской орнаментики не прослеживается. Культура Золотой Орды оказывала влияние на вкусы и моду в среде военно-служилой знати, что прослеживается по вооружению, воинскому снаряжению, аристократической одежде, но жизнь простого народа, его вкусы и предпочтения она затронула в самой незначительной степени.

Наконец, следует подчеркнуть, что в той керам которая изготавливалась русскими переселенцам территории самой Золотой Орды, волнистый орна не получил более широкого распространения, че Руси, хотя именно здесь можно было бы ожидать бенно сильного культурного влияния со стороны дынской орнаментики. Между тем такого влияни прослеживается. Хотя статистических данных в области не существует, имеющиеся публикаци материалы прежних и новых раскопок (в частно Березовского и Малорязанского селищ)[3] позвол уверенно говорить о том, что в Поволжье русское селение производило керамику, орнаментация кот мало отличалась от изготовленной на коренных зем Руси (в т.ч. по формам венчиков, качеству обжига, сыпкам под днища, номенклатуре функциональ форм и т.п.). Причем в Поволжье можно даже про дить некоторую консервацию старых (домонгольс традиций в оформлении горшков, которая свидет ствует, вероятно, о сознательном стремлении со нить даже во внешнем облике бытовых вещей дре образцы, овеществленную «память о родине».

Таким образом, «южный» вектор распростр ния волнистого орнамента мог быть связан в русс гончарстве не только и не столько с ордынским к турным влиянием, сколько с внутренними закон развития орнаментики на уровне менталитета нас ния. Ярким примером общерусского процесса тр формаций в орнаментике керамики и распростран волнистого декора является посуда городов средн ковой Беларуси, не испытавшей ровным счетом н кого воздействия золотоордынской культуры (эти ли никогда не подчинялись Орде и имели с ней кр слабые связи). Между тем и здесь в XIII-XIV вв. исходило некоторое распространение волнистого намента (Малевская-Малевич, 2005. Рис. 15, 16, 35 50, 52), по масштабам близкое процессам, имев место в Москве и Верхневолжье. Может быть, во стые линии больше отражали представления о нес ности (поколебимости) бытия, процветавшие в э политической нестабильности в тогдашних рус землях.

Уже приходилось высказывать также мнение о что рост популярности волнистого орнамента в Р ской и Московской землях мог быть связан с извес ми по археологическим данным миграциями русс населения из пограничных со степью районов в б северные земли сразу после Батыева нашествия валь, 2000. С. 81). Возможно, именно там, на гран «половецкой степи» в домонгольское время прож ли носители традиции украшать керамику волни орнаментом. Если это так, причина его популярн может объясняться знакомством пограничных вян с лепной керамикой половцев и гузов, в кото действительно, волнистый орнамент занимал од первых мест. Но в этом случае «степное» влияни славянское гончарство переносится на домонгольс эпоху, а золотоордынские гончарные традиции вос не имеют отношения к данному вопросу.

Подведем итоги. Краткий анализ проблемы казал, что в эпоху подчинения Золотой Орде на происходили разнообразные изменения в кера причем они имели разную скорость в различных онах Руси. При этом по всей Руси шел общерус

процесс технологического совершенствования и эстетических трансформаций в морфологическом облике керамических изделий. Этот процесс нисколько не замедлился после монгольского нашествия, так что ни о какой стагнации или регрессе в гончарстве Северо-Восточной Руси не может быть и речи. Однако наряду с этими эволюционными процессами, в рассматриваемое время включилось действие еще трех факторов:

Смешение различных традиций из-за разнонаправленных переселений отдельных групп населения (вместе с обслуживавшими их гончарами) по территории Руси. Эти переселения были вызваны как последствиями Батыева нашествия, так и другими политическими факторами, прежде всего, переделом территорий русскими княжествами, а также перемещением отдельных групп населения ордынской администрацией в Нижнее и Среднее Поволжье.

Привнос на Русь чужеродных традиций из-за переселения мастеров-инородцев, например, гончаров Волжской Булгарии. Похожие процессы происходили в это время и в Западной Руси, где происходило восприятие некоторых европейских гончарных традиций (распространение чернолощеной и поливной посуды, ножного гончарного круга).

Самое малозаметное влияние на этом фоне оказывали вкусы и запросы ордынцев, постоянно прибывавших на Русь, проживавших здесь и в силу этого оказывавших тут некоторое культурное воздействие на русскую аристократию и постепенно вливавшихся в ее ряды.

Общий вывод – в период подчинения Золотой Орде гончарство Северо-Восточной Руси развивалось стабильно и не переживало регрессивных процессов. В добавление к «естественной» его эволюции на трансформацию традиций заметное влияние оказали часто происходившие массовые перемещения местных гончаров (и населения вообще). Заметно меньшее влияние оказали на него иноземные гончары, изредка попадавшие на Русь, а также вкусы и запросы ордынцев.

Примечания:

[1] Для объяснения этого нонсенса требуется проверка исходных дат комплексов, а также выяснение вопроса о различиях в хронологии разных вариантов венчиков.

[2] Исключение составляют Смоленск и Верхневолжье, где валикообразные венчики, напротив, получили широкое распространение.

[3] Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность сотрудникам отдела археологии Самарского областного историко-краеведческого музея А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкову за предоставленный для изучения материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика, 1991.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Тр. ГИМ. Вып. 82. М., 1993.

Гоняный М.И. Древнерусские поселения второй половины XIII – XIV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Пгремышльской волости // Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.

Грибов Н.Н. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII – XIII века (по материалам раскопок 1993-1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Коваль В Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М., 2000.

Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика на Руси // РА, 2001. № 1.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М 2004.

Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005.

Коваль В.Ю. Керамика Переяславля Рязанского XVII-XVIII вв. // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань, 2011.

Мазуров А.Б., Черкасов В.В. Этнокультурные контакты Руси и Золотой Орды во второй половине XIV в.: по материалам производства красной лощеной керамики в Коломне // Куликовская битва в истории России. Т. 2. Тула, 2012.

Малевская-Малевич М.В. Керамика западнорусских городов X-XIII вв. СПб., 2005.

Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII – XVII вв. // САИ. Вып. Е 1–39. М., 1968.

Рыбаков Б.А. Раскопки в Звенигороде (1943-1945 гг.) // МИА. № 12. М.-Л., 1949.

Салангин Д.А. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002.

Сергина Т.В. Керамика Смоленска середины XIII – XVII веков // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск, 2004.

Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV-XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990-2000 годах) // Археология Подмосковья. М., 2004.

Черкасов В.В. Датированные керамические комплексы г. Коломны XIV в. и проблема происхождения местной белоглиняной керамики // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь, 2010.

Рис. 1. Московский краснолощеный кувшин XVI в.

Рис. 2. Коломенский белоглиняный горшок XVI в.

Рис. 3. Московская «серая» керамика XIV в. (Кремль).

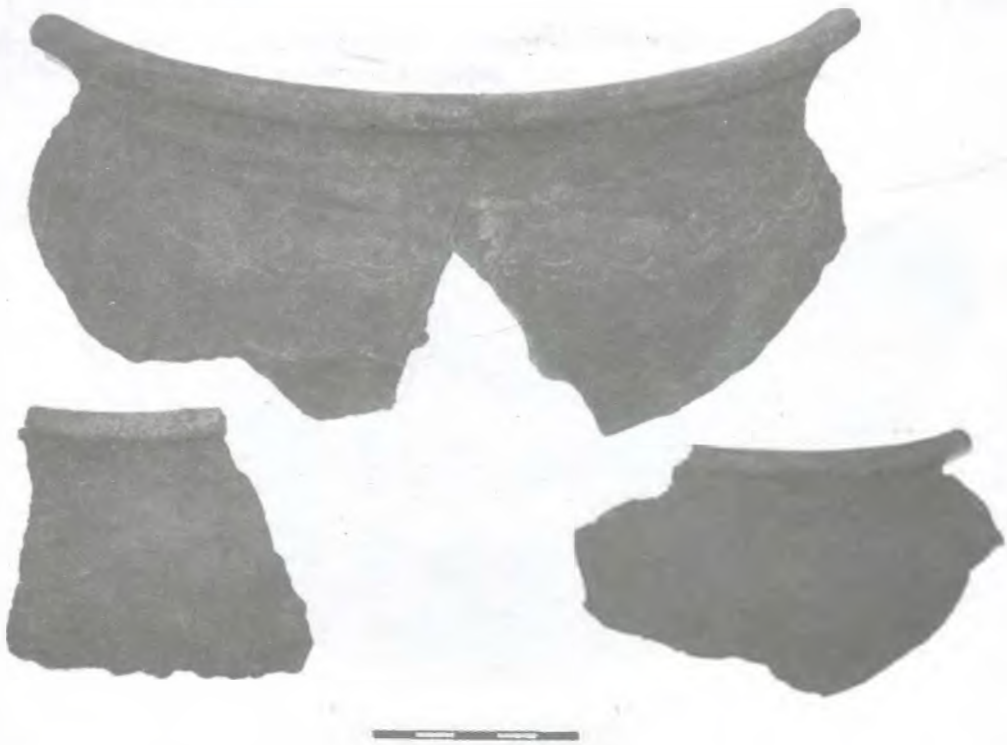


Рис. 4. Московская керамика XIV в. с черными поверхностями и изломом (часть так называемой «серой»).

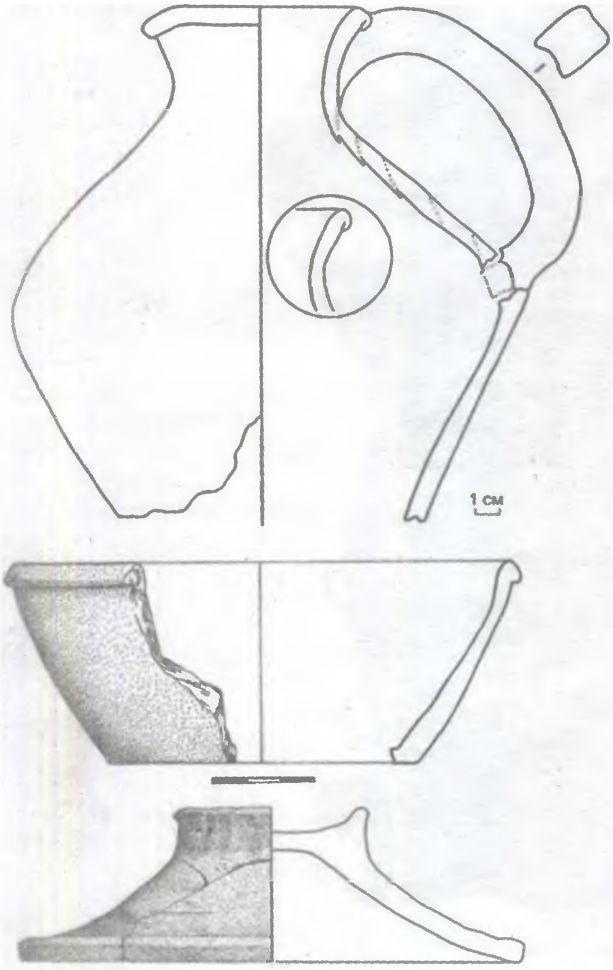


Рис. 5. Кувшин, миска и крышка от горшка (Москва, XIV в.).

Рис. 6. Бронзовый западноевропейский аквамани и обломки керамического водолея из Великого Новгорода.

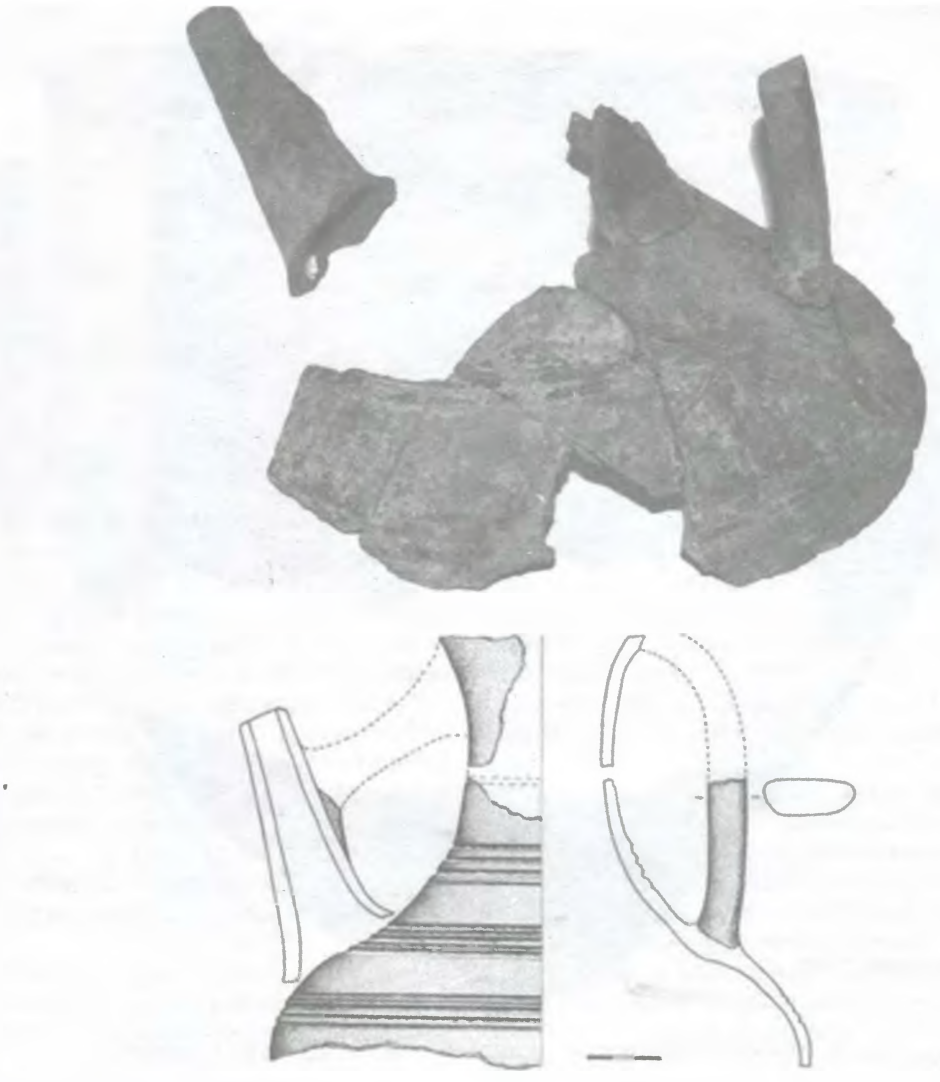


Рис. 7. Обломки поливного кумгана из раскопок в Московском Кремле (конец XIV – первая половина XV в.). Фото и профиль.

Рис. 8. Подражание чирагу (Ростиславль-Рязанский, XIV в.).

Рис. 9. Московский красноглиняный горшок XV века (Кремль).

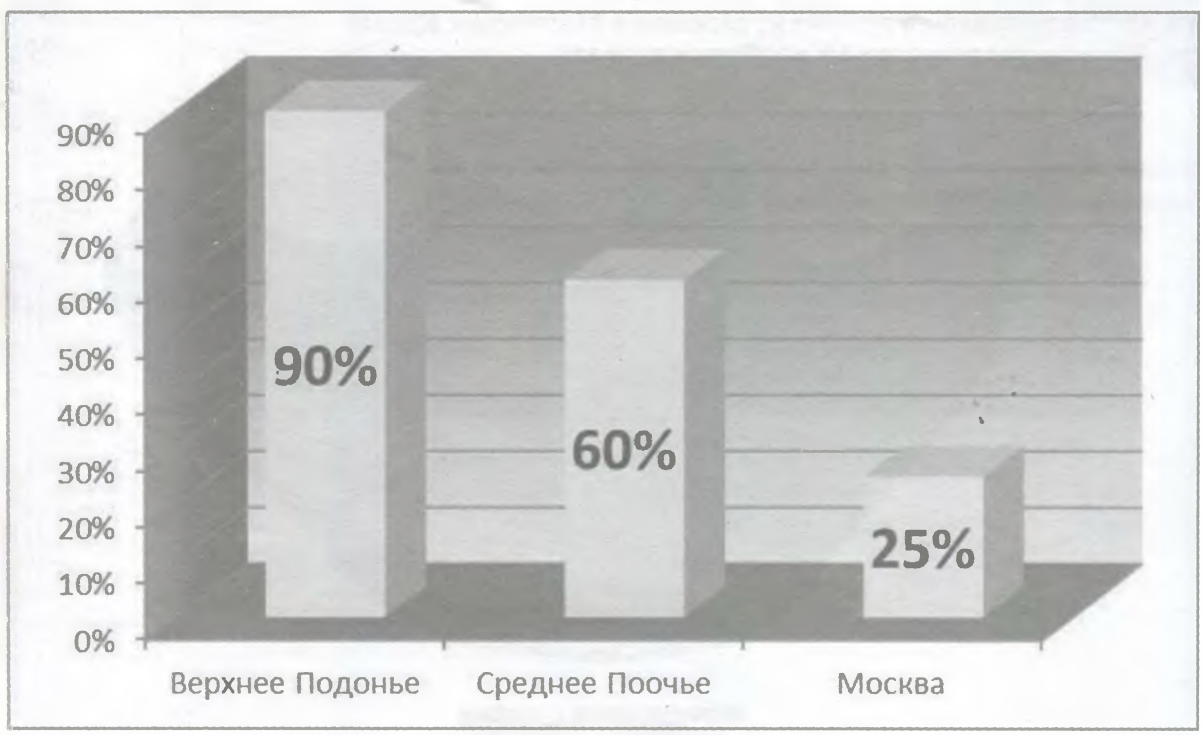


Рис. 10. Распространение волнистого орнамента в декоре посудной керамики.

С.И. Валиулина

БЫТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ТОРЕЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ*

Торецкое поселение, расположенное в окресностях с. Билярск Алексеевского района Республики Татарстан, являлось центром цветной металлообработки Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху средневековья. Мастера специализировались на изготовлении дорогой художественной посуды, в том числе, с серебряной инкрустацией (Валиулина, 2011), и повседневной обыденной. Однако в сравнении с находками медных и бронзовых отходов производства, обрезками, ломом и заклепками (рис.3, 1-11; рис.5, 1-30, 33-35) сосудов выявлено значительно меньше, они имеют фрагментарную сохранность, чаще всего это верхние части котлов, котелков и др. (рис.1, 6,8; рис.3, 12-18), венчики которых были загнуты, а в полученную петлю часто вставлялся металлический прут, обеспечивающий краю ребро жесткости (рис.3, 12). От сосудов сохраняются также медные листы с клепками, иногда больших размеров (рис.2, 2), бронзовые ушки от котлов (рис.1, 5), вертикальные ручки из дрота с плоскими раскованными концами и отверстиями под заклепки (рис.1, 2).

Округлая медная ручка из дрота прямоугольного сечения, концы которой горизонтально отогнуты (рис.1,1), могла принадлежать как сосуду, подобно котелку со складными ручками из Болгара (Полякова,1996. С.241, рис.77), так и сундуку. Такие подвижные ручки шарнирного крепления имеет медная курильница с XIII раскопа (Валиулина, 2011. Рис.5,2; рис.6).

Медная трубочка могла быть фрагментом сосуда - кумгана, курильницы или иметь другое назначение (рис.1, 3). Вероятно, небольшому сосуду принадлежал фрагмент горла с горизонтально отогнутым венчиком (рис.1,4). Такие флаконы, изготовленные из глины, металла, стекла, были широко распространены на средневековом Востоке. Фрагмент стеклянного сосуда подобной формы найден в одном объекте с обломком бронзового флакона (раскоп XIII).

Еще несколько сосудов имеют полную или археологически полную сохранность.

Сковорода медная (рис.2,5) обнаружена в составе клада бытовых предметов в западной части памятника А.В.Худяковым (Худяков, 2006. С.396). Изделие имеет плоское дно диаметром 12,3 см и прямые расходящиеся стенки, диаметр венчика составляет 19,4 см, к стенке приклепана узкая горизонтальная ручка длиной 17,3 см, плавно заканчивающаяся заостренным концом, толщина стенок равна 0,25 см, высота изделия - 3 см. Сковорода была выкована из целого листа металла, очевидно, долго использовалась и неоднократно чинилась – мелкие изъяны клепались заклепками из медных пластин, свернутых «кулечком», на большие прорехи накладывались пластины-заплаты, которые тоже крепились заклепками. Крепление ручки выглядит неряшливо - заклепки изнутри не раскованы, а лишь отогнуты наспех. В целом, и изготовление, и починка выполнены довольно грубо, что, скорее всего, говорит о техническом, а не кухонном использовании изделия, возможно, в расположенной рядом с находкой клада бытовых изделий медницкой мастерской №2 (раскоп XI).

Ковши медные (3 экз.) найдены в разных районах памятника - в жилой постройке раскопа V (мастерская замочника), в медницкой мастерской №2 в западной части поселения и в медницкой мастерской №3 на юго-восточной окраине поселения. Все изделия имеют диаметр около 10 см, высоту стенок – примерно 3 см (рис.2, 2-4), смяты и деформированы, о наличии ручек можно судить по отверстиям для крепления к стенкам. Как и сковородка, каждый ковш был выкован из листа меди.

Вероятно, к технической посуде следует отнести две мелких чашечки (льячки?), напоминающие чашечки весов, но без отверстий для нити и более массивные (рис.4, 15, 18). Оба предмета происходят из медницких мастерских, крупная – диаметром 6,5 см с конусовидным дном (мастерская №2) и малая округлодонная из светлого сплава (мастерская №3).

Фрагмент поддона или подставки бронзового литого предмета прямоугольной формы с расширением у основания (рис.4,16), размеры - 2,5x1,7 см, толщина стенок - 3 мм, мог принадлежать сосуду или светильнику.

Птичка – миниатюрная литая фигурка уточки (рис.4, 3) могла быть украшением, упором и завершением ручки, крышки или другого изделия, таких примеров очень много в восточной торевтике.

Кроме сосудов, остальные категории находок представлены единичными экземплярами.

Бронзовая миниатюрная петелька в виде фигурной восьмеркообразной шарнирной рамки 1,6x1,2 см (рис.4,1) найдена в сооружении 1 на VII раскопе в центральной части поселения. Изделия, похожие на торецкую фигурную петельку-рамку, из древнерусского Белоозера С.Д. Захаров атрибутирует как книжные застежки, допуская при этом возможность их принадлежности к поясной гарнитуре (Захаров, 2004. С.193–194, рис.112-10).

Еще две маленькие ручки трапециевидной формы (рис.4, 2), выполненные из круглого в сечении дрота имели на концах граненые кованые грузики со сквозными горизонтальными отверстиями для шарнирного крепления. Обе находки тождественны по форме, но чуть отличаются размерами и происходят из разных районов памятника – центрального (раскоп VII) и юго-восточного (раскоп XIII). Граненые завершения украшали характерные для золотоордынских памятников серьги в виде знака вопроса и серьги кольцевидные несомкнутые (Тип Б-II-4, Тип В-II-1, Тип Б-I-3 по Г.Ф.Поляковой), в городе Болгаре таких украшений найдено 13 экземпляров (Полякова, 1996. С.172-175, рис.60,19,24; рис.61,3).

Миниатюрные петельки - рамки и ручки могли быть частью бронзовых или латунных чернильниц (mihbara) – коротких цилиндрических сосудов диаметром 7,5-11,6 см и высотой 6,8-14,9 см с двумя петельками-ручками для подвешивания, пирамидальной крышкой и богатой орнаментацией поверхности, обычно сочетающей гравировку с инкрустацией серебром. Металлические чернильницы получили распространение на мусульманском Востоке и хорошо известны по многим

музейным собраниям (Средневековые города Казахстана, 2006. С.13; Museum fur Islamische ..., 2001, s.57; Benaki Museum ..., 2001, p.122, fig.155; Masterpieces from ..., 2011, p.131, № 86; Sezgin, 2003, s.148). Одна крышка подобной чернильницы найдена в Болгаре (Мухаметшин, Хакимзянов, 1996. С.294-296, рис.83).

Но особенно торецкие трапециевидные петельки-ручки близки формой и размерами деталям застежки панцирных пластин комбинированного кольчужно-пластинчатого доспеха (типа бехтерца) из Восточной Анатолии или Ирана второй половины XV в. в собрании Музея Бенаки в Афинах (Benaki Museum ..., 2001, p.168,169, fig.223).

Важно отметить, что археологический контекст находок этих изделий на Торецком поселении позволяет принять обе последние версии их назначения. Так, на раскопе VII в засыпи богатого вещевым материалом сооружения 1 среди прочего присутствовали обломки бронзовых сосудов с инкрустацией серебром (Валиулина, 2011. С.120-121), отдельные кольчужные колечки, а в примыкавшей к постройке 1 яме 3 найдены фрагменты железных доспешных пластин и спекшийся массив кольчуги весом более двух килограммов. На XIII раскопе бронзовая фигурная петелька-ручка происходит из мастерской медника, где, впрочем, также обнаружены кольчужные колечки и фрагмент кольчуги (Валиулина, 2012).

Наперстки бронзовые (2 экз.) найдены на I и XII раскопах. Оба имеют высоту 2,3 см, усеченно-коническую форму с небольшим круглым отверстием сверху (рис.4, 5, 6). На поверхности одного - беспорядочно, на другом вертикальными параллельными рядами, расположено по 9 - 14 углублений, нижний край оформлен горизонтальной резной полоской. Способ изготовления торецких наперстков проще, чем тот, что описан Г.А.Федоровым–Давыдовым для изделий нижневолжских памятников (Федоров-Давыдов, 1994. С.199). Заготовки наперстков вырезали из листа металла, углубления набивали на плоской пластине, затем сворачивали ее в конус и спаивали свинцом или оловом, верхний край мягко загибали в горячем состоянии, оставляя отверстие. Из находок в Болгаре Г.Ф.Поляковой опубликовано два экземпляра наперстков иного типа – без верхнего отверстия, изделия с верхним отверстием автор называет навершиями рукоятей ножей (Полякова, 1996. С.245–246, 252). С такой атрибуцией вряд ли можно согласиться, хотя торецкие наперстки, как и болгарские изделия, имеют в нижней части пробитое сквозное отверстие как для крепления к основе. Г.А.Федоров-Давыдов обе группы этих предметов на золотоордынских памятниках считает наперстками, которые делит на два типа – с отверстием и без отверстия в верхней части, и появление тех и других в Восточной Европе относит к XIV веку (Федоров-Давыдов, 1994. С.199, рис.39,5).

Замочек (одна створка) в виде фигурки лошадки (бычка по Г.Ф.Поляковой) 30 мм высотой и 35 мм длиной с циркульным орнаментом на поверхности – восемь окружностей в два ряда вдоль туловища и одна на шее (рис.4,7), был найден в слое XII раскопа (уч. 42). По условиям находки замочек, вероятно, входит в один комплекс с кладом монет № 3, клад оказался распахан, наибольшая концентрация монет приходится на участок 42 (Валиулина, 2008. С.24, рис. 119,6; рис.121,15). В Болгаре учтено 92 таких замочка, которые составили отдел В-II, причем только шесть экземпляров найдены в слое XIII-XIV вв., остальные являются подъемным материалом (Полякова, 1996. С. 248–250, рис.78, 1-3). Исследователи отмечают массовый характер этих находок и широту распространения на территории Золотой Орды, при этом обращают внимание на удивительную устойчивую стандартизацию изделий (Полякова,1996. С.251; Fyodorov-Davydov, 1984, Illus.104.8). Таким образом, замочки в виде фигурки лошадки выступают своеобразной визитной карточкой золотоордынской культуры, но известны и в более позднее время. Единичные находки замочков отмечены на памятниках Вятской земли, в частности, на Ковровском городище (Макаров, 2001, рис.52, 3; рис.61. 10) и в Марийском Поволжье на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (Никитина, Михеева, 2006. С.119, рис.46).

Бронзовая матрица 44x34x7 мм пятиугольной формы с цветочным орнаментом на рабочей стороне (рис.4,12). В центре расположена восьмилепестковая розетка, окруженная растительными завитками, узкая рельефная рамка с насечками по боковым и верхнему краю изделия напоминает, так называемую, катушечную филигрань (Сокровища Приобья, 1996. С.106), в верхней части внутренний край бордюра имеет фигурный контур, что придает изображению вид восточной арки. Оборотная сторона гладкая. Этой матрице не найдено прямых аналогий и не известны точные соответствия изделий. В то же время композиция с цветочной розеткой в центре в декоре предметов из цветного металла получила очень широкое распространение. В Новгороде накладка - «круглая тисненая, с узором в виде восьмилепестковой розетки, заключенной в обод ложной зерни, - найдена на мостовой Великой улицы (1422-1429 гг.)» (Седова, 1981. С.150, рис.57,1). Те же форму и размеры, что торецкая, но иной орнамент имеет бляха из Болгара (Полякова. С.207, рис.67,1). Близкими торецкой находке по оформлению являются две практически идентичные матрицы каплевидной формы из Болгара (Полякова, 1996. С.166, рис.59,11) и из Биляра (Культура.... С.100, табл. XXXVII, 2). С.В.Кузьминых отмечает, что на всех без исключения матрицах Билярского городища рельеф выполнен композициями растительного орнамента (Культура.... С.100, табл.XXXVII, 1-15).

В коллекции рыболовных крючков два бронзовых отличаются размерами (рис.4,10,11), при этом оба выполнены по одной схеме из круглой проволоки сечением 3 мм и 2 мм. Верхние концы расплющены для крепления лески (обломаны), нижние – заострены, имеют по одному шипу. Размеры крючков: длина - 61 мм и 28 мм, ширина – 28 мм и 14 мм, диаметр – 2,9 мм и 2,0 мм, высота жала – 20 мм и 12 мм, ширина ушка – 5 мм и 4 мм. Исходя из величины изгиба стержня, крючки относятся к двум типам: большой - к переметным, мог использоваться для ловли на живца, малый - к удильным (Салмина, 1994. С.165-169; Захаров, 2004. С.195). Бронзовые рыболовные крючки встречаются значительно реже железных, тем более интересно, что близкой аналогией большому крючку (практически совпадают все размеры) является крючок, найденный в крымской крепости Чембало (Балаклава) в сооружении XV в. (Адаксина и др., 2006. С.52, рис.150, 62). Значительно отличается от торецких единственный

бронзовый крючок, найденный в золотоордынском слое Болгара (Полякова, 1996. С.253).

Умбон. В первый год работ на памятнике, на раскопе I был выявлен ритуальный (?) комплекс – в яме № 4 правильной округлой формы диаметром 70 см и глубиной 35 см находился выразительный набор предметов: серебряная кольцевидная серьга, бронзовое зеркало, часть молотка, железный ключ, обломок лезвия топора, два стремени, две подпружные пряжки, берестяной колчан и бронзовая бляха, первоначально интерпретированная как умбон от щита (Валиулина, 2001. С. 7, рис.24, рис. 70). Плоско-выпуклая бляха в плане шестиугольной формы 6 х 6 см, с выпуклой сферической центральной частью и плоским бортиком, по краю которого пробиты три маленьких отверстия для крепления, в выпуклой сферической части пробиты два округлых отверстия диаметром 0,6 см (рис.1, 7). Умбон выполнен тиснением из листа металла, найден сломанным. На памятнике это единственная находка. Похожие предметы присутствуют в погребальном материале Келийского могильника XIII-XIV вв. в горной Ингушетии. В погребениях 4 и 15 бронзовые умбоны находились поверх кольчуги, они больше торецкого, их диаметр составляет 10 см, с двух сторон плоского края имеют парные отверстия, у одного граненый край (Виноградов, 1994. С.69, рис.6, 14-17, рис.7, 31,32; Нарожный и др., 2005. С. 298, рис. 3, 14). Авторы исследований видят в этих предметах традиции половецкого военного доспеха, обращаясь к изображениям на каменных изваяниях. Разница в размерах и иное расположение отверстий на торецкой бляхе не позволяют безоговорочно принять северокавказские аналогии. Видимо, могут быть и другие версии атрибуции этого предмета. В монгольской этнографии есть музыкальный ударный инструмент, имеющий средневековые истоки – в деревянной раме на подставке, в сетке квадратов закреплены шнурками с трех- четырех сторон бронзовые плоско-выпуклые круглые пластины, в комплект входит железный молоточек (Genghis Khan …, 2009. P.19). Торецкая бляха-умбон напоминает такие музыкальные пластинки.

Затыльники. Обоймы бронзовые плоские яйцевидные с клиновидной прорезью (рис.4, 4), очевидно для рукояти ножа и круглые плоские диаметром 3,8 – 4,2 см с маленьким круглым отверстием в центре (рис.4, 14, 17) для рукоятей шильев и других инструментов. Одна конусовидная массивная оловянная муфта обнаружена непосредственно на железном шиле.

Игральные свинцовые «альчики»-биты, повторяющие форму костяных, найдены в количестве двух экземпляров (рис.4, 31, 32).

Важной составляющей экономики поселения являлась внешняя и внутренняя торговля. Географию и объем международных и внутренних торговых операций представляют не только импорт, нумизматические материалы, но и торговый инвентарь: гирьки бронзовые (рис.6, 4, 13), свинцовые (рис.6, 9-12, 14, 15, 17), медные чашечки весов (рис.6, 16, 18-19). Особенно интересны в этой группе изделий западноевропейские ганзейские свинцово-оловянные торговые пломбы (рис.6, 1-3), тем более, что эти предметы впервые обнаружены в регионе Среднего Поволжья (Валиулина, 2010. С.186). Лучшую сохранность имеет двустворчатая пломба диаметром 2,2 см с петелькой-ушком для шнурка (рис.6,1) с изображением святого Олафа на одной стороне и шестиконечным крестом – на другой. Подобные пломбы в Новгороде происходят из слоев XIV – XV вв. и, по мнению Е.А.Рыбиной, «являются конкретными свидетельствами Новгородско-ганзейской торговли в целом и торговли тканями в частности» (Рыбина, 2009. С.192, рис.33,4).

Вторая пломба входит в тип 3 (по Л.Кизикявичюсу) - без соединенительной перемычки-петельки, на лицевой стороне пломбы - латинские буквы, на оборотной - четвероногий зверь и звезда под ним (рис.6, 2,3). Такие изделия массово представлены на Селитренном городище (Клоков, Лебедев, 2000. С.275-277).

Подводя итог обзору бытовых изделий из цветного металла, в основном медных и бронзовых, нужно отметить, что они отличаются широкой сферой использования в жизни торецкого населения. Особенностью этой группы предметов, в отличие от украшений и деталей одежды, является ее местное производство, что определяется утилитарным характером продукции и подтверждается химическим составом металла – подавляющее число изделий этой категории выполнено из «чистой» меди – самого распространенного на памятнике сплава (Валиулина, Зайцева, 2011. С.285). Исключение составляют западноевропейские оловянно-свинцовые товарные пломбы. Значительная часть изделий продолжает традиции золотоордынского ремесла (посуда, наперстки, замочек), другие предметы являются универсальными и имеют широкое хронологическое и территориальное распространение (затыльники-обоймы, рыболовные крючки, чашечки весов). Некоторые изделия, такие как миниатюрные петельки-ручки, могут рассматриваться как хронологический репер, исходя из того, что сложный кольчужно-пластинчатый доспех типа бехтерца получает распространение с XV в., как и позднесредневековые западноевропейские пломбы.

• Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 12-01-0096 «Материальная культура Торецкого городского поселения XV в.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (Балаклава) в 2005 году. СПб., Симферополь, 2006.

Валиулина С.И. Отчет о раскопках на Балынгузском (Торецком) III селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1998-1999 гг. Казань, 2001 // Архив Археологического музея Казанского федерального университета.

Валиулина С.И. Отчет о раскопках на Торецком поселении в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2007 г. Казань, 2008 // Архив Археологического музея Казанского федерального университета.

Валиулина С.И. Отчет о раскопках на Торецком поселении в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2009 г. Казань, 2010 // Архив Археологического музея Казанского федерального университета.

Валиулина С.И. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. // Российская археология, 2011. № 4.

Валиулина С.И. Отчет о раскопках на Торецком поселении в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2011 г. Казань, 2012 // Архив Археологического музея Казанского федерального университета.

Валиулина С.И., Зайцева И.Е. К вопросу о цветной металлообработке Торецкого поселения XV в. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Мат-лы V Межд.конф., посв. памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 2-6 октября 2011 г. Казань, Астрахань, 2011.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археологическое и этнографическое исследование Северного Кавказа. Краснодар, 1994.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Западноевропейские товарные пломбы из развалин Сарая // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция: 17-21 апреля 2000 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000.

Культура Биляра /Под ред.А.Х.Халикова. М., 1985.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья X-XV вв. Ижевск, 2001.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.5. Армавир, 2005.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность Важнангерское (Мало-Сундырское) городище его округа. Йошкар-Ола, 2006.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и благородных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Салмина Е.В. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове: (Классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков, 199

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.

Средневековые города Казахстана. Алматы, 200

Сокровища Приобья. СПб., 1996.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Худяков А.В. Исследования Балынгузского Торецкого II селища // АО 2005 года. М., 2006.

Benaki Museum. A Guide to the Museum of Islamic A 2001.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Gold Horde Cities. BAR International Series 198. Oxford. 198

Genghis Khan: the Exhibition by Don Lessem. Denv 2009.

Masterpieces from the Department of Islamic Art in T Metropolitan Museum of Art, 2011.

Museum fur Islamische Kunst. Staatliche Museen Berlin Preusischer Kulturbesitz, 2001.

Sezgin F. Wissenschaft und Technik im Islam. Frankf am Main, 2003.

Рис.1. Бытовые изделия из цветного металла Торецкого поселения:
1 - ручка сосуда или ларца; 2 - ручка котла; 3 - трубочка; 4 - деталь миниатюрного сосуда; 5 - петля ручки котла; 6, 8 - детали сосудов; 7 - умбон (?).

Рис.2. Посуда из цветного металла Торецкого поселения:
1- фрагмент сосуда; 2-4 - ковши; 5 - сковорода.

Рис.3. Изделия из цветного металла Торецкого поселения.
1-11 - заклепки; 12-18 - фрагменты сосудов.

Рис.4. Бытовые изделия из цветного металла Торецкого поселения:
1, 2 - петельки-ручки ; 3 - фигурка птички; 4 - муфта рукояти ножа; 5, 6 - наперстки; 7 - замочек;
8 - накладка; 9 - цепочка; 10, 11 - рыболовные крючки; 12 – матрица;
13 - фрагмент наковаленки (?); 14, 17 - муфты рукоятей инструментов;
15, 18 - чашечки-льячки; 16 - фрагмент поддона.

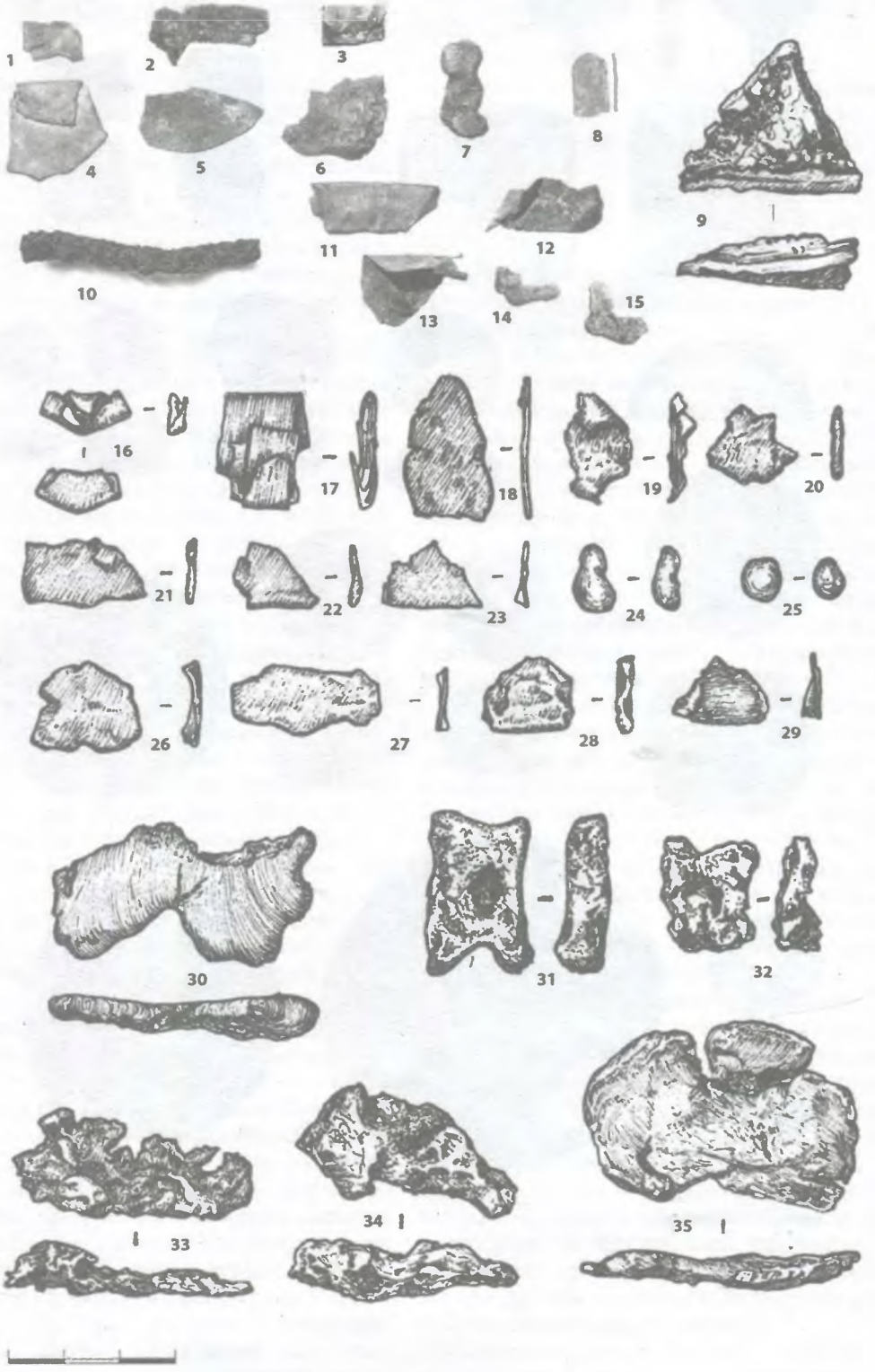


Рис.5. Отходы цветной металлообработки Торецкого поселения:
1-8, 10-29 - обрезки металла (медь); 9, 30, 33-35 - слитки (серебро, свинец);
31-32 - биты игральные (свинец).

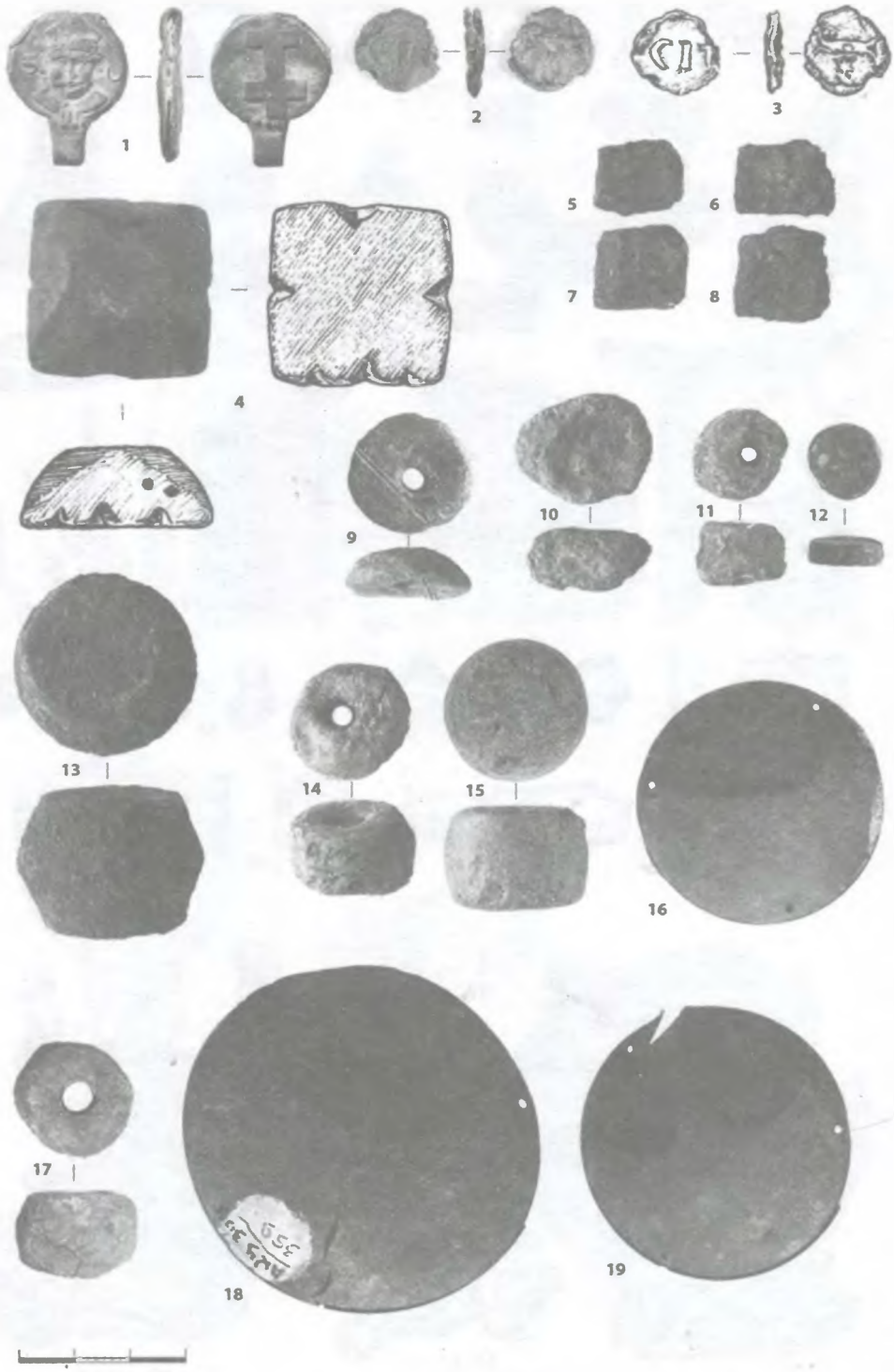


Рис.6. Торговый инвентарь Торецкого поселения:
1-3 – пломбы; 4-14, 17 – гирьки; 16, 18-19 – чашечки весов;
1-2 – свинцово-оловянный сплав, 4, 13, 16, 18-19 – бронза, 5-8 – железо, 9-12, 14-15, 17 – свинец.

П.Н. Петров, А.И. Бугарчёв

АНАЛИЗ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ НАХОДОК ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ С ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ЛУКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ САМАРСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. П.В. АЛАБИНА

В 2012 году авторами было изучено несколько групп джучидских монет, происходящих с археологических памятников Самарской Луки и хранящихся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

Среди находок имеется клад серебряных дирхемов,[1] никогда ранее не публиковавшийся и не учитывавшийся в сводках кладов. Он был обнаружен при строительстве ГЭС и в 1960-е годы передан в музей. Планируется отдельная работа по его изучению.

Были изучены единичные находки и сборы с таких памятников, как: Муранское селище и его окрестности (Шигонский район), Малая Рязань, Брусянское селище, а также случайные находки (подъемный материал) в Правобережье Самарской области. Информация о составе этих находок помещена в приложении.

В последние десятилетия в восточной нумизматике в России наибольшее внимание со стороны ученых оказывалось изучению кладов, находимых как археологами, так и населением. Без сомнения, клад – это интереснейший и важнейший памятник материальной культуры, обладающий поистине фантастической информативностью. А сравнительный анализ кладов одного времени с одной территории, равно как и анализ изменения состава кладов в зависимости от года тезаврации по информативности эквивалентен целым главам исторического повествования. Релевантность «прочтения» этих глав зависит исключительно от того, в какой степени исследователь «смог разобраться в языке» источника, на котором «ведется это повествование».

Кроме изучения кладов, в последние два десятилетия усилиями нескольких исследователей, и в первую очередь Валентином Петровичем Лебедевым, проводится массированное исследование и публикация комплексов единичных золотоордынских монетных находок с конкретных археологических памятников. Не секрет, что развитие любительского кладоискательства в России уже привело к массовому расхищению и уничтожению колоссального числа археологических памятников. При этом из земли было извлечено невероятно большое количество монет, в том числе монет золотоордынского периода. Резко увеличившийся объем нумизматического материала, поступившего на рынки страны, привел к всплеску интереса и ученых-нумизматов и любителей-исследователей. Именно поэтому некоторые ученые и исследователи озадачились активным сбором информации о находках единичных монет и публикацией этих комплексов. В результате было сделано большое количество открытий. Выявление новых центров чеканки, ханов или годов выпуска (не говоря просто об обнаружении неизвестных до этого времени типов[2] монет) сами по себе, конечно, важны, как открытия внутридисциплинарного характера. Однако вырванные из контекста археологического памятника монеты, несущие эти сведения, потеряли ту глубинную информационную нагрузку конкретно-исторического характера, которую из них можно бы было извлечь, так как нумизматические объекты, обнаруженные в ходе археологического изучения памятника, представляют собой самостоятельный источник.

Чем же полезна информация о комплексах единичных находок? Близкое знакомство с этой темой позволяет обнаружить, что разные населенные пункты в одном и том же районе (например, округе крупного города) возникали и исчезали в разное время и характеризовались разной интенсивностью монетного обращения в течение периода своего существования. Соответственно состав массы монетных находок с каждого памятника будет различаться. Также оказывается различным состав монетных масс разных крупных городов, областей и особенно регионов. Иными словами, каждый заселенный в средневековье регион обеспечивался во времени характерной по составу монетной массой, которую и отражает комплекс нумизматических находок с этой территории. Причины индивидуальности комплексов монет с памятников и с территорий понятны – различная динамика экономического развития каждой территории приводит к возникновению особенностей в динамике товарно-денежных отношений. Но именно эти особенности товарно-денежных отношений и сообщают нам ту уникальную конкретно-историческую информацию (практически документального характера) для каждого населенного пункта, района, области и региона.

О роли кладов в решении этой задачи здесь говорить не будем, поскольку об этом уже неоднократно рассуждали разные авторы. Речь идет именно об анализе комплексов единичных монетных находок, как с конкретного археологического памятника, так и с территорий – района, области и региона. Не всегда возможно выяснить точно, откуда происходят находки монет, если они происходят не из археологических раскопок, но всегда можно выяснить и проверить если не район, то область и тем более регион, где сделана находка. И эта информация оказывается крайне важной. Значима и полнота собранной информации о находках. И чем крупнее территория, с которой планируется произвести анализ нумизматического материала, тем больше по количеству должно быть собрано информации о находках.

Индивидуальность состава, присущая монетным комплексам единичных находок, позволяет осуществить нумизматическую характеристику данного конкретного археологического объекта (или территории) – получить своеобразный нумизматический «паспорт» на состав комплекса монетных находок. Его индивидуальность чем-то сродни дактилоскопии. Такая характеристика памятников (территории) гарантирует, что состав

Таблица 1. Формальная характеристика изучаемых комплексов (учтены суммарно серебряные и медные монеты)

Находки с памятников	*Кол-во, шт.*	*Степень репрезентативности комплекса*[3]	*Степень целостности находки*[4]	*Хронологический интервал, г.х.*		*Достоверность места находки*	*Публикация*
1. Малая Рязань	*29*	*низкая*	*полная*	*700*	*761*	*достоверно*	
2. Селище Брусянское	*22*	*низкая*	*полная*	*726*	*762*	*достоверно*	
3. Муранское селище (компл. от частн. лица)	*35*	*низкая*	*неясна*	*726*	*762*	*неясно*	
4. Муранское селище, сборы 2010 г.	*248*	*средняя*	*полная*	*700*	*764*	*достоверно*	
5. Муранское селище (сборы частн. лиц)	*907*	*высокая*	*неясна*	*660-е*	*764*	*частично проверено*	*А.В.Пачкалов (в печати)*
6. Правобережье Самарск. обл., сборы 2010 г.	*67*	*низкая*	*полная*	*734*	*762*	*достоверно*	
7 Окрестности с. Лбище	*18*	*низкая*	*полная*	*700(?)*[5]	*764*	*достоверно*	*А.Ф.Кочкина, А.В.Пачкалов, 2005, с. 99-106.*

любых дополнительных нумизматических находок с этих памятников (территории) практически не изменит информацию, отражаемую составленным «паспортом», а лишь подтвердит ее с минимальной долей расхождения. Незначительные расхождения обязательно будут, поскольку потеря монет в нашей жизни носит вероятностный характер, то есть, вероятность нахождения не встречавшейся здесь ранее монеты всегда существует. Соответственно, чем больше по размеру средневековый населенный пункт, чем активнее товарно-денежные отношения, тем больше в наши дни на нем делается находок монет, тем точнее получается характеристика состава монетного обращения. В идеале для изучения было бы необходимо учесть все единичные находки монет, однако, для огромных городов в этом нет необходимости, но есть необходимость топографической их фиксации на территории памятника.

Переходя от теоретических подходов к проблеме практического анализа комплексов единичных находок, следует сказать, что основным и главным параметром анализа является именно их состав, как количественный, так и качественный. Но, прежде всего, необходимо охарактеризовать доступные изучаемые комплексы с формальной стороны.

Из таблицы 1 видно, что анализу имеет смысл подвергать только два комплекса монет со средней и высокой степенью репрезентативности - № 4 и 5. Исследовать неопубликованные пока А.В. Пачкаловым материалы (№5) мы не можем. Незначительный же статистический объем материала с каждого памятника не позволяет проводить полноценный индивидуальный анализ каждого комплекса. В тоже время имеет смысл провести суммарный анализ состава находок со всего региона, но без учета комплекса №3 в 35 экземпляров, переданных в музей частником ввиду неуверенности в степени целостности этого комплекса.

Сначала рассмотрим самую незначительную группу – серебряные монеты, найденные на памятниках Самарской Луки. Таковых зафиксировано нами пока не много – 18 экз., причем, сведения о 8 экз. (№11-18) получены из других источников (см. табл. 2).

Кроме этих находок, авторам известны находки трех типов серебряных монет с именами ан-Насир ли-Дин Аллаха, Мёнгке-каана и Ариг-Буги на территории Муранского селища. На этом же памятнике встречаются и медные пулы с именами ан-Насир ли-Дина и пулы Мёнгке-каана. А недалеко от с. Шигоны в 2012 г. были найдены 4 пула с именем Ан-Насир ли-Дина (в=1,82; 2,42; 2,18 и 2,58 г). Правдивость всей сообщенной информации, в том числе, помещенной в таблицу 2 (№ 11-18), удалось проверить.

Существование на территории Самарской Луки статистического количества единичных находок монет, чеканенных в Булгарском вилайате в XIII в. до прихода к власти хана Менгу-Тимура, является важным фактом. Оно указывает на то, что в период существования Великой Монгольской империи (до образования Золотой Орды) территория Самарской Луки не пустовала, а сам этот регион входил в сферу экономического влияния Булгара. Поскольку монеты этого исторического региона (как несшие на себе тамги каанов и их имена, так и серебряные динары с именем покойного багдадского халифа ан-Насира) в связи с реформой в монетном деле вскоре после 665 г. х. полностью вышли из обращения[7]. Реформа была связана с изменением международного статуса улуса Джучидов и с приходом к власти ее первого каана – Менгу-Тимура, и она заменила монеты прежних выпусков на всей территории государства монетами с его тамгой. Поэтому дирхамы ан-Насир ли-Дин Аллаха, Мёнгке-каана и Ариг-Буги могли подвергнуться тезаврации в землю Самарской Луки в основном до 665/1266-1267 года,

Таблица 2.
Зафиксированные находки серебряных дирхамов и данговна памятниках Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (№№1-10) и других источников (№№ 11-18)

№ п/п	Место находки	Кол-во, шт.	Монетный двор	Эмитент	Год, г. х.	Примечание
1	Малая Рязань	1	Укек	анонимный	[700]	Прил./ 1
2	Малорязанское II селище, 2007 г.	1	Сарай	анонимный	686	Раскоп II[6], кв. 9, пл.1
3	Кузькинский могильник (Шигонский р-н), 2006 г.	1	Булгар ал-Махруса	Узбек-хан	731	Прил. /3
4-5	Муранское селище, сборы 2010 г.	2	Укек	анонимный	700	Прил./5
6	Муранское селище, сборы 2010 г.	1	Подражание	Подражание	Кон. XIII – нач. XIV в.	Прил./5
7	Муранское селище, сборы 2010 г.	1	Сарай	Узбек-хан	[714-721]	Прил./5
8	Муранское селище, сборы 2010 г.	1	Гулистан	Хызр-хан	762	Прил./5
9	Лбищенское селище (Ставропольский р-н), 2002 г.	1	Гулистан	Кулпа-хан	761	Кочкина, Пачкалов, 2005, с. 100.
10	Лбищенское селище (Ставропольский р-н), 2002 г.	1	Укек	анонимный	[700?]	Кочкина, Пачкалов, 2005, с.100, №14 (но без атрибуции).
11	Р-н г. Сызрани, 2012 г.	1	Укек	анонимный	[700]	в=0,88; д=14х16 частн. информация
12	Р-н г. Сызрани, 2012 г.	1	[Сарай]	анонимный	[681-690]	в=1,30; д=17х18 частн. информация
13	Р-н Муранского селища, 2012 г.	1	[Сарай]	Токта	[690-е]	в=1,33; д=17х20 частн. информация
14	Р-н Муранского селища, 2012 г.	1	Сарай ал-Махруса	Токта	710	в=1,16; д=15х15 частн. информация
15	Р-н с.Шигоны, 2012 г.	1	Подражание	Токту(?)	XIII(?) в.	в=1,20; д=19х20 частн. информация
16	Р-н с. Шигоны, 2012 г.	1	Булгар	Ариг-Буга	[660-е]	в=0,32; д=11х14 (обломана ~ на 1/3) частн. информация
17	Р-н с.Шигоны, 2012 г.	1	[Булгар]	анонимный	Сингатуллина, №123	в=1,32; д=16х17 (поврежден) частн. информация
18	Р-н с. Шигоны, 2012 г.	1	[Булгар]	анэпиграфный	Сингатуллина, №160	в=0,23; д=6х8 частн. информация

или в ближайший короткий период после этой даты. Фиксация столь раннего монетного обращения на территории Самарской Луки объясняет и тезаврацию других; более поздних серебряных монет (табл. 2, № 1, 12, 17, 18). Однако следует заметить, что сфера экономического влияния Булгара в какой-то момент сменилась на сарайскую. Это мы наблюдаем по редкой встречаемости известных анонимных и анэпиграфных монет Булгарского вилайата конца XIII – первых двух десятилетий XIV в. в составе находок с Самарской Луки и частой встречаемости монет Сарая и Укека. Даже исходя из данных таблицы 2, можно сделать заключение, что дирхемы Укека[8] начала XIV в. для этих территорий редкими не являются: из 12 дирхамов конца XIII – начала XIV в. пять являются продукцией укекского монетного производства.

Несомненно, даже на известном скудном материале (проверенном в плане достоверности места находки) видна возрастающая активность товарно-денежных отношений, начавшаяся после победы хана Токты над Ногаем. Конечно, для более детальных и конкретных выводов нужен больший объём достоверной информации о находках серебряных монет XIII – начала XIV в., который, может быть, удастся собрать в будущем. Так или иначе, а наивысший пик активности товарно-денежных отношений маркируется объемом

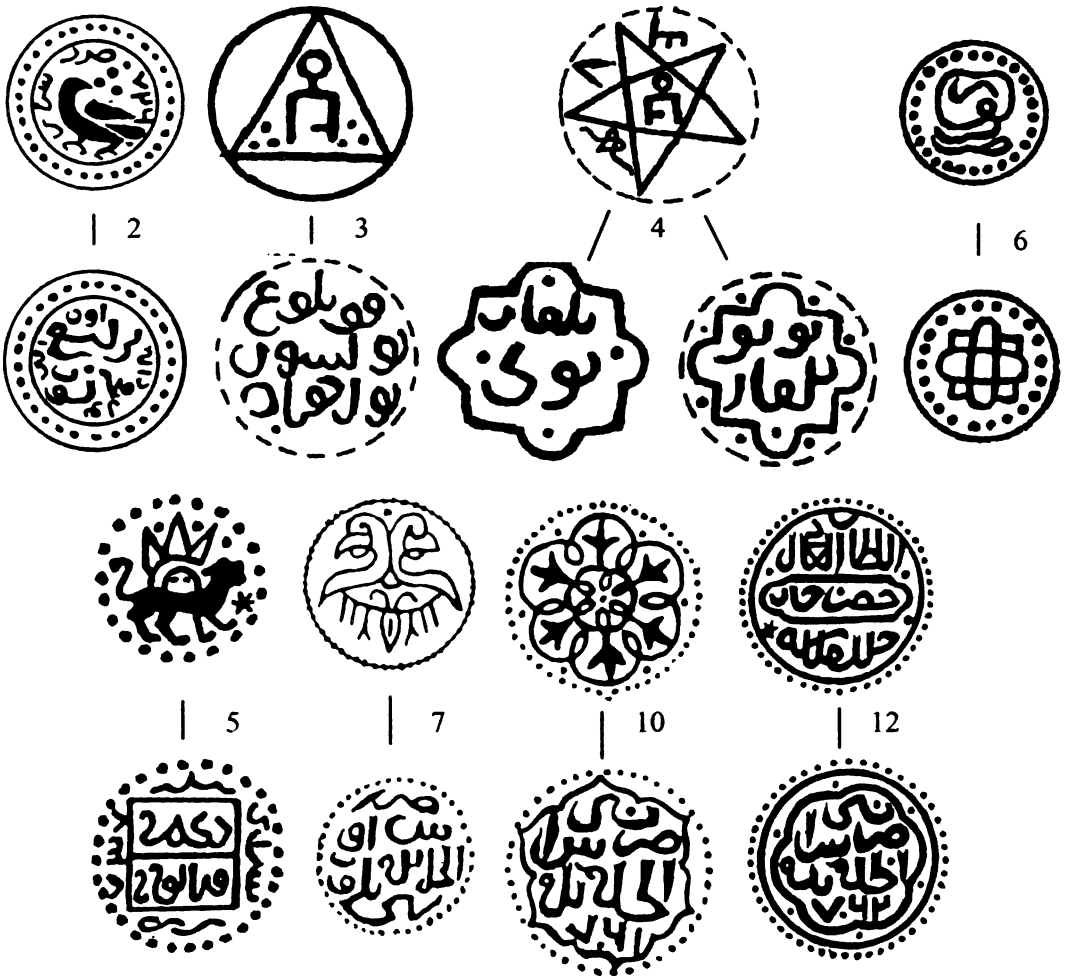


Рис.1. Некоторые типы пулов, встреченные на памятниках Самарской Луки.

нумизматических находок, относимых ко времени с 730-х/1330-х гг. до середины 760-х/1360-х гг. Об этом свидетельствуют и найденные на этой территории клады (в том числе упомянутый выше клад из фондов музея - СОИКМ КП-4658) и известные находки единичных серебряных монет (см. Морозов, 1995).

Рассмотрим теперь состав комплексов медных монет. Их общий объем составляет 400 экз. Из них 140 экз. неатрибутируемы по разным причинам (загрязнена поверхность, стерты). Таким образом, без учета комплекса №3 (табл.1) атрибутированных пулов учтено 260 экз. Учтенные монеты примем за 100% и рассмотрим встречаемость каждого типа монет, расположив их на гистограмме 1 в хронологической последовательности. Обозначим каждый тип номером. 1 Мохши [713-720-е]; 2 – Сарай, тип «сокол» [726]; 3 [Булгар], тип «тамга в треугольнике» [~729-732]; 4 – Булгар, тип «тамга в звезде» [732-736]; 5 – Сарай, тип «лев и солнце» [737-743]; 6 – Булгар, тип «решетка», [737-740 ...]; 7 – Сарай ал-Джадид, тип «двуглавый орел» [743-751]; 8 – Мохши, тип «ворон» [744]; 9 Мохши, тип «точка в круге» [745]; 10 - Сарай ал-Джадид, тип «розетка» [751-762]; 11 – Мохши, тип «розетка» [756]; 12 – Гулистан и Сарай ал-Джадид, Хызр 762; 13 – Азак, Абдаллах, 764; 14 – Гулистан, анонимный, 764.

На рис. 1 приведены рисунки некоторых типов пулов[9], встречаемых на археологических памятниках Самарской Луки. Номера типов соответствуют номерам на гистограмме.

В результате четко видно, что 95% находимых пулов приходится всего на 5 типов монет: Булгар, тип 4 «тамга в звезде» (732-736 гг.х.), Сарай, тип 5 «лев и солнце» (737-743 гг.х.), Сарай ал-Джадид, тип 7 «двуглавый орел» (743-751 гг.х.), Сарай ал-Джадид, тип 10 «розетка» (751-762 гг.х.) и пулы Хызр-хана 762 г.х. – тип 12. Обращает на себя внимание факт значительного присутствия среди находок с Самарской Луки, хранящихся в Самарском областном историко-краеведческом музее (более 10%) пулов Булгара типа «тамга в звезде». В незначительном количестве, но регулярно обнаруживаются пулы XIV в. соседнего региона – Мохши (типы 1, 8, 9 и 11) – 1,6%. Младшими монетами оказываются пулы, датированные 764 г. х. (типы 13 и 14).

Корректно оценку хронологического состава находок медных монет с территории Самарской Луки по данным коллекции музея можно произвести только качественную. А именно, можно достоверно оценить лишь характер этой зависимости, но не ее абсолютные количественные параметры. Причина заключается в том, что большинство пулов не несет на себе (либо не ставилось, либо не сохранилось) годов чеканки, а известный хронологический интервал

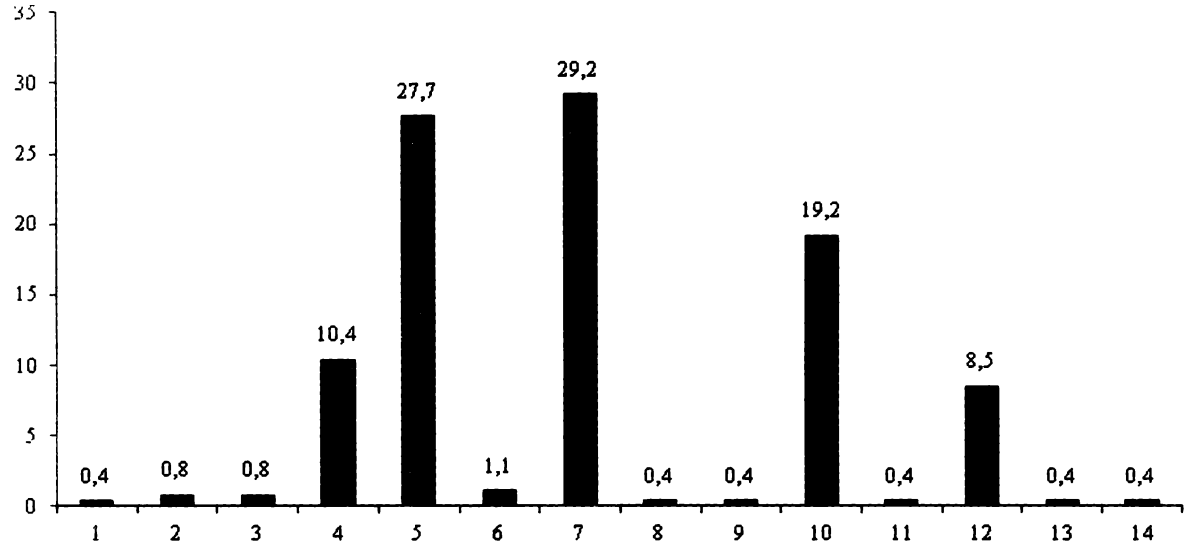


Рис.2. Гистаграмма распределения пулов, найденных на археологических памятниках Самарской Луки, по типам (в %) из собрания СОИКМ им. П.В. Алабина.

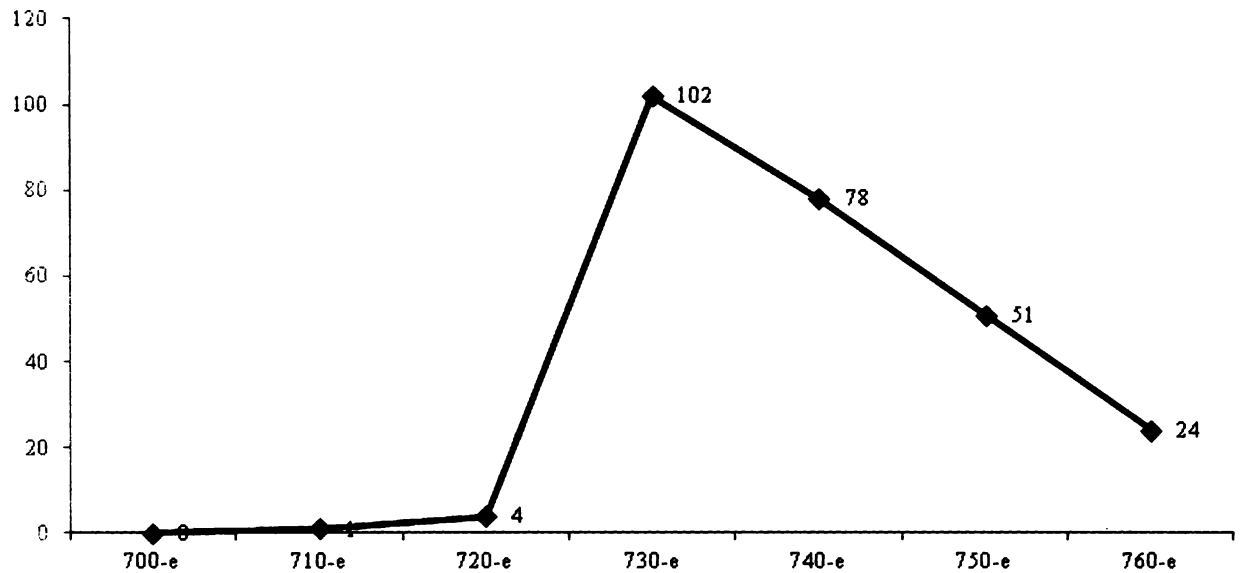


Рис.3. График хронологического распределения (в экз.) пулов, найденных на археологических памятниках Самарской Луки, из собрания СОИКМ им. П.В. Алабина.

чеканки этих типов, как правило, захватывает не одно, а два десятилетия. Зависимость строится именно по десятилетиям: график хронологического состава находок пулов с территории Самарской Луки приведен на рис.3. Кроме того, общее количество учтенных монет (260 экз.) не представляется нам достаточным для осуществления достоверной количественной оценки.

На графике видно, что основная масса пулов относится к периоду 730-х/1330-х – 740-х/1340-х гг. (рис.3). По сути, этот факт подтверждает правильность вывода, сделанного нами по данным анализа серебряных монет – всплеск активности товарно-денежных отношений на территории Самарской Луки приходится на 730-е гг.х.

Для более детального анализа и конкретных выводов имеющейся в нашем распоряжении массы единичных нумизматических объектов с достоверно установленным местом находки – недостаточно. Невозможно также по имеющимся материалам делать какие либо выводы по монетному обращению на каждом из средневековых поселений. Выводы, сделанные всего по 18 монетам, происходящим с Лбищенского поселения (Кочкина, Пачкалов, 2005), следует признать предварительными, требующими проверки.

Выводы:

Имеющиеся нумизматические данные способствуют формулировке предварительных выводов в отношении этапов экономической активности региона Самарская Лука:

товарно-денежные отношения на территории Самарской Луки фиксируются в период с

~650-х/1250-х гг. (однозначно ранее 665/1266-1267 г.). Пока нет основания обсуждать вопрос о еще более раннем периоде торговой активности, связанной с монетным обращением;

- регион Самарская Лука в третьей четверти XIII в. входил в сферу экономического влияния Булгара;

предварительно можно предположить, что рост активности товарно-денежных отношений начался после победы хана Токты над Ногаем – в самом начале XIV в. С последней трети XIII в. регион входит в сферу экономического влияния Укека и Сарая;

- всплеск активности товарно-денежных отношений наблюдается с 730-х/1330-х гг. х.;

завершение экономической активности региона приходится на вторую половину 760-х/1360-х годов.

Авторы приносят свою благодарность Дмитрию Алексеевичу Сташенкову и Анне Федоровне Кочкиной за оказанную помощь в работе с нумизматическим материалом.

Примечания:

[1] В кладе (СОИКМ КП-4658, Ф1-213) 178 монет, младшие монеты Гулистана с именем хана Мурида, 764 г.х.

[2] За критерий типа в данном случае принимается различный характер оформление монеты (в первую очередь различные изображения, позволяющие отличать монеты одна от другой без прочтения легенд).

[3] В какой степени этот комплекс может считаться репрезентативным по отношению к массе монетных находок с данного средневекового поселения.

[4] В какой степени данный комплекс соответствует по полноте изначально собранному комплексу (умышленно не выбранному после его сбора).

[5] В статье А.Ф. Кочкиной и А.В. Пачкалова монета №14 не атрибутирована, но она напоминает чекан Укека 700 г.х. (тип «ромб»).

[6] Информация А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкова.

[7] К сожалению, пока не достаточно информации о том, как быстро были выведены из обращения монеты булгарских выпусков Великой Монгольской империи, и не существовало ли периода их совместного обращения с монетами выпуском Золотой Орды при Менгу-Тимуре в течение пусть небольшого (в несколько лет) промежутка времени.

[8] Монетного двора Сарай в это время не существовало, а Укек, видимо, выполнял роль столичного центра.

[9] Авторы выражают благодарность В.П. Лебедеву за разрешение использовать некоторые его реконструкции монет. Приведенные на рис. 1 реконструкции следует рассматривать как изображения типов, а не самих монет, найденных на памятниках Самарской Луки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кочкина А.Ф., Пачкалов А.В. Монеты XIV в. с поселения Лбище // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005.

Морозов В.Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995.

Пачкалов А.В. Город XIV в. на Самарской Луке по данным нумизматики // в печати.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. Казань, 2003.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С АРХЕЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ САМАРСКОЙ ЛУКИ

Находки с селища Малая Рязань II (СОИКМ. Арх.-484/14-44, исключая №37). курсив
Серебро *(1 шт.)*: Укек, анонимный, тип «ромб», [700] г.х. – 1;
Медь *(28 шт.)*: Булгар, анонимный, тип «тамга в звезде», [732-734] гг.х. – 1 (обломан);
Сарай, анонимный, тип «лев и солнце», [737-743] гг.х. – 2;
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «двуглавый орел», [743-751] гг.х. – 9 (6 целые, 1 обломан, 2 с отверстием);
Сарай ал-Джадид(?), анонимный, тип «розетка» (односторонняя) – 1;
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «розетка», [751-762] гг.х. – 2 (с отверстием); 75х г.х. – 1; 761 г.х. – 1; год не указан – 1.
Неатрибутируемые – 6 (1 обломок, 1 с отверстием, 1 крупная с отверстием. 3 целых);
Полностью стертые – 4 (в т. ч. 1 с отверстием).

Находки с селище Брусянское.
Серебро *(0* шт.): нет.
Медь (*22* шт.): Сарай, анонимный, тип «сокол», 726 г.х. – 1; [726] – 1 (с отверстием);
Булгар, анонимный, тип «тамга в звезде», [732-734] гг.х. – 4 (1 с отверстием, 1 обломок. 2 целых пула);
Сарай, анонимный, тип «лев и солнце»; [737-743] гг.х. – 4;,
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «двуглавый орел», [743-751] гг.х. – 4 (в т. ч. 1 с отверстием);
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «розетка», [751-762] гг.х. – 2;
Сарай ал-Джадид, Хызр, 762 г.х. – 2;
Гулистан, Хызр, 762 г.х. – 3;
Неатрибутируемые – 1.

Находка в погребении 5 Кузькинского могильника.
Серебро (*1* шт.): Булгар ал-Махруса, Узбек хан, 731 г.х. – 1.

Находки с селища Муранское (от частного лица).
Серебро *(3* шт.): Булгар ал-Махруса, Узбек хан, 732 г.х. – 1;
Сарай ал-Джадид, Джанибек, 748 г.х. – 1; Гулистан, Бирдибек, 75[8-9] г.х. – 1.
Медь (*32* шт.): Сарай, анонимный, тип «сокол», 726 г.х. – 1; [726] – 1 (с отверстием);
Булгар, анонимный, тип «тамга в звезде», [73]4 г.х. – 1;
Сарай, анонимный, тип «лев и солнце», [737-743] гг.х. – 7;
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «двуглавый орел», [743-751] гг.х. – 7;
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «розетка», [751-762] гг.х. – 1, 751 г.х. – 1, 760 г.х. – 2;
Сарай ал-Джадид, Хызр, [762] г.х. – 1;
Гулистан, Хызр, 762 г.х. – 5 [722 (=762) г.х. – 1, 762 – 1, [762] – 3];
Неатрибутируемые – 7 (6 целые, 1 обломок).

Находки с селища Муранское (сборы 2010 г.).
Серебро *(5* шт.): Укек, анонимный, 700 г.х. – 2 (в=1,48 и 1,19);
Подражание конец XIII – нач. XIV вв. – 1 (в=1,21);
Сарай, Узбек, [714-721] г.х. – 1 (в=1,46); Гулистан, Хызр, 762 г.х. – 1 (в=1,49).
Медь (*243* шт.): монетная заготовка – 1;
Булгар, анонимный, тип «тамга в треугольнике», [~729-732] гг.х. – 2;
Булгар, анонимный, тип «тамга в звезде», [732-736] гг.х. – 19;
Булгар, анонимный, тип «решетка», [737-40] гг.х. – 3;
Сарай, анонимный, тип «лев и солнце», [737-743] гг.х. – 34;
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «двуглавый орел», [743-751] гг.х. – 36 (в т. ч. 1 посеребренный);
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «розетка», [751-762] гг.х. – 31;
Сарай ал-Джадид, Хызр, [762] г.х. – 3;
Сарай ал-Джадид, неясно г.х. – 2;
Гулистан, Хызр, [762] г.х. – 11;
Монетный двор?, Хызр – 1;
Мохши, анонимный, [713-720-е] – 1 (обломок);
Мохши, анонимный, тип «ворон», [744] – 1;
Мохши, анонимный, тип «точка в круге», [745] – 1;
Мохши, анонимный, тип «розетка», [756] – 1;
Азак, Абдаллах хан, 764 г.х. – 1;
Неатрибутированы – 96.

Находки в Правобережье Самарской обл., 2010, (СОИКМ, КП-28099/ 1-108).
Медь (67 шт.): Булгар, анонимный, тип «тамга в звезде», [732-736] гг.х. – 5;
Сарай, анонимный, тип «лев и солнце», [737-743] гг.х. – 29 (2 с изображением полного «солнца»);
Сарай ал-Джадид, анонимный, тип «розетка», [751-762] гг.х. – 9 (в т. ч. 752 г.х. – 1; 75х г.х. – 1).
Неатрибутированы – 24.

А.А. Хохлов

ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК ЛЮДЕЙ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БАРБАШИНСКОГО И МАЛОРЯЗАНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ)

За последние годы сотрудниками Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенковым был изучен ряд погребений у села Малая Рязань на Самарской Луке и на Барбашиной поляне г. Самары, датируемых XIII-XIV вв. н.э.

Малорязанский могильник расположен на Малорязанском II селище, которое по керамическому материалу авторами раскопок характеризуется как русский поселок (Кочкина, Сташенков, 2008). Захоронения на Барбашиной поляне являются частью большого некрополя, изучение которого началось еще в начале XX века. Материалы некрополя связывались с народом мордва-эрзя (Латынин, 1941; Алихова, 1954).

Антропологические исследования материалов Барбашинского могильника показали, что население, которому он принадлежал, было гетерогенно. Его основу составляли носители субуральского краниологического типа (Газимзянов, 2010. С.157), который был характерен и для других средневековых групп мордвы мокши и эрзя. И.Р. Газимзянов также отметил, что женские черепа Барбашинского могильника в целом отличаются от мужских, прежде всего, более монголоидным обликом.

Антропологическое исследование материалов Малорязанского могильника еще не завершено. Раскопки этого памятника продолжаются.

В настоящей работе представлены результаты комплексного изучения некоторых погребенных в этих могильниках, полученные на основе краниологического и остеологического анализа, а также метода графической реконструкции лица по черепу. Измерительные физические характеристики представлены в таблице №1, иллюстрации черепов и выполненные по ним портреты людей на рисунках 1, 3, 5, 9.

Малорязанский могильник, раскоп I, погребение 120 (Кочкина, см.статью в наст. сборнике)

Скелет принадлежал мужчине возраста 25-35 лет. Судя по величинам длинных костей, при жизни он имел рост в диапазоне 164,7-169,3 см[1], в среднем 167,1 см. – невысокий. Его череп в целом мезоморфный по размерам, мезокранный по указателю, имеет достаточно высокий свод. Лоб широкий и прямой. Лицевая часть среднеширокая и высокая. Также отмечается высокий симфиз нижней челюсти, что свидетельствует об общей высоколицести индивида. Его глазницы средневысокие, нос также средний по всем измерительным характеристикам, имеет средневысокое переносье, довольно сильно выступает в профиль. В этом ракурсе лицевой отдел ортогнатный (прямой). Все эти характеристики можно наглядно представить на графической реконструкции лица по черепу в позиции анфас и профиль (рис. 1).

Барбашинский могильник, раскоп 1, погребение 1. (Сташенков, 2012. С.16). Скелет хорошей сохранности, принадлежал мужчине 25-30 лет.

Кости посткраниальной части в целом развиты умеренно. По размерным характеристикам и макрорельефу, пожалуй, чуть ниже среднего, с тенденцией к грацильности. Рост человека был в пределах 164,4-170,5 см, в среднем 167,6 см. О грацильности сложения можно судить по условному показателю объема скелета (УПОС Г.Ф.Дебеца, 1963) – 6972,49 см^3, по которому условный вес человека мог быть около 67,6 кг. Ключицы и лопатки достаточно миниатюрны. По суммарной величине первых ширина плеч оценивается согласно градациям В.В. Бунака (Мамонова, 1986) как средняя. По формуле Д.И. Ражева ширина плеч была около 34,6 см (Ражев, 2003) – величина небольшая. Иллеокристальная ширина таза (253,0 мм) малая.

Череп долихокранный, его мозговой отдел средневысокий. Лоб узкий, средненаклонный. Лицо узкое и высокое, клиногнатное по горизонтальным сечениям и ортогнатное по углу выступания лица. Орбиты высокие. Нос среднеширокий в грушевидной части, его носовые косточки крупные по симотическим величинам, обуславливают высокое переносье и сильно выступают в профиль. Общий комплекс черт – грацильный, долихокранный, узко- и высоколицый, клиногнатный европеоидный. Напоминает средиземноморский краниологический вариант, что не следует воспринимать буквально как прямую связь с этим отдаленным географическим регионом. Реконструкция лица по черепу дает некоторое представление о физическом облике этого человека (рис.3).

Барбашинский могильник, раскоп 2, погребение 2 (Сташенков, 2012. С.17).

Скелет хорошей сохранности, принадлежал мужчине 35-40 лет.

Кости посткраниальной части в целом развиты средне. По размерным характеристикам, в том числе охватным, макрорельефу, данный индивид выглядит достаточно крепко сложенным. Рост, вычисленный по специальным формулам, составил 163,7-171,0 см, в среднем 167,8 см. Этот результат практически идентичный предыдущему случаю. Условный показатель объема скелета (УПОС) – 7582,70 см^3 выше, чем у индивида из погребения 1. Выше и условный вес - около 70,2 кг, что, видимо, соответствует более крепкому телосложению. Длиннее и мощнее ключицы – суммарно, хотя их общие размеры также укладываются в среднюю градацию (по В.В. Бунаку, Мамонова, 1986).

Мозговой отдел черепа узкий, долихокранный, с очень высоким сводом (рис.4). Лоб узкий и наклонный, плосковатый в горизонтальном сечении. Лицевой скелет среднеширокий и средневысокий, умеренно профилированный по горизонтали, прогнатный по углу выступания лица. Нос широкий, имеет небольшую симотическую высоту, но в профиль выступает достаточно сильно. Орбиты низкие. Симфиз и тело нижней челюсти высокие. Подбородок маловыразительный,

выступает слабо. На теле нижней челюсти имеются ореховидные вздутия - «torus mandibularis».

Комплекс черт напоминает субуральский краниологический тип, присущий финноязычным народам Поволжья средних веков. Этот краниологический вариант альтернативен описанному выше (р.1, п.1). Следует подчеркнуть, что те особенности и отличия, которые можно выявить при изучении краниологической части, не всегда удается проследить на графических реконструкциях плоскостного изображения. Иллюстрации облика этого человека представлены на рис. 5.

Барбашинский могильник, раскоп 3, погребение 7 (Сташенков, 2012. С.20).

Скелет принадлежал мужчине 35-40 лет.

Кости посткраниальной части по степени развития средние или несколько выше среднего. Достаточно выражены широтные и охватные размеры, особенно по отношению к продольным. Можно говорить о крепкокостном сложении человека. Его рост примерно был в диапазоне 162,3-168,3 см, в среднем 166,1 см. Условный показатель объема скелета (УПОС) – 7067,58 см^3, по которому реконструируется условный вес человека - 66,1 кг. Эта цифра небольшая, но относительно общего роста несколько завышена, что свидетельствует о вероятности плотного телосложения. Исходя из размеров ключиц, небольшим по длине, ширина плеч оценивается в целом около 32,8 см – величина очень малая.

Череп долихокранный, имеет высокий свод, среднеширокий и прямо поставленный лоб (рис.6). Лицо узкое и высокое, клиногнатное по горизонтали и ортогнатное по углу выступания. Нос среднеширокий, в профиль выступает средне. Переносье и орбиты средневысокие. Индивидуальный краниологический комплекс – долихокранный, лептоморфный высоколицый, клиногнатный европеоидный. Профильная графическая реконструкция дает некоторое представление об облике этого человека (рис.7).

Барбашинский могильник, раскоп 3, погребение 10 (Сташенков, 2012. С.21-22).

Скелет принадлежал женщине 35-40 лет. Кости посткраниальной части грацильные. Рост индивида был около 147,5-152,5 см, в среднем 150,4 см. Условный показатель объема скелета (4624,5 см^3) и условный вес (52,8 кг) – малые, но относительно роста достаточно большие. По размерам левой ключицы ширина плеч малая (30,1 см). Индивид узкоплечий, что для женского пола соответствут норме.

Череп в целом небольшой, долихокранный, средний по высоте свода. Лоб среднеширокий, прямой (рис.8). Лицевой скелет среднеширокий и низкий, с низкими орбитами и узким носом. Его горизонтальная профилировка достаточно выраженная с несколким ослаблением на верхнеглазничном уровне. Вертикальный профиль ортогнатный. Носовые косточки небольшие по общей длине, имели вогнутую спинку носа. Комплекс черт близок субуральскому краниологическому типу, что имеет отражение в графической реконструкции лица по черепу (рис. 9).

Общий антропологический очерк

Изученный палеоантропологический материал дает первые визуальные представления о физическом облике населения Самарского края золотоордынского времени, представляющего русский и мордовский этносы. Судя по краниологической части, носители этих культур несколько различались. В составе русского народа, судя также по другим известным антропологическим источникам Восточной Европы (Алексеев, 1969; Алексеева, 1973), был в большей степени представлен классический европеоидный компонент с мезо-брахикранной мозговой коробкой и мезоморфным лицом. Среди финноязычного населения Поволжья доминировал так называемый субуральский краниологический комплекс, отличающийся менее профилированным лицом и нередко долихокранией. Однако ко времени XIII-XIV веков эти различия, особенно в контактных зонах, нивелировались. Вследствие культурно ассимиляционных и последующих метисационных процессов происходило диффузно перекрестное распространение генотипов и свойственных им фенотипических комбинаций. Это, несомненно, отражалось во внешнем сходстве носителей русской и мордовской культур, что особенно проявилось в современности.

Судя по нашим реконструкциям, население этих этносов, осваивавших Самарский край, не было рослым. Для четырех мужчин эта величина в среднем составила 166,1-167,8 см, для одной женщины – 150,4 см. Это первые данные такого рода и, вероятно, они обусловлены лишь малочисленностью выборки. Между тем, не следует забывать, что речь идет о средневековой эпохе, когда, по всей видимости, отсутствал процесс акселерации, характерный для современности. По мировой шкале Рудольфа Мартина представленные величины соответствуют среднему росту и даже выше среднего роста для мужчин. Дальнейшие исследования в этой области позволят получить новые антропологические и демографические реконструкции.

[1] *Рост здесь и далее вычислялся по трём формулам (К.Пирсона и А.Ли; В.В.Бунака; Г.Ф.Дебеца) и оценочной таблицы М.Троттер и Г.Глезер (Алексеев, 1966).*

Таблица 1. Краниологические данные по материалам Малорязанского и Барбашинского могильников

Признак		муж п.120	муж р.1, п.1	муж р.1, п.2	муж р.1, п.7	жен р.1, п.10
1.	Продольный диаметр	183,5	185,0	184,0	192,0	182,0
8.	Поперечный диаметр.	142,5	130,0	129,0	133,0	127,0
17.	Высотный диаметр.	137,0	133,5	143,5	141,0	128,0
20.	Ушная высота	119,0	112,0	112,0	118,0	113,0
5.	Длина основания черепа	100,0	101,5	110,0	107,0	101,0
9.	Наименьшая ширина лба	101,0	88,0	90,0	95,0	91,0
11.	Ширина основания черепа	130,5	122,0	120,0	118,0	116,5
12.	Ширина затылка	115,0	107,0	109,0	112,0	105,0
40.	Длина основания лица	100,0	95,0	108,0	101,0	98,0
43.	Верхняя ширина лица	110,0	99,5	103,5	103,0	96,0
45.	Скуловой диаметр	135,0	126,0?	131,5??	126,0	122,0
46.	Средняя ширина лица	97,0	94,0?		95,0	96,0
47.	Полная высота лица	127,0	127,5	118,0	130,0	103,0
48.	Верхняя высота лица	77,0	77,0	68,0?	76,0	64,0
51.	Ширина орбиты	42,3	40,8	43,0	41,3	40,5
52.	Высота орбиты	34,3	37,3	31,4	34,7	30,5
54.	Ширина носа	25,4	26,1	28,2	24,6	20,2
55.	Высота носа	51,3	56,4	50,5	52,2	44,8
60.	Длина альвеолярной дуги	57,0	55,0		59,0	51,0
61.	Шиина альвеолярной дуги	71,0	64,0	64,0	59,0	59,0
sc.	Симотическая ширина	7,6	9,0		9,1	11,8
ss.	Симотическая высота	3,5	5,3	2,9??	4,0	
mc.	Максиллофронтальная ширина	20,4	21,0		20,0	21,8
ms.	Максиллофронтальная высота	7,5	9,0		7,9	
FC.	Глубина клыковой ямки	6,1	6,0	4,3п.	6,4	5,3
32.	Угол наклона лба	86,0°	80,0°	79,0°	86,0°	90,0°
33(4).	Перегиба затылка	124,0°	121,0°	126,0°	121,0°	114,0°
72.	Общелицевой	85,0°	87,0°	79,0°	88,0°	90,0°
74.	Альвеолярной части	85,0°	71,0°	77,0°	80,0°	76,0°
75(1).	Выступания носа	31,0°	31,0°	35,0°	26,0°	23,0°???
77.	Назомалярный	120,5°	125,0°	143,0°	136,0°	140,0°
zm.	Зигомаксиллярный	128,0°	119,0°	126,0°??	116,5°	122,0°
8/1.	Черепной ук.	77,7	70,3	70,1	69,3	69,8
54/55.	Носовой ук.	49,5	46,3	55,8	47,1	45,1
ss/sc.	Симотический ук.	46,1	58,9		44,0	
65.	Мыщелковая ширина		111,0	119,0	117,0	116,0
66.	Угловая ширина	111,0	99,0	108,0	100,0	90,0
67.	Передняя ширина	44,5	48,0	46,0	45,0	41,0
69.	Высота симфиза	37,0	36,0	37,0	40,0	29,0
69(1).	Высота тела	35,0	34,0	36,5	35,5	29,0
71a.	Наим.ширина ветви	35,0	27,0п	37,0	34,0	33,0
C.	У. выст.подбородка	74,0	76,0	86,0	72,0	73,0
	Надпереносье	2,5	4,0	4,0	4,5	2,5
	Затыл. бугор.	3,0	1,0	2,0	4,0	2,5
	Сосцев. отр.	2,5	1,5	2,7	2,0	1,0
	Пер.-носов. к.			3,0	4,0	2,0?

Примечание: п.120 - Малорязанский могильник, остальные - Барбашинский могильник.

Акимова М.С. Краниологическая характеристика мордвы-эрзя // ТИЭ АН СССР. Т.XIII (нов.серия). М., 1960.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973.

Алексеева Т.И. Черепа из Муранского могильника // Советская антропология, №1. М., 1959.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА, №42. М., 1954.

Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд.ист.наук. М., 2001.

Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки. Вып. XIV. Самара, 2010 .

Кочкина А.Ф. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке // В печати.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследования Малорязанского II селища на Самарской Луке // Археологические открытия 2007 г. М., 2010.

Латынин Б.А. Поляна им. Фрунзе // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории Самары. Самара, 2012.

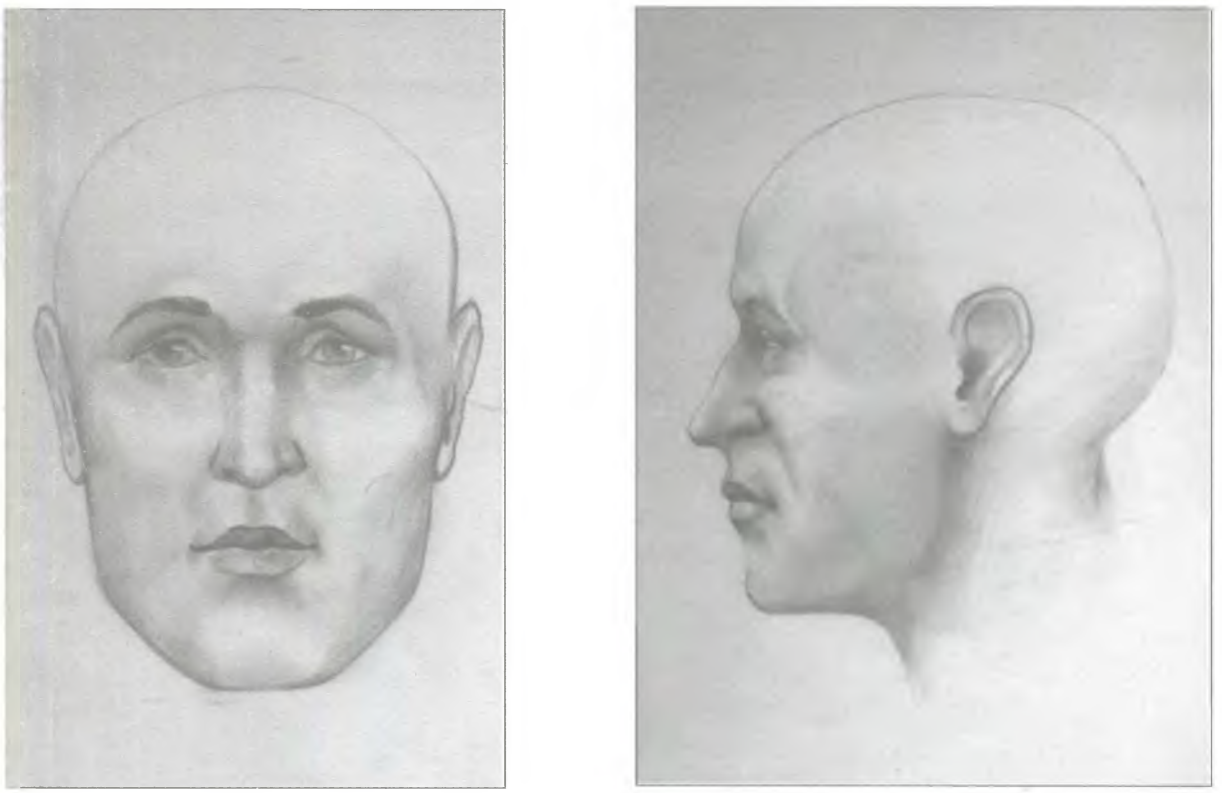


Рисунок 1. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины (могильник Малая Рязань, п. 120). Выполнена Р.М. Галеевым (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая).

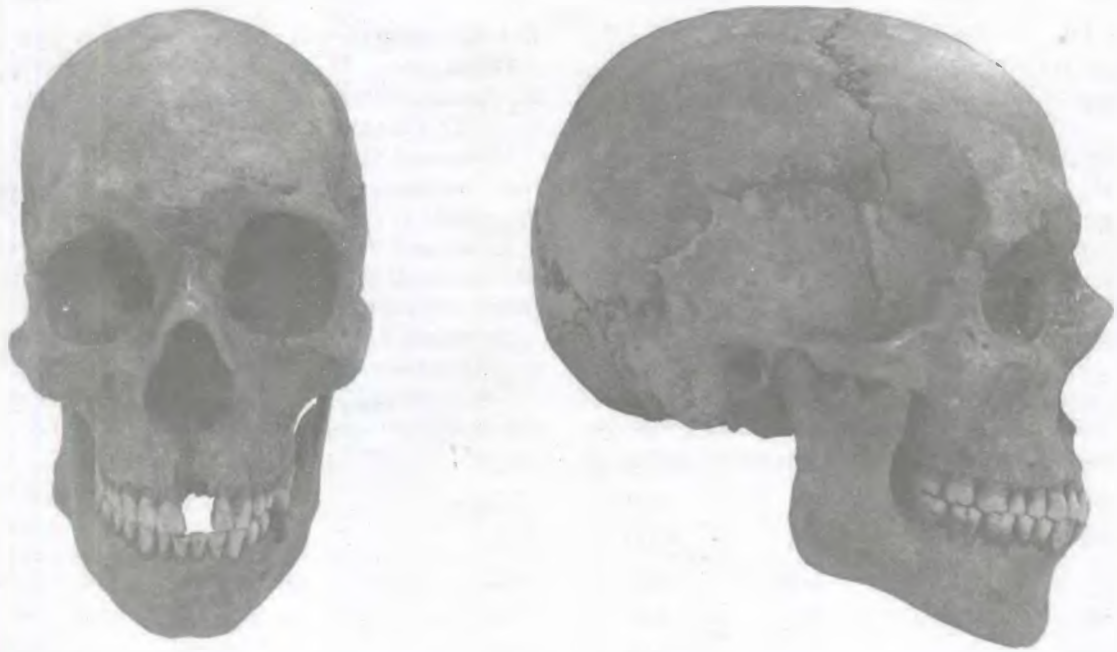


Рисунок 2. Барбашинский могильник, раскоп 1, погребение 1, череп мужской.

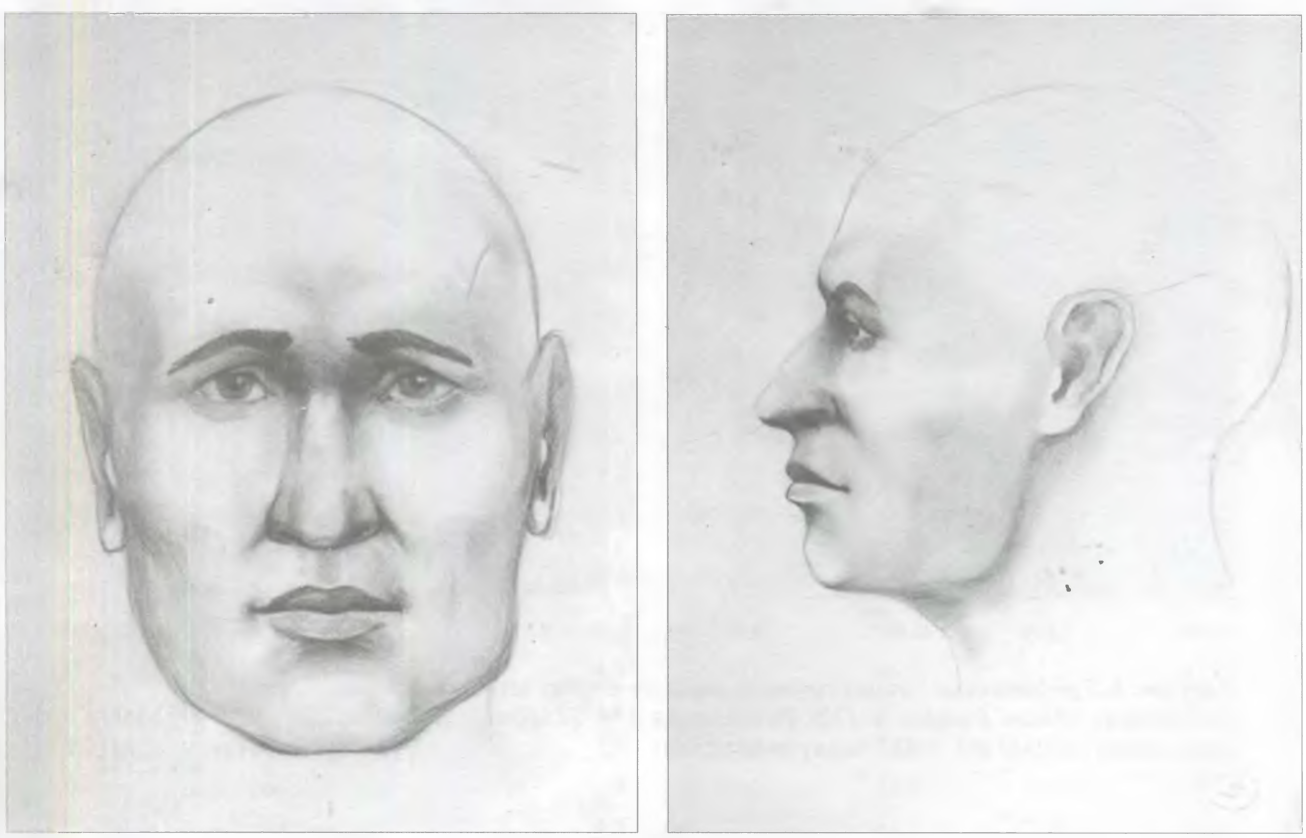


Рисунок 3. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины (Барбашинский могильник, раскоп 2, погребение №2). Выполнена Р.М.Галеевым.

Рисунок 4. Барбашинский могильник, раскоп 1, погребение 2, череп мужской.

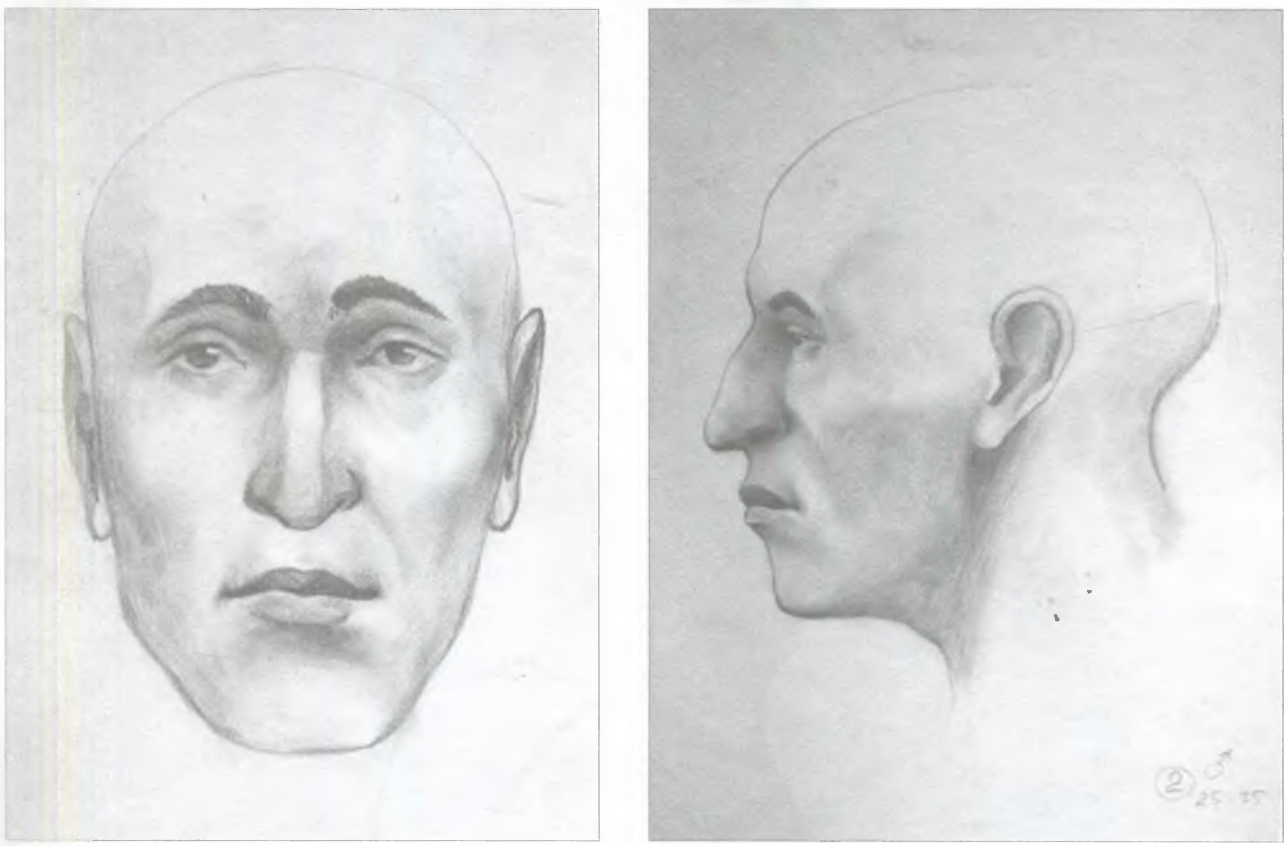


Рисунок 5. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины (Барбашинский могильник, раскоп 1, погребение 1). Выполнена Р.М. Галеевым.

Рисунок 6. Барбашинский могильник, раскоп 2, погребение 7, череп мужской.

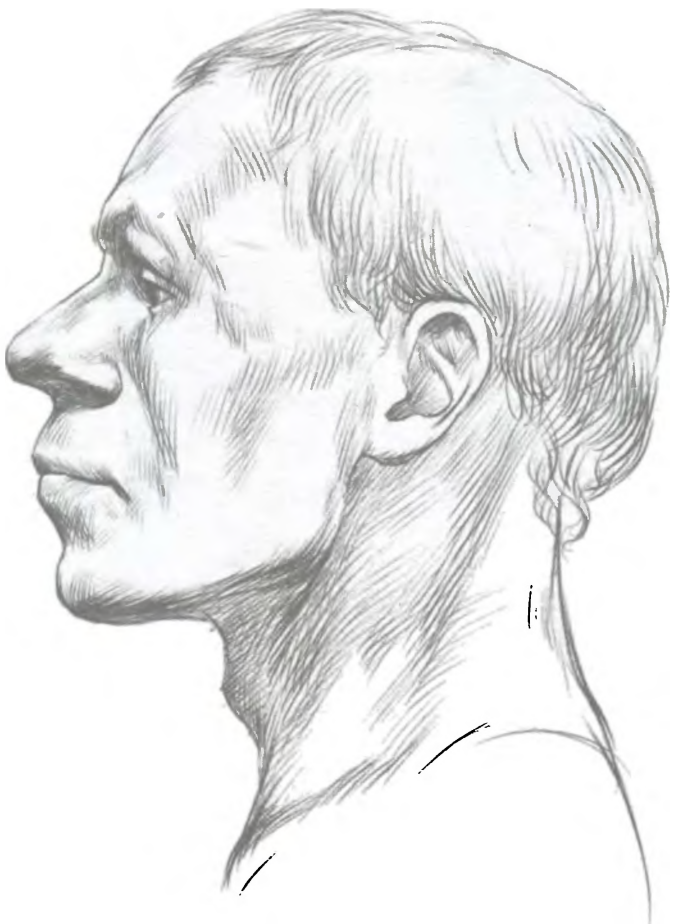


Рисунок 7. Графическая реконструкция лица в профиль по черепу мужчины (Барбашинский могильник, раскоп 2, погребение 7). Выполнена Д.В. Пежемским и А.Н. Рыжкиным.

Рисунок 8. Барбашинский могильник, раскоп 2, погребение 10, череп женский.

Рисунок 9. Графическая реконструкция лица в профиль по черепу женщины (Барбашинский могильник, раскоп 2, погребение 10). Выполнена Д.В. Пежемским и А.Н. Рыжкиным.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР (КОНЕЦ XIII-XVI В.)»

Конференция проводилась 21-23 ноября 2012 г. в ГБУК СОИКМ им. П.В.Алабина в соответствии с планом мероприятий по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары на 2011-2012 годы (Постановление Правительства Самарской области № 194 от 26.05.2011 г., п.5).

В конференции приняли участие 18 специалистов в области археологии и истории средневековья из научных центров Москвы, Казани, Самары, Саратов, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы.

На конференции обсуждались следующие проблемы: многоэтничность культуры населения Среднего Поволжья в эпоху Золотой Орды, образование и функционирование поселений в Среднем Поволжье в золотоордынскую эпоху, Самарский край на картах и портоланах эпохи средневековья и нового времени, Самарский край после распада Золотой Орды, заселенность Самарского Поволжья в XV-XVI вв. (археологический и исторический аспекты), роль русского государства в освоении поволжских земель в XVI в., характер взаимодействия оседлого и кочевого населения в период русского освоения Поволжья, основание крепости Самара.

На открытии конференции с приветствием к ее участникам обратились ведущий специалист Министерства культуры Самарской области Л.И. Татаринова и заместитель руководителя Управления государственной архивной службы Самарской области Р.Ф. Пантюхина.

В докладе депутата Самарской Губернской Думы, д.и.н. Михаила Николаевича Матвеева «О некоторых результатах деятельности рабочей группы по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары» освещалась история вопроса о новом взгляде на начальную историю города Самары, которая, возможно, ведет отсчет не с XVI в., а с XIV в. Особое внимание было уделено западноевропейским картам, которые, по мнению докладчика, не исчерпали своих источниковедческих возможностей. Докладчик остановился на необходимости проведения масштабных археологических изысканий на территории города.

В выступлении главного специалиста Управления государственной архивной службы Самарской области Юлии Александровны Дудинцевой «Об итогах изучения исторических материалов по определению даты основания города Самары в 2011-2012 гг.» была представлена информация об итогах изучения архивных материалов, которое было организовано Управлением государственной архивной службы Самарской области. Исследования проводились специалистами г.Москвы – д.и.н. В.А. Кучкиным (руководитель Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН), к.и.н И.К.Фоменко (с.н.с отдела картографии Государственного исторического музея), г.Казани - Института истории им. Ш.Марджани АН Республики Татарстан.

В докладе к.и.н. Игоря Викторовича Волкова (г.Москва, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) «Поволжье на средневековых картах» были обстоятельно проанализированы картографические материалы, содержащие информацию о поселениях Поволжья в XIII-XIV вв. Особое внимание было уделено необходимости критического отношения к такому источнику, как средневековые карты и портоланы, данные которых не всегда возможно соотносить с реальными населенными пунктами. Доклад вызвал много вопросов и заинтересованное обсуждение.

Доклад д.и.н., профессора СамГУ Эдуарда Львовича Дубмана «Самарское урочище» и окружающие его территории в XVI столетии» был посвящен анализу комплекса документов, характеризующих ситуацию, предшествующую основанию крепости Самара в конце XVI в. и подтверждающих, что крепость возникла на месте, где историческая память уже не сохранила никаких следов поселений предыдущих эпох.

В выступлении к.и.н., ученого секретаря СОИКМ им. П.В. Алабина Дмитрия Алексеевича Сташенкова «Результаты археологических исследований на территории г.о. Самара в 2011-2012 гг.» были подведены итоги проведенным в последние годы работам. За это время были проведены раскопки на Барбашинском могильнике и установлено, что на памятнике сохранились ненарушенные участки, на которых возможно проведение стационарных работ. Проведено разведочное обследование доступных участков территории, где предположительно располагалось Барбашинское поселение, синхронное могильнику. В силу плотной городской застройки обследованной территории не удалось выявить участка с полноценным культурным слоем, пригодного для проведения раскопочных работ.

Проведенные обследования территории расположения Самарской крепости показали, что из-за плотной промышленной застройки действующих предприятий проведение там полноценных исследований в настоящее время возможно только с большими материальными затратами при условии доброй воли собственников земель.

На исследованном в 2011-2012 гг. ранее не известном археологическом памятнике - селище Студеный Овраг зафиксированы слои от III тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э.

В совместном докладе к.и.н., доцента ПГСГА Александра Александровича Хохлова (г. Самара), и м.н.с. отдела физической антропологии ИЭА РАН Равиля Марветовича Галеева (г. Москва) «Антропологический облик средневекового населения Самарского Поволжья (по материалам могильников)» анализировались новые данные, полученные при раскопках археологических памятников на Самарской Луке и г.Самаре в последние годы. Особое место в докладе было уделено антропологическим реконструкциям по черепу из погребений Барбашинского могильника на территории г.Самары.

В докладе зав. редакцией религиоведения Большой Российской энциклопедии Андрея Игоревича Макарова (г. Москва) «Древние храмы Самары» был представлен детальный анализ письменных источников и картографический материал исторических планов Самары, позволяющий уточнить количество первых самарских храмов, в том числе каменных.

Участники конференции «Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.)»
Сидят слева направо: И.Н. Васильева, А.Ф. Кочкина, В.Н. Зудина, О.В. Турганова.
Стоят: А.И. Бугарчев, А.И. Макаров, М.Н. Матвеев с сыном Глебом, Д.А. Кубанкин, А.И. Михеева, П.Н. Петров, Д.А. Сташенков, Е.В. Майорова, В.Ю. Морозов, Э.Л. Дубман, И.В. Волков, А.Г. Ситдиков, В.Ю. Коваль.

Доклад к.и.н., заведующий Национальным центром археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, зав.кафедрой археологии и этнографии К(П)ФУ Айрата Габитовича Ситдикова (г. Казань) «Историческая топография средневековой Казани: по материалам археологических исследований» был посвящен характеристике материалов археологических исследований, проведенных в г. Казани в конце XX – начале XXI вв. Особое внимание было отведено выявлению культурных слоев, связанных с периодами формирования и развития поселений на месте современного города. Многолетние работы на территории г.Казани и раскопанная площадь более 50 тыс. кв. м. позволила выстроить топографию поселений в хронологическом порядке.

В сообщении н.с. Саратовского областного музея краеведения Дмитрия Александровича Кубанкина «Древнерусский слой золотоордынского города Укек. Материалы археологических исследований 2010-2012 гг.» были продемонстрированы результаты исследований последних лет, которые приобрели более масштабный характер, чем в предшествующие годы. Материалы, полученные при раскопках, свидетельствуют о высокоразвитой городской культуре поселения.

В совместном докладе к.и.н., н.с. Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Павла Николаевича Петрова (г. Казань - Нижний Новгород) и аспиранта Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Алексея Игоревича Бугарчева (г. Казань) «Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина» представлены новые нумизматические материалы, происходящие с археологических памятников Самарской Луки и хранящихся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея. В докладе впервые обстоятельно охарактеризовано формирование товарно-денежных отношений в Самарском Поволжье в эпоху Золотой Орды, начавшееся в самом начале XIV века. Всплеск активности товарно-денежных отношений наблюдается с 730-х/1330-х гг.х., а завершение экономической активности региона приходится на вторую половину 760-х/1360-х годов.

В рамках конференции был проведен семинар по теме: «Особенности керамического производства у русского населения Золотой Орды и Руси во второй половине XIII – XIV вв. (истоки, традиции, адаптация к новым условиям)».

Керамика является определяющим археологическим источником, позволяющим маркировать миграционные потоки в эпоху Золотой Орды в Поволжье, поэтому она всегда привлекает пристальное внимание археологов. Исследование керамики русского населения Золотой Орды в сравнительном аспекте с материалами собственно русских земель позволит определить пути миграций русского населения и особенности его расселения в регионе.

В докладе зав. отделом археологии СОИКМ им. П.В.Алабина Анны Федоровны Кочкиной «Русская керамика в керамическом комплексе Малорязанского II селища эпохи Золотой Орды» была дана общая характеристика керамического комплекса Малорязанского II селища на Самарской Луке, исследуемого в последние годы экспедицией СОИКМ им. П.В.Алабина. Русская керамика, представленная на памятнике, имеет широкий круг аналогий

с материалами памятников, прежде всего, Самарского Поволжья, а также поселений Северо-Восточной Руси. Встречены материалы, близкие керамике других регионов Руси. Получение новых археологических материалов позволило вновь ставить вопрос о корнях керамической традиции у русского населения золотоордынских поселений Поволжья.

В исследовании к.и.н., с.н.с. Института истории и археологии Поволжья Ирины Николаевны Васильевой (г.Самара) «Сравнительное изучение традиций изготовления «русской» керамики в Поволжье и некоторых русских княжествах в XIII-XIV вв.» представлены результаты технико-технологического анализа керамики Малорязанского II селища и проведено их сравнение с результатами аналогичного анализа русской керамики Поволжья, в том числе с памятников на территории г.Самары (Барбашинское поселение, Постников Овраг) и памятников Руси: Московского кремля, Владимира, Ростиславля и др.

В докладе к.и.н., н.с. Института археологии РАН Владимира Юрьевича Коваля (г.Москва). «Керамическое производство Северо-Восточной Руси в эпоху подчинения Золотой Орде» анализируются материалы ряда памятников Северо-Восточной Руси, свидетельствующие о том, что в керамическом производстве Руси в эпоху подчинения Золотой Орде произошли существенные изменения, предпринимается попытка выяснить причины этих изменений.

Доклад м.н.с. отдела охранных раскопок Института археологии РАН Елены Владимировны Майоровой (г.Москва) «К характеристике керамики г. Владимира (раскопки 2008 г.,13-й квартал)» был посвящен итогам анализа керамики одного участка исследования г.Владимира, центра Северо-Восточной Руси. Материалы раскопа позволили проследить определенную эволюцию развития традиций в гончарстве Владимира в переходный период от домонгольского времени к золотоордынской эпохе.

В выступлении к.и.н., консультанта Управления по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Аурики Ивановны Михеевой (г.Йошкар-Ола) «Керамический комплекс Барковского селища (XIII-XV вв.)» была дана характеристика керамического комплекса Барковского селища, расположенного в марийском Поволжье. Особое внимание было уделено группе так называемой славяноидной керамики, которая отличается от русской наличием в формовочной массе дробленой раковины, повторяя в основном те же формы сосудов.

При подведении итогов конференции участники конференции дали положительный отзыв проведенным исследованиям исторических документов по истории Самары, отметив, что археологические исследования вносят значимый вклад в изучение древней истории Самарского Поволжья. Была подчеркнута необходимость проведения регулярных исследований на территории города и окрестностей г.Самары, т.к. только комплексный подход позволит выявить особенности формирования и функционирования поселений в этом регионе. Отмечена необходимость детального исследования различных категорий археологических материалов, особенно традиционных групп керамики.

К началу работы конференции была приурочена археологическая выставка из фондов ГБУК СОИКМ им. П.В.Алабина «Самарские древности (новые исследования на территории города Самары)», подготовленная отделом археологии ГБУК СОИКМ им. П.В.Алабина. Во время работы конференции состоялась презентация книги «Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике».

Участники конференции на открытии выставки «Самарские древности (новые исследования на территории города Самары)»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ГАСО - Государственный архив Самарской области
ГАСарО - Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИН АН СССР - Геологический институт Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИИЕиТ РАН - Институт истории естествознания и техники РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
МГУ – Московский государственный университет
ПГСГА - Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
РА ИИМК - Рукописный архив Института истории материальной культуры (С.-Пб.)
РГАДА - Российский государственный архив древних актов
РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
РГИА - Российский государственный исторический архив
СА - Советская Археология
СГПУ - Самарский государственный педагогический университет
СГУ - Самарский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СОИКМ - Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СЭ - Советская этнография
ЦГАСО - Центральный государственный архив Самарской области
ЦИАМ - Центральный исторический архив г.Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Дудинцева Ю.А. Об итогах изучения исторических материалов и определению даты основания города Самары в 2011-2012 гг. 4
Матвеев М.Н. О некоторых итогах деятельности рабочей группы по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары 6
Фоменко И.К. Первые упоминания «Самары» в западноевропейских средневековых источниках 9
Волков И.В. Поволжье на средневековых европейских картах 24
Сташенков Д.А. Некоторые итоги археологических исследований на территории города Самары 80
Дубман Э.Л. «Самарское урочище» и окружающие его территории в конце XV - XVI в. 94
Макаров А.И. К вопросу об истории и топографии первых самарских храмов 98
Кочкина А.Ф. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке 107
Кубанкин Д.А. Древнерусский слой золотоордынского города Укека (Материалы археологических исследований 2010-2012 гг.) 129
Коваль В.Ю. Керамика Северо-Восточной Руси в эпоху господства Золотой Орды 133
Валиулина С.И. Бытовые изделия из цветного металла Торецкого поселения 143
Петров П.Н., Бугарчёв А.И. Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина 153
Хохлов А.А. Физический облик людей Самарского Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам Барбашинского и Малорязанского могильников) 160

Научно-практическая конференция «Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.)» 168
Список сокращений 171

Редакционная коллегия:
А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков (отв. редактор)

Подписано в печать 14.12.2012 г.
Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объём 20 усл. печ. л. Тираж 600 экз. Заказ № 1133.

Издательство ООО «Офорт».
443080, г. Самара, ул. Революционная, 70, литера П
Тел. 372-00-56, 372-00-57, 932-00-50.
E-mail: ofort-samara@mail.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Офорт».

CAGATA
Porte de fero.
Regno de Organça
CASALI
Organça
Sepultura real
ORGANÇA